М 103/251
4.1
1904

М
103-
251

801-93
10591-0

А. А. Шпаковъ.

Рекомендовать

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

ОТЪ ФЛОРЕНТІЙСКОЙ УНІИ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ ПАТРІАРШЕСТВА.

Княженіе Василія Васильевича Темнаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акц. О-ва печ. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерзляковская улица, д. № 6.
1904.

801-93
10591-0

А. А. Шпаковъ.

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

ОТЪ ФЛОРЕНТІЙСКОЙ УНІИ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ ПАТРІАРШЕСТВА.

Княженіе Василія Васильевича Темнаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акц. О-ва печ. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, д. № 6.
1904.

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

2007089621

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ . . . . . стр. I—XXXV

ГЛАВА ПЕРВАЯ . . . . . „ 1—94

Флорентійская унія. Уніональные планы византійскихъ императоровъ. Назначеніе Исидора митрополитомъ на Русь. Отношеніе великаго князя Василія Васильевича къ поѣздкѣ русскаго митрополита на соборъ въ Италію. Митрополитъ Исидоръ на ферраро-флорентійскомъ соборѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ . . . . . „ 95—175

Флорентійская унія въ литовской и кіевской Руси. Флорентійская унія въ Москвѣ. Дѣятельность великаго князя Василія Темнаго въ дѣлѣ огражденія и защиты отеческаго православія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ . . . . . „ 177—263

Послѣдствія флорентійской уніи и паденія Константинополя. Національзація русской церкви. Роль и участіе представителя государственной власти въ этомъ процессѣ. Измѣненіе взаимныхъ отношеній государства и церкви. Теократическій характеръ московскаго государства.

Введеніе.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ государства,—этого союза народа, связаннаго закономъ въ одно юридическое цѣлое, управляемаго верховною властью для общаго блага [1]),—и церкви,—союза вѣрующихъ, соединенныхъ, во имя общей вѣры, составляющей средоточіе всей ихъ нравственной жизни, для общаго поклоненія Божеству и для взаимнаго поддержанія въ правилахъ нравственности [2]),—одна изъ самыхъ трудныхъ проблемъ исторіи и жизни народовъ. Практика и наука выработали уже нѣсколько теорій и системъ, опредѣляющихъ и регламентирующихъ взаимныя отношенія государства и церкви. Но и до настоящаго времени этотъ важный, давній вопросъ все еще является далеко не вполнѣ разрѣшеннымъ; онъ остается еще неисчерпаннымъ вопросомъ, полнымъ интереса и жизненности.

Глубокій и громадный научный и практическій интересъ представляетъ собою этотъ вопросъ и для историка права, для историка-государствовѣда. „Вопросъ объ отношеніи государства и государственной власти къ дѣламъ вѣры и церкви, вполнѣ справедливо замѣчаетъ отечественный государствовѣдъ профессоръ А. В. Романовичъ-Славатинскій, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго права. Это, можно сказать, вопросъ вѣчно юный, давно разрѣшаемый наукой и далеко еще не разрѣшенный. Понятно,

---

[1]) Б. Н. Чичеринъ. Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право, стр. 3.

[2]) Тамъ же, стр. 89.

почему онъ имѣетъ такую богатую литературу“ [1]). Но столь важный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви является въ то же время, по высоко авторитетному взгляду маститаго историка права профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова, *„однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ государственнаго права“* [2]). Каковы же свойства и особенности этого вопроса? Вопросъ объ отношеніяхъ государства къ церкви—*„не теоретическій, а жизненный“*. *„Поэтому,* глубоко справедливо замѣчаетъ покойный профессоръ А. С. Павловъ, *для правильнаго его разрѣшенія необходимо обратиться къ исторіи.* Немногія догматическія мѣста св. писанія, относящіяся къ этому предмету, далеко не достаточны для того, чтобы на ихъ основаніи создать повсюду удобопримѣнимую теорію объ отношеніи церкви къ государству, тѣмъ болѣе, что жизнь вовсе не соображаетъ своего теченія съ идеальными воззрѣніями отдѣльныхъ лицъ и школы. Вопросъ уже потому не можетъ быть разрѣшенъ по шаблону одной какой-либо школьной теоріи, что въ дѣйствительности государствъ *много* (курсивъ подлинника) и каждое изъ нихъ имѣетъ свой индивидуальный, исторически сложившійся характеръ, а церковь Христова одна и существенныя основанія ея жизни и дѣятельности неизмѣнны. Значитъ, *какую бы теорію для регулированія отношеній церкви къ государству мы ни построили, все-таки эта теорія оказалась бы далеко не вездѣ примѣнимою“* [3]). Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ такимъ правильнымъ взглядомъ почтеннаго ученаго канониста; всѣ теоретическія формулы отношеній конфессіональнаго элемента къ политическому далеко не являются опредѣляющими существа дѣла, такъ какъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви практически разрѣшался въ различныхъ государствахъ далеко не однообразнымъ способомъ, а различно, сообразно особенностямъ мѣстныхъ и историческихъ условій данной страны, сообразно характеру и соотношенію силъ и направленію тѣхъ или иныхъ

---

[1]) Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи. Ч I (Кіевъ, 1886), стр. 161.

[2]) Литература исторіи русскаго права за 1880—1882 гг., стр. 34. Курсивъ нашъ. Ср. Московскій Сборникъ. Изданіе К. П. Побѣдоносцева, четвертое, дополненное. Москва. 1897. Стр. 24.

[3]) Курсъ церковнаго права. Посмертное изданіе редакціи „Богословскаго Вѣстника“, выполненное подъ наблюденіемъ доцента Московской Духовной Академіи И. М. Громогласова. (Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1902), стр. 466. Курсивъ нашъ.

дѣйствовавшихъ представителей церкви и государства. Этотъ вопросъ—дѣло практики, а не теоретическихъ построеній. Конечно, трудно все разнообразіе этихъ сложныхъ отношеній вполнѣ точно и правильно подвести подъ тѣ немногочисленные типы отношеній, которые „едва ли исчерпываютъ возможныя въ дѣйствительности комбинаціи“ [1]. Указавъ на существующіе въ наукѣ государственнаго права три главные типа этихъ отношеній и ихъ особенности—теократическую систему папизма, византійскую систему цезарепапизма, возродившуюся отчасти въ протестантизмѣ, установившемъ начало cujus regio ejus religio, и систему раздѣльности церкви и государства, профессоръ А. В. Романовичъ-Славатинскій справедливо замѣчаетъ: „Такимъ образомъ, всѣ три типа отношеній церкви къ государству представляютъ далеко неудовлетворительное разрѣшеніе капитальной культурной проблемы—правильно сопоставить элементы политическій и конфессіональный [2].“ Дѣйствительно эти общія формулы, далеко не исчерпывая всѣхъ сложившихся фактическихъ отношеній между государствомъ и церковью, даже теоретически не даютъ удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса, такъ какъ полное слiяніе ихъ и поглощеніе одного организма другимъ (спец. папизма и цезарепапизма) такъ же неудовлетворительны, какъ и полная ихъ рознь и раздѣльность (спец. раздѣльности государства и церкви по знаменитой формулѣ гр. А. Кавура „chiesa libera in stato libero“) [3]. Создаваемыя теоріею системы отношеній между государствомъ и церковью, при всей видимой стройности и логичности своей конструкціи, носятъ нерѣдко искусственный и

[1]) А. В. Романовичъ-Славатинскій. Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи. Т. I, стр. 162.

[2]) Система русскаго государственнаго права, стр. 163.

[3]) „Между обоими организмами—государствомъ и церковью—должна быть полная гармонія и правильное сочетаніе. Формулу для такого гармоническаго разрѣшенія вопроса объ отношеніи государства къ церкви даетъ евангеліе, въ классическихъ словахъ Спасителя „возвадите Кесарева Кесареви и Божія Богови“. Все, что составляетъ предметъ внутренней духовной жизни, есть функція церковнаго организма, независимая и свободная отъ гнета и интервенціи государства, такъ какъ она принадлежитъ Богови. А всѣ внѣшнія проявленія церкви область государственной интервенціи, принадлежащая кесареви“. А. В. Романовичъ-Славатинскій. Система русскаго государственнаго права, стр. 163. См. также А. С. Павлова. Курсъ церковнаго права, стр. 466 и слѣд.; Н. С. Суворова. Учебникъ церковнаго права (изд. 2-ое). М. 1902, стр. 462 и слѣд.

не вполнѣ жизненный характеръ [1]). Только обстоятельное историческое изслѣдованіе этого вопроса, основанное на тщательномъ и всестороннемъ изученіи историческаго матеріала, можетъ привести насъ къ правильнымъ научнымъ выводамъ и заключеніямъ, и лишь послѣ изученія имѣющагося матеріала, когда всѣ выводы и мнѣнія будутъ обоснованы на провѣренныхъ свидѣтельствахъ памятниковъ, возможна и умѣстна рѣчь объ общихъ теоретическихъ выводахъ, построеніяхъ и заключеніяхъ. Только тогда, наконецъ, будутъ возможны, желательны и плодотворны сопоставленія и сравненія съ аналогичными явленіями въ политической жизни другихъ государствъ.

Глубокій и важный интересъ научный и практическій представляетъ собою сложный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви въ Россіи; здѣсь для историка права, представителя этой сравнительно юной науки, изслѣдующаго этотъ вопросъ, представляется благодарная и трудная работа: не смотря на многіе капитальные труды и изслѣдованія историковъ-юристовъ, историковъ, канонистовъ и историковъ церкви [2]), нѣкоторые отдѣлы этого вопроса являются далеко не окончательно выясненными и не вполнѣ разработанными; да и фактическій матеріалъ нерѣдко требуетъ историко-критическаго анализа, тщательнаго обслѣдованія и провѣрки. Это замѣчаніе, кажется намъ, должно относиться и къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви въ московскій періодъ, когда эти отношенія, сравнительно съ отношеніями въ предшествующій «земскій періодъ, съ его многочисленными государствами—землями [3]), пріобрѣтаютъ своеобразную окраску и предста-

[1]) Объ остальныхъ системахъ взаимныхъ отношеній государства и церкви (система господствующей или государственной церкви, признанныя церкви, терпимыя церкви) см. у Б. Н. Чичерина. Курсъ государственной науки. Ч. I, стр. 291—297. См. также проф. Н. С. Суворовъ. Курсъ церковнаго права. Т. II (Ярославль. 1890). Ч. V, стр. 451—488. Его же. Учебникъ церковнаго права (изд. 2), стр. 462—500. Здѣсь же, въ капитальныхъ трудахъ почтеннаго московскаго канониста, приведена наиболѣе полно и обстоятельно литература вопроса.

[2]) Указанія на литературу вопроса будутъ сдѣланы своевременно.

[3]) См. проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 22—23, 46. Проф. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II. Изданіе второе (Спб. 1900), стр. 497 и слѣд. Проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе. Т. III, (Спб. 1891), стр. 73 и слѣд.

влекутъ собою высокій научный интересъ для историка отечественнаго права.

„Исторію отношеній церкви къ государству въ московскій періодъ, глубоко авторитетно и вѣрно замѣчаетъ профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ, можно разсматривать *по 3-мъ эпохамъ*: въ XIV вѣкѣ церковь и государство находятся въ равновѣсіи; церковь помогаетъ образованію государства. *Съ половины XV и въ XVI в. государство беретъ перевѣсъ надъ церковью.* Такъ какъ русская православная церковь (со времени отдѣленія кіевской митрополіи) совпадала съ границами государства, то всѣ высшіе чины церкви были подданными великаго князя и царя. Тѣсная связь церкви съ государствомъ усилилась особенно съ того времени, когда русскіе митрополиты посвящались уже не въ Царѣградѣ, а въ Москвѣ изъ русскихъ людей. Но съ установленіемъ патріаршества въ Россіи (1589 г.) наступаетъ 3-я эпоха: значеніе церкви начинаетъ не только уравновѣшиваться съ государствомъ, но нѣкоторые патріархи, стремясь къ независимости въ дѣлахъ церкви, считаютъ себя равными по власти съ царями и титулуются „великими государями“ (Филаретъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Никонъ—при Алексѣѣ Михайловичѣ); тогда обнаруживается обратное вліяніе церкви на дѣла государственныя. Со времени паденія Никона равновѣсіе это опять возстановляется“ [1]). Дѣйствительно, приведенныя слова маститаго ученаго даютъ прекрасную схему и обстоятельную характеристику взаимныхъ отношеній государства и церкви въ московскій періодъ. Раздѣленіе же этого періода на три эпохи, столь характерныя и вполнѣ отличныя одна отъ другой, является результатомъ глубокаго изученія и блестящаго анализа сложныхъ отношеній государства и церкви. Московское государство, благодаря своеобразности своихъ отношеній къ церкви, пріобрѣтаетъ *теократическій характеръ*. Этотъ (теократическій) характеръ особенно рельефно и отчетливо представляется во вторую эпоху отношеній государства и церкви въ московскій періодъ - съ половины XV и въ XVI в., когда государство беретъ перевѣсъ надъ церковью. Такой порядокъ взаимныхъ

[1]) Обзоръ исторіи русскаго права. Изданіе третье съ дополненіями (Кіевъ, 1900), стр. 169. Курсивъ нашъ. Ср. взглядъ проф. В. И. Сергѣевича, что „въ XVI вѣкѣ духовная власть не разъ брала перевѣсъ надъ свѣтской и на долгое время опредѣляла направленіе нашего законодательства“. Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 556.

отношеній государства и церкви, выражавшійся въ тѣсной связи (сліяніи) государства съ церковью, съ перевѣсомъ и преобладаніемъ перваго надъ послѣдней, явился слѣдствіемъ флорентійской уніи, имѣвшей громадное вліяніе на характеръ церковно-государственныхъ отношеній на Руси и измѣнившихся отношеній къ Константинополю, благодаря выдающейся роли представителей государственной власти въ охранѣ отечественнаго православія и національзаціи русской церкви.

Изслѣдуемая нами эпоха взаимныхъ отношеній государства и церкви отъ флорентійской уніи до учрежденія патріаршества заключаетъ въ себѣ высокій научный интересъ для историка права. Флорентійская унія представляетъ собою одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ въ государственной и церковной жизни московской Руси. Исторія этой уніи и многочисленныя слѣдствія ея имѣютъ для насъ огромное значеніе, такъ какъ они вскрываютъ предъ нами одинъ изъ несомнѣнно важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи церковно-политическаго самосознанія московской Руси. Событія, сопровождавшія эту унію, выдвинули на первый планъ такую задачу государственнаго управленія, которая до этого времени для московскихъ государей оставалась въ тѣни: на ихъ долю выпала почетная обязанность стать во главѣ охраны правовѣрія и благочестія [1]). Правда, эта задача указывалась князьямъ представителями древнерусской письменности и въ болѣе ранній періодъ, но лишь только послѣ злополучной уніи для великихъ князей московскихъ представилась возможность и необходимость выступить въ почетной и отвѣтственной роли крѣпкихъ блюстителей и охранителей православія. Такая политическая задача московскихъ великихъ князей имѣла огромное вліяніе на выработку и установленіе взаимныхъ отношеній между государствомъ и церковью и, конечно, способствовала тому, что московское государство, впослѣдствіи твердо усвоившее *идею „третьяго Рима“*, поставившую сіяющую благочестіемъ Москву во главѣ всего православнаго міра, постепенно пріобрѣтаетъ теократическій характеръ, способствовавшій выработкѣ единой, совмѣстной программы дѣятельности церкви и государства [2]).

---

[1]) Профес. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей (Спб. 1889). стр. 54.

[2]) См. нашу статью „Стоглавъ. (Къ вопросу объ официальномъ или неофиціальномъ происхожденіи этого памятника)“. Кіевъ. 1903. стр. 7 и слѣд.

Благодаря дѣятельности великаго князя московскаго Василія Васильевича, выступившаго въ почетной роли блюстителя и охранителя отеческаго православія, которое въ его державѣ было не только непоколебимо сохранено, но даже возсіяло здѣсь особеннымъ блескомъ, флорентійская унія была торжественно отвергнута. Благодаря той же флорентійской уніи, былъ подорванъ авторитетъ грековъ, измѣнились отношенія къ константинопольскому патріарху, духовному главѣ вселенской церкви, и мірскому ея распорядителю—византійскому императору. Представитель государственной власти великій князь Василій Васильевичъ дѣлаетъ и дальнѣйшіе шаги въ этомъ же направленіи: заботясь о томъ, чтобы московская и всея Руси митрополія не оставалась безъ духовнаго главы митрополита, онъ „*повелѣваетъ священнымся архіепископомъ и епископомъ и всесвященному собору поставити Іону на митрополію*“ [1]). Крупная церковная реформа, имѣвшая такое громадное, глубокое вліяніе на политическую жизнь московской Руси, хотя и предпринятая по серьезнымъ церковно-религіознымъ мотивамъ и подъ защитой каноновъ, *была проведена исключительно политической инициативой.* Великій князь самъ добываетъ себѣ своего митрополита своего подданнаго. „Въ Москвѣ, глубоко вѣрно замѣчаетъ профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ, рѣшились поставить митрополита (Іону) соборомъ собственныхъ епископовъ; *тогда церковь становится въ ближайшую связь съ государствомъ;* великій князь (Василій Васильевичъ) выразилъ уже слѣдующее общее начало: „старина наша, которая ведется со временъ прародителя нашего Владиміра, крестившаго русскую землю, состоитъ въ томъ, что *выборъ митрополита принадлежитъ всегда нашимъ прародителямъ*, в. кн. русскимъ, а теперь принадлежитъ намъ...; кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ у насъ на всей Руси“ (А. А. Э. Т. I, № 80) [2]). Такой порядокъ былъ утвержденъ и соборомъ русскихъ епископовъ въ Москвѣ, которые обязались повиноваться тому, кто будетъ поставленъ „по избранію святаго Духа... *по повелѣнію господина великаго князя... русскаго самодержца*, въ соборной церкви св. Богородицы на Москвѣ“ [3]). Под-

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 167 и др. ист. См. III главу нашего изслѣдованія.

[2]) Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 170.

[3]) А. И. Т. I, № 61, стр. 109; Р. И. Б. Т. VI, № 83, столб. 630

данный и ставленникъ великаго князя, митрополитъ Іона прямо заявляетъ, что онъ поставленъ на митрополію по милости Божіей „и по божественныхъ и священныхъ правилъ освобожденію, и по разсужденію святительскому, и *по воли великаго господаря* великого князя Василія Васильевича"...[1]). Такая дѣятельность великаго князя Василія Васильевича въ дѣлѣ защиты православія отъ принесенной Исидоромъ флорентійской уніи, его исключительная роль и участіе въ поставленіи митрополита Іоны, давая сразу значительный перевѣсъ государства надъ церковью, усиливая его теократическій характеръ, возлагали на этого защитника православія особыя почетныя обязанности. И великій князь понимать это. Въ своемъ посланіи къ императору Константину Палеологу великій князь прекрасно формулировалъ свои новыя обязанности: „Мы же убо худіи, Богомъ наставляеми ни во чтоже вмѣнихомъ его и самого (т. е. Исидора), и принесенное имъ злочестіе отвергохомъ, яко изъсохлъ травную: *отъ того же наки времени попеченіе начахомъ имѣти о своемъ православіи, о безсмертныхъ единородныхъ нашихъ душахъ и часьхъ смертныхъ, и о предстаніи нашемъ въ онъ будущій страшный день судный предъ Судіящимъ вся съкровенная и наша денешная мысли и дѣла*"...[2]). Въ этихъ словахъ Василія Темнаго заключается тотъ же смыслъ и характеръ, какъ и въ словахъ, высказанныхъ впослѣдствіи Іоанномъ Грознымъ въ его перепискѣ съ опальнымъ бѣглецомъ, княземъ А. М. Курбскимъ,—въ знаменитыхъ словахъ, являющихся лучшимъ доказательствомъ, что *главная задача государственной власти есть религіозное воспитаніе подданныхъ*, что *власть государственная имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовныя цѣли: „тщуяся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя*"[3]). Въ словахъ посланія Василія Васильевича прямо указывается важная задача государственной власти, которая, спустя почти столѣтіе, была формулирована выпуклѣе и сильнѣе его правнукомъ, Іоанномъ

[1]) А. И. Т. I. № 47, стр. 95; Р. И. Б. Т. VI, № 66, столб. 561.

[2]) А. И. Т. I, №№ 41 и 262, стр. 494; Р. И. Б. Т. VI, № 71, столб. 581—582. Курсивъ нашъ.

[3]) „Сказанія князя Курбскаго", ч. II (Спб. 1833), стр. 66. Курсивъ нашъ. Профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 171. См. также нашу статью „Стоглавъ. (Къ вопросу объ офиціальномъ или неофиціальномъ происхожденіи этого памятника)", стр. 8, прим. 27. См. проф. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II. стр. 607—608.

Васильевичемъ; задумавъ въ 1551 году построить Свіяжскъ для защиты отъ невѣрныхъ казанцевъ, Іоаннъ говорилъ: „Всемилостивый Боже... *устроилъ мя земли сей православной царя и пастыря, вожа и правителя еже правити людіе Ею въ православіи неколебимымъ быти*“ [1]). Іоаннъ Грозный, этотъ „публицистъ-государь“. (котораго не даромъ современники характеризовали такъ: „бысть же и въ словесной премудрости риторъ естествословенъ, и смышленіемъ быстроуменъ...“ А. Ѳ. Бычковъ. Оп. рук. Публ. Библ., I, стр. 51 и слѣд.) [2]) облекъ мысль своего прадѣда въ болѣе яркую и пышную одежду, выразилъ ее въ болѣе сильной и рѣшительной формѣ, такъ какъ и московское государство за этотъ столѣтній промежутокъ времени, вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ условій и событій, успѣло значительно окрѣпнуть, усилиться и вырости. И дѣйствительно, эпоха Іоанна Грознаго, являясь естественнымъ послѣдовательнымъ развитіемъ началъ въ исторіи взаимныхъ отношеній государства и церкви, представляетъ собою кульминаціонный пунктъ развитія теократическаго характера московскаго государства, когда государство, пося на себѣ сильный церковный отпечатокъ, окончательно подчиняетъ себѣ церковь, когда представитель государственной власти энергично вмѣшивается не только въ дѣла церкви внѣшняго характера, но и въ дѣла ея внутренняго распорядка: *„Стоглавъ“ является лучшимъ и наиболѣе выпуклымъ выраженіемъ теократическаго характера московскаго государства.* Изъ дѣяній этого знаменитаго собора мы узнаемъ, что починъ мѣропріятій, касавшихся непосредственно церкви и церковнаго благочинія, принадлежалъ царю, что представленія Іоанна о себѣ, какъ о православномъ царѣ, вмѣняли ему заботы о церкви еще въ большей степени, чѣмъ о государствѣ, и что молодой государь былъ искренно и сильно проникнутъ сознаніемъ этой важной обязанности. „Государь, говорили мы въ другомъ мѣстѣ, не только опредѣляетъ мѣропріятія относительно церковныхъ имуществъ, не только касается вопросовъ, ко-

[1]) Никоновск. лѣт. ч. VII, стр. 73; царств. кн. 161—162. Курсивъ нашъ. Ср. также слова Іоанна Грознаго изъ переписки съ Курбскимъ: „Азъ убо вѣрую, яко о всѣхъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ пріяти ми яко рабу, и не токмо о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дати отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ погрѣшатъ“. Профес. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 138. См. также А. И. Т. I, № 173, стр. 331—332.

[2]) Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 136, прим. 4.

торые относились къ сферѣ внѣшняго, но и внутренняго права церкви: онъ говоритъ „о святительскихъ судіяхъ“, о церковныхъ и монастырскихъ деньгахъ, о рутѣ, отпускавшейся изъ царской казны, о выкупѣ плѣнныхъ; обращаетъ вниманіе на то, „чтобы по святымъ церквамъ звонили и пѣли по божественному уставу и по священнымъ правиламъ“, на безчинія на свадьбахъ, на волхвованіе во время поединковъ, на обращеніе между православными рафлей, шестокрыла, воронограевъ, альманаховъ, аристотелевыхъ вратъ и проч., на остатки языческихъ обычаевъ въ навечеріи Иванова дня, Рождества Христова и Крещенія, въ праздникъ Пасхи, Великій четвергъ и проч. Замѣчанія царя нерѣдко касаются самыхъ мелочныхъ подробностей церковнаго порядка, напр. относительно обычая класть на престолъ родильную сорочку или мыло, относительно безпорядочной жизни иконныхъ живописцевъ, или того что „по правиламъ св. отецъ не подобаетъ мытися мужу съ женою“. Онъ же возбуждаетъ вопросъ о трегубой аллилуіи, о безчиніяхъ въ монастырской жизни, объ упадкѣ нравственной жизни среди иноковъ и мірянъ, о расходахъ при поставленіи въ разныя степени священства и должности и пр.[1]). И члены духовнаго собора, какъ можно видѣть изъ текста Стоглава, отнюдь не усматривали въ этомъ вмѣшательствѣ государственной власти въ непосредственную область своего вѣдѣнія ничего незаконнаго и обиднаго для себя, ничего укорительнаго, а, напротивъ, видѣли въ этой заботливости царя о церковномъ устроеніи доброе и похвальное дѣло“[2]).

Но возвратимся къ прерванной характеристикѣ взаимныхъ отношеній государства и церкви въ княженіе Василія Васильевича. Послѣ самочиннаго, самовольнаго поставленія въ митрополиты Іоны властью великаго князя московскаго, безъ разрѣшенія константинопольскаго патріарха и императора, произошли очень важныя событія, имѣвшія большое вліяніе на церковно-государственныя отношенія. 29 мая 1453 года, послѣ послѣдняго предсмертнаго боя защитниковъ столицы, съ храбрымъ императоромъ Константиномъ Палеологомъ во главѣ, палъ подъ ударами турокъ Константинополь, этотъ второй, новый Римъ, славная столица ромеевъ. Пало византійское царство, а соборъ Юстиніана, св. Софія, „это земное небо,

[1]) См. Стоглавъ, гл. 5 и 41.

[2]) А. Я. Шаховъ. Стоглавъ. (Къ вопросу объ официальномъ или неофиціальномъ происхожденіи этого памятника), стр. 5—6.

эта новая небесная твердь, эта колесница херувимовъ, этотъ престолъ славы божіей" (по выраженію историка Франціи), важнѣйшая святыня восточной церкви, перешолъ во владѣніе Нелама. Печальное событіе это являлось, по понятіямъ книжниковъ и московскаго правительства, лишь естественнымъ слѣдствіемъ измѣны грековъ православію на флорентійскомъ соборѣ. Позорная измѣна грековъ отеческому православію на „богоотметномъ" восьмомъ соборѣ, пригомъ „злата ради", не могла, по мнѣнію русскихъ людей, остаться безнаказанной. Митрополитъ Іона въ своемъ окружномъ посланіи къ литовскимъ епископамъ (отъ 1458—1459 г.) старается доказать, что Константинополь палъ вслѣдствіе измѣны грековъ православію и что это отступничество произошло именно на флорентійскомъ соборѣ. Московскіе правительственные круги, несомнѣнно, усвоили эту точку зрѣнія на тѣсную связь между паденіемъ Византіи и флорентійской уніей. Возникалъ вопросъ, кто займетъ мѣсто Византіи, кому суждено выступить въ почетной и отвѣтственной роли православнаго третьяго Рима.

Важныя послѣдствія самочольнаго поставленія въ митрополиты Іоны (а потомъ и Ѳеодосія) по приказанію великаго князя Василія Васильевича, безъ сношеній съ Константинополемъ, выразились въ двоякой формѣ: они были, такъ сказать, *внѣшнія*, измѣнившія церковныя отношенія Москвы къ Константинополю и обратно, и *внутреннія*, способствовавшія измѣненію взаимныхъ отношеній государства и церкви въ московской Руси.

Извѣстно, что ближайшимъ и неоспоримымъ слѣдствіемъ этого „самочиннаго" поставленія была фактическая автокефальность русской церкви вслѣдствіе прекращенія церковной зависимости отъ Константинополя. Весьма важнымъ и существеннымъ для насъ является вопросъ о томъ, какъ была достигнута эта автокефальность русской церкви, при какихъ условіяхъ и при содѣйствіи какихъ силъ и факторовъ она возникла, какія были ея слѣдствія, такъ какъ этотъ вопросъ, не смотря на огромную важность, до настоящаго времени опредѣленно и устойчиво не рѣшенъ въ исторической наукѣ: и теперь существуютъ различныя мнѣнія относительно этого событія.

Несомнѣнно, что самовольное поставленіе митрополитовъ на Руси, по повелѣнію великаго князя московскаго, не встрѣтило въ Царьградѣ ободренія и сочувствія. Можно съ увѣренностью думать,

что подобныя самостоятельныя дѣйствія московскаго правительства вызвали тамъ рѣзкое и рѣшительное осужденіе, что самостоятельность московской митрополіи не только не была признана особою офиціальною грамотою восточныхъ патріарховъ или же одного патріарха константинопольскаго, что дѣло не только ограничилось отказомъ въ присылкѣ просимой подтвердительной грамоты, но что, на основаніи весьма многочисленныхъ указаній, надо думать, дѣло дошло до „формальнаго разрыва" между Москвою и Константинополемъ. Надо полагать, что русская церковь, достигнувши, благодаря дѣятельности Василія Темнаго, фактической автокефальности, на первое время, вслѣдствіе многовѣковой привычки имѣть высшее духовное начальство въ лицѣ константинопольскаго патріарха, смущенная разрывомъ съ Константинополемъ, чувствовала себя не вполнѣ хорошо: московское же правительство, вызвавшее этотъ разрывъ, тщательно старалось отыскать точку духовной опоры внѣ константинопольскаго патріархата. Великій князь Василій Васильевичъ, повидимому, дѣйствовалъ въ этомъ направленіи; уже при митрополитѣ Ѳеодосіи начались довольно дѣятельныя сношенія русской церкви съ православнымъ востокомъ, именно съ іерусалимскимъ патріархомъ. Эти сношенія съ Іерусалимомъ носятъ вполнѣ дружественный характеръ; факты же, относящіеся къ исторіи этихъ сношеній, чрезвычайно знаменательны [1]). Мы не станемъ останавливаться здѣсь на перечисленіи и анализѣ этихъ фактовъ: скажемъ кратко, что они хорошо подтверждаютъ лишь мысль о существованіи разрыва между Москвой и Константинополемъ; эту же мысль подтверждаетъ и необычное поставленіе митрополита Ѳеодосія. Негодованіе константинопольскаго патріарха было прежде всего направлено по адресу великаго князя, этого главнаго виновника самовольнаго поставленія Іоны: изъ дошедшихъ до насъ грамотъ іерусалимскаго патріарха, необычныхъ по содержанію и напоминающихъ, по мнѣнію профессора А. С. Павлова [2]), папскія индульгенціи, видно, что дѣятельность великаго князя вызвала строгое осужденіе со стороны константинопольскаго патріарха. „*Прощеная грамота*" іерусалимскаго патріарха, обращенная къ „слав-

[1]) Профес. А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. Православное Обозрѣніе. Декабрь, стр. 763.

[2]) Тамъ же, стр. 763.

нѣйшему и благородному Великому Князю Московскому, и всея Руси, Господину (нашему) Василью, о Святомъ Дусѣ возлюбленному сыну нашего смиренія", знаменательно гласитъ: „Мы же разумѣваемъ о господарствѣ ти, *еже еси человѣкъ благочестивый и православенъ* и православнымъ и христолюбивымъ родителемъ наслѣдникъ, и въспріятель, и *ближній сынъ и другъ святыя Христовы церкви*. И сего ради, еже еси явился всегда послушающимъ къ ней вѣрою и покореніемъ и честью, и того ради и мы *имѣемъ тя благословена отъ Бога и прощена*, и еже по достоинству твоему, еще имѣетъ тя, опрочѣ иныхъ, смиреніе наше благородіе твое *прощено* отъ предающаго тое власти и благодати отъ Пресвятаго и Живоначалнаго Духа... связанію разрѣшеніе: и елико еже ты яко человѣкъ съгрѣшилъ, словомъ и дѣломъ и помышленіемъ, волею и неволею, и сія и духовнымъ изрече отцемъ, еже имѣетъ наше смиреніе *господарство твое прощено въ всемъ церковьномъ запрещеніи*, волное и неволное" [1]). Знаменательное же поставленіе русскимъ митрополитомъ протосингелла Іосифа въ митрополиты Кесаріи Филипповой, совершенное въ Москвѣ Ѳеодосіемъ, по приказанію іерусалимскаго патріарха [2]), расположеннаго къ московскому правительству, еще разъ подтверждаетъ мысль о существованіи формальнаго разрыва между Москвой и Константинополемъ, такъ какъ предоставленіе русскому митрополиту, еще недавно получавшему поставленіе въ Константинополѣ, права самому поставлять митрополита, естественно могло быть вызвано желаніемъ узаконить и оформить, добытую политическою иниціативою великаго князя, фактическую автокефальность русской церкви [3]). Рѣзко бросающееся въ глаза сопоставленіе съ одной сто-

---

[1]) А. И. Т. I, № 72. Прежде 1462. Прощенная грамота Іерусалимскаго Патріарха Іоакима Великому Князю Василію Васильевичу, стр. 123. „*Дерзостію пался еси и заповѣди отеческыя преступилъ еси*, вѣдая и невѣдая, или отъ клятвы святительскіа или отъ священника будетъ, или отца и матери заповѣди преступилъ будешь, или инымъ проклятьемъ пался будешь, и елико неразрѣшимыхъ множьство, исповѣдаемыхъ и неисповѣдаемыхъ, исцѣлился еси. И молится о томъ смѣреніе наше, и *получиши прощенье* благородіе отъ всеблагаго человѣколюбца Бога..." Тамъ же стр. 123. Курсивъ нашъ. См. также грамоту п. Іоакима ко всѣмъ русскимъ. Сборн. Новг. Соф. библіот. (нынѣ Спб. дух. Акад.), первой половины XVI. в., № 1451, л. 445 об.—449. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VIII, стр. 351, примѣч. 443.

[2]) Р. И. Б. Т. VI, № 135, столб. 925—930.

[3]) Проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе. Т. III, стр. 88.

роны отлученія, наложеннаго константинопольскимъ патріархомъ на „иныхъ разорителей церкви Божіей“ [1]), подъ которыми, думаемъ, надо подразумѣвать м. Іону и великаго князя, а съ другой — разрѣшеніе отъ церковнаго запрещенія, даннаго дѣйствующимъ въ интересахъ Москвы іерусалимскимъ патріархомъ московскому великому князю и народу, заставляетъ насъ вполнѣ присоединиться къ мнѣнію, высказанному глубокимъ ученымъ А. С. Павловымъ, что „сближеніе съ отдаленнымъ Іерусалимомъ вызвано было разрывомъ съ Константинополемъ...“ [2]). Кромѣ всего этого существуетъ цѣлый рядъ прямыхъ указаній на то, что отношенія между московскою митрополіею и константинопольскимъ патріархатомъ далеко не были мирнаго характера, такъ какъ извѣстно, что московское правительство всѣми мѣрами старается оградиться отъ возможныхъ притязаній константинопольскаго патріарха. Еще при жизни великаго князя Василія Васильевича оно заботится о составленіи особаго трактата для оправданія автокефальности русской церкви и дѣйствій въ этомъ направленіи московскаго правительства: появляется „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню...“ [3]). Этотъ памятникъ величайшей важности въ исторіи нашей древней церковно-политической литературы состоитъ изъ двухъ частей: первая — сказаніе объ осьмомъ соборѣ и о низложеніи Исидора, вторая же часть — о поставленіи русскихъ митрополитовъ Іоны и Ѳеодосія своими русскими епископами, при господствующемъ участіи великаго князя Василія Васильевича, составляетъ, по выраженію проф. А. С. Павлова [4]), „главное ядро сочиненія“. И въ той и другой части разсыпаются восторженныя похвалы *главному виновнику торжества православія на Руси, важнѣйшему дѣятелю этой церковной реформы, боговѣнчанному царю великому князю Василію Васильевичу.*

[1]) „Посланіе Григорія патріарха Константинопольскаго къ князю Кіевскому Александру Владиміровичу о соединеніи церквей на соборѣ Флорентійскомъ“. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 332—334.

[2]) Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе. 1879. Декабрь, стр. 764.

[3]) А. Поповъ Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 360—395.

[4]) Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 107.

Но московское правительство, занявши такое положеніе въ церковной реформѣ, не ограничилось только этими мѣрами публицистической защиты произведенной перемѣны, но прибѣгло къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ для огражденія себя отъ константинопольскихъ притязаній. Послѣ окончательнаго раздѣленія митрополіи, когда константинопольскій патріархъ поставилъ митрополитомъ въ Кіевъ Григорія, ученика Исидора, на московскомъ соборѣ 1459 года русскіе епископы составили соборную грамоту о вѣрности ихъ митрополиту Іонѣ и несообщеніи съ Исидоровымъ ученикомъ Григоріемъ, поставленнымъ въ Римѣ [1]). Грамота эта служитъ прекраснымъ доказательствомъ того отношенія представителя государственной власти къ церкви, какое наблюдается въ Москвѣ послѣ флорентійской уніи: она узаконяетъ этотъ порядокъ и на будущее время. „Обѣщаніе же предъ Богомъ дахомъ, предъ святыми ангелы, на своемъ поставленіи, своему господину и отцу Іонѣ, митрополиту всея Руси, что намъ отъ святыя церкви зборныя московскія святыя Богородица быти неотступнымъ, и отъ нашего господина и отца Іоны, митрополита всея Руси, также быти неотступнымъ и повиноватися ему во всемъ: *и кто*, по его отшествію къ Богу, иный митрополитъ поставленъ будетъ, *по избранію Святаго Духа и по святымъ правиламъ святыхъ Апостолъ* и святыхъ Отецъ, *и по повелѣнію господина нашего великого князя Василія Васильевича, русскаю самодержьца*, въ той зборной церкви святыя Богородицы на Москвѣ... *и отъ того митрополита также неотступнымъ быти*, и послѣдовати и повиноватися ему во всемъ, во всѣхъ духовныхъ дѣлѣхъ и церковныхъ, и о всякомъ благочестьѣ быти съ нимъ за едино“ [2]). Дошедшее до насъ посланіе великаго князя Ивана Васильевича къ новгородскому архіепископу Іонѣ также свидѣтельствуетъ о томъ, что новый характеръ взаимныхъ отношеній государства и церкви былъ вполнѣ усвоенъ и примѣняемъ преемникомъ Василія Темнаго въ первые же годы его княженія. Великій князь предписываетъ новгородскому архіепископу, чтобы онъ не имѣлъ общенія съ кіевскимъ лжемитрополитомъ Григоріемъ, [3]) и сообщаетъ ему о своемъ рѣшеніи относительно прекращенія всякихъ сношеній съ Константинополемъ: „*И мы* также *нынѣ*

[1]) Р. И. Б. Т. VI, № 83, столб. 627—632; А. И. Т. I, № 61, стр. 108—110.
[2]) Тамъ же, столб. 629—630; стр. 109. Курсивъ нашъ.
[3]) Р. И. Б. Т. VI, № 100, столб. 707—712; А. А. Э. Т. I, № 80.

умыслили собѣ съ своимъ отцемъ съ митрополитомъ, и съ своею матерью великою княгинею, и съ своею братьею, и съ своими богомольци, со архіепископомъ и съ епископы и со владыками и съ честными игумены, и со всѣмъ священьствомъ, да того ми посла патріарха, ни Григорьева, и въ землю свою вступать не велѣть: *не требую* его, ни его благословенья, ни его неблагословенья, *имѣемъ же его отъ себя самого тою патріярха, чюжа и отречена*, и его посла и того окаяннаго Григорья: *тобѣ бы, нашему богомольцу, вѣдомо было*" [1]). Московское правительство торжественно и открыто заявляетъ о полномъ прекращеніи сношеній съ Константинополемъ; вмѣстѣ съ исчезновеніемъ всякаго уваженія къ Константинополю, какъ центру истиннаго православія, растетъ и собственное національное самосознаніе: Русь московская, съ своимъ великимъ княземъ во главѣ, этимъ вѣрнымъ и стойкимъ защитникомъ церкви, становится единственною истинною хранительницею православія, которое, по мнѣнію современниковъ этихъ событій, благодаря дѣятельности великаго князя, возсіяло въ ней большимъ блескомъ и славой. Признаніе же Руси центромъ православія неизбѣжно повело къ установленію и признанію *центральной государственной святыни*, которая могла бы служить для православныхъ русскихъ людей видимымъ воплощеніемъ религіознаго единства, какою центральною святынею вселенскаго православія была раньше св. Софія константинопольская. Москва съ своимъ Успенскимъ соборомъ является такимъ общерусскимъ религіознымъ центромъ; здѣсь же въ „великой" русской церкви [2]) поставляется митрополитъ и все высшее духовенство. Московскіе великіе князья, прекрасно сознавая огромное значеніе для объединенія и сплоченія русской земли, проистекавшее отъ поставленія духовнаго начальства только „въ дому Пречистые... на Москвѣ", всѣми мѣрами настаивали на непремѣнномъ соблюденіи этого важнаго условія: извѣстно, что въ числѣ договорныхъ условій съ Новгородомъ находилось и слѣдующее: „А на владычьство намъ... избирати собѣ по своей старинѣ, а ставитися нашему владыцѣ въ дому Пречистые у гроба св. Петра чюдотворца на Москвѣ у насъ великихъ князей, и у нашего отца митрополита... а инде намъ владыкы опрочь московскаго митрополита нигдѣ

[1]) Тамъ же, столб. 711. Курсивъ нашъ.
[2]) Р. И. Б. Т. VI, № 135, столб. 925—927.

не ставити“ [1]). Конечно, при стремленіи русскаго народа сплотиться въ прочное и сильное государственное тѣло, при стремленіи самого населенія къ политическому единству, такая правительственная пропаганда общенаціональнаго значенія великой московской церкви должна была достигнуть своей желанной цѣли.

Къ флорентійской уніи и паденію Константинополя, этимъ крупнымъ политическимъ событіямъ, имѣвшимъ громадное значеніе на установленіе взаимныхъ отношеній государства и церкви въ московской Руси, прибавились еще въ концѣ XV вѣка—бракъ Іоанна III съ Софьею Палеологъ и окончательное сверженіе татарскаго ига. И эти событія несомнѣнно способствовали усиленію теократическаго характера московскаго государства.

Такъ какъ не существуетъ точныхъ историческихъ указаній, насколько женитьба Іоанна III на Софьѣ Палеологъ вліяла на ходъ политическихъ событій московскаго государства того времени и на развитіе монархическихъ идей въ направленіи византійскихъ политическихъ теорій, то получается возможность или преувеличивать, или же уменьшать и даже совершенно отрицать значеніе этого событія въ указанномъ выше отношеніи. Но послѣднее, однако, едва ли справедливо. „Женитьба эта, справедливо замѣчаетъ профессоръ В. Н. Малинишъ [2]), важна не тѣмъ, что чрезъ нее великій князь московскій породнился съ византійскимъ императорскимъ домомъ, а личностью Софьи и особенно тѣми обстоятельствами, при которыхъ она совершилась“. Мы не станемъ останавливаться здѣсь на характеристикѣ этой византійской принцессы, скажемъ лишь, что Софья, воспитанница римскаго апостольскаго престола, должна была подавлять въ себѣ негодованіе, вызываемое обстоятельствами ея тяжелой жизни при папскомъ дворѣ: она сдѣлалась скрытной и хитрой. На ея міровоззрѣніе не могли не оказать вліянія тѣ патріотическія попытки (хотя и безрезультатныя), которыя предпринимались греческими бѣглецами въ Италіи къ освобожденію отъ ига турокъ ихъ нѣкогда славной родины: онѣ, несомнѣнно, способствовали укрѣпленію въ Софьѣ ненависти къ поработителямъ, которую она должна была принести съ собою въ Москву. Она не могла также остаться и внѣ вліянія тѣхъ политическихъ теорій, которыя

[1]) А. А. Э. Т. I, № 91, стр. 66.

[2]) Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. (Кіевъ, 1901), стр. 511.

воплощала въ себѣ Византія и примѣненіе которыхъ она могла видѣть на западѣ; Софья не могла забыть и того, что она византійская принцесса, послѣдняя отрасль гордой царственной фамиліи нѣкогда славной, міровой имперіи [1]). Женитьба Іоанна III на гордой и властолюбивой племянницѣ послѣдняго византійскаго императора въ пору возбужденія и роста политическаго самосознанія, наблюдаемаго на Руси послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя и явившагося слѣдствіемъ политическаго роста московской Руси, должна была имѣть свое вліяніе. Москва сочувственно отнеслась къ этому браку. И послѣдствія его не замедлили сказаться: если и раньше встрѣчались въ русской письменности голоса, что православная Русь есть преемница и наслѣдница византійской имперіи, то теперь это мнѣніе находило уже себѣ новую точку опоры. Такъ извѣстно, что венеціанская сеньорія въ 1473 году писала Іоанну, что съ исчезновеніемъ мужскаго потомства византійской императорской фамиліи право на византійскую имперію перейдетъ къ нему въ силу его знаменитаго брака [2]). Объ этомъ наслѣдствѣ напоминалъ Іоанну III и Римъ, видѣвшій въ московскомъ государѣ цѣннаго союзника для борьбы съ завоевателями византійской имперіи [3]). Здѣсь мы не станемъ приводить многочисленныя

[1]) Тамъ же, стр. 511.

[2]) „Verum ut Vestra Sublimitas veritatem omnem intelligat, misimus predictum secretarium nostrum (Trevisan) non ut ulla ratione statui rebusque vestris ullum incomodum aut periculum procuraret cum imperatore Tartarorum, quin potius... a vestris finibus et vicinitate et per provincias mari mediterraneo, quod Euxinum vel mare Majus appellant, ad ripas Danubii duceret in oppressionem comunis omnium Christianorum hostis Turci Othomani, *occupatoris imperii Orientis, quod, quando stirps masculadeesset imperatoria, ad Vestram Illustrissimam Dominationem jure vestri faustissimi conjugii pertineret*". Senato, Secreti, XXVI, стр. 50. Н. Пирлингъ. Россія и востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Иванъ III и Софія Палеологъ (Спб., 1892). Приложенія. VII, стр. 227—228. Проф. Ѳ. И. Успенскій. Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ. Историческій Вѣстникъ. 1887. Декабрь, стр. 688—689. Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей. Очерки изъ исторіи политическихъ идей древней Руси до конца XVI вѣка. (Спб. 1889), стр. 80.

[3]) Вниманіе Рима къ Іоанну привлекалось еще надеждою сдѣлать его вѣрнымъ сыномъ католической церкви. Въ награду за это римскій первосвятитель обѣщалъ московскому государю пышные титулы и содѣйствіе въ завоеваніи византійской имперіи. „Если же московскій государь, замѣчаетъ проф. В. Савва, не думалъ объ этомъ завоеваніи, надо было направить его мысли на это, ибо перспектива видѣть владѣнія нѣкогда византійскихъ им-

и разнообразныя сужденія о степени вліянія Софьи на своего супруга, о ея воздѣйствіи на Іоанна въ дѣлѣ свержения татарскаго ига и пр.;[1]) мы вспомнимъ лишь старое мнѣніе знаменитаго историка С. М. Соловьева, опирающагося въ своемъ сужденіи о вліяніи Софьи на своего супруга на свидѣтельства Герберштейна, князя Курбскаго и рѣчи опальнаго боярина Берсеня Беклемишева. Софья, по мнѣнію незабвеннаго историка, принесла съ собою преданія имперіи, которыя способствовали укрѣпленію за великимъ княземъ московскимъ высшаго значенія относительно другихъ князей; еще современники замѣтили, что со времени брака съ Софьей Іоаннъ III возвысился до царственной недосягаемой высоты въ отношеніи князей и дружины, и приписали эту перемѣну внушеніямъ Софьи. С. М. Соловьевъ, думаетъ, что мы „не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельство“[2]). Отмѣчая вліяніе византійской принцессы на перемѣну отношеній Іоанна III къ князьямъ и боярамъ, С. М. Соловьевъ глубоко вѣрно указываетъ, что въ половинѣ XV вѣка „всѣ отношенія духовенства, дружины, остальнаго населенія клонились къ утвержденію въ Москвѣ крѣпкого самодержавія“, что къ этому времени „все уже было приготовлено къ тому, чтобъ новое государство приняло именно эту форму; но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторыя преданія, обычаи, пріемы, отъ которыхъ нужно было освободиться“[3]). Въ дѣлѣ окончательнаго освобожденія отъ нихъ помогла Софья. По мнѣнію С. М. Соловьева, въ фактѣ вѣнчанія Іоанномъ III внука своего на царство, сказалось вліяніе мыслей, внушенныхъ своему супругу Софьей, которая, конечно, имѣла въ виду вѣнчаніе своего сына[4]); вліяніе же ея историкъ склоненъ

нераторовъ подъ властью католическаго царя не могла не улыбаться Риму“. Московскіе цари и византійскіе василевсы. Къ вопросу о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. (Харьковъ. 1901). стр. 17. Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 81—83.

[1]) Вопросъ этотъ подробно и обстоятельно изложенъ въ первой главѣ изслѣдованія В. Саввы. Московскіе цари и византійскіе василевсы, стр. 1—57.

[2]) Ссылаясь на свидѣтельство князя Курбскаго и боярина Берсеня, С. М. Соловьевъ имѣетъ въ виду, что эти отзывы принадлежатъ лицамъ пристрастнымъ, и потому указываетъ на Герберштейна и лѣтописцевъ, подтверждающихъ недовольныхъ вельможъ. И. Р. Т. V. Второе изданіе Товарищества „Общ. Польза“, столб. 1405.

[3]) Тамъ же, столб. 1404.

[4]) О вѣнчаніи внука Іоанна см. у В. Саввы. Московскіе цари и виз. василевсы, стр. 112—120.

также видѣть въ рѣшимости Іоанна III свергнуть ненавистное татарское иго[1]).

Профессоръ О. П. Успенскій высказалъ мнѣніе, что бракъ Іоанна III съ Софьей Палеологъ служитъ обоснованіемъ теоріи „константинопольскаго наслѣдства". Почтенный ученый византинистъ говоритъ: „Я имѣю здѣсь въ виду не то, что въ силу этого брака Иванъ III могъ себя считать наслѣдникомъ престола византійскихъ царей, а нѣчто болѣе реальное, именно *актъ передачи титула на Византію* со стороны дѣйствительнаго наслѣдника престола Андрея Палеолога"[2]). Нельзя не согласиться съ вѣрнымъ взглядомъ проф. М. А. Дьяконова, что Іоаннъ III, повидимому, отрицательно относился къ вопросу о *реальномъ* наслѣдствѣ константинопольскихъ царей, „такъ какъ, замѣчаетъ почтенный ученый, наслѣдство это предстояло еще добыть у турокъ, борьба съ которыми вовсе не входила въ планы Ивана Васильевича"[3]). Ни изъ словъ, ни изъ дѣйствій Іоанна III не видно, что онъ послѣ брака съ Софьей считалъ себя наслѣдникомъ Византіи или царственныхъ правъ ея императоровъ. Ни супруги Софьи, ни сынъ, ни внукъ ея намѣреній завоевать Константинополь не обнаруживали, поглощенные борьбой съ польско-литовскимъ государствомъ изъ-за русскихъ областей[4]). Правда, Іоанна III титуловали царемъ, хотя и не всегда, служилые люди греческаго происхожденія; также и въ сношеніяхъ съ незначительными владѣтелями и владѣніями Іоаннъ III писалъ себя царемъ[5]). Нельзя слишкомъ преувеличивать политическое вліяніе Софьи Палеологъ. То обстоятельство, что Іоаннъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ писалъ себя царемъ, врядъ ли, какъ справедливо замѣчаетъ

[1]) Уясненію вопроса о вліяніи на Іоанна III Софьи и пришедшихъ съ нею грековъ и итальянцевъ отведено достаточное мѣсто въ интересной статьѣ И. Е. Забѣлина—„Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія". Историческій Вѣстникъ, 1881, апрѣль, стр. 772—776.

[2]) „Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ" (Спб. 1887), стр. 28. См. тамъ же, стр. 26—27. См. также Византійскій Временникъ, I (Спб. 1894), В. Э. Регель. Хрисовулъ императора Андрея Палеолога 13 апрѣля 1483 года, стр. 151—158.

[3]) Власть московскихъ государей, стр. 83.

[4]) Проф. П. Ѳ. Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII вв. Москва, 1885. Гл. VIII, стр. 348.

[5]) Проф. М. Ф. Владимірскій-Буда новъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 163.

проф. Савва, можетъ представляться слѣдствіемъ брака его съ византійской принцессой [1]). Надо замѣтить, что въ 1480 году произошло событіе громадной политической важности—сверженіе татарскаго ига, послѣ чего власть Іоанна стала національной, независимой отъ Орды. Для показанія этой независимости Іоаннъ и могъ пользоваться царскимъ титуломъ. Дѣйствительно, Іоаннъ писался царемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не послѣ 1472 года, когда онъ еще находился въ зависимости отъ хана Золотой Орды, котораго русскіе называли царемъ, но послѣ 1480 года [2]).

Это знаменательное событіе, когда перестала существовать всякая форма зависимости отъ Орды, когда государственная власть сдѣлалась національной, имѣло, несомнѣнно, большое вліяніе на ростъ государственной власти и на сохраненіе и усиленіе наблюдаемаго и при отцѣ Іоанна III перевѣса государства надъ церковью. Съ этого времени открывалась широкая и блестящая историческая перспектива: уже не было больше *царя*, верховнаго повелителя своего улуса; Русь стала могущественнымъ, независимымъ государствомъ съ самодержавнымъ государемъ во главѣ. Позорное иго, вѣками тяготѣвшее надъ Русью, было, наконецъ, свергнуто. Не оправдались также и распространенныя въ народѣ вѣрованія о кончинѣ міра въ концѣ седьмой тысячи лѣтъ: зловѣщій 1492 годъ наступилъ и не предвѣщалъ ничего трагическаго. Пришлось составлять новую пасхалію. И вотъ въ 1492 году митрополитъ московскій Зосима, какъ извѣстно *избранный и потомъ низвергнутый волею великаго князя* [3]), во вновь составленной пасхаліи на восьмую тысячу лѣтъ, упомянувъ о созданіи царемъ Константиномъ града во имя свое, „еже есть Царьградъ и нарочеся новый Римъ", замѣчаетъ, что нынѣ прославилъ Богъ „въ православіи просіявшаго *благовѣрнаго и христолюбиваго* великаго князя Ивана Василевича, государя и самодержьца, *новаго царя Константина новому граду Константину Москвѣ*, и всей русской земли и инымъ многимъ землямъ государя, якоже и Господь рече: „прославляющихъ мя прославлю", и про-

[1]) Московскіе цари и византійскіе василевсы, стр. 28.

[2]) Тамъ же, стр. 28, 38—39.

[3]) Профес. М. Ѳ. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 170, прим. 1-ое.

славися имя его и слава по всей вселенънѣй...“ [1]). Здѣсь впервые высказана мысль о перенесеніи на Москву прежняго значенія славной столицы византійской имперіи. „Этимъ, замѣчаетъ проф. М. А. Дьяконовъ, была указана почва, на которую надлежало перевести идею о константинопольскомъ наслѣдіи, и дана была окончательная формула для заключительнаго звена политической теоріи о русскомъ царствѣ, какъ она впервые была сформулирована въ посланіяхъ старца псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея. Этотъ старецъ въ трехъ посланіяхъ—къ великому князю Василію Ивановичу, дьяку Мисюрю Мунехину и царю Ивану Васильевичу—почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ высказалъ мысль, что престолъ вселенскія и апостольскія церкви имѣлъ представительницей церковь Успенія Пресв. Богородицы въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, просіявшую вмѣсто римской и константинопольской, „иже едина во всей вселенной паче солнца свѣтится“, такъ какъ церкви стараго Рима пали „невѣріемъ аполлинаріевы ереси“, втораго же Рима - Константинова града—церкви „агаряне внуцы сѣкирами и оскордами разсѣкоша двери“, „понеже они, (т. е. греки) предаша православную греческую вѣру въ латынство“. Соотвѣтственно этому и *московскій государь*, какъ *„браздодержатель святыхъ божіихъ престолъ“* вселенской церкви, явился пресвѣтлѣйшимъ и великостольнѣйшимъ государемъ, *„иже во всей поднебесной христіаномъ царь, яко-же Ной въ ковчезѣ спасеный отъ потопа, правя и окормляя Христову церковь и утверждая православную вѣру“*; во едино царство его по пророческимъ книгамъ сошлись всѣ пришедшія въ конецъ царства православныя христіанскія вѣры, *„яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть“* [2]). Въ такихъ выраженіяхъ, не допускающихъ перетолкованія, раскрывается впослѣдствіи Филоѳеемъ *теократическій* взглядъ на всемірно-историческое призваніе Россіи. Православная Русь есть третій и послѣдній Римъ, единственная хранительница вселенскаго христіанства: она есть послѣд-

[1]) Р. И. Б. Т. VI. № 118. Митрополита Зосимы извѣщеніе о пасхаліи на осьмую тысячу лѣтъ, столб. 797—799. Курсивъ нашъ. Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 66.

[2]) Власть московскихъ государей, стр. 66—67. Курсивъ нашъ. Профес. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 164. Проф. В. И. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Отдѣлъ VII, стр. 522 и слѣд.

нее царство пророчества Даніила, которое „нѣмъ не останется“ (по выраженію прор. Даніила). Съ точки зрѣнія того высокаго государственнаго положенія великаго князя московскаго, который представляется не иначе, какъ царемъ послѣдняго и богоизбраннаго мірового царства, опредѣляются и его обязанности въ отношеніи къ государству и церкви, равно какъ отношеніе церкви къ государству [1]). А какъ извѣстно эта теорія получила во все послѣдующее время господствующее *государственное* значеніе и имѣла очень широкое распространіе: Москва стала называться *„богохранимымъ, преименитымъ царствующимъ градомъ, третьимъ Римомъ, благочестіемъ цвѣтущимъ“* [2]).

Политическій ростъ московской Руси, постепенное уничтоженіе удѣловъ (присоединеніе къ Москвѣ Новгорода въ 1478 г. и Твери въ 1485 г., полузависимое положеніе Пскова и пр.) показывали всю жизненность и примѣнимость этой важной теоріи; московскій государь, „правдодержатель святыхъ Божіихъ престолъ святыя вселенскіа апостольскіа церкве“ [3]), одинъ обладаетъ полнотою государственной власти; защита православной вѣры и церкви Христовой должна была составлять важную задачу его государственной дѣятельности. Московскій государь—„единъ православный великій русскій царь въ всей подпебесной, якоже Ной в ковчезѣ спасеный от потопа, *правя и окормляя Христову церковь*, и *утверждая православную вѣру*“ [4]). Эти громадныя права русскаго государя переходятъ въ тяжелую обязанность, соединенную съ неизбѣжною

[1]) Проф. В. И. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 766.

[2]) Псалтырь XVI в. по Оп. рук. Солов. монаст., Т. I, стр. 23. Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 67—68. Самымъ важнымъ свидѣтельствомъ того значенія, которое имѣло для XVI вѣка церковно-политическое ученіе Филоѳея, служитъ, несомнѣнно, то, что формула этого ученія дословно вошла въ составъ уложенной грамоты 1589 года объ учрежденіи патріаршества въ Россіи. С. Г. Г. и Д. II, стр. 97.

[3]) Изъ рукоп. сборн., писаннаго игуменомъ волоколамскаго монаст. Ниѳонтомъ. Рук. Импер. публ. библ. Л. Q. отд. XVII № 15, перв. пол. XVI в. В. И. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Приложенія, VII, стр. 45.

[4]) Посл. къ Ивану Васильевичу, рукоп. Спб. дух. Акад. № 1444, л. 436. В. И. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 561.

отвѣтственностью: „сего ради подобает тебѣ, о царю, содержати царствие твое со страхомъ Божіимъ; *убойся Бога, до душевнаго ти спасения се есть дѣло*“ [1]). И мы видѣли выше, какъ понимали свои обязанности московскіе государи относительно заботъ о спасеніи душъ своихъ подданныхъ; мы останавливались на нѣкоторыхъ постановленіяхъ Стоглава, этого, несомнѣнно, лучшаго показателя взаимныхъ отношеній государства и церкви. Мы приведемъ здѣсь еще одну выдержку изъ этого замѣчательнаго памятника, по вопросу о борьбѣ съ остатками язычества въ народѣ, которая наглядно свидѣтельствуетъ намъ о перевѣсѣ государства надъ церковью, о теократическомъ характерѣ московскаго государства: „*По царской заповѣди всѣмъ святителямъ* коемуждо *въ своемъ предѣлѣ по всѣмъ градомъ и селомъ разослати къ попомъ свои грамоты съ поученіемъ и съ великимъ запрещеніемъ*, чтобы однолично о Іване дни и въ навечерии Рождества Христова и Крещенія Христова мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе и на безчинный говоръ и на бѣсовскіе пѣсни и на плясаніе и на сказаніе и на многая богомерзкая дѣла не сходилися и таковыхъ бы древнихъ бѣсованій эллинскихъ не творили и въ конецъ престали; занеже *святыми отцы* тѣ всѣ эллинскіе прелести *по священнымъ правиломъ* отречены быша и православнымъ христьяномъ не подобаетъ таковая творити, но божественныя праздники и святыхъ почитати и праздновати въ славу Божію“ [2]). Итакъ мы видимъ, что прискорбное явленіе въ народной жизни *предусмотрѣнное и воспрещенное святыми отцами и священными правилами*, искореняется духовною властью „*по царской заповѣди всѣмъ святителямъ*“. Московскій государь мыслится какъ пастырь, которому ввѣрена Богомъ настоящая и будущая судьба его подданныхъ; это не простое смѣшеніе отправленій властей свѣтской и духовной, но особое представленіе о власти князя, этого „пастыря словесныхъ овецъ Христовыхъ“, обязаннаго заботиться и о спасеніи душъ своихъ подданныхъ.

Всѣ эти историческія событія (начиная съ флорентійской уніи, самочиннаго избранія митрополитовъ Іоны и Ѳеодосія, перемѣны въ

[1]) Посланіе ст. Филоѳея къ Василію III. (Рукоп. Импер. публ. библ. № 1582, л. 35). В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 561.

[2]) Стоглавъ, (Казань, 1862), стр. 189—190. Курсивъ нашъ.

характеръ отношеній Москвы къ Константинополю, сверженія татарскаго ига и пр.) не могли не вліять на измѣненіе характера отношеній московскихъ государей къ представителямъ церкви на Руси. Мы видимъ, что здѣсь беретъ сильный перевѣсъ государственная власть; съ полнымъ устраненіемъ правъ константинопольскаго патріархата отпало одно изъ важныхъ средствъ огражденія церковной іерархіи отъ посягательствъ и воздѣйствія усиливающейся свѣтской власти. Отношенія московскихъ государей къ митрополиту подвергаются весьма существенному измѣненію. Мы знаемъ, что въ настольныхъ грамотахъ и соборныхъ опредѣленіяхъ о поставленныхъ на Русь митрополитахъ преподаются правила о благопокореніи и послушаніи митрополиту. Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ 1354 года о поставленіи митрополита Алексѣя сказано, что благороднѣйшій великій князь и прочіе благородные князья, весь клиръ и весь христоименитый народъ обязаны оказывать ему „всяческое благопокореніе и честь во всемъ, что онъ будетъ говорить и внушать на пользу ихъ душамъ и къ утвержденію благочестивыхъ и православныхъ догматовъ церкви Божіей; ибо оказываемое ему уваженіе, почтеніе и послушаніе относится къ самому Богу“ [1]). Извѣстно, что эти предписанія о повиновеніи и послушаніи митрополиту примѣнялись на практикѣ въ самомъ широкомъ объемѣ: митрополитъ Алексѣй требовалъ повиновенія отъ русскихъ князей въ дѣлахъ, имѣющихъ весьма далекое отношеніе къ сферѣ церковнаго управленія, а за ослушаніе предавалъ ихъ отлученію и жаловался на нихъ въ Константинополь. Патріархъ же подтверждалъ князьямъ правила о послушаніи митрополиту, одобрялъ и утверждалъ наложенное на нихъ наказаніе и обязывалъ ихъ испросить у митрополита прощеніе; великому же князю за его послушаніе и благопокореніе митрополиту патріархъ выразилъ свое полное одобреніе. По канонической догмѣ митрополитъ стоялъ внѣ всякой зависимости отъ великаго князя. Митрополитъ Кипріанъ, типичный выразитель византійскихъ взглядовъ, жалуясь на великаго князя Дмитрія за причиненныя ему позоръ и обиды, замѣчаетъ, что все это учинено надъ нимъ безъ всякой съ его стороны вины, но при этомъ

[1]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 9, столб 48. Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей. стр. 8—9. См. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 30, столб. 182 и слѣд. А. И. Т. I, № 254, стр. 482—483 и друг.

очень характерно добавляетъ: „И аще-ли бы моя вина дошла которая, *ни годится княземъ казнити святителевъ: есть у мене патріархъ*, болшій надъ нами, есть великій соборъ; и онъ бы тамо послалъ вины моя, и они съ неправою мене казнили“ [1]). Такая тенденція придать духовному авторитету преобладающее значеніе имѣла, по справедливому мнѣнію профес. М. А. Дьякопова, очень важное практическое значеніе: она служила главнѣйшимъ основаніемъ для проведенія идеи о зависимости русскихъ княженій отъ византійскихъ императоровъ. Конечно, въ сферѣ церковнаго управленія эта зависимость представлялась совершенно конкретной [2]). Императоръ византійскій въ сферѣ церковнаго управленія, въ качествѣ помазанника Божія и верховнаго покровителя вселенской церкви, занималъ очень высокое положеніе, чему не мало способствовало зависимое положеніе „вселенскаго“ патріарха отъ императора [3]). По праву такого главы императоръ оказывалъ несомнѣнное вліяніе и на дѣла русской церкви, какъ одной изъ митрополій константинопольскаго патріархата; въ свою очередь патріархи старались всѣми мѣрами поддержать въ глазахъ русскихъ церковный авторитетъ „святого“ [4]) самодержца—императора, поддержать и авторитетъ міровой вселенской церкви. Для упроченія же этой зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріархата, вселенскому патріарху было удобнѣе и лучше имѣть своими представителями на каѳедрѣ митрополіи всея Руси лицъ греческаго происхожденія, такъ какъ они, естественно, должны были болѣе тяготѣть къ Византіи и сильнѣе ощущать свою исключительную зависимость отъ Константинополя. Мы знаемъ, какъ неохотно соглашались въ Константинополѣ на поставленіе въ митрополиты русскихъ по происхожденію: „настольная грамота патріарха Филоѳея владимірскому епископу Алексію на митрополію кіевскую и всея Руси“ [5]) служитъ лучшимъ и краснорѣчивымъ доказательствомъ этихъ взглядовъ. И

[1]) Р. И. Б. Т. VI. № 20, столб. 184.

[2]) Власть московскихъ государей, стр. 10.

[3]) Профес. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 183—185, 489, 496—497. Проф. И. С. Суворовъ. Курсъ церковнаго права. Т. II, стр. 458 и слѣд.

[4]) Объ этомъ названіи византійскихъ императоровъ см. В. Савва. Московскіе цари и византійскіе василевсы, стр. 68—70.

[5]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 9, столб. 41—52.

митрополиты-греки, чувствуя свою зависимость отъ Константинополя, зная, что тамъ они встрѣтятъ сочувствіе и помощь, позволяютъ себѣ дѣйствовать совершенно независимо и рѣзко въ отношеніи великаго князя. Извѣстно, что вышеупомянутый митрополитъ кіевскій Кипріанъ, изгнанный Дмитріемъ Ивановичемъ изъ Москвы, предалъ великаго князя проклятію и написалъ преподобному Сергію радонежскому и симоновскому игумену Ѳеодору грамоту съ жалобами на великаго князя [1]), въ которой находится слѣдующее характерное мѣсто: „И аще міряне блюдутся князя, занеже у нихъ жены и дѣти, стяжанія и богатьства, и того не хотятъ погубити (яко и самъ Спасъ глаголетъ: „удобь есть вельблуду сквозѣ иглиныя уши пройти, неже богату въ царьство небесное внити"): вы же, иже міра отрекшеся есте и иже въ мірѣ и живете единому Богу, како толику злобу видивъ, умолчали есте? Аще хощете добра дѣти князя великого и всей отчинѣ его, почто умолчали есте? Растерзали бы есте одежи своя, глаголали бы есте предъ царемъ не стыдяся: аще бьша васъ послушали, добро бы; аще бьша васъ убили, и вы святи. Не вѣсте ли, яко грѣхъ людскій на князи, и княжьскій грѣхъ на люди нападаетъ? Не вѣсте ли писаніе, глаголющее, яко аще плотьскыхъ родитель клятва на чада чадомъ падаетъ, колми паче духовныхъ отець клятва и та сама основанія подвиже[ть] и погуби предаетъ? Како же ли молчаніемъ преминуете, видяще мѣсто святое поругаемо, по писанію, глаголющему: мерзость, запустѣнія, стоящее на мѣстѣ святѣмъ?" [2]). Затѣмъ митрополитъ напоминаетъ многочисленныя правила о поставленіи епископовъ, извержеміи и отлученіи неправильно поставленныхъ, а также и ихъ пособниковъ [3]). Въ концѣ же грамоты прописано и проклятіе въ слѣдующей формѣ, хотя и безъ наименованія князя: „Ты Богъ вѣдаетъ, что любилъ есмь отъ чистаго сердца князя великаго Дмитрія, и добра ми было хотѣти ему и до своего живота. А понеже таковое бещестіе възложи на мене и на мое святительство: отъ благодати, данныя ми отъ пресвятыя и живопачальныя Троица, по правилому

[1]) Р. И. Б. Т. VI, № 20. 1378 г. іюня 23, столб. 173—186.

[2]) Тамъ же, столб. 175—176.

[3]) „Того ради купующеи и продающеи мьздою или *силою княжескою* святительство, и обои извержени и отъ церкви отнюдь отлучени и запрети бываютъ. Святаго же патріарха Геннадія посланіе и *проклятьема* таковыя осуждаетъ". Тамъ же, столб. 179.

святыхъ Отецъ и божественыхъ Апостолъ, *елици причастни суть моему имянію и запиранію, и бещестію и хуленію, елици на томъ съвыть свыщали, да будуть отлучени и неблагословени* отъ мене Кипріана, митрополита всея Руси, и *прокляти по правиломъ святыхъ Отець*, и хто покусится сію грамоту сѣщи, или затапти, и тотъ таковъ“ [1]).

Такъ стояло дѣло до половины XV вѣка; но послѣ флорентійской уніи, паденія Константинополя, самочиннаго избранія митрополита Іоны по приказанію великаго князя, формальнаго разрыва Москвы съ Константинополемъ и пр. отношенія великаго князя къ митрополитамъ измѣнились: митрополиты стали находиться въ болѣе тѣсной зависимости отъ своего великаго князя. Подданный великаго князя, лишенный опоры внѣ великаго княжества крѣпнущаго и растущаго,—митрополитъ Іона, конечно, не могъ занять того положенія, въ которомъ находились митрополиты-греки, выросшіе и воспитанные въ византійскихъ традиціяхъ и взглядахъ, сильные своею связью съ Константинополемъ, съ духовнымъ главою вселенской церкви—патріархомъ и мірскимъ ея распорядителемъ византійскимъ императоромъ. Великій князь самъ, своею властью добылъ себѣ митрополита; конечно, такой архипастырь сознаетъ всю свою зависимость отъ великаго князя, энергично дѣйствуетъ въ интересахъ своего покровителя, принимая его сторону, поддерживая и возвышая его своимъ авторитетомъ, побуждая дѣйствовать въ томъ же духѣ и подчиненное себѣ духовенство. Великій же князь, повидимому, сознаетъ свою силу и, забывъ прежніе порядки, создаетъ новые. А митрополитъ, открыто заявившій, что онъ поставленъ *„по повелѣнію“* великаго князя, являясь вѣрнымъ союзникомъ и помощникомъ этого князя, конечно, даже не пытается заявлять о своихъ правахъ, о своей самостоятельности. Такимъ образомъ, между государствомъ и церковью постепенно устанавливается прочная связь, возникаетъ тѣсный союзъ этихъ организмовъ, съ несомнѣннымъ перевѣсомъ и преобладаніемъ государства надъ церковью, ищущей поддержки и покровительства у своего болѣе сильнаго союзника.

[1]) Тамъ же, столб. 185—186. Курсивъ нашъ. Профес. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 517—518.

Очевидно, что, при существованіи такихъ отношеній, избраніе русскихъ митрополитовъ совершалось подъ преобладающимъ, а впослѣдствіи и исключительнымъ вліяніемъ московскихъ государей. Это вліяніе великаго князя на избраніе митрополита московскаго и всея Руси было утверждено въ 1459 году соборомъ русскихъ епископовъ въ Москвѣ, которые обязались повиноваться тому, кто будетъ поставленъ „по избранію Святаго Духа,... *по повелѣнію господина великого князя... русскаго самодержца*, въ той зборной церкви святыя Богородицы на Москвѣ“ [1]). Правда, въ княженіе Василія Темнаго и Іоанна III „дѣло еще не доходило—по образному и глубоко вѣрному выраженію профес. М. Ф. Владимірскаго-Буданова [2]) до простого назначенія митрополита волею великаго князя“ (прибѣгали и къ завѣщательному способу преемства волею предшествующаго митрополита и др.), но уже въ правленіе великаго князя Василія Ивановича наступаетъ порядокъ, описанный Герберштейномъ: „нынѣшній государь обыкновенно призываетъ извѣстныхъ ему (кандидатовъ) и изъ числа ихъ избираетъ одного по своему усмотрѣнію“ [3]). Духовенство же съ своей стороны находило такой порядокъ совершенно нормальнымъ и само охотно искало вмѣшательства сильной государственной власти въ такія дѣла своего вѣдѣнія, въ которыхъ средства и силы духовенства казались не вполнѣ достаточными для успѣшнаго осуществленія мѣропріятій, признаваемыхъ необходимыми. Приведемъ примѣры. Въ Новгородѣ появляется ересь жидоствующихъ. Представители церковной власти послѣ обнаруженія ея вмѣсто того, чтобы борьбу съ ересью принять на свою отвѣтственность и тѣмъ охранить область собственнаго вѣдѣнія отъ вмѣшательства государственной власти, стараются возложить эту борьбу на государственную власть, настойчиво требуя отъ нея примѣненія репрессивныхъ мѣръ уголовнаго характера. Достойно вниманія то, что государственная власть вовсе не такъ ревностно и охотно пользовалась такимъ удобнымъ случаемъ для распространенія своего вліянія въ области церковнаго управленія. Виновникъ открытія ереси

---

[1]) Р. И. Б. Т. VI, № 83, столб. 630; А. И. Т. I. № 61, стр. 109. Профес. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 170.

[2]) Тамъ же, стр. 170.

[3]) Слѣдующіе митрополиты, повидимому, назначены вовсе безъ соборнаго избранія: Варлаамъ—1511, Даніилъ—1522, Филиппъ—1566 Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 170

Геннадій, архіепископъ новгородскій, заботясь о скорѣйшемъ пресѣченіи зла, пишетъ посланія къ епископамъ и митрополиту, умоляя вызвать великаго князя на защиту колеблемаго православія. Въ своемъ посланіи къ Прохору, епископу сарскому, Геннадій выражаетъ увѣренность, что конецъ ереси можетъ быть положенъ только *„грозою и обыскомъ великаго князя“*, а потому онъ проситъ его „боголюбіе“, чтобы вмѣстѣ съ митрополитомъ Геронтіемъ, архимандритами и пресвитерами они „потщались“ напомнить „государю великому“ о необходимости утвердить вѣру его прадѣда Владиміра и тѣмъ *спасти „православное христіанство отъ еретической прелести“*. А за это онъ, великій князь, получитъ „нетлѣнный вѣнецъ“, уготованный ревнителямъ православія: царю Константину и Владиміру, крестившему русскую землю [1]). Это обращеніе къ помощи и содѣйствію великаго князя вытекало у Геннадія изъ его общаго взгляда на государственную власть, по которому „государямъ великимъ“, которыхъ Геннадій называетъ „пастырями словесныхъ овецъ Христовыхъ“ „подобаетъ... попеченіе о ихъ имѣти, якоже самому Христу“ [2]). Просьбы духовенства, какъ видно, достигли своей цѣли, такъ какъ послѣ соборнаго разсужденія трое изъ виновныхъ были казнены градскою казнью, какъ извѣстилъ объ этомъ Геннадія митрополитъ и самъ великій князь [3]). Какъ видно изъ надписи на грамотѣ великаго князя –„князь великій и митрополитъ прислалъ съ Кривоборскимъ, о еретицѣхъ, въ лѣто 96, февраля 13“ это происходило въ 1488 году. Въ октябрѣ же 1490 года Геннадій снова посылаетъ пространныя грамоты къ новому митрополиту Зосимѣ и собору епископовъ—о немедленномъ принятіи строжайшихъ мѣръ противъ новгородскихъ еретиковъ [4]). Геннадій пишетъ новому митрополиту: „И Геронтій митрополитъ о томъ великому князю не подокуль, да тѣмъ еретикомъ конца не учинили; и которые еретики здѣсь были покаялися, да и дѣйства свои писали сами на себя своими руками, и ти, послышавъ то, что на Москвѣ живутъ еретики во ослабѣ, и они всѣ отселѣ сбѣжали къ Москвѣ; да тамъ еретики

[1]) Ипфонтовскій сборн. изъ собр. гр. Толстого, а нынѣ Имп. публ. Библ. Q. XVII. № 61, л. 319. Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 577—578.

[2]) Р. И. Б. Т. VI, № 113, столб. 756.

[3]) Р. И. Б. Т. VI, № 114, столб. 759—764.

[4]) Р. И. Б. Т. VI, № 115, столб. 763—784.

сбѣжавъ, да ходили въ ослабѣ, да и въ церковь и въ олтарь ходили невозбранно“ [1]). Такъ какъ дѣло преслѣдованія еретиковъ государственною властью не было доведено до конца, то архіепископъ Геннадій такъ проситъ митрополита: „А ты, господинъ отець нашь, сыну своему великому князю накрѣпко о томъ въспоминай: попеже должно ти есть. А только государь нашь, сынъ твой князь великій, того не обыщеть, а тѣхъ не казнитъ: ино какъ ему съ своей земли та соромота свести? Ано Фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держать! Сказывалъ ми посолъ цесаревъ про шпанскаго короля, какъ онъ свою очистилъ землю, и азъ съ тѣхъ рѣчей и списокъ къ тебѣ послалъ. И ты бы, господине, великому князю о томъ пристойно говорилъ, не токмо спасенія ради его, но и чести для государя великого князя“ [2]). Но какъ бы не считая достаточнымъ ходатайства предъ великимъ княземъ, или не надѣясь на то, что митрополитъ Зосима поревнуетъ по вѣрѣ, архіепископъ Геннадій пишетъ грамоту въ Москву собору владыкъ, гдѣ, излагая всѣ обстоятельства еретическаго движенія въ Новгородѣ и Москвѣ, настаиваетъ на созваніи собора: „А не спѣшили бы есте ставити владыку (коломенскаго): преже бы есте стали накрѣпко о томъ, чтобы еретиковъ обыскали накрѣпко, да тѣхъ бы велѣлъ казнити князь великій“ [3]). Въ указаніи мѣръ борьбы съ еретиками Геннадій не хочетъ различать между ними людей книжныхъ и простыхъ и заранѣе сознательно обходитъ мѣру словеснаго или книжнаго вразумленія: „Да еще люди у насъ простые, не умѣютъ по обычнымъ книгамъ говорити: таки бы о вѣрѣ никакихъ рѣчей съ ними не плодили; токмо того для учинити соборъ, что ихъ казнити—жечи да вѣшати: занеже еретики необратно взяли у мене покаяніе да опитемью, да оставя все то, да сбѣжали. Да пытати бы ихъ накрѣпко о томъ, кого они прельстили, чтобы было вѣстно: занеже ихъ искоренять, а уже отрасли есть“ [4]).

Итакъ мы можемъ видѣть, что съ точки зрѣнія архіепископа Геннадія, являющагося типичнымъ выразителемъ идей своего времени, великому князю принадлежитъ высшая и непремѣнная за-

[1]) Тамъ же, столб. 768.
[2]) Тамъ же, столб. 775.
[3]) Тамъ же, столб. 779.
[4]) Тамъ же, столб. 784.

бота и попеченіе о благосостояніи церкви, цѣлости и чистотѣ догматовъ православной вѣры [1]). Какъ высшій и первый сынъ православной церкви, какъ пастырь Христова стада, отвѣтственный предъ источникомъ его власти—Богомъ, онъ обязанъ всѣми доступными для него мѣрами, всею грозою оберегать ввѣренный ему народъ отъ всѣхъ непризванныхъ учителей, губящихъ сразу и высокое достоинство истиннаго россійскаго православія и христіанскія души его подданныхъ, предназначенныхъ къ царствію Божію [2]).

Воззрѣнія Геннадія на средства борьбы съ ересью оказались господствующими въ тогдашнемъ духовенствѣ и монашествѣ; наиболѣе полнымъ и блестящимъ ихъ выразителемъ является знаменитый игуменъ Волоцкаго монастыря суровый Іосифъ (Санинъ) [3]), основатель и глава цѣлой школы іерарховъ „іосифлянъ", ревностно старавшихся о проведеніи въ жизнь понятія національной русской церкви. Для того, чтобы провести въ жизнь и укрѣпить это понятіе, чтобы, такимъ образомъ, закрѣпить преобладаніе и первѣнство государства надъ церковью, нужно было сильное и живое содѣйствіе самой церкви. „Такое содѣйствіе, справедливо говоритъ П. Н. Милюковъ, оказали московскому правительству три знаменитыхъ іерарха русской церкви XVI столѣтія, всѣ трое проникнутые однимъ національно-религіознымъ духомъ. Мы говоримъ объ игуменѣ Волоколамскаго монастыря Іосифѣ Санинѣ и о двухъ митрополитахъ Даніилѣ и Макаріи. Представители трехъ поколѣній, смѣнившихъ другъ друга на промежуткѣ отъ конца XV столѣтія до средины XVI, эти три общественные дѣятеля поочередно передавали другъ другу защиту идеи, возникшей въ началѣ этого промежутка и осуществленной въ концѣ его—*идеи національной государственной церкви*" [4]).

[1]) Профес. М. Ф. Владимірскій-Буда новъ. Обзоръ исторіи русскаго права. стр. 171.

[2]) Профес. В. И. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 578—579.

[3]) О взглядахъ его на необходимость преслѣдованія еретиковъ мѣрами свѣтской власти см. проф. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 510—511; проф. В. И. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. стр. 583 и слѣд.; проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 91—101 и друг.

[4]) Очерки по исторіи русской культуры. Ч. II (Изд. 2-ое, Спб. 1899), стр. 25. Курсивъ нашъ.

Мы не имѣемъ возможности удѣлить здѣсь достаточно мѣста подробному изложенію политической доктрины знаменитаго Волоколамскаго игумена, открыто говорившаго, что московскій государь „всѣм нам общій государь, ино всея русскіи земля государемъ государь, которого Господь Богъ устроилъ вседрьжителю во свое мѣсто, и посадил на царьскомъ престолѣ, судъ и милость предасть ему, *и церковное и манастырское, и всего православнаго хрестияньства, всея Рускія земля власть и попеченіе вручилъ ему*“ [1]). „Отъ вышнея Божія десница поставлен еси самодержецъ и государь всея Руси, пишетъ Василію Ивановичу краснорѣчивый авторъ „Просвѣтителя“, глаголет бо Господь Бог пророком: Аз воздвигох тя с правдою царя, и пріях тя за руку, укрепих тя, сего ради слышите царие и князи и разумѣите, яко от Бога дана бысть держава вам, вас бо Бог в Себе мѣсто избра на земли и на свой престол вознес посади, милость и живот положи у вас, вам же подобает приемши от Вышняго повелѣния правленія человѣческаго рода православным государем царем и князем не томко о своих пещися и своего точію жития правити, *но и все обладаемое отъ треволнения спасти и соблюдати стадо его отъ волков невредимо*“ [2]). Охрана правовѣрія есть главнѣйшая обязанность государя, о власти котораго Іосифъ столь высокаго мнѣнія: „*Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію же подобенъ вышнему Богу*“ [3]). Государь, уклонившійся отъ этой почетной миссіи, перестаетъ быть царемъ, становится мучителемъ и слугою дьявола [4]). „Политическое значеніе Іосифа, глубоко вѣрно говоритъ проф. М. А. Дьяконовъ, заключается въ горячей проповѣди о высотѣ сана государственной власти согласно византійскимъ воззрѣніямъ, поскольку они выразились въ твореніяхъ отцовъ церкви, и въ примѣненіи къ русской почвѣ началъ библейскаго теократизма, заимствованнаго также чрезъ посредство отечественной литературы. Сама по себѣ идея о государѣ, какъ намѣстникѣ Божіемъ, должна была сильно импонировать и на представителя власти, и на населеніе. Сравненіе русскаго государя съ бла-

[1]) Нифонтовскій сборникъ, л. 231 об. В. И. Малининъ, Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 583.

[2]) Тамъ же, л. 202 об., стр. 589—590. Курсивъ нашъ.

[3]) Просвѣтитель, слово 16, стр. 601—603. Курсивъ нашъ.

[4]) Проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 98—100.

говѣрными царями и въ частности уподобленіе равноапостольному царю Константину конкретнымъ образомъ содѣйствовало усвоенію теократическихъ понятій, вполнѣ отвѣчая новымъ представленіямъ о русскомъ православномъ царствѣ“ [1]). Въ такомъ же направленіи училъ и дѣйствовалъ митрополитъ Даніилъ, „типичный іосифлянинъ“ (по выраженію проф. А. С. Павлова); за митрополитомъ Даніиломъ утвердилась прочная репутація *„потаковника“ государственной власти*: его участіе въ задержаніи одного изъ послѣднихъ удѣльныхъ князей—князя новгородъ-сѣверскаго Василія Шемячича и его роль въ разводѣ Василія III съ первой бездѣтной женой Соломоніею (Сабуровой)—оправдываютъ справедливость этого эпитета, даннаго ему княземъ А. М. Курбскимъ. Знаменитый митрополитъ Макарій, принадлежащій, несомнѣнно, къ числу выдающихся дѣятелей своего времени, еще раньше царскаго вѣнчанія въ 1547 году вполнѣ раздѣлялъ теорію божественнаго происхожденія царской власти и усвоялъ ея вѣдѣнію всю полноту проявленія человѣческой жизни, дѣла божескія и человѣческія, церковь и государство. У него, естественно, даже не возникало вопроса о какихъ-либо неудобствахъ для церкви отъ такого вмѣшательства государственной власти въ дѣла внутренняго церковнаго управленія [2]).

Въ царствованіе Іоанна Грознаго теократическій характеръ московскаго государства достигаетъ своего высшаго развитія. „Въ Стоглавѣ, говорили мы, наиболѣе рельефно отпечатлѣлась тѣсная связь (сліяніе) церкви съ государствомъ и перевѣсъ государства надъ церковью, большая сила государственной власти, тотъ перевѣсъ государства надъ церковью, который, по авторитетному и глубоко вѣрному взгляду профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова, наблюдается съ половины XV в. и продолжается въ теченіе XVI столѣтія [3]). Это участіе представителя государственной власти въ дѣлахъ церкви, осуществленіе имъ права инициативы церковнаго законодательства, участіе его въ самомъ обсужденіи законовъ и вообще сильное вліяніе на ходъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ (лучшимъ примѣромъ чего служитъ дѣятельность Іоанна на Стоглавомъ со-

[1]) Тамъ же, стр. 101.

[2]) Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 601.

[3]) Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 169.

боръ) дѣлаютъ Стоглавъ незамѣнимымъ и богатѣйшимъ источникомъ для анализа этихъ отношеній. Дѣянія этого собора являются какъ бы реальнымъ подтвержденіемъ и осуществленіемъ мысли Грознаго, высказанной имъ впослѣдствіи въ перепискѣ съ опальнымъ бѣглецомъ княземъ А. М. Курбскимъ, что главная задача есть *религіозное воспитаніе подданныхъ, что власть государственная имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовныя цѣли:* „тщуяся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога, даннаго имъ государя...“ [1]). Стоглавъ — реальное, конкретное осуществленіе этой мысли, санкціонированной и освященной соборомъ русскаго духовенства, кульминаціонный пунктъ теократическаго характера московскаго государства, когда государство и церковь, слитыя въ единый организмъ, осуществляютъ совмѣстную также единую программу“ [2]).

---

[1]) Сказанія князя Курбскаго, Ч. II, стр. 66. Профессоръ М. Ф. Владиміръ-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 171.

[2]) Стоглавъ. (Къ вопросу объ официальномъ или неофиціальномъ происхожденіи этого памятника), стр. 7—8.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Флорентійская унія, эта неудачная, насильственная попытка соединенія церквей восточной и западной, представляетъ собою одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ въ государственной и церковной жизни московской Руси [1]). Исторія этой уніи и слѣдствія ея вскрываютъ предъ нами одинъ изъ несомнѣнно важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи русскаго церковно-политическаго самосознанія. Событія, сопровождавшія флорентійскую унію, постановленія которой были поняты московскимъ правительствомъ какъ оскорбленіе и угроза, выдвинули на первый планъ такую задачу государственнаго управленія, которая до этого времени для московскихъ государей оставалась въ тѣни: на ихъ долю выпала почетная обязанность стать во главѣ охраны правовѣрія и благочестія [2]). Хотя подобная задача указывалась князьямъ представителями древ-

[1]) Знаменитый отечественный историкъ С. М. Соловьевъ отлично оцѣнилъ громадное значеніе флорентійской уніи. „Флорентійскій соборъ и поведеніе Исидора, говоритъ онъ, имѣютъ важное значеніе въ нашей исторіи потому, что заставили сѣверо-восточную Русь окончательно и рѣзко высказаться насчетъ соединенія съ Римомъ; понятно, что рѣшительность московскаго правительства держаться отеческаго преданія и древняго благочестія и не допускать никакихъ новизнъ въ церкви—принадлежитъ къ числу явленій, опредѣлившихъ будущія судьбы восточной Европы". С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV (Изданіе 2-ое, товар. „Общественная Польза". Спб.), столб. 1265.

[2]) М. А. Дьяконовъ. „Власть московскихъ государей" (Спб. 1889), стр. 54; Е. В. Барсовъ. „Древне-русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство въ связи съ греческими ихъ оригиналами. Съ историческимъ очеркомъ чиновъ царскаго вѣнчанія въ связи съ развитіемъ идеи царя на Руси". Чт. въ Импер. Общ. Ист. и Др. 1883, I, стр. XV.

не-русской письменности еще въ болѣе ранній періодъ [1]), но до возвращенія митрополита Исидора съ „богоотметнаго, суемысленъ-

[1]) Здѣсь нельзя не видѣть вліянія византійскихъ взглядовъ, по которымъ „высочайшій и святой самодержецъ“ („ὁ κράτιστος καὶ ἅγιος βασιλεύς, αὐτοκράτωρ“)—императоръ являлся высшимъ блюстителемъ чистоты православія. См. Isaaci. Novella de electionibus pontificum. Migne. Patrologiae cursus completus. S. G. Tom. CXXXV, col. 440. О любви византійскихъ императоровъ къ эпитету „святой“ и правѣ на это титулованіе см. у проф. А. Лебедева. „Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка.“ (Москва 1892), стр 210, 211 и слѣд. В. И. Сергѣевичъ. „Русскія юридическія древности“. Т II (изд. 2. Спб. 1900), стр. 489 и слѣд. „Любопытно, замѣчаетъ проф. Дьяконовъ, что эта мысль впервые, если не ошибаемся, проводится грекомъ, митрополитомъ Никифоромъ, въ двухъ посланіяхъ къ Владимиру Мономаху“. „Власть московскихъ государей“. стр. 51. Одно изъ полемическихъ сочиненій митрополита Никифора (1104—1121)—посланіе къ Владимиру Мономаху, написанное по вопросу князя: „како отвръжени быша Латина отъ святыя соборныя и православныя церкве“—указываетъ на практическую тенденцію посланія, выраженную въ заключительномъ обращеніи къ великому князю: „И прочитай же, Княже мой! не единою, ни дважды, но множицею, и ты. Княже, и сынове твои. Подобаетъ бо Княземъ. яко отъ Бога избраномъ и призваномъ на православную вѣру его, Христова словеса разумѣти извѣсто, и основаніе церковное твръдое, да и ти (т. е. князья) будутъ основаніе, якоже есть святыя церкве. на съвѣтъ и наставленіе порученнымъ имъ людемъ отъ Бога. Единъ бо Богъ царствуетъ небесными, вамъ же, съ его помощію, царьствовати земными..“ А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“ (Спб. 1878), стр. 62—63. Въ одномъ изъ посланій къ Владимиру Мономаху, гдѣ митрополитъ Никифоръ разсматриваетъ начала добра и зла въ человѣкѣ и затѣмъ примѣняетъ свои выводы къ идеальной личности князя, онъ говоритъ, что нашелъ князя „благовѣрна по Божіи благодати и не уклонишеся отъ первыя вѣры,... храня же еже по Бозѣ ревность и до сего дьне, и молю Бога до конца ти съблюдену быти цѣлу; съблюденно же ти се будетъ, аще въ стадо Христово не даси влъку внити, и аще въ виноградъ, иже насади Богъ, не даси насадити трънія, но съхрании преданіа старое отецъ твоихъ“. Русск. Достопам. I, 70; оно же (въ переводѣ) помѣщено у митрополита Макарія, „Исторія Русской церкви“. Т. II, изд 2, стр. 194—200. Это посланіе митрополита Никифора о постѣ и воздержаніи чувствъ митрополитъ Макарій называетъ „лучшимъ сочиненіемъ митрополита Никифора“ и „вообще однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей древней словесности“. „Тутъ видѣнъ и самъ достойный первосвятитель съ его умомъ, образованіемъ, съ пастырскимъ дерзновеніемъ и ревностію къ своему долгу; видѣнъ и достойнѣйшій князь съ его высокими качествами человѣка—христіанина“. Тамъ же, стр. 194. Безспорно, среди князей можно указать не мало ревностныхъ поборниковъ религіи; но ихъ ревность проявлялась не на поприщѣ, указанномъ митрополитомъ Никифоромъ, такъ какъ спокойствіе русской церкви не нарушалось ни опасностями извнѣ, ни внутренними смутами. Татарское завоеваніе вызвало опасеніе современника за безопасность христіанской вѣры, что

наго осьмаго собора“ [1]) московскимъ князьямъ не представлялось прямыхъ поводовъ стать на эту почву, выступить въ почетной роли крѣпкихъ блюстителей и охранителей православія. Эта миссія великихъ князей —поборничества и защиты православія, несомнѣнно, имѣла сильное вліяніе на созданіе и установленіе взаимныхъ отношеній между государствомъ и церковью и способствовала тому, что московское государство, которое усвоило идею „Третьяго Рима“, по-

---

и замѣчено по поводу избіенія многихъ русскихъ князей: „а инымъ же княземъ Богъ повелѣ жити человѣколюбіемъ своимъ въ руськой землѣ, хрестьяньскаго ради языка, абы до конца не оскудѣла вѣра хрестьяньскаа“. (Лѣтоп. по Лаврен. сп., стр. 494). Но татары, какъ оказалось, отличались вѣротерпимостью и даже покровительствовали русской церкви. Объ отношеніи монголовъ къ христіанству и русской церкви см. у Е. Голубинскаго. II. Р. Ц. Т. II, II. I, стр. 1—49; П. Знаменскаго. Руков. по ист. р. цер., стр. 70—71. Когда же, въ началѣ XIV в., противъ митрополита Петра возстала довольно сильная партія духовенства, обвиняя его въ еретичествѣ, инокъ Акиндинъ писалъ великому князю тверскому (Михаилу Ярославичу), что ему слѣдуетъ исправить зло; упрекая его за молчаніе, „видя ересь растущу и множающюся, безстудиѣ и непокровными усты износиму“, онъ напоминалъ: „Повелѣно и тобѣ, господине княже, не молчати о семъ святителемъ своимъ... Царь еси, господине княже, въ своей земли; ты истязанъ имаши быти на страшнѣмъ и нелицемѣрнемъ судилищи Христовѣ, аже смолчиши митрополиту...“ „А мы съ своей души снимаемъ на твою душю“. (1312 -1315 г.). Два посланія къ великому князю Михаилу Ярославичу тверскому: константинопольскаго патріарха Нифонта I и русскаго инока Акиндина—о поставленіи на мздѣ (противъ митрополита Петра). Р. II. Б. Т. VI, № 16, столб. 150—151, 157—158. Тверской князь, однако, не могъ воспретить митрополиту его беззаконій, хотя и вмѣшался въ это дѣло, такъ какъ митрополитъ Петръ находился подъ защитой сильнаго московскаго князя и на переяславскомъ соборѣ былъ оправданъ отъ взводимыхъ на него обвиненій. Но проповѣдь этой идеи не нашла себѣ практическаго примѣненія въ разсматриваемую эпоху. Завершающее развитіе и широкое практическое примѣненіе идея эта получила уже послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя. Хотя ученіе объ обязанности князей заботиться объ охранѣ правовѣрія сначала находило слишкомъ неподготовленную почву для его воспріятія, но, постоянно повторяемое, постепенно подготовляло умы слушателей къ усвоенію новыхъ политическихъ теорій о московскомъ государѣ и государствѣ.

[1]) Рукопись Москов. Публичн. Музея, № 939, л. 13, 14, 17; А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“. (Спб. 1878). Прилож. X, „Повѣсть“ Симеона суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ“. стр. 202, 203, 205; А. Поповъ. „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“ (М. 1875). „Повѣсть Симеона“, стр. 349, 350, 353; „Слово избрано отъ святыхъ писаній...“ стр. 361, 364, 366, 369, 376; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152, 153, 155, 161; П. С. Р. Л. Т. VII, стр. 101, 102, 104, 108; Никон. лѣт. Ч. V, стр. 128, 131, 135, 154 и другіе источники.

ставившую во главѣ православнаго міра Москву, постепенно пріобрѣтаетъ теократическій характеръ, вырабатывая единую, совмѣстную программу дѣятельности государства и церкви [1].

Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого важнаго событія съ его многочисленными послѣдствіями [2]) и разсмотрѣть дѣятельность великаго князя въ отраженіи попытокъ митрополита Исидора ввести унію, когда „благовѣрный великій князь всея Руси", юный возрастомъ и „некнижный", но „вѣрою утвержденъ и теплотою духомъ горя по благочестіи", „уподобися равноапостольному великому князю Константину, сотворшему православіе, и благовѣрному и великому князю Владиміру... крестившему русскую землю" [3]),— мы остановимся на событіяхъ, предшествовавшихъ ферраро-флорентійскому собору и дающихъ возможность правильно и всесторонне освѣтить и осмыслить эту знаменательную эпоху подъема и роста политическаго самочувствія и церковнаго самосознанія московскаго государства.

Послѣ смерти митрополита Фотія (1-го или 2-го іюля 1431 года) [4]), когда нужно было позаботиться объ избраніи ему преем-

[1]) Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. „Обзоръ исторіи русскаго права". Изд. 3 (Кіевъ. 1900), стр. 169—171, гдѣ мы находимъ прекрасную и сжатую характеристику взаимныхъ отношеній государства и церкви въ разсматриваемый періодъ. См. краткую, но лучшую, критическую оцѣнку этого классическаго труда, принадлежащую перу профессора М. Н. Ясинскаго. „Кіевлянинъ". 19 марта 1900 г. № 79.

[2]) Въ нашу задачу совершенно не входитъ разсмотрѣніе значенія флорентійской уніи, постановленія которой были положены въ основаніе уніи, образовавшейся подъ вліяніемъ іезуитовъ въ концѣ XVI столѣтія въ юго-западной Руси.

[3]) Рукопись Спб. духов. Академіи, № 1245, л. 217; напечат. у профессора В. Н. Малинина въ его изслѣдованіи „Старецъ Елеазарова монастыря Филофей и его посланія" (Кіевъ. 1901), Прилож. XVIII, стр. 112. См. „Повѣсть" Симеона суздальскаго объ восьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ. А. С. Павловъ. „Критическіе опыты ..". Прилож. X: „Тому благовѣрному великому князю Василью Васильевичю въ та времена младу сущу, но умомъ благоразумну и богобоязниву, не книжну, ни грамотну, но вѣрою утвержденну, и теплоты горящъ духомъ, яко же рече пророкъ: „во отецъ мѣста быша сыновѣ твои". Сей же великій князь Василій Васильевичь уподобися святымъ прежнимъ царемъ, равнымъ апостоломъ Константину великому и Владиміру, нареченному во святомъ крещеніи Василію, иже крестившему русскую землю и утвердившему православную вѣру, поборникъ по православной вѣрѣ греческой...", стр. 208. Проф. В. С. Иконниковъ. „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи." (Кіевъ. 1869), стр. 8.

[4]) П. С. Р. Л. Т. V (Псковск. 2-ая лѣтоп.), подъ 1431 г., стр. 27: „Того же лѣта преставися святѣйшій митрополитъ всея Руси Фотій, іюля 1"; Нико-

ника, великій князь Василій Васильевичъ, или что вѣроятнѣе, совѣтники его бояре, такъ какъ послѣднему тогда только что исполнилось 16 лѣтъ [1]), опять хотѣли возвратиться къ начавшемуся новому обычаю поставлять митрополита изъ природныхъ русскихъ [2]). Надо думать, что принятое рѣшеніе избрать митрополита изъ мѣстнаго русскаго духовенства было бы приведено въ исполненіе тотчасъ послѣ смерти Фотія, если бы тревожныя осложненія, возникшія въ великомъ княжествѣ, не помѣшали осуществленію этого рѣшенія [3]). Князь звенигородско-галичскій Юрій Дмитріевичъ, второй

новск. лѣтоп., Ч. V, стр. 100: „И абие преставися Ѳотей митрополитъ Киевскіі и всеа Русіі в лѣто 1431. мѣсяца Іюля в 2 день, и положенъ бысть в соборной церквіі пречистыя богородицы митрополстеи на Москвѣ, на деснеи странѣ идеже гробъ Кипріяна митрополита всеа Русіі". Псковская лѣтопись, изданная на иждивеніи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, М. Погодинымъ (Москва, 1837), относитъ смерть м. Фотія къ 1-ому іюля: „Того же лѣта (1431) митрополитъ Фотій преставися Іюля въ 1-й день", стр. 63; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 144 (гдѣ помѣщена „Грамота митрополита Фотія", стр. 144–148); П С. Р. Л. Т. VIII, стр. 95. Митрополитъ Макарій относитъ смерть м. Фотія въ одномъ мѣстѣ къ 1 іюля 1431 г. (И. Р. Ц. Т. IV, стр. 103), а въ другомъ—къ 8 іюля 1431 г. (И. Р. Ц. Т. VI, стр. 8); Р. И. Б. Т. VI, № 71; Е. Голубинскій И. Р. Ц., Т. II. П. I, стр. 413; Геннадій Карповъ. „Св. Іона, послѣдній митрополитъ Кіевскій и всея Руси". Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Р. 1864, кн. 4, стр. 143. „Святый Іона, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи". Прибавленія къ изданію твореній святыхъ отцевъ, въ русскомъ переводѣ. Годъ четвертый (Москва. 1857), стр. 225.

[1]) Великій князь Василій Васильевичъ родился 10 марта 1415 года. См. П. С. Р. Л. Т. VIII, подъ 1415 годомъ, стр. 87: „О рожденіи великого князя Василіа". „Тое же весны, въ великое говѣніе, марта 10, по нефимонѣ, родися великому князю Василію Дмитреевичю сынъ Василій". Е. Е. Голубинскій, Исторія русской церкви. Т. II, П. I, стр. 414. Н. М. Карамзинъ. Исторія госуд. россійскаго. (Изданіе 5. П. Эйнерлинга. Спб. 1842). Т. V, столб. 141—143.

[2]) Существуетъ сказаніе о томъ, что при жизни м. Фотія было испрошено съ его согласія патріаршее благословеніе преемнику его изъ природныхъ русскихъ. „Сказаніе" это есть „воспоминаніе" о житіи новгородскаго архіепископа Іоны, написанное, по мнѣнію профессора В. О Ключевскаго, въ 1472 году („Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ", Москва. 1871, стр. 185 –186), напечатано въ „Памятникахъ стар. русск. литературы", издан. Кушелевымъ—Безбородко (Спб. 1860–1862), IV, 27, 29 Іонѣ, епископу рязанскому, нареченному въ преемники Фотія „и благословеніе патріарше принесено (бысть) о семъ, еще живу сущу митрополитскому архіепископу" т. е. Фотію,—стр. 29. Но ни великій князь Василій Васильевичъ ни самъ Іона не говорятъ объ этомъ впослѣдствіи, а потому очень сомнительно, чтобы увѣренія сказанія были справедливы. Н. М. Карамзинъ. Исторія государства россійскаго. (Изданіе II Эйнерлинга. Спб. 1842). Т V, столб. 161.

[3]) Геннадій Карповъ въ своемъ изслѣдованіи „Св. Іона, послѣдній митрополитъ Кіевскій и всея Руси" высказываетъ предположеніе о томъ, что

сынъ Дмитрія Донского и дядя великаго князя, въ 1425 году призналь своего племянника великимъ княземъ, отказавшись отъ своихъ правъ на великокняжескій престолъ; но въ 1431 году Юрій Дмитріевичъ возвратилъ племяннику свои крестоцѣловальныя грамоты, рѣшивъ ѣхать въ Орду, чтобы добиваться подъ нимъ у хана великаго княженія [1]).

Началась и въ Москвѣ, какъ бывало раньше въ Кіевѣ, домашняя ожесточенная усобица дяди съ племянникомъ, а потомъ племянника съ двоюродными братьями [2]).

Знаменитый русскій историкъ С. М. Соловьевъ видитъ причину возобновленія исканій Юрія Дмитріевича въ смерти дѣда и сильнаго защитника малолѣтняго Василія Васильевича—Витовта, вели-

---

нареченіе Іоны на митрополію было произведено тотчасъ послѣ смерти Фотія. Основаніемъ для этого служитъ мѣсто изъ „Посланія Великаго князя Василія Васильевича къ греческому царю Константину Палеологу (А. И. Т. I, № 41), гдѣ сказано: „и отъ тогдашняго времени, (т. е. со смерти Фотія) ...мы изобравше, посылахомъ"... Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1864, 4, стр. 144, А. И. Т. I, № 41, стр. 84. Но это произвольно толкуемое мѣсто находится въ противорѣчіи съ историческими событіями того времени.

[1]) П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 148; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 95: „Того же лѣта князь велики Василей да князь Юрій Дмитріевичь, дядя его, спершися о великомъ княженіи, похотѣша итти въ орду къ царю Махметю"; Никоновская лѣтоп. („изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ". Спб. 1789), Ч. V, стр. 108: „Того же лѣта (1431) князь великій Василей Васильевичъ, да князь Юрьи Дмитриевичъ дядя ево спершися о великомъ княженіи московскомъ, и похотѣша во Орду къ царю Махмету, кого царь Махметъ пожалуетъ великимъ княжествомъ тои есть князь великій". Объ отправленіи въ Орду противниковъ подробно говоритъ Псковская лѣтопись, изданная на иждивеніи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ... М. Погодинымъ, стр 63. Генн. Карповъ. „Св. Іона, послѣдній митр. Кіевскій и всея Руси". Чт. въ О. Ист. и Д. Р. 1864, 4, стр. 144. О значеніи распоряженія Василія Дмитріевича, завѣщавшаго старшинство сыну своему мимо родныхъ своихъ братьевъ, права которыхъ, по мнѣнію С. М. Соловьева, „были совершенно безспорны", и о значеніи послѣдующей борьбы малолѣтняго Василія съ сильнымъ своимъ правомъ—старымъ дядею Юріемъ Звенигородскимъ, обнаружившей всю крѣпость новаго порядка вещей см. у С. М. Соловьева. И. Р. Т. IV (2-е изданіе товарищества „Общественная Польза". Спб.), столб. 1051—1052. Ср. Никоновск. лѣтопись, Ч. IV. „Преставленіе великого князя Дмитрія Ивановича всеа Русіи", стр. 188 (Завѣщаніе (словесн.) Дмитрія Донского).

[2]) Эта усобица продолжалась съ мирными перерывами, съ переходомъ побѣды или пораженія то на ту, то на другую сторону—до 1452 года и кончилась полною побѣдою Василія Васильевича. И. Е. Забѣлинъ. Исторія города Москвы. Ч. I. (Москва. 1902), стр. 103, 232; Н. М. Карамзинъ. Исторія государства россійскаго. (Изданіе 5-е, И. Эйнерлинга. Спб. 1842). Т. V, столб. 141—и слѣд.

каго князя литовскаго [1]). Профессоръ Д. И. Иловайскій, придавая смерти Витовта большое значеніе въ возникновеніи княжескихъ усобицъ, указываетъ также и на то благопріятное для Юрія Дмитріевича Галицкаго обстоятельство, что мѣсто Витовта въ Литвѣ и западной Руси заступилъ Свидригайло Ольгердовичъ, свояк и пріятель Юрія [2]). Но нельзя не признать вполнѣ основательнымъ взглядъ, высказанный проф. Голубинскимъ [3]) и проф. Знаменскимъ [4]), на другую причину исканій князя звенигородскаго—смерть митрополита Фотія, этого радѣтеля и защитника великаго князя Василія Васильевича, принудившаго въ 1425 году Юрія къ миру съ малолѣтнимъ племянникомъ грозою церковнаго отлученія [5]). Спустя полтора мѣсяца послѣ смерти м. Фотія великій князь 15 августа 1431 года отправился въ Орду [6]) и возвратился отъ хана въ Москву, осилivъ дядю не ранѣе Петрова дня 1432 года [7]), и только тогда возможно было приступить къ избранію кандидата въ митрополиты. Остается не-

[1]) С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Т. IV (2-ое изданіе товарищества „Общественная Польза". Спб.), столб. 1053. О смерти и ея причинахъ честолюбиваго Витовта, добивавшагося королевской короны см. у С. М. Соловьева. И. Р. Т. IV, столб. 1093—1097. (Витовтъ умеръ 27 октября 1430 г.).

[2]) Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II. Московско-Литовскій періодъ или собиратели Руси. Изданіе 2-ое (Москва, 1896), стр. 225. На это обстоятельство указалъ также и С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1053, 1057, 1104. О Свидригайлѣ см. у С. М. Соловьева. И. Р. Т. IV, столб. 1099 -1102.

[3]) Е. Е. Голубинскій. „Исторія Русской церкви". Т. II, II. I, стр. 415.

[4]) И. Знаменскій. Руководство по исторіи русской церкви, стр. 90.

[5]) О дѣятельности м. Фотія см. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 142—143; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 92—93; Никоновск. лѣтоп. Ч. V, стр. 82—85; С. Г. Г. и Д. Т. I, №№ 43, 44; С. М. Соловьевъ. И. Р. К. I, Т. IV, столб. 1052—1053; Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 142, прим. 256, столб. 143. Ю. Ѳ. Самаринъ. Сочиненія. Т. V (Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ), стр. 189; П. Ѳ. Николаевскій. „Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ", Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія. Часть CXXXVIII, (Апр. 1868), стр. 94. Ср. В. П. Сергѣевичъ. „Русскія юридическія древности." Т. II, стр. 597—598.

[6]) Псковская лѣтопись, изданіе М. Погодинымъ, стр. 63; Н. М. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 148—149.

[7]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 96: „И отпусти царь ихъ на свои отчины, и приде князь велики на Москву на Петровъ день, а съ нимъ посолъ Мансырь Уланъ Царевичь, тотъ его посадилъ на великое княженіе..."; Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 111. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 149 -150; Е. В. Барсовъ. „Древнерусскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство въ связи съ греческими ихъ оригиналами" (Чт. О. И. и Д. Р., 1883, I), стр. XIV; С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1157. Только въ Архангельск. лѣт. сказано, что это посаженіе было не въ Москвѣ, а во Владимірѣ. См. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V., прим. 268.

извѣстнымъ, когда именно состоялось это избраніе, но его нужно относить ко второй половинѣ нашего 1432 года[1]). Избранъ былъ епископъ рязанскій и муромскій Іона, первый митрополитъ не только русскій, по рожденіемъ и происхожденіемъ изъ сѣверной Руси, изъ Галицкой области[2]). Въ одномъ изъ позднѣйшихъ посланій въ Константинополь великій князь Василій Васильевичъ увѣряетъ относительно избранія Іоны, что онъ совершилъ его „милостью Божьею, съгадавше съ своею матерію съ великою княгинею, и съ нашею братьею съ рускыми великыми князьми, и съ помѣстными князьми, и съ литовскыя земли господаремъ, великымъ княземъ (?) и съ святители нашея земли, и съ всѣми священники и духовными человѣкы, общежители же и пустынными отходники, съ святыми старци“ и съ своими боярами и со всею землей -со всѣмъ православнымъ христіанствомъ[3]). „Если великій князь говоритъ правду“, читаемъ мы у извѣстнаго современнаго историка церкви, „то эту необыкновенную и торжественнѣйшую всеобщность избранія Іоны нужно будетъ понимать двояко—или такъ, что въ Москвѣ опасались отказа со стороны патріарха поставить на митрополію природнаго русскаго и торжественною всеобщностію приговора хотѣли на него подѣйствовать; или такъ, что приняли намѣреніе избирать на будущее время митрополитовъ непремѣнно изъ природныхъ русскихъ (только съ поставленіемъ ихъ отъ патріарха) и что поэтому хотѣли сдѣлать изъ нашего избранія какъ бы эпоху въ семъ отношеніи“[4]).

[1]) Извѣстна одна грамота Іоны, „нареченнаго въ святѣйшую митрополью рускую“ отъ 11 марта 1433 года. А. И. Т. I, № 37, стр. 70-71 и Р. И. Б. Т. VI, № 61, столб. 521—524: „Посланіе нареченнаго на митрополію епископа Іоны въ нижегородскій Печерскій монастырь, о соблюденіи иноческихъ обѣтовъ и съ извѣстіемъ о поставленіи іеромонаха Павла въ архимандриты“. Іона, будучи нареченъ на митрополію, сталъ заправлять ея дѣлами, свидѣтельствомъ чего служитъ эта грамота. Геннадій Карповъ. „Св. Іона, послѣдній митрополитъ Кіевскій и всея Руси.“ Чтен. въ Общ. Истор. и Др. Р., 1864. Ч. 4, стр. 144. В. И. Сергѣевичъ. „Русскія юридическія древности“. Т. II. Изд. 2 (Спб., 1900), стр. 590. Объ избраніи Іоны см. „Галицко-русскій историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Галицко-Русской Матицы“, Вып. III, Львовъ, 1860 (статья Антонія Петрушевича „О соборной богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ“), стр. 46.

[2]) Митрополитъ Алексѣй, хотя и родился въ Москвѣ, однако со стороны отца былъ южно-русскаго происхожденія. С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1259.

[3]) А. И. Т. I, №№ 41 и 262, стр. 84 и 493; Р. И. Б. Т. VI, № 71, „Посланіе великаго князя Василія Васильевича къ греческому царю Константину Палеологу, о поставленіи митрополита Іоны“, столб. 578.

[4]) Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 415—416.

Въ томъ же 1432 году великій князь литовскій Свидригайло, преемникъ Витовта, послалъ въ Константинополь ставиться въ митрополиты епископа смоленскаго Герасима, который и былъ поставленъ патріархомъ [1]). Остается достовѣрно неизвѣстнымъ, былъ ли поставленъ Герасимъ въ митрополиты „всея Руси" или литовскіе [2]),

---

[1]) Наша Псковская 2-ая лѣтопись относитъ путешествіе Герасима въ Константинополь къ 1433 году. П. С. Р. Л. Т. V, подъ 1433 г. (6941), стр. 27. „Смоленьскій владыка Герасимъ иде къ Царюграду, и патріархъ постави его митрополитомъ". Но свидѣтельство литовской лѣтописи, относящей это событіе къ 1432 году, заслуживаетъ большей вѣры. Ср. о причинахъ поставленія Герасима у Ген. Карпова—„Св. Іона, послѣдній митр. Кіевскій и всея Руси". Чт. въ Общ. И. и Др. Р. 1864, 4, стр. 144—145; Д. И. Иловайскій. И. Р. Т. II (изд. 2-е, М. 1896), стр. 270. На основаніи факта посылки великимъ княземъ литовскимъ своего кандидата на каѳедру митрополита можно думать, что врядъ ли Василій Васильевичъ „съгадалъ" съ великимъ княземъ литовскимъ относительно поставленія Іоны, какъ онъ пишетъ византійскому императору Константину Палеологу.

[2]) Мы имѣемъ цѣлый рядъ лѣтописныхъ сказаній, что Герасимъ былъ поставленъ въ митрополиты московскіе и всея Руси. Псковская 2-ая лѣтоп. (П. С. Р. Л. Т. V) подъ 1434 г. (6942), стр. 27, гласитъ: „Тоя осени Герасимъ владыка пріѣха изъ Царяграда въ Смоленско, отъ патріарха поставленъ митрополитомъ на Русскую землю, а на Москву того ради не поѣхал, князи великіи заратишася между собою". Псковская лѣтопись, изданная на иждивеніи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Московскомъ Университетѣ, М. Погодинымъ (Москва, 1837), стр. 67, и Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, прилож. IX, стр. 443, сообщаютъ такое же извѣстіе о поставленіи Герасима митрополитомъ „на Русскую землю". Новгородская 3-ья лѣтопись (П. С. Р. Л. Т. III) подъ 6936 и 6942 г., стр. 238 повѣствуетъ о поставленіи Герасимомъ „митрополитомъ Московскимъ и всея Россіи" архіепископа Новгородскаго Евѳимія: „Въ лѣто 6936. Того же лѣта преставися владыка Евѳимій Брадатой; и возведенъ бысть на его мѣсто Евѳимій же съ Лисичьи горы, на владычество, Вяжищкой, а не поставленъ бысть шесть лѣтъ, и потомъ постави его Герасимъ митрополитъ *Московскій*, въ городѣ Смоленскѣ, маія въ 26 день, а поставленъ въ лѣто 6942". Подъ этимъ же годомъ вторично упоминается о поставленіи Евѳимія Герасимомъ „митрополитомъ Московскимъ и всея Россіи", стр. 238. Такія же свѣдѣнія сообщаютъ: Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку (1888) стр. 415, указывая точно день выѣзда Евѳимія изъ Новгорода (11-го апрѣля), Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ, стр. 67—68, житіе Евѳимія (въ „Памятникахъ" стар. русск. литер., издан. Кушелевымъ-Безбородко, т. IV, стр. 18). Несмотря на столь многочисленныя свидѣтельства памятниковъ, что Герасимъ былъ поставленъ въ митрополиты Московскіе и всея Руси, надо признать совершенно правильнымъ взглядъ профессора Е. Е. Голубинскаго, (и Антонія Петрушевича), что „должно быть принимаемо за гораздо и самымъ рѣшительнымъ образомъ болѣе вѣроятное, что Герасимъ былъ поставленъ въ митрополиты только Литовскіе, а не всея Россіи" (П. Р. Ц. Т. II, II.

хотя со всею вѣроятностью слѣдуетъ думать, что Герасимъ былъ поставленъ только въ митрополиты литовскіе и, слѣдовательно, его

— —

I, стр. 417 и 418) по слѣдующимъ соображеніямъ: нельзя допустить, чтобы императоръ и патріархъ константинопольскіе при тогдашнемъ значеніи московскаго великаго князя могли бы рѣшиться поставить въ митрополиты всея Россіи кандидата, присланнаго великимъ княземъ литовскимъ; свидѣтельства же лѣтописей (Новгородскихъ и Псковскихъ) имѣютъ тенденціозный характеръ, стараясь видѣть Герасима митрополитомъ московскимъ и всея Руси. Митрополитъ Фотій напрасно старался послѣ м. Кипріана добиться отъ Новгородцевъ возвращенія ему „мѣсячнаго суда“ и соединенныхъ съ нимъ пошлинъ. Поставивъ имъ двухъ архіепископовъ (Симеона и Евѳимія 1-го (Брадатаго), Фотій отказался поставить имъ избраннаго Евѳимія 2-го (Вяжицкаго), который будучи избранъ 13 ноября 1428 или 1429 года за два съ половиной или полтора года до смерти Фотія, все время оставался непосвященнымъ при немъ. И самъ Евѳимій (2-й) и Новгородцы могли совершенно основательно опасаться, что и преемникъ Фотіевъ поставитъ посвященіе новгородскаго архіепископа въ зависимость отъ ихъ согласія предоставить митрополиту права „мѣсячнаго суда“; поэтому, воспользовавшись отсутствіемъ митрополита въ Москвѣ и существованіемъ особаго митрополита въ Литвѣ, Новгородцы старались достигнуть посвященія своего архіепископа не вполнѣ законнымъ образомъ посвященіемъ его не у своего, а у чужого митрополита литовскаго. Лѣтописцы новгородскіе и псковскіе и авторъ житія архіепископа Евѳимія старались оправдать этотъ незаконный поступокъ и придать ему вполнѣ легальный характеръ настойчивымъ утвержденіемъ того, что Герасимъ былъ поставленъ въ митрополиты московскіе и всея Руси. М. Макарій вполнѣ вѣритъ этимъ лѣтописнымъ сказаніямъ и говоритъ: „Впрочемъ, Герасимъ поставленъ былъ не для одной Литвы, а „на русскую землю“, и ему приписывали титулъ митрополита кіевскаго и всей Россіи и впослѣдствіи даже московскаго и всей Россіи. Онъ остановился въ Смоленскѣ и не пошелъ въ Москву потому только, что тамъ продолжались княжескія междоусобія“. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 104—105, примѣчаніе 111; тотъ же взглядъ высказываетъ еписк. Арсеній („Лѣтопись церк. событ.“, стр. 532 -533). А. Доброклонскій говоритъ, что Герасимъ былъ назначенъ не только для Литвы, но и для всей Россіи. А. Доброклонскій. Очерки исторіи русской церкви въ періодъ московской митрополіи. „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, 1885, кн. VII, стр. 71. С. М. Соловьевъ (И. Р. Т. IV, столб. 1259) даетъ вѣру лѣтописнымъ сказаніямъ. Н. М. Карамзинъ правильно считаетъ Герасима митрополитомъ литовскимъ (а его попытки подчинить себѣ русскихъ епископовъ считаетъ незаконными). И. Г. Р. Т. V, столб. 161. Вполнѣ обстоятельный взглядъ на Герасима высказываетъ Антоній Петрушевичъ въ изслѣдованіи „О соборной богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ“, (помѣщен. въ „Галицкомъ Историческомъ сборникѣ, издаваемомъ Обществомъ Галицко-русской Матицы“, вып. III, Львовъ, 1860). „По кончинѣ митрополита Фотія Литовскій князь Свидригайло отправилъ своего любимца Смоленскаго епископа Герасима въ Царьградъ, гдѣ онъ въ 1433 году посвященъ былъ патріархомъ въ митрополита Литовскаго, тогда какъ въ Москвѣ былъ *нареченъ митрополитомъ Іона*. Герасимъ, съ видами на оба престолы русской

поставленіе не могло служить препятствіемъ къ тому, чтобы Іона шелъ въ Константинополь искать себѣ посвященія въ митрополиты всея Руси или московскіе [1]). Но происшедшія въ Москвѣ событія заставили его замедлить и даже отложить свое путешествіе. Сперва его задержала свадьба великаго князя, бывшая 8 февраля 1433 года; не успѣлъ затѣмъ Іона собраться въ дальній путь и приготовить достаточное количество денегъ, столь необходимыхъ для успѣха дѣла въ Константинополѣ, какъ произошли безпорядки и смуты въ великомъ княженіи. Спустя непродолжительное время послѣ свадьбы Василія Васильевича [2]) возсталъ на него Юрій Дмитріевичъ и въ теченіе двухъ лѣтъ, 1433 и 1434-го, дважды удалялъ племянника съ великокняжескаго престола [3]). Конечно, при такой усобицѣ и неурядицахъ трудно было „нареченному“ митрополиту Іонѣ рѣшиться ѣхать въ Константинополь [4]), такъ какъ, отправившись при одномъ великомъ князѣ, онъ могъ возвратиться уже при другомъ и быть не принятымъ послѣднимъ. Но Юрій Дмитріевичъ, занявъ вторично великокняжескій престолъ 31-го марта 1434 года, умеръ на немъ спустя два съ небольшимъ мѣсяца 6 іюня [5]); изъ трехъ оставшихся послѣ Юрія сыновей два младшихъ (Дмитрій Шемяка и Дмитрій Красный) желали видѣть великимъ княземъ лучше Василія Ва-

церкви, избралъ мѣстомъ своей каѳедры Смоленскъ, жилъ подъ покровительствомъ князя Свидригайла, опасаясь отъѣхати въ Москву для возникшихъ тамъ-же смятеній“. Стр. 46—47.

[1]) О митрополитѣ Герасимѣ см. сочиненіе А. Коцебу (въ русск. перев.)— „Свидригайло, великій князь Литовскій“ (Спб. 1835), гдѣ въ прибавл. II. стр. 22, 26, помѣщены папскія буллы къ Свидригайлу и Герасиму, которые замышляли принять участіе въ начинавшемся тогда дѣлѣ соединенія церквей. II. С. Р. Л. Т. IV, стр. 209. Т. V, стр. 28; Лѣт. вел. кн. Лит., стр. 56 (въ „Запискахъ“ II отд. Акад. Наукъ. Т. I); Псковск. лѣт., изд. М. Погодинымъ, стр. 70; М. Макарій. II. Р. Ц. Т IV, стр. 105 — 106; V, стр. 338; VI, стр. 9; С. М. Соловьевъ. II. Р. Т. IV, столб. 1259; „Галицкій Историческій Сборникъ, издав. Обществомъ Галицко-русской Матицы“, вып. III, Львовъ, 1860, стр. 46—47; Н. М. Карамзинъ. II. Г. Р. Т. V, столб. 163. Прибавленія къ изданію твор. св. отцевъ. Годъ четвертый, стр. 227.

[2]) О свадьбѣ великаго князя II. С. Р. Л. Т. VI, стр. 148 (7 февраля 1433 г.).

[3]) II. С. Р. Л. Т. VI, стр. 148—149; VIII, стр. 97—98. С. М. Соловьевъ. II. Р. Т. IV, столб. 1258—1259; Н. М. Карамзинъ. II. Г. Р. Т. V, столб. 150—156. А. II. Т. I, № 40; С. Г. Г. и Д. Т. I, №№ 49 и 50.—„Двѣ договорныя взаимныя грамоты князя Георгія (Юрья) Дмитріевича Галицкаго и сына его князя Дмитрія меньшаго, съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ...“ (1433 г.). стр. 99—104.

[4]) Митр. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 8—9; Т. IV, стр. 104.

[5]) Архангелогородск. лѣт., стр. 119; С. М. Соловьевъ. II. Р. Т. IV, столб. 1058. Карамзинъ. II. Г. Р. Т. V, столб. 154.—См. также С. Г. Г. и Д. Т. I, № 51 („Духовная Грамота Георгія (Юрья) Дмитріевича Галицкаго...“), стр. 105—106.

сильевича, чѣмъ своего старшаго брата Василія Косого и, отрекшись отъ него, звали Василія Васильевича на великое княженіе въ Москву [1]). Вслѣдствіе этого Василій Васильевичъ возвратился на великокняжескій престолъ и спокойно сѣлъ на немъ [2]).

Послѣ прекращенія смутъ въ великомъ княженіи Іона, наконецъ, былъ посланъ Василіемъ Васильевичемъ въ Константинополь ставиться въ митрополиты съ посломъ великаго князя, „честнѣйшимъ боярином Василіемъ“, и съ прошеніемъ и грамотами „къ святому царю и святѣйшему патріарху“ [3]). Но долго откладываемое и, наконецъ, состоявшееся продолжительное путешествіе оказалось совершенно напраснымъ, такъ какъ не за много времени до прибытія Іоны въ Константинополь [4]), тамъ былъ поставленъ въ русскіе митрополиты одинъ изъ мѣстныхъ кандидатовъ—грекъ Исидоръ, послѣдній русскій митрополитъ изъ грековъ, пріобрѣвшій столь печальную извѣстность своей попыткой ввести на Руси флорентійскую унію, съ которымъ Іона, въ качествѣ простого спутника,

---

[1]) „Стоящимъ же княземъ Дмитріемъ в Володимери и приде к нимъ вѣсть, что отецъ ихъ князь Юрьи преставися, а братъ ихъ князь Василеи старешіи сяде на великомъ княженіи на Москвѣ. Посемъ же и самъ присла к нимъ повѣдая отчю смерть, а свое здоровье и княжение. Они же отвѣщаша, аще не восхоте Богъ да княжитъ отецъ нашъ, а тебѣ и сами не хотимъ. И послаша в Новъгородъ нижніи по великого князя Василья Васильевича, и приде князь великіи, и смирившися поидоша к Москве, а князь Василеи Юрьевичъ Косои побѣжа с Москвы во Орду, седе на великомъ княженіи мѣсяцъ единъ. А князь великіи Василіи Васильевичъ пришедъше сяде на своеи отчине на великомъ княженіи на Москвѣ...“ Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 117–118; Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ, стр. 70; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 149; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 98—99. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 154—155. См. у С. М. Соловьева. И. Р. Т. IV, столб. 1055—1059; у него же объ ослѣпленіи Василія Косого, возставшаго противъ великаго князя — Т. IV, столб. 1060—1061; Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, стр. 266—267. См. С. Г. Г. и Д. Т. I, примѣч. на стр. 107.

[2]) С. Г. Г. и Д. Т. I, №№ 52 и 53, 54 и 55, 56 и 57, 58, 59.

[3]) А. И. Т. I, № 39, стр. 73; Р. И. Б. Т. VI, № 62, 1441 г. „Посланіе великаго князя Василія Васильевича константинопольскому патріарху Митрофану, объ отступленіи отъ православія митрополита Исидора, съ требованіемъ согласія на поставленіе другаго митрополита, по избранію и рукоположенію русскихъ епископовъ“, столб. 529. Тоже самое посланіе, обращенное къ лицу греческаго императора, находится во 2-й Софійской лѣтописи (П. С. Р. Л. Т. VI), стр. 162—167.

[4]) А. И. Т. I, № 39, стр. 73; № 41, стр. 84; № 47, стр. 95; № 262, стр. 493; Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 530; № 66, столб. 561; № 71, столб. 579. „Галицкій Историческій Сборникъ“, издаваемый Обществомъ Галицко-русской Матицы, Вып. III, Львовъ, 1860, стр. 47.

со скорбью въ душѣ [1]), и возвратился въ Москву (2 апрѣля 1437 года [2]). Внутреннія неурядицы и смуты въ московскомъ государствѣ, какъ мы видѣли выше, препятствовали избранному кандидату на митрополію своевременно отправиться для поставленія въ Константинополь; но намъ остается неизвѣстной и неясной причина столь продолжительнаго промедленія грековъ въ дѣлѣ назначенія русскаго митрополита изъ своихъ собственныхъ греческихъ кандидатовъ. Профессоръ Е. Е. Голубинскій высказываетъ троякое предположеніе о причинахъ такого промедленія. Или, можетъ быть, греки были заняты своими тогдашними переговорами съ Западомъ по дѣлу о соединеніи церквей и потому не находили времени позаботиться о замѣщеніи каѳедры русской митрополіи; или они не торопились назначать митрополита въ Москву въ виду смутъ, происходившихъ на московскомъ великокняжескомъ престолѣ; или, можетъ быть, причиной медленія было и единственно то, что они вообще не очень торопились съ поставленіемъ русскихъ митрополитовъ [3]). Намъ кажется болѣе основательнымъ и вѣроятнымъ послѣднее предположеніе, такъ какъ небрежное до предосудительности отношеніе грековъ къ дѣламъ русской церкви можетъ быть многократно констатировано и въ предшествовавшее этому случаю время [4]). Трудно предположить, что переговоры о соединеніи церквей настолько поглощали вниманіе императора и патріарха, чтобы они не могли улучить немного времени для заботъ о русской церкви; что же касается второго предположенія о причинахъ медленности грековъ,—что смуты, происходившія на московскомъ великокняжескомъ престолѣ, удерживали ихъ отъ назначенія русскаго митрополита,—то этотъ взглядъ почтеннаго профессора имѣетъ за собой сликомъ мало основаній. Если эти усобицы могли препятствовать тому или или другому кандидату изъ русскихъ и ставленнику того или другого князя отправиться для посвященія въ Константинополь, такъ какъ было чрезвычайно рискованно отправиться въ путь при одномъ, расположенномъ къ кандидату на митрополію князѣ, а возвратиться при осилившемъ его противникѣ, который могъ враждебно отнестись къ митрополиту и не принять его, желая видѣть на митрополичьемъ

---

[1]) По личному признанію митр. Іоны въ посланіи къ кіевскому князю Александру Владимировичу: „А Исидора уже поставили на митрополію и о томъ велми поскорбѣхомъ, что ся намъ не поспѣло". А. И. Т. I, № 47, стр. 95.

[2]) П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 151; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 100.

[3]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 420.

[4]) Объ этомъ мы скажемъ ниже (гл. II).

престолѣ угоднаго ему кандидата,—то онѣ совершенно не препятствовали грекамъ прислать изъ Константинополя первосвятителя русской церкви изъ собственныхъ кандидатовъ. Скажемъ болѣе: если бы греки добросовѣстно относились къ дѣламъ русской церкви и радѣли бы о ея благѣ, то это обстоятельство (смуты на великокняжескомъ престолѣ) могло лишь заставить ихъ поторопиться присылкой въ Москву митрополита, какъ миротворца, могущаго утишить и прекратить усобицы и вражду между князьями. Не ставленникъ и приверженецъ того или другого князя, а присланный изъ Константинополя нейтральный митрополитъ, опирающійся на авторитетъ императора и патріарха, могъ явиться желаннымъ посредникомъ и примирителемъ враждующихъ князей. И, какъ увидимъ ниже, духовенство и особенно митрополиты съ честью и пользою для блага государства несли эту трудную обязанность миротворцевъ. Не даромъ покойный историкъ С. М. Соловьевъ, чутко и всесторонне осмысливший внутреннія отношенія въ московскомъ государствѣ, описывая усобицы разсматриваемаго времени, говоритъ слѣдующее: „Усобицы между Василіемъ и Юріемъ происходили, когда митрополита не было въ Москвѣ, *и мы съ увѣренностію можемъ сказать, что присутствіе митрополита дало бы иной характеръ событіямъ*... Мы видѣли, какъ побѣжденные князья требуютъ у побѣдителя, чтобъ онъ не призывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока тамъ будетъ митрополитъ, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности“ [1]). Такъ мы видимъ, что князь Иванъ можайскій, заключая договоръ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, прямо говоритъ въ договорной грамотѣ: „А къ тобѣ ми, Господине, къ Великому Князю не ездити, доколе Богъ дастъ намъ отца нашего Митрополита въ землѣ нашей“ [2]).

Была ли та или другая причина медленности грековъ, но должно думать, что собственные интересы грековъ, наконецъ, потребовали того, чтобы каѳедра русской митрополіи была замѣщена.

Уже давно греки вели переговоры съ Западомъ относительно соединенія церквей; еще со времени паденія латинской имперіи въ Константинополѣ и возстановленія византійской имперіи никей-

---

[1]) С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1258—1259. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 192—193. Дѣятельность митр. Фотія въ ближайшее къ разсматриваемому періоду время можетъ служить однимъ изъ лучшихъ доказательствъ нашего взгляда.

[2]) С. Г. Г. и Д. Т. I, № 66, „Договорная грамота князя можайскаго Ивана Андреевича съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ“, стр. 148 (1447 г.).

скимъ императоромъ Михаиломъ VIII Палеологомъ (1261–1282)[1], вслѣдствіе стѣсненнаго и затруднительнаго положенія возстановленной имперіи и лично ея государя начинаются переговоры съ римскими папами о соединеніи церквей. Сперва константинопольскіе императоры и всѣ люди политики страшились Запада и его притязаній на случайно доставшуюся и потомъ отнятую у него восточную имперію, и потому въ сближеніи съ папою императоры видѣли единственное средство удержаться на престолѣ, такъ какъ римскій первосвятитель одинъ могъ удержать западныхъ государей отъ новыхъ попытокъ завоевать Константинополь. Вскорѣ послѣ взятія Константинополя, Михаилъ Палеологъ вступилъ въ сношенія съ папою Урбаномъ IV, а потомъ Климентомъ IV, надѣясь получить помощь и поддержку отъ сильныхъ папъ и западныхъ государей. Эти переговоры окончились такъ называемой ліонской уніей (1274)[2]. Стѣсненное положеніе византійской имперіи заставило ея государя Михаила Палеолога искать помощи у римскихъ папъ; еще болѣе затруднительное положеніе Византіи побудило ея представителей императоровъ вновь (въ концѣ XIV вѣка) искать въ Римѣ помощи и поддержки отъ надвигавшейся на нихъ страшной грозы. Византійской имперіи суждено было погибнуть отъ меча турокъ, которые,

[1]) О немъ смотри у проф. А. Лебедева. Очерки исторіи визант.-восточной церкви. Стр. 166—169. Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной. Христіанское Чтеніе. 1868. Ч. I. стр. 367–369.

[2]) О ліонской уніи и ея судьбѣ см. въ изслѣдованіи Е. Е. Голубинскаго „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1896, I, стр. 15; А. П. Лебедева. Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Москва. 1892. (II. „Взглядъ на взаимныя отношенія церкви греческой и латинской“), стр. 79 и слѣд.; Е. Смирновъ. Исторія христіанской церкви, (изд. 4-ое, Спб. 1886), стр. 403–409. Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной на греческомъ востокѣ и латинскомъ западѣ. (1053 – 1453). (Христіанское Чтеніе. 1867. Ч. II. стр. 751—764; 1868. Ч I, стр. 367—368). Іером. Владиміръ Никольскій. „Ліонская унія“, (Православное Обозрѣніе, 1867, №№ 5, 6, 8, 9); „Лѣтопись церковныхъ событій“ Епископа Арсенія (изд. 3, Спб. 1900), стр. 464—478. См. также у А. Попова. Историко-литературный обзоръ—„Пренія Панагіота съ Азимитомъ“, стр. 238–286; „Преніе Панагіота съ Азимитомъ“ (изд. Н. Красносельцевымъ, Одесса, 1896); „Посланіе съ исповѣданіемъ вѣры, посланное отъ всѣхъ Святогорцевъ къ царю Михаилу Палеологу“ (Чт. въ Общ. Л. Д. П. 1894); А. С. Павловъ. Критическіе опыты, гл. IV и друг.—Римско-католическіе правовѣды вносятъ въ списки вселенскихъ соборовъ не только семь соборовъ, признаваемыхъ православною церковью, но и нѣкоторые другіе (20 вс. соб.), не признанные за таковые церковью православной. Въ числѣ ихъ находятся соборы Ліонскій I (1245), Ліонскій II (1274), Вьенскій (1311), Констанцкій (1414—1418), Базельскій (1431—1449), Флорентійскій (1439) и друг.

начавъ ея завоеваніе въ концѣ XIII вѣка, къ концу XIV вѣка довели покореніе Византіи до того, что имперія начала ограничиваться лишь самымъ Константинополемъ съ весьма ничтожной его окрестностью, небольшимъ побережьемъ Чернаго моря и незначительными владѣніями въ Θессаліи и Пелопонесѣ [1]). Въ минуту смерти императора Іоанна VI Палеолога (16 февр. 1391 года) имперія византійская состояла изъ самаго Константинополя съ ничтожною его окрестностью, которая заключалась внутри Анастасіевой великой стѣны, шедшей отъ Селимвріи или Силивріи на Мраморномъ морѣ до Деркоса близъ Чернаго моря [2]), изъ небольшого владѣнія въ Θессаліи, съ главнымъ городомъ Θессалоникой, и изъ незначительнаго владѣнія въ южномъ Пелопонесѣ, съ главнымъ городомъ Спартой. Въ этой крайности единственной, хотя и слабой надеждой, представлялась императорамъ помощь Запада, помощь крестоносныхъ дружинъ и стало быть опять помощь папы, который одинъ могъ вліять на западныхъ государей и располагать ихъ войсками. Такимъ образомъ, по вѣрному замѣчанію проф. А. Л. Катанскаго, въ теченіе всего времени до паденія Константинополя въ 1453 году,— „папа представлялся константинопольскому двору центромъ, сосредоточивавшемъ на себѣ всѣ его надежды". Въ виду этихъ надеждъ съ одной стороны и опасностей съ другой, императорамъ гибнущей Византіи казались неизбѣжными болѣе или менѣе важныя уступки папѣ и, по ихъ мнѣнію, это долженъ былъ сознавать всякій, кто дорожилъ счастьемъ и благомъ своего отечества и своею собственною безопасностью [3]).

Состояніе византійской имперіи при ничтожномъ Мануилѣ II (съ 1391 г.) [4]), который открылъ сношенія съ римскимъ папою, было

---

[1]) Е. Е. Голубинскій. „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами", Чтенія въ Общ. Истор. и Древн., 1896, I, стр. 6. Означенная статья составляетъ продолженіе работы того же автора подъ тѣмъ же названіемъ помѣщенной въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" за 1892 г. Т. I, стр. 45—76; 277—312, 485—506. Т. II, стр. 34—72, 197—223 Ниже мы остановимся на этомъ капитальномъ трудѣ.

[2]) Тамъ же, стр. 6 — 7, примѣч. 2. О состояніи имперіи въ это время см. Г. Ф. Герцберга. Исторія Византіи. Переводъ П. Безобразова, (Москва. 1897), стр. 501 и слѣд.

[3]) А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной. Христ. Чтеніе. 1867. Ч. II, стр. 746. У него же мы находимъ и обозрѣніе попытокъ къ соединенію церквей отъ ліонской уніи до флорент. собора. Христ. Чт. 1868. Ч. I, стр. 386—399; 557—590. А. П. Садовъ. Виссаріонъ Никейскій на ферраро-флорент. соборѣ. Христ. Чт., 1882. Ч. I, стр. 105.

[4]) Мы позволимъ себѣ привести сжатую и сильную характеристику послѣднихъ византійскихъ императоровъ, дѣлаемую проф. А. Лебедевымъ: „О

самое жалкое. Почти все было во власти турокъ. Самъ Мануилъ, еще при жизни отца, по требованію султана Баязета, долженъ былъ участвовать въ его походахъ; его отецъ по приказанію того же султана долженъ былъ разрушить начатыя укрѣпленія въ своей же собственной столицѣ. Отъ Мануила Баязетъ потребовалъ, чтобы въ самомъ Константинополѣ были мечеть и свой кадій для турокъ, въ случаѣ же неисполненія этого требованія султанъ угрожалъ запереть императора въ стѣнахъ его столицы [1]). Исполняя эту угрозу, онъ началъ опустошать всѣ города и селенія, лежавшіе близъ Константинополя и переселялъ жителей на другія мѣста. Въ то же время его войска опустошали Пелопонесъ и города при Черномъ морѣ. Возлѣ Константинополя расположены были войска, препятствовавшія подвозу хлѣба въ столицу, жители которой доходили до отчаянія отъ голода. Чрезъ шесть лѣтъ императоръ Мануилъ, по требованію Баязета, долженъ былъ раздѣлить свою безсильную власть съ племянникомъ Андроникомъ, который призналъ себя данникомъ султана, и лично искать помощи у государей западной Европы. Во время его отсутствія Константинополь едва не былъ взятъ Баязетомъ. Но появленіе Тимура и его побѣды надъ султаномъ отсрочили до времени паденіе имперіи, продливъ ея агонію, и возвратили единовластіе Мануилу. Сынъ и преемникъ Баязета — Магометъ I хранилъ миръ съ греческимъ императоромъ. Но немногое оставалось во власти византійскаго императора: въ Азіи онъ уже раньше лишился всѣхъ своихъ владѣній; Магометъ возвратилъ Мануилу разоренные города при Черномъ морѣ, Пропонтидѣ и въ Θессаліи. Въ этихъ опустошенныхъ и разоренныхъ городахъ заключалась вся имперія. Даже и этими жалкими остатками императоръ владѣлъ только по благосклонности султана [2]). Тотчасъ послѣ смерти Магомета I (1421) началась размолвка между преемникомъ

послѣднихъ византійскихъ императорахъ—Іоаннѣ, Мануилѣ, опять Іоаннѣ и Константинѣ Палеологахъ—едва-ли стоитъ говорить. Они представляютъ собою печальные образы религіозно-нравственныхъ несовершенствъ. Достаточно прочесть двѣ страницы у Гиббона (VII, 166 — 167), на которыхъ говорится объ императорѣ Іоаннѣ Палеологѣ (XIV в.) и его сынѣ Мануилѣ, чтобы убѣдиться, до какого нравственнаго паденія доходятъ послѣдніе Палеологи". Правда, проф. Лебедевъ добавляетъ, что „нѣкоторое исключеніе" представляетъ собою лишь Константинъ Палеологъ, послѣдній императоръ Византіи. „Очерки исторіи византійско-восточной церкви", стр. 173—174.

[1]) Исторія флорентійскаго собора (Москва. 1847). стр. 13.

[2]) Тамъ же, стр. 13.

его Мурадомъ II и императоромъ Мануиломъ [1]). Въ маѣ этого же года турецкіе отряды стали появляться подъ стѣнами Константинополя, а 10 іюня султанъ лично повелъ правильную осаду столицы. Всѣ окрестные города и селенія были разграблены и сожжены; толпы плѣнниковъ были уведены на продажу. Императоръ Мануилъ лежалъ на одрѣ болѣзни, и дѣло защиты предоставилъ сыну Іоанну. Греки едва отражали штурмы турокъ и только извѣстіе о возмущеніи въ Азіи, полученное султаномъ, заставило его прекратить осаду Константинополя и на нѣкоторое время отсрочить паденіе Новаго Рима [2]). Императоръ Мануилъ не задолго до своей смерти, послѣдовавшей въ 1425 году, имѣлъ, по вѣрному замѣчанію современнаго историка и государственнаго человѣка Георгія Францы (или Франтцеса) (Chronicon lib. I, 40) [3]), великое неблагоразуміе раздѣлить эти жалкіе остатки имперіи между шестью своими сыновьями на особыя владѣнія или деспотіи (удѣлы), такъ что послѣ этого самая имперія начала ограничиваться однимъ Константинополемъ съ прилежащей къ нему крохотной мѣстностью [4]). При преемникѣ Мануила, Іоаннѣ VIII Палеологѣ, границы имперіи (по плачевному для Византіи договору 22 февр. 1424 года) сократились еще болѣе и императоръ платилъ султану Мураду II по 100,000 аспровъ (30,000 дукатовъ). Султанъ распоряжался въ имперіи какъ самовластный государь, набиралъ войска изъ грековъ; турки грабили, опустошали области и разселяли жителей. Императоръ безсильный и без-

---

[1]) Объ этомъ см. „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія (изд. 3, Спб. 1900), стр. 526; Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи (переводъ П. В. Безобразова. Москва, 1897), стр. 534.

[2]) „Лѣтоп. цер. соб.“ стр. 526—527. Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи, стр. 535—537.

[3]) Migne. Patrologiae cursus completus. S. G. T. CLVI, col. 736. О немъ см. тамъ же, T. CLVI, col. 637—1022. Въ этомъ же томѣ и извѣстія о жизни Г. Францы, col. 633—636. Проф. А. Лебедевъ. Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. (Москва, 1892), стр. 77—78.

[4]) Е. Е. Голубинскій. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Чтен. въ Общ. Ист. и Др., 1896. I, стр. 7. Дальнѣйшія территоріальныя измѣненія до окончательнаго завоеванія Византіи турками состояли въ томъ, что Оессалоника была продана Венеціанцамъ еще при жизни Мануила (1423 г.) и что деспотъ пелопонезскій Константинъ, послѣдній императоръ (съ 1449 г.) овладѣлъ было всѣмъ Пелопонесомъ и даже нѣкоторыми частями Аттики и Беотіи. Еще въ 1366 году султанъ Мурадъ I (1359—1389), завоевавъ европейскую часть имперіи за исключеніемъ владѣній, указанныхъ выше, перенесъ свою столицу изъ азіатской Бруссы въ Адріанополь.

помощный былъ лишь зрителемъ несчастій своего народа. Его немногочисленныя войска были большею частью наемныя, флотъ ничтожный, финансы же находились въ ужасномъ разстройствѣ [1]). Развалины греческаго царства должны были перейти въ руки османовъ въ видѣ легкой добычи; паденіе одряхлѣвшей имперіи становилось очевиднѣе съ каждымъ днемъ [2]). Слабые и ничтожные императоры вполнѣ понимали это. Но они также знали, что, пока Константинополь находится въ рукахъ грековъ, они могутъ еще найти помощь у государей Запада и питать надежды на успѣхъ борьбы съ турками. Они понимали, что, пока не уничтожится раздѣленіе между церквами (западной и восточной), папы, имѣвшіе столь сильное вліяніе на ходъ политическихъ событій, и западные государи (подъ вліяніемъ римскихъ первосвятителей) скорѣе допустятъ турокъ взять и разрушить Византію, нежели поднимутъ оружіе на ея защиту. Сознавая всю свою безпомощность и безсиліе, императоры пришли къ мысли о томъ, чтобы искать поддержки у государей Запада. Но схизматическимъ императорамъ (а таковыми въ глазахъ Запада были византійскіе императоры) [3]) можно было получить эту помощь только съ соизволенія и содѣйствія папъ. Такъ какъ это соизволеніе и содѣйствіе римскихъ первосвятителей можно было пріобрѣсти лишь посредствомъ церковнаго союза съ ними или уніи,—то императоры и прибѣгли къ этому средству спасенія изнемогающей и рушащейся имперіи, чтобы сохранить ея жалкіе остатки. Очень долгое время тянулись безрезультатные переговоры императоровъ съ папами; по вѣрному замѣчанію профессора Е. Е. Голубинскаго, пока опасность отъ турокъ не была слишкомъ настоятельною, императоры вели переговоры съ папами объ уніи не столько для дѣйствительнаго устроенія послѣдней, сколько

---

[1]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 14; „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія, стр. 528—529; Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи, стр. 537.

[2]) О такомъ стѣсненномъ положеніи Византіи говоритъ и „Инока Симеона іерея суждальца повѣсть како римскій папа Евгеній составн осмый соборъ съ своими единомышленики“: „Тогда греческая власть божіимъ попущеніемъ за грехи наша паипаче оскудеваше от варварскаг(о) нахожденія и от турскаго плѣненія грады і веси многи опустѣваху“. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 344. „Греческая имперія находилась тогда въ крайней опасности. Она заключалась уже почти въ одиѣхъ стѣнахъ столицы. Но Оттоманы готовы были сокрушить ее и въ стѣнахъ столицы“. Архіепископъ (Черниговскій) Филаретъ, И. Р. Ц. (изданіе 5-ое). Періодъ III, стр. 97.

[3]) Объ этомъ см. у Е. Смирнова. Истор. христіанск. церкви (4-ое изд. Спб. 1886), стр. 403.

для самыхъ переговоровъ, чтобы устрашать ими турокъ, которые очень опасались помощи грекамъ со стороны западныхъ народовъ [1]). Наконецъ, послѣ довольно продолжительной остановки переговоры были снова возобновлены въ 1415 году. Императоръ Мануилъ рѣшился открыть ихъ и Іоаннъ VII продолжалъ, надѣясь придти къ соглашенію и возсоединить разрозненныя церкви. Они думали, что вселенскій соборъ (на основаніи св. писанія и отеческаго преданія) разрѣшитъ всѣ несогласія между церквами, примиритъ западъ съ востокомъ въ дѣлѣ вѣры, и тогда всѣ западныя державы, забывъ прежнюю религіозную вражду, единодушно возстанутъ противъ невѣрныхъ турокъ. Что именно надежда получить помощь тѣснимой имперіи чрезъ соединеніе церквей заставляла того или другого императора обращаться къ папамъ съ предложеніемъ о соединеніи церквей, это не было ни для кого тайной: всѣ знали, что византійское правительство искало союза съ Римомъ, желая этимъ защитить имперію отъ ея многочисленныхъ враговъ и предохранить ее отъ паденія.

До насъ дошелъ интересный документъ, свидѣтельствующій о стѣсненномъ положеніи Византіи во время, предшествовавшее флорентійскому собору. Это—„грамота патріарха Матѳея къ митрополиту Кипріану съ просьбою о милостынѣ въ пользу Царяграда, тѣснимаго невѣрными“ [2]), еще лишній разъ доказывающая справедливость словъ Н. М. Карамзина, что „Византія, нѣкогда гордая и столь богатая, уже не стыдилась жить милостью иноплеменниковъ“ [3]). Прося митрополита оказать помощь „христіанамъ и Великой церкви... стѣсненнымъ осадою и войною палегающихъ враговъ“, патріархъ пишетъ: „пусть онъ (архіепископъ виѳлеемскій, посланный патріархомъ на Русь въ качествѣ апокрисіарія), сколько можетъ содѣйствуетъ посланнымъ предъ нимъ апокрисіаріямъ въ

---

[1]) Е. Е. Голубинскій. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. 1896, I, стр. 7. Что турки дѣйствительно боялись помощи западныхъ государей см. „Исторію флорентійскаго собора“, гдѣ имѣется ссылка на замѣчательныя слова изъ послѣдней, предсмертной бесѣды императора Мануила къ его сыну (Истор. Францы 3, 13 (Ed. Bonn. 1838) p. 178), стр. 15. „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія, стр. 528—529.

[2]) Изъ Acta Patriarchatus. T. II, p. 359—361. Грамота сохранилась безъ даты, но изъ содержанія видно, что она писана въ то время, когда императоръ Мануилъ, раздѣливъ власть съ своимъ племянникомъ Іоанномъ Палеологомъ, отправился на западъ искать помощи въ войнѣ съ турками; а это было въ 1400 г. Р. И. Б. Т. VI, приложенія, № 46, столб. 311—316.

[3]) Н. М. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 162.

принятіи того, что̀ Богъ далъ собрать на помощь христіанамъ, пусть они соединятся вмѣстѣ и, какъ можно скорѣе, несутъ сюда эти [подаянія]: ибо мы находимся въ великой нуждѣ (εἰς μεγάλην γὰρ ἀνάγκην ἐσμέν). А врагъ и непріятель нашъ, прослышавъ о соединеніи святыхъ царей и о томъ, что высочайшій и святой мой царь (ὁ κράτιστος καὶ ἅγιός μου βασιλεύς) куръ Мануилъ вооружается въ странахъ Франковъ на защиту столицы (ὁπλίξεται ἀπὸ τῶν μερῶν τῆς Φραγγίας ὑπὲρ φυλακῆς τῆς πόλεως), ярится и поощряется на насъ (μαίνεται καὶ διεγείρεται καθ' ἡμῶν). Итакъ мы нуждаемся въ значительныхъ расходахъ и издержкахъ для своей защиты,—нуждаемся гораздо больше, чѣмъ прежде (χρεία οὖν ἡμῖν ἐξόδου καὶ ἀναλωμάτων πολλῶν πρὸς φυλακὴν ἡμετέραν, καὶ πολλῷ πλέον νῦν παρὸ πρότερον); и хотя мы надѣемся на многія и значительныя [приношенія] изъ тѣхъ странъ, однако желаемъ, чтобы и твое святительство не осталось безъ участія въ добромъ дѣлѣ: за это, возлюбленный братъ, да будутъ на тебѣ молитвы святыхъ Отецъ. Если ты, какъ другъ Ромеевъ (ὡς φιλορρώμαις ἄνθρωπος), и въ прежнія времена подвизался [за насъ], то [еще болѣе] поусердствуй теперь: наставь, убѣди, расположи всѣхъ дѣлать такъ, какъ мы внушаемъ и просимъ; увѣрь ихъ, что подаваемое на защиту святаго града (ὑπὲρ φυλακῆς τῆς πόλεως τῆς ἁγίας) важнѣе, чѣмъ литургіи, милостыня бѣднымъ, искупленіе плѣнныхъ: и кто принесетъ такое подаяніе, получитъ отъ Бога бо̀льшую награду, нежели тотъ, кто построитъ храмъ или нѣсколько монастырей и сдѣлаетъ на нихъ пожертвованія. Ибо этотъ святой градъ есть похвала, утвержденіе, освященіе и слава всѣхъ христіанъ во вселенной (τὸ γὰρ καύχημα τῶν ἁπανταχοῦ τῆς οἰκουμένης χριστιανῶν, τὸ στήριγμα, ὁ ἁγιασμὸς καὶ ἡ δόξα ἡ πόλις ἐστὶν αὕτη ἡ ἁγία), и -сколько нужно построить монастырей, сколько выкупить плѣнныхъ, чтобы достигнуть числа монастырей [Царя]града или его жителей! А для всѣхъ ихъ будетъ ктиторомъ и освободителемъ тотъ, кто руководимый Богомъ, сотворитъ милостыню и приношеніе на помощь граду и христіанамъ..." [1]).

Стѣсненное положеніе государства, скудость его средствъ не могли не отражаться на духовенствѣ, матеріальное положеніе котораго замѣтно и сильно ухудшается еще съ двадцатыхъ годовъ XIV столѣтія. И это, по мнѣнію проф. А. Лебедева [2]), происходитъ почти внезапно. Такой упадокъ матеріальнаго благосостоянія духовенства несомнѣнно стоитъ въ тѣсной связи съ оскудѣніемъ государ-

---

[1]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія. № 46, столб. 313—316.

[2]) Проф. А. Лебедевъ. „Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка", стр. 508.

ственной казны. Извѣстно, что уже къ концу царствованія Андроника Старшаго финансы имперіи пришли въ большой безпорядокъ; послѣ они, кажется, уже не поправлялись. Историкъ Григора, описывая царствованіе Іоанна (Кантакузена), остроумно замѣчаетъ относительно государственной казны того времени. „Кантакузенъ совершенно опустошилъ государственныя сокровищницы, такъ что въ нихъ ничего не осталось, кромѣ воздуха, праха, да еще развѣ, пожалуй, Эпикуровыхъ атомовъ“ [1]). Стало весьма сильно бѣдѣть государство, быстро оскудѣвала и церковь [2]). „Чѣмъ ближе подходитъ время къ заключенію XIV вѣка, читаемъ мы въ „Очеркахъ“ проф. А. Лебедева [3]), тѣмъ матеріальное положеніе патріарха Константинопольскаго,—не говоря уже о епископахъ,—становится хуже и хуже!“ Въ одной синодальной грамотѣ, писанной отъ имени патріарха Нила (1381 г.), и подписанной имъ, говорится: „ни одна (?) изъ митрополій не претерпѣваетъ такой бѣдности, въ какую впала великая церковь“ [4]). Нѣсколько позже патріархъ Матѳей (около 1400 г.) говоритъ отъ лица Константинопольскаго синода: *„мы бѣдны и нищи, и живемъ мы и клиръ нашъ милостынею христіанъ“* [5]). Положеніе же простыхъ священниковъ, несомнѣнно, было еще хуже. Состояніе духовенства въ XV вѣкѣ оставалось такимъ же тяжелымъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію проф. А. Лебедева, „не было причинъ, которыя могли бы измѣнить къ лучшему... бѣдственное матеріальное положеніе византійской іерархіи. Оно могло быть только хуже“ [6]). Въ такомъ печальномъ положеніи находились государство и церковь въ Византіи, наканунѣ феррара-флорентійскаго собора.

Современное состояніе церковныхъ дѣлъ на западѣ было также крайне благопріятно для задуманнаго греческими императорами соединенія церквей. Этимъ и объясняется то сочувствіе и необыкно-

---

[1]) Gregorae. Hist. Byzant. Lib. XV, cap. 11, p. 790 (у Лебедева).

[2]) Объ исключительныхъ мѣрахъ, къ которымъ прибѣгали конст. патріархи для поправленія финансовой части см. у А. Лебедева. Очерки, стр. 508—510. Право ставропигіи—см. въ изслѣдованіи проф. Т. Барсова. Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію (Спб. 1878), стр. 199—205. Miklosich et Müller. Acta patriarch. Constantin. T. I, p. 126—128. Проф. С. А. Терновскій. Очеркъ изъ исторіи Констант. церкви въ XIV вѣкѣ (въ „Труд. Кіевск. Дух. Акад.“ 1872, іюль).

[3]) Стр. 512.

[4]) Acta patriarch. T. II, p. 35.

[5]) Ibid., II, 484.

[6]) Очерки исторіи византійско-восточной церкви, стр. 512.

вѣшное усердіе, съ какимъ взялся римскій первосвятитель за вопросъ возсоединенія раздѣленныхъ церквей.

Еще со времени переселенія папъ въ Авиньонъ (1308) начались въ западной церкви большія замѣшательства, которыя произвели въ ней такъ называемый „великій расколъ". Въ теченіе полустолѣтія западная церковь была раздѣлена между двумя папами, изъ которыхъ одинъ оставался въ Италіи, а другой въ то же время жилъ во Франціи. Осыпая другъ друга проклятіями, папы производили великій соблазнъ, такъ какъ народъ и государи не знали, кого признавать истиннымъ и законнымъ пастыремъ церкви. Партія одного папы преслѣдовала партію и сторонниковъ другого и придумывала новыя противозаконныя средства къ умноженію своихъ доходовъ[1]). Среди такихъ смутъ и волненій появилось и окрѣпло среди государей и духовенства запада убѣжденіе, что западная церковь требуетъ преобразованія въ ея главѣ и членахъ, и что такого преобразованія нельзя ждать отъ самихъ папъ, но лишь отъ вселенскаго собора. Такимъ образомъ въ началѣ XV вѣка начали учреждаться на западѣ соборы, которые, объявляя притязаніе на названіе ихъ вселенскими, присвоили себѣ власть судить папъ, и заботились объ исправленіи безпорядковъ, произведенныхъ въ церкви ихъ честолюбіемъ и корыстолюбіемъ. Когда папы Григорій XII, поставленный итальянскими кардиналами, и Венедиктъ XIII, сидѣвшій въ то же самое время на папскомъ престолѣ въ Авиньонѣ, несмотря на убѣжденіе государей и епископовъ и на свое обѣщаніе не хотѣли отказаться отъ своихъ притязаній на римскую каѳедру—тогда, созванный противъ нихъ многочисленный соборъ въ Пизѣ (1409), низложилъ ихъ обоихъ, какъ схизматиковъ, еретиковъ и клятвопреступниковъ и избралъ на ихъ мѣсто папу Александра V. Но это избраніе не прекратило церковныхъ безпорядковъ, а лишь увеличило замѣшательство прибавленіемъ новаго, третьяго папы. По смерти Александра Іоаннъ XXIII подтвердилъ анаѳему двумъ своимъ противникамъ Григорію и Венедикту.

Соборъ Констанцкій (1414), желая прекратить эти неурядицы, воскресилъ старинное воззрѣніе церкви на вселенскіе соборы, какъ на верховную судебную и законодательную инстанцію въ дѣлахъ церкви, и особымъ декретомъ („Frequens") постановилъ періодиче

[1]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 15. См. также у Вызинскаго. „Папство и священная римская имперія въ XIV и XV в." (М. 1857); проф. Корелина. „Важнѣйшіе моменты въ исторіи средне-вѣкового папства" („Рус. Мысль", 1890) и др. Литература вопроса въ „Энциклоп. словарѣ" Брокгауза и Ефрона, Т. XXII А: подъ словомъ „Папство".

скій созывъ этихъ духовныхъ парламентовъ. Онъ торжественно провозгласилъ, что „соборъ вселенскій имѣетъ власть непосредственно отъ Господа Іисуса Христа, и всякій, даже папа, долженъ повиноваться ему во всемъ, что̀ касается вѣры, истребленія раскола и преобразованія церкви въ главѣ ея и членахъ. Если же папа или кто другой откажется слѣдовать постановленіямъ сего, или всякаго другого вселенскаго собора, подлежитъ приличной епитиміи, даже, въ случаѣ нужды, подвергается другимъ законнымъ наказаніямъ“ [1]). Этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе надъ самимъ Іоанномъ XXIII: соборъ осудилъ его и низложилъ за преступленія. На его мѣсто былъ поставленъ знатный Одонъ Колонна подъ именемъ Мартина V [2]). Соборъ желалъ еще приступить къ преобразованію церкви, но ему не удалось достигнуть чего-либо значительнаго и важнаго, такъ какъ папа препятствовалъ осуществленію дальнѣйшихъ и болѣе существенныхъ исправленій, откладывая исполненіе общихъ требованій преобразованія отъ одного собора до другого. Вслѣдствіе этого въ короткій промежутокъ времени слѣдовалъ цѣлый рядъ соборовъ, не достигшихъ преслѣдуемой ими главной цѣли; при томъ же папѣ Мартинѣ V были соборы: Павійскій (1423), Сіенскій (1424) и, наконецъ, Базельскій (27 августа 1431 г. по 7 мая 1449 г.), домогавшійся широкихъ церковныхъ реформъ и ставшій особенно страшнымъ для преемника Мартина V— Евгенія IV (1431—1448) [3]).

[1]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 17.

[2]) 11 ноября 1417 г.—1431 г.

[3]) Въ своихъ рѣшеніяхъ отцы Базельскаго собора проявили сильную вражду къ римской куріи. Съ января 1435 года соборомъ былъ изданъ цѣлый рядъ постановленій, направленныхъ противъ распущенности духовенства; въ дальнѣйшихъ же постановленіяхъ собора проглядывала тенденція ограничить папскую власть, расширивъ на ея счетъ власть духовной аристократіи и привилегій университетовъ. Въ 1436 г. (25 марта) былъ установленъ новый порядокъ избранія папы и весьма радикально преобразована коллегія кардиналовъ. Теперь папа долженъ былъ при вступленіи на престолъ принести присягу въ томъ, что онъ своимъ авторитетомъ будетъ содѣйствовать осуществленію принятыхъ вселенскимъ соборомъ рѣшеній и каждый годъ будетъ созывать его. Коллегія кардиналовъ была ограничена 24 членами изъ всѣхъ націй, съ соблюденіемъ того, чтобы ни къ одной не принадлежало болѣе трети этого числа. Переговоры же съ греками о церковной уніи повели къ окончательному разрыву между соборомъ и папой, такъ какъ и римскій первосвятитель и соборъ всевозможными способами и интригами старались привлечь грековъ на свою сторону. Оппозиція папскому престолу отцовъ Базельскаго собора, особенно послѣ того какъ приверженцы папы съ кардиналомъ Юліаномъ Чезарини покинули Базель, дошло до того, что 31 іюля 1437 г. папа съ своими кардиналами былъ приглашенъ явиться въ Базель, въ те-

Итакъ, мы можемъ видѣть, почему предложеніе византійскихъ императоровъ о соединеніи церквей было встрѣчено папами съ радостью и усердіемъ. Папы надѣялись, что предложенія императоровъ о соединеніи церквей доставятъ имъ удобный случай поддержать свою расшатанную и клонящуюся къ паденію власть и истребить распространившійся всюду духъ преобразованій церковныхъ. Они могли надѣяться на усиленіе своей власти, послѣ того, какъ вселенскій соборъ торжественно утвердитъ соединеніе церквей и ихъ власти будетъ подчинена обширная церковь восточная, и тогда преемнику апостола Петра удастся сдѣлаться верховнымъ главою всего христіанскаго міра, легко уничтоживъ всѣхъ, замышлявшихъ преобразованіе церкви и сомнѣвавшихся въ непогрѣшимости и самодержавіи римскихъ первосвященниковъ. Затруднительное положеніе римскихъ первосвятителей сдѣлало ихъ болѣе сговорчивыми въ переговорахъ о соединеніи церквей, и они уже не повторяли заносчивыхъ требованій, высказанныхъ въ 1267 г. Климентомъ IV въ его сношеніяхъ съ Михаиломъ Палеологомъ, что „римскій первосвященникъ, въ силу полноты власти даннаго ему Богомъ первенства, можетъ собственнымъ судомъ рѣшать возникающіе вопросы о вѣрѣ“ и что потому соборъ вовсе не нуженъ, даже онъ соблазнителенъ и неприличенъ. („Лѣтопись церк. соб.“, стр. 468). Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ главную роль въ попыткахъ къ введенію уніи игралъ разсчетъ, и одно это не обѣщало имъ желаннаго успѣха. Искренности въ переговорахъ о соединеніи церквей не было ни со стороны грековъ, ни со стороны латинянъ, такъ какъ и тѣ, и другіе подъ предлогомъ соединенія церквей преслѣдовали совершенно посторонніе цѣли.

Мы не станемъ подробно описывать исторію сношеній Константинополя съ Римомъ о соединеніи церквей, такъ какъ детальное

ченіе 60 дней, чтобы оправдаться предъ соборомъ по поводу ослушанія его постановленіямъ; далѣе, папа былъ временно лишенъ власти (24 января 1438 г.) и когда онъ и послѣ этого не явился, то соборъ, на основаніи такъ называемыхъ восьми католическихъ правилъ, торжественно осудилъ папу какъ закоренѣлаго еретика, объявилъ его окончательно отрѣшеннымъ отъ власти (25 іюня 1439 г.) и возвелъ на папскій престолъ герцога Амедея Савойскаго подъ именемъ Феликса V (5 ноября 1439 г.). О Базельскомъ соборѣ см. Wessenberg, Die allgemeinen Konzilien des XV und XVI Jahrhunderts. T. II; Binterim, Pragmatische Geschichte der deutschen National-Provinzial und vorzüglichsten Diözesan-Synoden. T. III; Hefele. Konziliengeschichte. T. VII; Voigt, Enea Silvio de Piccolomini, als Papst Pius II und sein Zeitalter. T. I и друг. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 165; „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія, стр. 532.

изслѣдованіе этого вопроса выходитъ изъ рамокъ нашего труда [1]). Какъ мы уже сказали выше, сношенія эти начались при Мануилѣ Палеологѣ [2]). Папа Мартинъ V, благосклонно принявшій предложеніе императора, послалъ письма къ нему и Константинопольскому патріарху Іосифу [3]), поставленному (въ 1416 г.) изъ Ефескихъ митрополитовъ [4]). Съ радостью привѣтствовали папу императоръ и патріархъ и благодарили его за попеченіе о соединеніи церквей, сообщая ему о томъ, что не находятъ другого средства къ утвержденію мира, кромѣ вселенскаго собора. По ихъ мнѣнію этотъ соборъ долженъ былъ, по выраженію великаго экклесіарха и дикеофи-

---

[1]) Глава II. „Исторіи флорентійскаго собора", стр. 18—38, представляетъ обстоятельное изслѣдованіе этого вопроса. См. также и у митр. Макарія И Р. Ц. Т. V, стр. 339—347. Проф. А. Л. Катанскій. „Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной". Христ. Чтен. 1868. Ч. I, стр. 590—592.

[2]) Начало этихъ сношеній относится къ 1415 году. Императоръ Мануилъ, занимаясь въ Морѣ постройкою укрѣпленія (ἐξαρίτιον т. е. шестимильная стѣна), отправилъ оттуда своего посла въ Италію, который и былъ при избраніи Мартина V на папскій престолъ. Synod. Florent. T. I, p. 551; Syropul. 2, 5. Истор. флор. соб., стр. 18.

[3]) Въ Константинополѣ приняли за особенный знакъ расположенія папы къ примиренію то, что онъ назвалъ патріарха своимъ братомъ, разрѣшилъ бракъ двумъ принцессамъ римскаго вѣроисповѣданія съ сыновьями Мануила (Іоанномъ и Ѳеодоромъ) и прислалъ индульгенцію въ пользу тѣхъ, кто будетъ защищать новопостроенное укрѣпленіе въ Морѣ. Истор. флор. собора, стр. 19.

[4]) Извѣстный Іосифъ II (1416 -1439), въ патріаршество котораго шли оживленные переговоры о созывѣ собора для соединенія церквей и состоялся ферраро-флорентійскій соборъ, не стоялъ по своимъ умственнымъ, нравственнымъ и церковно-административнымъ способностямъ на высотѣ своего призванія; его отступничество отъ православія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Болѣе извѣстныя событія изъ его жизни тѣсно связаны съ исторіей флорентійскаго собора. Повидимому, онъ охотно отправился на этотъ соборъ въ Италію, во главѣ греческаго духовенства, сопровождавшаго Іоанна (Migne. Patr. C. C. S. G. T. CLVII, col. 1005. Ducae. Historia Byzantina. Cap. XXXI) и былъ не мало польщенъ тѣмъ, что папа распорядился, чтобы Іосифа вездѣ встрѣчали съ большимъ почетомъ (Migne. P. C. C. S. G. T. CLVI, col. 795. Frantzae. Chronicon majus. Lib. II, cap. 16). На соборѣ онъ дѣйствовалъ въ пользу уніи. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что патріархъ Іосифъ такъ ревностно стоялъ за унію, что разсчитывалъ при помощи папы освободить греческую церковь отъ порабощенія, въ кототомъ она находилась у деспотическихъ императоровъ Византіи (Pichler. Geschichte der Kirchl. Trennung. B. I, s. 420). „Но если бы и дѣйствительно", говоритъ проф. А. Лебедевъ, „Іосифъ руководился такою цѣлью, то онъ захотѣлъ выбрать изъ двухъ золъ не меньшее, а большее". Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка, стр. 433—434.

лакса Сильвестра Сиропула[1]), свободно и непринужденно... изслѣдовать причины несогласія между церквами и, когда его рѣшенія, основанныя на ученіи древнихъ отцовъ церкви, будутъ всѣми приняты искренно и несомнѣнно,—тогда послѣдуетъ соединеніе[2]). На просьбу императора о помощи противъ турокъ папа немедленно издалъ буллу, которою призывалъ всѣхъ государей Европы къ изгнанію турокъ и предписывалъ епископамъ проповѣдывать противъ

---

[1]) Написанная Сиропуломъ исторія флорентійскаго собора издана въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ въ 1660 году англичаниномъ Робертомъ Крейгтономъ (Creyghton) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos sive Concilii Florentini exactissima narratio". Изд. Hagae. Comit. 1660 (in folio). Начало сочиненія Сиропула утрачено и подлинное названіе неизвѣстно; при раздѣленіи же на книги Сиропулъ называетъ свой трудъ—„Ἀπομνημονεύματα". Мы къ сожалѣнію не имѣли возможности пользоваться этимъ источникомъ для исторіи флорентійскаго собора въ подлинникѣ, вслѣдствіе отсутствія его въ библіотекахъ ученыхъ учрежденій Кіева; но отсутствіе труда Сиропула было нами восполняемо „Исторіей флорентійскаго собора" (М. 1847), написанной, по вѣрному отзыву проф. А. Попова, „по подлиннымъ, греческимъ и латинскимъ источникамъ, съ полнымъ безпристрастіемъ" (А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. М. 1875, стр. 326). Сочиненіе Сиропула „Правдивая исторія неправеднаго соединенія" появилось и въ русскомъ переводѣ, какъ кажется, не ранѣе 1756 года, и едва ли было распространено въ спискахъ. Въ настоящее время, по свидѣтельству А. Попова, извѣстенъ лишь одинъ списокъ XVIII вѣка, на 265 листахъ. Списокъ этотъ, находившійся въ рукописномъ собраніи г. Попова, имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Истинная гісторія неправаго соединенія между грекамі і латынами: или собора флоренскаго подлинное сказание еллински списано чрезъ Сілвестра Сгуропула, великаго екклисіарха и едінаго отъ пяти крестоносцевъ и таиныхъ совѣтниковъ патріарха константинопольскаго, который на томъ соборѣ самовидецъ былъ. Новопреведена на Россійскій діалектъ въ благополучное простолоправителство Святѣйшаго правительствующаго Всероссійскаго Синода члена великаго господина преосвященнаго Амвросія епископа Переяславскаго і Дмитровскаго і Ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря. Въ той же святой обители лѣта Господня 1756-го, индикта 4". Тамъ же, стр. 327. См. также Льва Аллація (Allacii). Exercitationes in Creyghtoni Apparatum, versionem et notas ad Historiam Con. Flor. scriptam a Sguropulo".—Кромѣ того, въ изслѣдованіяхъ проф. А. П. Садова. „Виссаріонъ Никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ". Христіанск. Чтен. 1882. Ч. I, стр. 94—137; 309—337; 625—666 и проф. А. Л. Катанскаго. „Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной (въ первый его періодъ) на греческомъ востокѣ и латинскомъ западѣ (1053–1453)". Христіанск. Чтен. 1867. Ч. II, стр. 222 - 251; 374—416; 471—514; 744—764; 1868. Ч. I, стр. 66—99; 367—399; 557—599—встрѣчаются обильныя цитаты изъ труда Сиропула.

[2]) Syropul. II, 8.

нихъ крестовый походъ [1]). Сношенія эти продолжались успѣшно, и уже былъ посланъ въ Константинополь папскій нунцій Антоній Массана, чтобы условиться съ императоромъ относительно мѣста и времени собора и условій соединенія и даже былъ назначенъ день для выслушанія предлагаемыхъ условій, какъ вдругъ императоръ, пораженный апоплексическимъ ударомъ, заболѣлъ и долженъ былъ передать бразды правленія сыну своему Іоанну [2]). 22 іюля 1425 года скончался императоръ Мануилъ, въ монашествѣ Матѳей и незадолго до смерти сказалъ сыну и преемнику своему: „Сынъ мой! Твердо и несомнѣнно знаемъ, что нечестивцы турки весьма опасаются, какъ бы мы не согласились и не соединились съ западными христіанами. Имъ представляется, что въ такомъ случаѣ западные принесутъ имъ великій вредъ изъ-за насъ. Посему ты не оставляй мысли о соборѣ и даже ищи его, особенно, когда будешь бояться нечестивцевъ, но не старайся приводить его въ исполненіе, потому что, какъ вижу, наши не согласны найти другого способа и образа единенія, согласія, мира, любви и единомыслія, какъ чтобы сами западные обратились и мы съ ними были въ тѣхъ же отношеніяхъ, какія существовали въ старину. Но это совершенно невозможно, и я боюсь, какъ бы не произошло худшее раздѣленіе, и такимъ образомъ мы будемъ выданы нечестивымъ“ [3]). Іоаннъ старался быть вѣрнымъ исполнителемъ политическихъ завѣтовъ своего отца.

Изъ дальнѣйшихъ переговоровъ выяснилось, что императоръ желалъ назначить мѣстомъ собора Константинополь, но не могъ точно опредѣлить времени, такъ какъ столицѣ Византіи угрожали турки [4]). Послѣ путешествія къ нѣмецкому императору Сигизмунду за помощью противъ турокъ, побуждаемый его совѣтами скорѣе приступить къ соединенію церквей, императоръ Іоаннъ возобновилъ сношенія съ Римомъ о соборѣ, но на этотъ разъ посланные императора не нашли прежняго согласія на учрежденіе собора въ Константинополѣ. Папскіе кардиналы увѣренно говорили имъ: „церковь римская—мать, а восточная—дочь; не мать должна идти къ дочери, а дочь къ матери“ и потому требовали, чтобы соборъ былъ созванъ

[1]) 10 іюля 1420 года.

[2]) Епископъ Арсеній. „Лѣтопись церковныхъ событій“ (изд. 3, Спб. 1900), стр. 528.

[3]) „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія, дѣлающ. ссылку на превосходное изложеніе жизни и дѣлъ Мануила: „Mémoire sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue“, во 2 части 19 тома „Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres“ (Paris. 1853), стр. 528—529. Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи, стр. 537.

[4]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 21.

въ Италіи. Кромѣ того, папа обѣщалъ прислать въ Константинополь суда и войско для охраненія города и выдать грекамъ до ста тысячъ флориновъ на проѣздъ и содержаніе во время собора [1]). Послы греческіе отказались принять эти условія безъ согласія императора. Присланному папскому посланнику [2]) императоръ выражалъ согласіе ѣхать въ Италію, но послѣ совѣщанія съ патріархомъ сталъ говорить иное и, отпустивъ папскаго посла безъ отвѣта, отправилъ къ папѣ военачальника Ягариса и протосинкелла Макарія съ наказомъ, содержаніе котораго, равно какъ и содержаніе отвѣта на него папы,—скрыто отъ насъ [3]). Но дальнѣйшія завоеванія турокъ, дѣлая болѣе затруднительнымъ существованіе имперіи, принуждали императора быть болѣе сговорчивымъ [4]): стѣсненный императоръ отправилъ новое посольство въ Римъ съ согласіемъ на предложенія Мартина V.

Патріархъ Константинопольскій, хотя соглашался публично съ желаніемъ императора, и, повинуясь его волѣ, просилъ у папы содѣйствія соединенію церквей,—но въ тайныхъ бесѣдахъ съ близкими ему клириками, говорилъ, что онъ ни за что не согласится ѣхать на соборъ въ Италію. Получать отъ папы содержаніе, говорилъ патріархъ, значитъ подчиняться его власти. А рабъ, какъ осмѣлится не повиноваться своему владыкѣ? Представимъ еще и то, каково будетъ наше положеніе на чужой сторонѣ, когда намъ откажутъ тамъ въ содержаніи и въ средствахъ къ возвращенію въ отечество? Да и почему бы не созвать собора здѣсь, въ Константинополѣ? Кто пріѣдетъ сюда съ запада, тотъ не будетъ имѣть нужды въ нашемъ вспоможеніи. Но если бы и потребовалось для того до ста тысячъ аспровъ, можно было бы собрать съ епископовъ. Митрополитъ русскій одинъ привезетъ такую сумму [5]); изъ нея импе-

---

[1]) Syropul. II, 12, 13.

[2]) Папскій посланникъ -Андрей, архіепископъ Колосскій, грекъ, перешедшій въ латинство.

[3]) Syropul. II, 14, 15.

[4]) Въ апрѣлѣ 1430 года была завоевана Ѳессалоника; въ октябрѣ того же года Янина. Н. М. Карамзинъ. II. Г. Р. Т. V, столб. 162: „Императоръ совѣтовался съ патріархами. Еще древнія предубѣжденія сильно отвращали ихъ отъ духовнаго союза съ надменнымъ Римомъ; но Амуратъ уже измѣрялъ окомъ Царьградъ, какъ свою добычу: *предубѣжденія умолкли*“.

[5]) Изъ этихъ словъ патріарха видно, что собственные интересы грековъ наконецъ заставили ихъ позаботиться о назначеніи русскаго митрополита, такъ какъ его деньги были очень нужны константинопольскому правительству. Эти денежные интересы заставляли византійскаго императора и патріарха не ставить чужихъ избранниковъ на каѳедрѣ русской митропо-

раторъ можетъ взять до двадцати тысячъ; столько же можетъ онъ получить и съ архіепископовъ Грузинскаго и Пекскаго (Сербскаго); восточные патріархи могутъ дать по двѣ тысячи, или по крайней мѣрѣ по тысячѣ флориновъ; изъ нашихъ богатые дадутъ по 1000, другіе по 600, иные по 300 и по 100 аспровъ [1]).

Императорскіе послы, прибывъ въ Римъ и не заставъ въ живыхъ Мартина V [2]), далеко не встрѣтили такого сочувственнаго отношенія къ дѣлу соединенія церквей у его преемника Евгенія IV [3]), который, хотя и соглашался созвать соборъ въ Италіи, но не высказывалъ особеннаго усердія въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ того, грековъ оскорбили нѣкоторыя его выраженія и требованія, которыхъ не высказывалъ его предшественникъ [4]). Но соборъ Базельскій скоро заставилъ новаго папу измѣнить свое отношеніе къ дѣлу соединенія церквей.

Уже вскорѣ послѣ открытія Базельскаго собора Евгеній IV могъ видѣть, что соборъ намѣренъ дѣйствовать въ духѣ независимости отъ папы; поэтому онъ поторопился закрыть его [5]) и назначить чрезъ полтора года соборъ въ Болоньѣ, подъ предлогомъ, что въ Италію должны прибыть греки для обсужденія вопроса о соединеніи церквей. Но отцы Базельскаго собора, сильные покровительствомъ могущественнаго императора Сигизмунда и участіемъ всѣхъ германскихъ государей и Франціи, съ твердостью объявили,

---

ліи, а назначать туда *своихъ* надежныхъ ставленниковъ, отъ которыхъ надѣялись получить бо́льшую помощь. На это обстоятельство обратилъ вниманіе покойный С. М. Соловьевъ по поводу желанія Витовта свергнуть Фотія со стола Кіевскаго и поставить туда своего кандидата Григорія Цамблака. И. Р. Т. IV, столб. 1255—1256 и слѣд. Думается намъ, что соображенія такого свойства, вѣроятно, имѣлись въ виду и при назначеніи Исидора.

[1]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 23—24. Приведенныя цифровыя данныя о суммѣ, могущей быть внесенной на созывъ и устройство собора отдѣльными іерархами востока, свидѣтельствуютъ еще лишній разъ о бѣдности и нищетѣ, господствовавшей на востокѣ и о томъ, что на богатую поддержку русскаго митрополита, могущаго своимъ взносомъ покрыть большую часть расходовъ по созыву собора, возлагались большія надежды. См. также у проф. В. С. Иконникова. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, стр. 282, 290—292. М. Макарія. И. Р. Ц. Т. V, стр. 286.

[2]) Папа Мартинъ V умеръ 20 февраля 1431 года.

[3]) Съ 3 марта 1431 года.

[4]) Самъ Евгеній IV былъ поставленъ въ затруднительное положеніе Какъ узнаемъ мы изъ Fleury (Histoire Ecclésiastique, 102, 33, 34) суммы, собранныя Мартиномъ на пособіе грекамъ для созыва собора, были послѣ его смерти расхищены его родственниками и новый папа долженъ былъ вступить съ ними въ открытую войну. Исторія флорентійскаго собора, стр. 24.

[5]) 18 декабря 1431 года.

что соборъ не намѣренъ перемѣнять мѣсто своего пребыванія и оставлять свое дѣло, но будетъ усердно дѣйствовать въ дѣлѣ истребленія ересей, исправленія нравовъ и водворенія мира. Вмѣстѣ съ этимъ заявленіемъ соборъ выразилъ надежду, что и папа Евгеній будетъ благопріятствовать собору, который открытъ властью его предшественника и его собственною. Соборъ также подтвердилъ опредѣленіе Констанцкаго собора о повиновеніи власти соборной всякаго лица и самого папы; кромѣ того, соборъ требовалъ къ себѣ Евгенія и угрожалъ, въ случаѣ его отказа, поступить съ нимъ по правиламъ церкви. Положеніе папы было критическое; опасаясь рѣшительныхъ дѣйствій собора и тѣснимый недовольными поддан-ными, которые заставили его тайно бѣжать изъ Рима—Евгеній IV уступилъ требованіямъ отцовъ Базельскаго собора (15 декабря 1433 года) и прислалъ своихъ уполномоченныхъ для присутствованія на соборѣ [1]).

Во время этихъ пререканій съ папою Базельскій соборъ началъ сношенія съ византійскимъ императоромъ; соборъ, узнавъ о жела-ніи грековъ единенія церквей отъ Андрея, архіепископа Колосскаго, приглашалъ грековъ къ себѣ, указывая, что его соборная власть выше папской, а потому можно успѣшнѣе достигнуть соединенія церквей. Такъ какъ на сторонѣ собора многіе короли и самъ импе-раторъ Сигизмундъ, то, по словамъ отцовъ собора, греки могутъ получить болѣе вѣрную и большую помощь отъ собора, чѣмъ отъ папы, дѣла котораго находятся въ самомъ затруднительномъ поло-женіи [2]).

Находя предложенія собора выгодными для себя, императоръ, хотя уже и началъ переговоры съ Евгеніемъ, посылаетъ въ Базель своихъ пословъ съ письмами отъ себя и патріарха, уполномочивъ ихъ согласиться отъ его лица на все то, что̀ будетъ постановлено ими вмѣстѣ съ соборомъ для утвержденія мира церквей [3]). Въ числѣ этихъ пословъ находился игуменъ монастыря св. Дмитрія, Исидоръ, впослѣдствіи назначенный на каѳедру русской митрополіи [4]).

---

[1]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 24—25.

[2]) Syropul. II, 21 (И. ф. с., стр. 26).

[3]) См. изслѣдованіе проф. А. И. Садова. Виссаріонъ Никейскій на фер-раро-флорентійскомъ соборѣ. (Христіанское Чтеніе. 1882. Ч. I), гдѣ изложена исторія борьбы между Базельскимъ соборомъ или точнѣе большинствомъ собора и папою, изъ-за того, которую изъ этихъ сторонъ греки признаютъ истинною представительницею западной церкви. Стр. 101 и слѣд.

[4]) Письма императора и патріарха находятся между дѣяніями Базель-скаго собора. Binii. Concil. T. VIII. p. 57, 297. Тамъ же находится полномочіе данное посламъ (отъ 11 октября 1433 года), p. 57. Кромѣ Исидора въ составъ

Папа Евгеній, узнавъ о посольствѣ императора къ Базельскому собору, немедленно измѣнилъ свое прежнее рѣшеніе и извѣстилъ императора, что онъ согласенъ на учрежденіе собора въ Константинополѣ. Эта перемѣна во взглядахъ Евгенія объясняется тѣмъ, что, хотя онъ и примирился съ соборомъ Базельскимъ, но не оставлялъ желанія распустить его; а предстоящій соборъ въ Константинополѣ былъ самымъ удобнымъ поводомъ для закрытія собора въ Базелѣ. Не зная о результатахъ переговоровъ своихъ пословъ въ Базелѣ, императоръ согласился на папскія предложенія, о чемъ и увѣдомилъ Базельскій соборъ.

Въ это время послы императора, послѣ продолжительныхъ совѣщаній съ депутатами Базельскаго собора, заключили съ нимъ договоръ [1]), по которому соборъ принималъ на себя всѣ расходы на проѣздъ, содержаніе и обратное отправленіе императора и епископовъ; соборъ обѣщалъ прислать суда и войска для охраненія Константинополя въ отсутствіе императора и рѣшался перенести свои засѣданія въ какое нибудь изъ предложенныхъ послами мѣстъ, но не въ Константинополь [2]). Было, наконецъ, обѣщано согласіе папы на всѣ распоряженія. Для утвержденія этихъ условій самимъ императоромъ было послано отъ собора посольство [3]), которое и привезло грекамъ 8000 флориновъ на приготовленія къ путешествію [4]).

Вмѣстѣ съ послами Базельскаго собора прибылъ и посолъ папы Христофоръ, потому что соборъ, узнавъ объ условіи, заключенномъ между папою и императоромъ, представилъ сильныя возраженія Евгенію [5]). Хотя въ своемъ письмѣ къ Базельскому собору

этого посольства входили: великій стратопедархъ Дмитрій Палеологъ и Іоаннъ Диспатъ. О посылкѣ Исидора на соборъ и его дѣятельности въ Базелѣ см. P. Pierling. „La Russie et le Saint-Siège". T. I, chap. prem., p. 10—12.

[1]) 17 сентября 1434 года.

[2]) Послы объявили, что а) если соборъ для соединенія церквей будетъ назначенъ въ Константинополѣ, то всѣ издержки императоръ приметъ на свой счетъ; въ противномъ случаѣ церковь западная должна оказать помощь грекамъ. б) Соборъ можетъ быть открытъ кромѣ Константинополя, въ Калабріи, Анконѣ, или другомъ приморскомъ городѣ, въ Болоньѣ, Миланѣ или другомъ городѣ Италіи; внѣ Италіи—въ Вѣнѣ, Будѣ или Савойѣ. в) Послы обѣщали, что на соборъ прибудетъ императоръ, патріархъ Константинопольскій и, по возможности, прочіе патріархи, съ епископами. Истор. флор. соб., стр. 28.

[3]) Посольство въ составѣ трехъ духовныхъ лицъ: Іоанна Рагузскаго, Генриха Мангера и Симона Фрейрона.

[4]) Syropul. II, 23, 24.

[5]) См. „Исторію флорентійскаго собора", стр. 29.

Евгеній IV и настаивалъ на открытіи собора въ Константинополѣ, но, отпуская своего уполномоченнаго съ послами Базельскаго собора, папа поручилъ ему подтвердить сдѣланныя соборомъ распоряженія; кромѣ того, папскому послу были сдѣланы тайныя порученія сколько возможно стараться вредить собору и употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы разстроить и прервать завязавшіяся сношенія собора съ греками, стараясь дѣйствовать на престарѣлаго патріарха Іосифа, который, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, весьма сочувствовалъ открытію собора въ Константинополѣ. Послы собора приложили всѣ усилія, чтобы склонить императора къ тому, чтобы онъ выбралъ для собора вмѣсто указанныхъ раньше городовъ, Базель. Императоръ готовъ былъ принять ихъ предложеніе, но раньше окончательнаго рѣшенія этого вопроса назначилъ коммиссію изъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ для разсмотрѣнія договора или декрета Базельскаго собора [1]).

Въ началѣ этого декрета была помѣщена, между прочимъ, слѣдующая фраза: „Hujus S. Synodi ab initio suae congregationis praecipua cura fuit, recens illud Bohemorum antiquumque Graecorum dissidium prorsus extinguere“ [2]). Сильно изумились греки, прочитавъ такія слова, оскорблявшія восточную церковь и ихъ религіозное чувство. Послы оправдывались тѣмъ, что обидныя для грековъ выраженія произошли отъ ошибки писавшаго декретъ, и всю вину слагали на самихъ грековъ, которые весь декретъ слышали на соборѣ и не протестовали противъ неудобныхъ выраженій. Наконецъ, было рѣшено сдѣлать новое вступленіе къ декрету, и, по одобреніи его греками, переписать декретъ и послать въ Базель для скрѣпы соборною печатью. Прочія статьи декрета были приняты безъ измѣненія; мѣсто же собора было рѣшено назначить только тогда, когда греки совершенно приготовятся къ отправленію. Папскій легатъ утвердилъ отъ имени папы всѣ сдѣланныя распоряженія, показавъ собранію папскую грамоту, дававшую ему это полномочіе. Декретъ былъ исправленъ, переписанъ и отправленъ въ Базель съ письмами императора, его брата Константина и патріарха Іосифа; въ нихъ сверхъ прежнихъ условій непремѣнно требовалось, чтобы на соборѣ присутствовалъ папа, какъ глава церкви римской и западной [3]).

[1]) Syropul. II, 25, 26, 27.

[2]) Можетъ быть въ переводѣ декрета на греческій языкъ „dissidium“ было выражено словомъ „αἵρεσις“. Во всякомъ случаѣ сопоставленіе грековъ рядомъ съ Гусситами было оскорбительно для православныхъ. „Исторія флорентійскаго собора“, стр. 30.

[3]) Эти письма находятся при дѣяніяхъ Базельскаго собора. Binii, T. VIII p. 301, 302.

Наконецъ, въ слѣдующемъ году былъ высланъ изъ Базеля исправленный декретъ, скрѣпленный печатью собора [1]. Императоръ сталъ созывать епископовъ на соборъ, посылая съ письмами и дарами въ различныя области восточной церкви. Представители церкви стали собираться въ Константинополь.

Такъ какъ греки желали, чтобы на этомъ соборѣ присутствовалъ и русскій митрополитъ, на щедрую денежную помощь котораго они, какъ мы видѣли выше, возлагали большія надежды, то ихъ собственные интересы, наконецъ, заставили ихъ позаботиться о замѣщеніи вдовствующей каѳедры русской митрополіи. Былъ рукоположенъ въ митрополиты русскіе Исидоръ, бывшій посолъ императора на Базельскомъ соборѣ, и ему при отправленіи въ Москву было поручено стараться, чтобы Русь приняла участіе въ дѣлѣ соединенія церквей и чтобы онъ привезъ съ собою пословъ и епископовъ на соборъ [2].

Вновь назначенный митрополитъ Исидоръ, по современнымъ и болѣе вѣрнымъ свидѣтельствамъ—природный грекъ, по свидѣтельствамъ же позднѣйшимъ и неизвѣстно откуда взятымъ—огречившійся болгаринъ [3], былъ несомнѣнно выдающійся человѣкъ съ

---

[1]) Онъ находится въ дѣяніяхъ этого собора (21 засѣданіе). Binii. T. VIII, p. 68.

[2]) Здѣсь мы оканчиваемъ описаніе сношеній византійскихъ императоровъ съ римскими папами и базельскимъ соборомъ по вопросу о соединеніи церквей: описаніе это мы считали не безполезнымъ и даже необходимымъ, такъ какъ оно, рисуя картину состоянія восточной имперіи и уясняя характеръ предварительныхъ сношеній, способствуетъ правильному пониманію флорентійскаго собора, которому пришлось сыграть такую большую роль въ исторіи церковно-государственныхъ отношеній московской Руси. Кромѣ того въ предварительныхъ сношеніяхъ участвовалъ и Исидоръ, впослѣдствіи митрополитъ русскій, одинъ изъ главныхъ виновниковъ флорентійской уніи. Ср. „Сказанія князя Курбскаго". Ч. II (Спб. 1833). „Объ исторіи о осьмомъ соборѣ и разорванію, или раздранію умиленному, восточныхъ церквей съ западными" стр. 246. Впослѣдствіи мы будемъ касаться исторіи флорент. собора, поскольку она необходима для всесторонняго освѣщенія и уясненія нашей основной задачи.

[3]) О происхожденіи Исидора см. подробно у Е. Е. Голубинскаго II. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 421—422, примѣч. 3; его же, „Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской (Москва. 1871), стр. 1, 214.

Современные греческіе лѣтописцы Дука—(Cap. XXXVI, ed. Paris. p. 142) (о немъ см. Migne. P. c. c. S. g. T. CLVII, col. 749 — 1166: col. 741 — 742) называютъ его грекомъ „Ῥωμαῖος τὸ γένος"; Л. Халкокондила (или Халкондила) (Laonicus Chalcocondyla, Atheniensis. Historiarum de origine ac rebus gestis Turcarum libri decem. Lib. VI, col. 291—292, Patrologiae cursus completus.

блестящимъ образованіемъ и большими талантами. Никоновская лѣтопись говоритъ о немъ, что онъ былъ „многимя языкомъ сказатель, і книжникъ“ [1]), а суздалецъ Симеонъ, ѣздившій впослѣдствіи съ нимъ на флорентійскій соборъ и написавшій повѣсть о послѣднемъ, говоритъ о немъ, что „болѣ всѣхъ грекове мнѣли

Series graeca posterior. T. CLIX - - называетъ его „φιλοπατρίς“ по отношенію къ Греціи; почти современный польскій лѣтописецъ Длугошъ, Lib. XII, Лейпциг. изд. (1711 г.), стр. 727—„natione Graecus“; русское современное произведеніе: „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню, и сказаніе о съставленіи осмаго сбора латыньскаго...“: „И пришедшу нѣкогда *Сидору греку* митрополитомъ на русскую землю...“ (А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 362); Новгородская 1-ая и Никоновская лѣтописи подъ 1437 г. Такой же взглядъ высказываетъ его современникъ, лично и близко знавшій Исидора—Эней Сильвій Пикколомини, бывшій съ 1458 г. по 1464 годъ папой подъ именемъ Пія II въ Запискахъ о своей жизни, изданныхъ подъ именемъ своего домашняго секретаря Іоанна Гобеллина—„Pii II Pontificis Maximi Commentarii rerum memorabilium, quae temporibus ejus contigerunt libri XII a Ioanne Gobellino“ опредѣленно указываетъ на греческое происхожденіе Исидора и на мѣсто его родины, именно—онъ говоритъ, что Исидоръ былъ грекъ изъ Пелопонеса—„fuisse Graecum ex Peloponneso“. Болгариномъ Исидора называетъ Густинская лѣтопись (П. С. Р. Л. Т. II, стр. 354, подъ 1438 годомъ: „Исидоръ Болгаринъ посвященъ бысть на митрополію Кіевскую, отъ патріарха Іосифа...“ Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ Черниговскій, называетъ Исидора словакомъ, безъ достаточныхъ основаній по совершенно неизвѣстнымъ даннымъ—(Исторія русской церкви. Періодъ третій. Москва. 1888. Изданіе книгопродавца Ферапонтова). „*Ватиканское* (курсивъ подлинника) извѣстіе объ уніи (слав. рук. № 12) называетъ Исидора словакомъ; это, вѣроятно, по его знанію славян. языка“. Стр. 93, прим. 1, а также въ „Обзорѣ“, § 90. Митр. Макарій также считаетъ Исидора болгариномъ. Профес. В. С. Иконниковъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи“ (Кіевъ. 1869) говоритъ, ссылаясь на м. Макарія, что м. Кипріанъ и Исидоръ были „южные славяне“, стр. 53. Профес. О. Бодянскій въ статьѣ „О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ“, Ч. О. И. и Др. Р., № 1 (М. 1846), выражаясь неопредѣленно о происхожденіи Исидора, считая его или македонскимъ грекомъ или славяниномъ (далматскимъ сербомъ или булгаромъ), думаетъ что онъ былъ „много огречившимся“. Стр. 16. Совершенно справедливо мнѣніе профессора Е. Е. Голубинскаго, что, „если бы и не имѣли мы положительныхъ свидѣтельствъ, что Исидоръ былъ природный грекъ, а не огреченный болгаринъ, то рѣшительнымъ образомъ доказывали бы намъ его греческую природность—во-первыхъ, тотъ авторитетъ, которымъ онъ пользовался между греками... во-вторыхъ—его греческій патріотизмъ, который извѣстенъ“... И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 422—423.

[1]) Никонов. лѣт. Ч. V, стр. 123.

Исидора великимъ философомъ, да того ради ждаше его“ [1]). Л. Халкокондила (Laonicus (т. е. Николай) Chalcocondyla, Atheniensis) въ своемъ сочиненіи „Historiarum de origine ac rebus gestis Turcarum libri decem“ называетъ его человѣкомъ ученымъ (ἐλλόγιμος) [2]), а Дука говоритъ, что изъ присутствовавшихъ на соборѣ греческихъ архіереевъ Виссаріонъ никейскій и Исидоръ русскій были образованнѣйшими (λογιώτεροι) [3]). Въ грамотѣ папы Евгенія IV, которой онъ возводитъ Исидора въ званіе папскаго легата, говорится: „Te, cujus virtus, et diligentia in hac sancta unione admodum cognovimus profuisse, et quem Dei benignitas preclaris virtutum dotibus illustravit, ac vitae integritate ac morum, nec non magnitudine consilii, rerum agendarum experientia, prudentia quoque, et sacrarum litterarum doctrina plurimum exornant...“ [4]). О блестящихъ дипломатическихъ способностяхъ Исидора свидѣтельствуетъ посылка его Іоанномъ Палеологомъ на Базельскій соборъ [5]), въ бытность его до поставленія въ митрополиты игуменомъ константинопольскаго монастыря св. Дмитрія.

2-го апрѣля 1437 года, во вторникъ на святой недѣлѣ прибылъ въ Москву, назначенный вопреки желаніямъ великаго князя, митрополитъ Исидоръ, въ сопровожденіи епископа Іоны, великокняжескаго и императорскаго посла.

Отказъ въ поставленіи Іоны и назначеніе митрополитомъ своего кандидата-грека несомнѣнно должны были сильно обидѣть и оскор-

---

[1]) А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. Прилож. X, „Повѣсть Симеона Суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ“, стр. 200.

[2]) Вотъ это мѣсто: „Τὸν δὲ Ἰσίδωρον, ἐλλόγιμόν τε ὄντα, καὶ φιλόπατριν, ἁλόντα τε ὕστερον ἐν Βυζαντίῳ ὑπὸ βαρβάρων, ἐπαμύνοντα τῇ πατρίδι“. Col. 292; (Isidorum virum prudentem partiaeque amantem, cum Byzantii pro patria pugnaret, a Barbaris captum esse constat). Col. 291. De rebus Turcicis. Lib. VI, col. 291 292. Patrologiae cursus complotus. Series graeca posterior. T. CLIX.

[3]) Гл. XXXI, p. 119. О немъ см. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca posterior. T. CLIX, col. 13 — 556; проф. А. Лебедевъ. Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. (Москва. 1892), стр. 78—79.

[4]) Historica Russiae Monimenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta, ab A. J. Turgenevio. Tomus I. (Petropoli, 1841), CXXI. An. 1439 Eugenii P. IV ad Isidorum Metropolitam totius Russiae, Lithuaniae, Livoniae, etc. (Fit legatus apostolicus in dictis partibus) p. 120; также Monumenta Poloniae—Тейнера T. II, p. 41.

[5]) См. рѣчь его на Базельскомъ соборѣ у Пирлинга въ его трудѣ „La Russie et le Saint-Siège“. T. I, p. 11.

бить великаго князя. Если въ прежнее время при избраніи кандидатовъ въ митрополиты въ самой Руси со стороны императора и патріарха было даваемо согласіе на ихъ поставленіе, то теперь, при усиленіи роста и могущества государства и авторитета великаго князя, и тогдашнихъ довольно дружественныхъ отношеніяхъ между московскимъ и константинопольскимъ дворами [1]), такой неожиданный отказъ могъ показаться еще болѣе оскорбительнымъ. Вотъ какъ говоритъ о приходѣ и пріемѣ имъ Исидора самъ великій князь въ своемъ посланіи въ Константинополь, писанномъ уже послѣ ферраро-флорентійскаго собора: „Не вѣмы же убо, за кое дѣло нашего прошенія не пріали, ни грамотамъ нашимъ, ни послу нашему, ни нашимъ посланнымъ съ нимъ словесемъ не вняша, того намъ епископа Іону на митрополію не поставили, и тому есмы не вмалѣ подивились... И о комъ ни посылахомъ, ни паки кого просихомъ, ни требовахомъ, того къ намъ послаша, а реку, сего Исидора. И Богу вѣдомо, аще не быхомъ того нашего изначялнаго православнаго христіаньства соблюдали и страха Божіа аще не быхомъ въ сердци имѣли, то никакоже не хотѣхомъ его пріяти отъ нудь: но за царскаго посла моленіе и за святѣйшаго патріарха благословеніе, а за оного сокрушеніе и многое покореніе и челобитіе, едва едва пріахомъ его“ [2]). Но согласившись принять Исидора,

[1]) О дружественныхъ отношеніяхъ между дворами константинопольскимъ и московскимъ, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, можно судить потому, что въ 1414 году императоръ Мануилъ женилъ своего сына Іоанна на дочери великаго князя Василія Дмитріевича, -Аннѣ. С. М. Соловьевъ. П. Р. Т. IV, столб. 1254, 1255, 1170. Объ этомъ повѣствуетъ Никоновская лѣтопись, указавъ, что такое рѣшеніе было предпринято послѣ совѣта великаго князя съ митрополитомъ Фотіемъ, причемъ это событіе относитъ къ 1411 году: „И по томъ совѣтъ сотвори князь великій Василеи Дмитриевичъ со отцемъ своимъ Ѳотѣемъ митрополитомъ о дщери своеи Аннѣ, юже хотяше дати в Греки в Костянтинъ градъ за царевича Ивана Мануилова сына; Ѳотѣяже митрополитъ благоволи ему тако быти, и благослови его. Тогожъ лѣта (1411) князь великій Василеи Дмитриевичъ отдаде дщерь свою княжну Анну в Царьградъ за царевича Ивана Мануиловича“. Никоновская лѣт. Ч. V, стр. 41. Н. М. Карамзинъ. П. Г. Р. Т. V, столб. 162. См. „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія (изданіе 3-ье, исправленное и дополненное. Спб. 1900), стр. 524.—О смерти княжны Анны см. тамъ же, стр. 525.

[2]) „Посланіе великаго князя Василія Васильевича константинопольскому патріарху Митрофану, объ отступленіи отъ православія митрополита Исидора, съ требованіемъ согласія на поставленіе другаго митрополита, по избранію и рукоположенію русскихъ епископовъ“. А. И. Т. I, № 39, стр. 73, Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 530. То же самое посланіе, обращенное къ лицу греческаго императора, находится во второй софійской лѣтописи.—П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 162—167.

„старины изначалныя не хотя рушити“ [1]) великій князь принялъ его, какъ читаемъ дальше въ посланіи „яко отца и учителя, съ многою честію и благимъ усердіемъ, по прежнему, якоже и опѣхъ преднихъ святѣйшихъ митрополитовъ нашихъ русскыхъ, мняще, яко да и сей единъ отъ нихъ есть, не вѣдуще, еже напреди хощетъ отъ него кое дѣло быти“ [2]).

Приведенныя выше слова посланія великаго князя относительно признанія имъ м. Исидора дѣлаютъ для насъ совершенно излишнимъ подробное опроверженіе ошибочнаго взгляда, высказываемаго профес. В. И. Сергѣевичемъ во II томѣ „Русскихъ юридическихъ древностей“. Полемизируя съ профес. В. С. Иконниковымъ относительно высказаннаго этимъ ученымъ взгляда, что „до временъ великаго князя Василія Дмитріевича государственныя грамоты обыкновенно подписывались: „По благословенію отца нашего митрополита“; но Василій Дмитріевичъ впервые употребилъ форму: „Божіею милостью“, и что „постоянно же эта форма употребляется со временъ Василія Темнаго“ [3]);—профессоръ Сергѣевичъ говоритъ: „Можно подумать, что Василій Дмитріевичъ старую формулу замѣнилъ новой, которая съ Василія Темнаго вошла въ общее употребленіе. Ничего такого у насъ не произошло. Отъ царствованія Васи-

---

[1]) А. И. Т. I, № 262, стр. 493.

[2]) А. И. Т. I, № 39, стр. 73; Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 530:—„Галицкій историческій сборникъ“. Вып. III. Львовъ. 1860. стр. 47. „Первоначальное рѣшительное нежеланіе Василія Васильевича принять Исидора нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что великій князь подозрѣвалъ въ присланномъ митрополитѣ латинника; но для такого объясненія дѣла нѣтъ ни малѣйшаго основанія ни apriori, ни въ положительныхъ свидѣтельствахъ“. Е. Е. Голубинскій. II. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 429, примѣч. 1. Митрополитъ Іона въ посланіи къ епископу Смоленскому Мисаилу категорически утверждаетъ, что во время пребыванія Исидора на Руси до поѣздки его на соборъ никто не вѣдалъ, что онъ явится измѣнникомъ православію. „А помни, сыну“, пишетъ Іона, „еще въ началѣ Исидорово къ намъ прихожденіе на митрополью, рекши по изначальству отъ Царствующаго града, а тогды же сокровено все лукавство въ сердци имѣя на наше великое православіе, еже бы привернути святую нашу зборную апостольскую церковь греческую къ римской церкви, и наше все великое православіе поддати въ римскаа законоположеніа и ученіа о всемъ римскіа церкви (а никому еще тогды того вѣдущу)“. А. И. Т. I, № 62, стр. 110; Р. И. Б. Т. VI, № 88, I, столб. 660. То же самое м. Іона повторяетъ въ грамотѣ черниговскому епископу Евѳимію; см. А. И. Т. I, № 273, стр. 504; Р. И. Б. Т. VI, № 88, II, столб. 665—666. Ср. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II. (Изд. 2, Спб. 1900), стр. 524, прим. *).

[3]) Проф. В. С. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи (Кіевъ. 1869), стр. 360.

лія Васильевича, дѣйствительно, сохранилось нѣсколько договорныхъ грамотъ, которыя начинаются словами: „Божіею милостью“ и о благословеніи отца митрополита не упоминаютъ. Но это объясняется очень просто. Всѣ эти грамоты выпадаютъ на время съ 1433 по 1448 годъ. Въ 1433 году (?!) митрополитомъ былъ поставленъ Исидоръ, сторонникъ флорентійской уніи, Василіемъ Васильевичемъ *не признанный* (?! курс. нашъ); въ 1441 г. онъ былъ осужденъ соборомъ русскихъ епископовъ, а вслѣдъ за тѣмъ, до поставленія въ митрополиты рязанскаго епископа Іоны, въ 1448 году, митрополита у насъ вовсе не было. Такимъ образомъ, въ промежутокъ времени съ 1433 года по 1448 г., за *отсутствіемъ митрополита* (?! курсивъ нашъ) не могло быть и его благословенія въ грамотахъ“ [1]).

Никоновская лѣтопись не говоритъ ничего о первоначальномъ нежеланіи великаго князя принять Исидора, но сообщаетъ лишь о томъ, что прибывшій митрополитъ былъ принятъ государемъ со всѣмъ почетомъ и благосклонностью [2]). Митрополиту удалось примирить великаго князя съ фактомъ своего назначенія; будучи человѣкомъ очень умнымъ и надѣленнымъ отличными способностями дипломата, Исидоръ умѣлъ обходиться съ людьми и пріобрѣтать ихъ расположеніе; будучи же, по свидѣтельству лѣтописи, „многимя языкомъ сказатель“ [3]) онъ, очень можетъ быть, зналъ и славянскій языкъ, и, такимъ образомъ, для бесѣды съ нимъ устранялась нужда въ переводчикахъ, что нерѣдко дѣлало для великихъ князей особенно неудобными митрополитовъ-грековъ [4]).

---

[1]) Проф. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности Т. II (изд. 2, Спб. 1900), стр. 524. прим. *).

[2]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 123: „Тоежъ весны (1437 г.) во вторникъ свѣтлыи недѣли, повелици дни, приде на Москву из Царяграда отъ патриарха Іосиѳа на митрополью, Исидоръ митрополитъ Греченъ многимя языкомъ сказатель, і книжникъ: и принятъ его князь великіі Василей Васильевичъ честнѣ, и молебныя певше в святѣи и соборнои церкви пречистыя Богородицы, и сотвори нанъ пированіе велие князь великіі Василеи Васильевичъ, и дарь свѣтлыми и многими одари его“. Также Софійская 2-ая (П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 151) и Воскресенск. лѣт. (П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 100) не упоминаютъ о нежеланіи вел. князя принять непрошеннаго Исидора, а сообщаютъ лишь о томъ, что „пріатъ его князь велики честно“.

[3]) Никон. лѣт. Ч. V, стр. 123.

[4]) Проф. В. С. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культур. вліяніи Византіи, стр. 54. Въ статьѣ Ѳ. Делекторскаго—„Флорентійская унія (по древнерусскимъ сказаніямъ) и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси“

Мы видѣли, что митрополитъ Исидоръ отправился въ Россію въ то время, когда вопросъ о соборѣ для соединенія церквей былъ окончательно рѣшенъ и императоръ Іоаннъ Палеологъ и престарѣлый патріархъ Іосифъ уже начали собираться на соборъ въ Италію; такъ какъ новому митрополиту было поручено всячески стараться склонить русскихъ къ участію въ предполагавшемся соборѣ, то Исидоръ, дѣйствительно, вскорѣ послѣ прибытія въ Москву сталъ возвѣщать, что въ Италіи готовится восьмой вселенскій соборъ для примиренія церквей [1]), на которомъ необходимо быть и представителю русской церкви; вслѣдъ за этимъ онъ началъ приготовленія къ путешествію на соборъ [2]). Свое намѣреніе отправиться на соборъ митрополитъ Исидоръ оправдывалъ тѣмъ, что такова воля патріарха, которую онъ долженъ исполнить, если не желаетъ навлечь на себя за ослушаніе патріаршее проклятіе [3]). Кромѣ того онъ вручилъ великому князю Василію Васильевичу письма царя и патріарха, въ которыхъ тѣ просили „с великою любовію" московскаго государя, чтобы онъ „послалъ (на феррарскій соборъ) утвержденія ради православныя вѣры московскаго митрополита Исидора" [4]).

Московское правительство, такимъ образомъ, узнало, что замышляемое предпріятіе Исидора согласно съ желаніемъ греческаго

(„Странникъ", 1893. Т. III, №№ 9, 10 и 11) сказано: „много значило и то, что Исидоръ, какъ огречившійся болгаринъ (?), могъ говорить по славянски и, слѣдовательно, вести переговоры безъ толмача, непосредственно", стр. 251. Источники нигдѣ не говорятъ, что Исидоръ зналъ именно славянскій языкъ и г. Делекторскій въ данномъ случаѣ повторяетъ старую ошибку архіеп. Филарета, утверждавшаго, что Исидоръ „хорошо зналъ славянскій языкъ". См. архіеписк. Филарета II. Р. Ц. Періодъ III, стр. 98, прим. 1; „Обзоръ", § 90. О происхожденіи Исидора см. выше. Ср. мнѣніе П. Ѳ. Николаевскаго. „Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ". Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. Часть CXXXVII, стр. 332, пр. 1.

[1]) Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной. Христіанское Чтен., 1868. Ч. I, стр. 592.

[2]) Митр. Макарій. И. Р. Ц. Т. V. стр. 343; Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 124; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 100; „Галицкій историческій Сборникъ". Вып. III. Львовъ. 1860, стр. 47.

[3]) А. И. Т. I, № 39, стр. 73; Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 531; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 165; VIII, стр. 100.

[4]) А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. „Инока Симеона іерея суждалца повѣсть како римскій папа Евгеній составн осмый соборъ съ своими единомышленники" (по списку Хронографа русской редакціи XVII вѣка, л. 432—462), стр. 345.

императора и константинопольскаго патріарха. Но, бывшій раньше въ глазахъ русскихъ столь высокимъ и сильнымъ авторитетъ грековъ, къ этому времени значительно ослабѣлъ. Русскіе, видя въ грекахъ продажность и полное равнодушіе къ дѣламъ русской церкви, стали смотрѣть на нихъ какъ на людей падшихъ въ нравственномъ отношеніи. О ближайшихъ причинахъ такого взгляда на грековъ мы скажемъ ниже (гл. II). Исидору не помогла ссылка на греческій авторитетъ, пошатнувшійся на Москвѣ, и ему оставалось—дѣйствовать самому.

Митрополитъ весьма настойчиво убѣждалъ великаго князя въ невинности своего предпріятія, клялся въ томъ, что ничего не принесетъ отъ латинянъ въ русскую землю „страпна и чюжа“ и будетъ крѣпко стоять за православіе и „по святымъ правиламъ поборать о благочестіи“ [1]).

Наши сказанія увѣряютъ, что великій князь встрѣтилъ намѣреніе новаго митрополита идти въ латинскую землю на феррарскій соборъ въ высшей степени неодобрительно и заявилъ рѣшительный протестъ противъ путешествія Исидора, и что онъ, наконецъ, далъ свое согласіе весьма неохотно, или, что онъ собственно и не давалъ своего согласія, а лишь не воспрепятствовалъ митрополиту ѣхать на соборъ, когда тотъ хотѣлъ отправиться въ путешествіе, не слушая его—государя [2]).

---

[1]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 125; П. С. Р. Л. Т. VI. стр. 152; П. С. Р. Л Т. VIII, стр. 100.

[2]) Ѳ. Делекторскій. Флорентійская унія и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси. Странникъ. 1893. Т. II, стр. 251. Когда Исидоръ высказалъ великому князю свое намѣреніе идти на соборъ, Василій Васильевичъ краснорѣчиво отговаривалъ его отъ этого опаснаго намѣренія. Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 124—125; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152. Особенно характерно это мѣсто въ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 100), гдѣ въ уста великаго князя влагается цѣлая рѣчь (сочиненная, какъ увидимъ мы ниже, несомнѣнно уже послѣ ферраро-флорентійскаго собора). „Благовѣрный же великій князь Василей Василіевичь, Богомъ вразумляемъ, глаголаше ему, да не поидетъ на съставленіе осмаго събора латынскаго, ниже съблазнится въ ересѣхъ ихъ, и възбраняше ему о сихъ; къ сему же повелѣ и еще глаголати ему, яко да останется таковые мысли съвръшати, и много глаголаше ему, и не послушаше сицевыхъ, но яко неистовъ ся дѣяше... Благочестіа же ревнитель и споспѣшникъ истинѣ, благовѣрный князь великый Василей Васильевичь, сицевая рече къ нему: о Сидоре! дерзновенно дѣеши, въ Латынскую землю идеши, и съставленіе осмаго собора повѣдаеши, егоже отрекоша святіи отци; нынѣ же аще и отстанешися мысли своея, то буди вѣдаа егда възвратишяся оттуду къ намъ, то принеси къ намъ изначалственнѣйшее благое

По лѣтописнымъ сказаніямъ (и другимъ современнымъ памятникамъ) великій князь будто-бы говорилъ Исидору, что святые отцы, запечатлѣвъ святую вѣру православія на семи вселенскихъ соборахъ, „о осмомъ соборѣ составляющихся (вар. „составляющихъ“) проклятію предаша и анаѳемѣ ихъ парекоша и съ ересики ихъ отлучиша, единосложно Богу сопротивная дѣлающихъ“ [1]) и что „при нашихъ прародителехъ и родителехъ соединенія закона не бывало с Римляны, и язь нехощу, понеже не приняхомъ мы отъ Грекъ в соединение закона быті с ними“ [2]).

Съ полною увѣренностью слѣдуетъ думать, что разсказы объ этомъ въ нашихъ сказаніяхъ сочинены и написаны уже послѣ ферраро-флорентійскаго собора, когда греки предали древнее отеческое православіе. Уговаривая Исидора не ѣздить на соборъ, великій князь, по свидѣтельству лѣтописца, произноситъ цѣлую рѣчь. Эта рѣчь, по вѣрному замѣчанію Делекторскаго, отъ начала до конца сочинена, носитъ всѣ признаки искуснаго книжнаго построенія, тогда какъ великій князь былъ вообще человѣкъ некнижный и къ тому же въ это время (1437 г.) былъ еще очень молодъ [3]). Конечно, великій князь не могъ предвидѣть, что соборъ окончится тѣмъ, чѣмъ онъ окончился; также онъ не могъ знать заранѣе и

съединеніе, нынѣшнее въсіавшее въ насъ благочестіе и уставъ божественнаго закона и правленіа святыя церкви“. См. также „Инока Симеона іерея суждальца повѣсть“. А. Поповъ Историко-литерат. обзоръ, стр. 345. Антоній Петрушевичъ, авторъ изслѣдованія „О соборной богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ“ („Галицкій историческій сборникъ, издаваемый Обществомъ Галицко-русской Матицы“. Вып III. Львовъ. 1860), даетъ вѣру этимъ сказаніямъ и такъ говоритъ объ отношеніи великаго князя къ поѣздкѣ Исидора: „...едва пребывъ онъ четыре мѣсяцы въ Москвѣ, объявилъ в. князю, что ему нужно ѣхати въ Италію, гдѣ всѣ государи и іерархи востока и запада собрались для состязанія о вѣрѣ, и не прилично одной Руси не имѣти тамъ представителя. Велик. князь съ негодованіемъ (?!) отправилъ Исидора и далъ ему сопутника суздальскаго епископа Авраамія, съ многими другими духовными и мірскими всего до 100 человѣкъ“. Стр. 47—48. Карамзинъ также вѣритъ этимъ сказаніямъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 163.

[1]) „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню..“. А. Поповъ Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 362; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152; П. С. Р. Л. Т. VII, стр. 100; „Вивліоѳика“ Новикова. VI, стр. 48.

[2]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 124.

[3]) Ѳ. Делекторскій. Критико-библіографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентійской уніи. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть CCC. 1895, іюль, стр. 181; проф. В. С. Иконниковъ. „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи“, стр. 8.

того, какъ онъ и самъ говоритъ въ своемъ посланіи къ патріарху Митрофану, что Исидоръ явится на соборѣ измѣнникомъ православію [1]). Можно думать, что великій князь едва ли могъ противиться путешествію Исидора на соборъ, результатомъ котораго предвидѣлось возсоединеніе латинянъ съ православною церковью и отреченіе ихъ отъ своихъ заблужденій. Надо полагать, что „краснорѣчивый Исидоръ“ [2]), этотъ выдающійся дипломатъ, нарисовалъ предъ молодымъ великимъ княземъ полную блеска грандіозную картину будущаго состязанія православныхъ съ латинянами, пораженія и посрамленія послѣднихъ, славнаго тріумфа православія,— и въ душѣ отзывчиваго молодого князя родилось сочувствіе къ тому доброму дѣлу, результатомъ котораго могло явиться соединеніе церквей, о которомъ непрестанно молитъ православная церковь и чего ждетъ съ радостью и любовью.

Положительныя же данныя, которыя мы имѣемъ, напротивъ, свидѣтельствуютъ, что Исидоръ отправился на соборъ далеко не противъ воли великаго князя; съ полною вѣроятностью надо думать, что великій князь весьма и весьма позаботился о томъ, чтобы русское государство и русская церковь были бы представлены на соборѣ вполнѣ достойнымъ образомъ. Митрополитъ отправился въ путь въ сопровожденіи великокняжескаго посла Ѳомы и блестящей свиты, которая состояла не менѣе какъ изъ ста человѣкъ [3]); Исидора

---

[1]) А. И. Т. I, № 39, стр. 73; Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 531. См. также Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 430—431.

[2]) См. у архіепископ. Филарета возраженіе, сдѣланное Карамзину, надѣлившему Исидора эпитетомъ „краснорѣчивый“ (И. Г. Р. Т. V, столб. 161) и примѣч. 293. „Во все это время (на соборѣ въ Феррарѣ) Исидоръ ничего не говорилъ“. А въ примѣчаніи къ этимъ словамъ сказано: „Въ продолженіе 16 засѣданій, съ 8 октября по 10 января 1439 г. встрѣчаются только два или три неважныя замѣчанія. За что же было (Карамзину) называть его краснорѣчивымъ?“ Филаретъ (Гумилевскій), архіепископъ Черниговскій. И. Р. Ц. Періодъ III, стр. 99. Своеобразный и не вполнѣ вѣрный способъ опредѣленія краснорѣчія статистическимъ методомъ, основанный на смѣшеніи понятій— истинное краснорѣчіе и неудержимая болтливость. Болѣе близкое знакомство съ дѣятельностью Исидора, одного изъ главныхъ виновниковъ флорентійской уніи, подтверждаетъ правильность взгляда покойнаго исторіографа, да и въ Густинской лѣтописи въ описаніи исторіи флорентійскаго собора имѣется прямое подтвержденіе этого взгляда: „Пріѣха же тамо Исидоръ митрополитъ Кіевскій, во двусотъ коней, и честно отъ всѣхъ пріятъ бысть, понеже и во писаніяхъ *рѣчевистъ* бѣ“. П. С. Р. Л. Т. II (прибавлен. къ Ипатіевской лѣт.), стр. 355.

[3]) Повѣсть Симеона Суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ. А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской по-

сопровождаетъ одинъ изъ русскихъ епископовъ [1]), который, конечно, не могъ отправиться на соборъ вопреки волѣ великаго князя; затѣмъ митрополитъ повезъ съ собою громадное количество „рухляди“ или товаровъ (преимущественно мѣховъ), которую по мѣрѣ нужды, какъ это дѣлали въ старину наши путешественники въ западную Европу, могъ превращать въ деньги; поѣздъ его, по свидѣтельству Густинской лѣтописи, состоялъ изъ двухъ сотъ коней [2]). Блестящая обстановка этой поѣздки Исидора заставляетъ предполагать, что ему была оказана чрезвычайно значительная помощь со стороны великаго князя, такъ какъ онъ не могъ совершить поѣздку такъ пышно на собственныя средства [3]). Во время путешествія на

лемики противъ латинянъ: „А людей много было 100 съ митрополитомъ Исидоромъ, болѣ всѣхъ, занеже славна бѣ земля та, и фрязове зовутъ ея Великая Русь“. Прилож. X, стр. 199–200. Рукоп. М. П. М. № 939.

[1]) Епископъ Суздальскій Авраамій, по тому времени очень образованный человѣкъ. „Исидоръ, читаемъ мы у Ѳ. Делекторскаго („Критико-библіографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентійской уніи“, журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ч. CCC. 1895, іюль, стр. 132), считавшій всѣхъ русскихъ епископовъ „некнижными“, взялъ Авраамія съ собой, надѣясь впослѣдствіи расположить его въ пользу своихъ уніональныхъ плановъ (?) и по возвращеніи на Русь опереться на него, какъ на свидѣтеля, имѣвшаго авторитетъ по своему образованію въ глазахъ некнижнаго русскаго духовенства“. Этому епископу сопутствовалъ іеромонахъ Симеонъ и другой неизвѣстный намъ по имени суздалецъ, оставившіе въ своихъ трудахъ описаніе флорентійскаго собора. Объ этомъ см. ниже.

[2]) П. С. Р. Л. Т. II (Густинская лѣтопись), подъ 1438 г., стр. 354: „Исидоръ Болгаринъ посвященъ бысть на митрополію Кіевскую, отъ патріарха Іосифа, и едино лѣто токмо сидѣ на митрополіи и поиде на соборъ Флоренскій, яже есть въ землѣ Влоской, во 200 коней, идѣже честно бысть пріятъ...“; тамъ же, стр. 355. Митрополитъ Іона въ посланіи къ литовскимъ епископамъ, помѣщенномъ въ Р. И. Б. Т. VI, № 87 (Посланіе къ литовскимъ епископамъ о незаконномъ кіевскомъ митрополитѣ Григоріи) и въ И. Р. Ц. митрополита Макарія Т. VI, прилож. № 1—высказываетъ мнѣніе, что Исидоръ „грабитель и врагъ церковный, татьствомъ... пограбивъ, святую церковь пречистые Богородицы здѣсе на Москвѣ, и поималъ безчисленное множьство злата церковнаго, а покручаяся на путь неправды, къ составленію осмаго сиѵзбора, отреченнаго святыми правилы богоуставнаго закона прежнего православіа греческаго“... Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 649–650; И. Р. Ц. Т. VI, прил. № 1, стр. 364.

[3]) Такія большія средства къ путешествію могъ дать только великій князь, такъ какъ Исидоръ поѣхалъ на соборъ въ Феррару спустя лишь 5 мѣсяцевъ по прибытіи своемъ изъ Греціи (П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 151–152) и за столь короткій срокъ, конечно, не имѣлъ возможности накопить большихъ денегъ; пріѣхалъ же онъ на Русь спустя 6 лѣтъ по смерти митрополита Фотія (тамъ же, стр. 144) и не могъ найти накопленныхъ денегъ въ митрополіи

соборъ по Россіи онъ былъ встрѣчаемъ и провожаемъ съ тріумфомъ и явнымъ выраженіемъ сочувствія къ предпринимаемому имъ путешествію; едва ли можно было ожидать такого пріема со стороны населенія, если бы Исидоръ предпринялъ путешествіе противъ воли великаго князя.

Все сказанное выше заставляетъ насъ скептически отнестись къ поздѣйшимъ увѣреніямъ и самого великаго князя Василія Васильевича, будто онъ много „възбранялъ“ Исидору ходить на соборъ. Приведемъ это интереснос мѣсто: „И якоже пріиде къ намъ предреченный сей Исидоръ, и отъ прьваго дне начять тщатися къ сборному путьшествію; и колико възбраняхомъ ему, да не пойдетъ, онъ же начять извѣты сицевы творити, глаголя: „яко не мощно ми есть, да не пойду; аще бо не пойду, имамъ отъ святѣйшаго патріарха, вмѣсто благословенія, клятву пріати; попеже убо прежьній азъ есмь ходатай бываемому сбору, и нужа имамъ всячески пойти, яко и рукописаніе дахъ на себе, еже пойду“. И яко не возмогохомъ увѣщати и отъ путнаго шествіа възбранити, и много паки глаголахомъ ему о сихъ: „аще же убо пойдеши, и паки аще имаши възвратитися къ намъ, то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру, еже пріахомъ отъ прародителя нашего, великаго онаго Владимира, еже держитъ великаа сборнаа и апостольскаа Божіа церковь гречьская: а ино, странно и ново и чуже отъ тоя сборныя церкве, не припошай къ намъ; попеже аще и принесеши что ново, то непріатно будетъ намъ то“. Онъ же и съ клятвою обѣщася, якоже не принести ему нова и странна ничтоже“ [1]).

такъ какъ за столь значительный промежутокъ времени бояре и чиновники митрополіи успѣли расхитить все, что было собрано его предшественникомъ, какъ они расхитили все и послѣ смерти м. Кипріана.

[1]) Р. И Б. Т. VI, № 62, столб. 531–532; А. И. Т. I, № 39, стр. 73. См. также П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 162–167, гдѣ находится это посланіе Василія Васильевича, обращенное къ лицу греческаго императора. Объ этомъ же великій князь такъ пишетъ и въ своемъ „Посланіи“ къ проту и инокамъ Аѳонской горы: „Исидора, его не лѣпо есть митрополитомъ звати, и якоже пріиде въ отечьствіе наше, начатъ готовитися съ съборному путьшествію, и колико възбраняхомъ и молихомъ его остатися събора онаго, и не могохомъ утолити, ниже уставити помыслъ его; и глаголахомъ ему: аще ли идеши и паки възвратишися къ намъ, ничтоже буди принося къ намъ ново и чужде съборныа церкви. Онъ же обѣщася намъ“. „Посланіе великаго князя Василія Васильевича къ проту и инокамъ Аѳонской горы, о дѣйствіяхъ митрополита Исидора и объ осужденіи его московскимъ соборомъ 1441 года“. „Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи. 1864 годъ. Выпускъ III. (Спб. 1865). Приложенія, стр. 34

Сопровождаемый столь многочисленной свитой и огромнымъ товарнымъ обозомъ, Исидоръ отправился изъ Москвы въ путешествіе на соборъ 8 сентября 1437 года[1]), пробывъ на Руси послѣ пріѣзда изъ Греціи пять мѣсяцевъ[2]). Остается въ подробностяхъ неизвѣстнымъ составъ его свиты; знаемъ только, что изъ духовныхъ къ ней принадлежали—епископъ суздальскій Авраамій, которому сопутствовалъ священникъ Симеонъ, авторъ повѣсти о флорентійскомъ соборѣ, архимандритъ неизвѣстнаго монастыря Вассіанъ, а изъ свѣтскихъ лицъ, кромѣ собственныхъ бояръ митрополита, Исидора сопровождали княжескій посолъ, по имени Ѳома, котораго нѣкоторые источники (описаніе „путешествія“, составленное неизвѣстнымъ)[3]) называютъ посломъ тверскимъ, а другіе („Повѣсть“ Симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты... Прил. X, стр. 199 и Матер. для ист. рус. церкви. Ч. I, стр. 61)—посломъ великокняжескимъ, и который, какъ нужно думать, былъ именно посолъ великаго князя, но взятый или же перешедшій на службу къ великому князю изъ бояръ тверскихъ[4]).

---

[1]) Никоновская лѣтоп. (Ч. V, стр. 125), говоритъ о погребеніи митрополитомъ княгини Евпраксіи 15 сентября; Софійская 2-ая лѣт. (П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152) погребеніе этой княгини относитъ болѣе правильно къ 15 августа: „Того же лѣта, мѣсяца августа 15 день, поиде Сидоръ въ Римъ, на осмый соборъ, похоронивъ княгиню Еупраксею“.

[2]) Степенная книга (II, стр. 72) ошибочно считаетъ четыре мѣсяца.

[3]) Древн. Росс. Вивліоѳ. Новикова (изд. 1). Ч. IV, стр. 297 - 298; Сахаровъ. Сказан. русс. нар. Т. II, кн. 8, стр. 82—83.

[4]) Профессоръ Е. Е. Голубинскій это противорѣчіе въ названіи посла пытается объяснить слѣдующимъ образомъ: „По всей вѣроятности, дѣло нужно понимать такъ, что великій князь, желая оказать любезность тверскому князю и сдѣлать его соучастникомъ въ представительствѣ передъ папою, распорядился, чтобы его—великаго князя посолъ назначенъ былъ изъ бояръ тверскихъ и чтобы, такимъ образомъ, онъ былъ одновременно посломъ и его—великаго князя и князя тверскаго“. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 433, прим. 1. Болѣе вѣроятный характеръ носитъ объясненіе этого вопроса у Ѳ. Делекторскаго, который высказываетъ мысль, что „здѣсь впрочемъ могло и не быть существеннаго противорѣчія: Ѳома могъ быть тверскимъ бояриномъ, отъѣхавшимъ отъ своего князя къ великому князю московскому и сдѣлавшимся, такимъ образомъ, великокняжескимъ бояриномъ“. Нѣкоторые источники могли называть Ѳому по его прежней тверской службѣ и происхожденію—тверскимъ бояриномъ, а другіе—великокняжескимъ по его московской службѣ. Ѳ. Делекторскій. Критико-библіографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентійской уніи. Журн. Министерства Народн. Просвѣщ. Часть CCC. 1895, іюль, стр. 164—165, примѣч. 4-ое.

Бывъ „честно“ провожень изъ Москвы собравшимися епископами [1]), Исидоръ отправился въ путь на Тверь, Новгородъ, Псковъ, Юрьевъ Ливонскій (Дерптъ) и Ригу. Въ одномъ изъ списковъ „Повѣсти“ инока Симеона [2]) говорится, что Исидоръ поѣхалъ изъ Москвы въ Италію чрезъ Царьградъ. Надо думать, что наши книжники этимъ отклоненіемъ отъ дѣйствительности желали еще болѣе рельефно и наглядно выставить и оттѣнить ту мысль, что Русь была замѣшана въ унію греками [3]).

Въ задачу нашу не входитъ подробное описаніе путешествія на соборъ митрополита Исидора; скажемъ лишь кратко, что вездѣ на Руси встрѣчали его въ высшей степени сочувственно, торжественно, съ великою честью, щедро надѣляя его средствами на столь доброе и богоугодное дѣло какъ путешествіе на соборъ, куда митрополитъ ѣдетъ сражаться съ латинянами. „Теперь“, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей флорентійской уніи, описывая путешествіе Исидора, „жители Твери, Новгорода и Пскова видѣли митрополита, окруженнаго пышной и громадной свитой, видѣли подлѣ него великокняжескаго посла и, охваченные народно-религіознымъ энтузіазмомъ, они привѣтствовали Исидора, какъ борца за православіе, будущаго побѣдителя и посрамителя еретиковъ—латинянъ“ [4]). Даже свободолюбивые и своевольные новгородцы, которые систематически отказывали митрополитамъ въ судѣ и пошлинахъ (митрополиты Кипріанъ и Фотій напрасно добивались получить ихъ), по свидѣтельству лѣтописи „даша ему судъ по старинѣ, і все пошлины его даша ему по старинѣ, и многими дары дариша его“ [5]), желая поддержать матеріально митрополита въ столь добромъ общецерковномъ дѣлѣ, отъ котораго они могли ожидать благихъ результатовъ. Несомнѣнно, что въ этомъ дѣлѣ большую

---

[1]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 127.

[2]) Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 591, л. 131. „И поиде митрополитъ Исидоръ съ Москвы во Царьградъ, съ собою же поимъ суждальскаго епископа Аврамія“. А. С. Павловъ. Критическіе опыты, стр. 104.

[3]) Этотъ же разсказъ помѣщенъ и въ Новгородской лѣтописи по Синодальному харатейному списку (1888), стр. 418, П. С. Р. Л. Т. III, стр. 112.

[4]) Ѳ. Делекторскій. Флорентійская унія (по древне-русскимъ сказаніямъ) и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси. Странникъ, 1893. Т. III, стр. 253.

[5]) Никоновск. лѣт. Ч V. стр. 127. Новгородская 1-ая лѣтопись (П. С. Р. Л. Т. III, стр. 12), повѣствуя о пріѣздѣ Исидора въ Новгородъ, не говоритъ, что митрополиту дали судъ и пошлины. Вотъ относящееся сюда мѣсто лѣтописи: „Тои осени прінде съ Москвы въ Новгородъ митрополитъ Исидоръ

поддержку и помощь Исидору оказалъ архіепископъ новгородскій Евѳимій, который прибылъ къ нему въ Москву 7-го іюля [1]) и, проживъ при митрополитѣ до отъѣзда изъ Москвы, выѣхалъ съ нимъ въ путь на соборъ 8 сентября [2]). Такое дѣятельное участіе архіепископа Евѳимія, котораго во время пребыванія его въ Москвѣ Исидоръ успѣлъ расположить въ свою пользу, его желаніе повліять на новгородцевъ,—все это еще лишній разъ свидѣтельствуетъ о томъ, что великій князь былъ далеко не противъ путешествія Исидора на соборъ. Изъятіе же Исидоромъ, при его дальнѣйшемъ путешествіи, Пскова съ его областію изъ-подъ вѣдѣнія новгородскаго архіепископа и подчиненіе его собственной власти, о чемъ мы читаемъ въ лѣтописяхъ [3]), еще болѣе вѣско подтверждаетъ нашъ взглядъ на отношеніе великаго князя къ путешествію митрополита на соборъ, такъ какъ указанное выше дѣйствіе митрополита не находилось исключительно въ компетенціи лишь духовной власти и, несомнѣнно, зависѣло отъ согласія великаго князя, къ которому въ то

Гречинъ, октября въ 9, и почтиша его владыка, и посадники и бояре и купци, и весь Великій Новгородъ; а на зимѣ поиде митрополитъ въ Плесковъ и къ Царюграду...“; точно также объ этомъ ничего не говорится въ Новгородской лѣтописи по Синодальному харатейному списку (1888): „Той осени приха с Москвы в Новгородъ митрополитъ Сидоръ Гричинъ октября въ 9, и почестиша (вар. „почтиша“) его владыка и посадники и боярѣ и купчи и весь великый Новъградъ; и на зимѣ поиха митрополитъ въ Пьсковъ къ Царюграду“. У насъ нѣтъ основаній сомнѣваться въ правдивости сообщенія Никоновской лѣтописи; умолчаніе же объ этомъ новгородскаго лѣтописца должно быть объясняемо какъ умолчаніе умышленное, какъ нежеланіе зарегистрировать въ лѣтописномъ сказаніи фактъ предоставленія митрополиту права суда и пошлинъ, такъ какъ лѣтописецъ-новгородецъ могъ находить умолчаніе полезнымъ „на всякій случай“ (по образному выраженію проф. Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 435, прим. 1-ое).

[1]) П. С. Р. Л. Т. III, стр. 112: Никоновская лѣтоп. (Ч. V, стр. 124) ошибочно относитъ это событіе къ 7 іюня.

[2]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 127; архіепископъ потомъ опередилъ Исидора на пути для встрѣчи его въ Новгородѣ.

[3]) П. С. Р. Л. Т. V (Псковская 2-ая лѣтоп.), стр. 29: „Прiѣха въ Псковъ Сидоръ митрополитъ Рускый, декабря въ 6, и въ святѣй Троицѣ литургію сверши, и пребысть въ Псковѣ 7 недѣль; и отъя судъ и печать, и воды и землю, и вси пришлины владычни, и на тѣхъ оброцѣхъ посади намѣстника своего Геласія архимандрита, а самъ поѣха на осмый соборъ“; П. С. Р. Л. Т. III (Новгородская 1-ая лѣт.) стр. 112. Т IV (Новгородская 4-ая лѣт.) стр. 122; Никоновская лѣт. Ч. V, стр. 127; Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, стр. 418; Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ (Москва, 1837), стр. 72.

время сталъ тянуть Псковъ въ политическомъ отношеніи [1]). Здѣсь мы считаемъ нужнымъ коснуться одного эпизода изъ путешествія митрополита, который изложенъ въ нашихъ сказаніяхъ; разсказъ объ этомъ хочетъ дать знать, что Исидоръ, пріѣхавъ въ Россію и бывъ въ ней до отправленія на соборъ тайнымъ латинникомъ, клятвенно завѣряя великаго князя, что будетъ „крѣпкъ стояти по православіи и по святымъ правиломъ поборати...— во сердци своемъ злую мысль скры, хотя люди Божіа совратити со истиннаго пути“ [2]),— обнаружилъ свою неискренность и притворство, сталъ явнымъ отступникомъ, переступивъ лишь границы Руси, именно, что, когда въ Юрьевѣ Ливонскомъ (Дерптѣ) вышли встрѣчать его латинскіе священники и православные, то онъ отдалъ предпочтеніе „латинскимъ крыжамъ“, а крестамъ православнымъ оказалъ явное пренебреженіе. Мы вполнѣ раздѣляемъ взглядъ на этотъ эпизодъ профессора Е. Е. Голубинскаго, который говоритъ, что „должно быть принимаемо болѣе чѣмъ за вѣроятное, что разсказъ этотъ есть позднѣйшее сочиненіе объ Исидорѣ“ [3]).

---

[1]) Въ это время псковичи находились во враждѣ съ новгородцами (см. П. С. Р. Л. Т. V, съ 1432 года), и Псковъ въ политическомъ отношеніи сталъ замѣтно тяготѣть къ Москвѣ; митрополитъ Исидоръ несомнѣнно имѣлъ разрѣшеніе великаго князя перечислить Псковъ съ его областью изъ новгородской епархіи въ свою собственную; можно думать, что великій князь, давая такое разрѣшеніе Исидору, удовлетворялъ и желанію псковичей, которое также вполнѣ соотвѣтствовало его личнымъ политическимъ планамъ. Объ этомъ см. С. М. Соловьевъ, И. Р., Т. IV, столб. 1090—1092; И. Д. Бѣляевъ. Разсказы изъ русской исторіи. Т. III, стр. 291 и слѣд.

[2]) Рукопись XVI вѣка Спб. духовной Академіи изъ Софійскаго собранія рукоп. № 1464, л. л. 370—371 В. И Малышинъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Прилож. XIX, стр. 116; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152.

[3]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, II, I, стр. 426. Разсказъ этотъ находится въ описаніи путешествія на ферраро-флорентійскій соборъ, которое составлено неизвѣстнымъ изъ числа спутниковъ митрополита (но не Симеономъ Суздальскимъ, которому оно обыкновенно приписывается. См. А. С. Павловъ. Критическіе опыты, стр. 92—99; объ этомъ мы скажемъ ниже). Описаніе извѣстно въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна напечатана въ Д. Р. Вивліоѳикѣ Новикова (изд. 2) Ч. VI, стр. 27—48, другая — въ Сказаніяхъ русскаго народа Сахарова (Т. II, кн. 8, стр. 79—88). Разсказъ читается въ болѣе позднѣйшей Сахаровской редакціи (см. у А. С. Павлова. Критическіе опыты, стр. 92, 95) и не находится въ болѣе ранней—Новиковской. А. Д. Щербина. Литературная исторія русскихъ сказаній о флорентійской уніи (Одесса, 1902), стр. 3—26, 47—48. Протоколы засѣданій Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. VIII. 159 засѣд. 17 ноября 1901 г., стр. 1—4. Вотъ этотъ разсказъ въ Сахаровской редакціи: „И пріѣхалъ владыка (Исидоръ) къ Юрьеву, и срѣтоша его посадники и ратманы далече и священники

Послѣ продолжительной, восьми-недѣльной остановки въ Ригѣ, гдѣ митрополитъ получилъ любезное письмо отъ великаго магистра нѣмецкаго, въ которомъ тотъ предлагалъ ему свои услуги и совѣты для безопаснаго пути чрезъ владѣнія Ордена[1]), Исидоръ отпра-

со кресты и живущіе въ немъ людіе православніи, латыни же и Нѣмцы крыжъ изнесоша противу его почести ради; онъ же, преступивъ тяжкую клятву свою, ею же клятся о благочестіи великому князю Василью Васильевичу всея Русіи, по реченному пророкомъ: яко забы Бога, спасающаго й, и прежъ бо возрѣ и поклонися и притече и любезно цѣлова и знаменася на крыжъ латинскій, а по сихъ пріиде ко святымъ крестамъ православнымъ, послѣдоваше же и провожаще и чтяше крыжъ латинскій и иде съ нимъ до костела, спрѣчь до церкви ихъ, а о святыхъ крестѣхъ православія не брежаше ни провожаше; видѣвъ же сія боголюбивый Авраамій, владыка суздальскій, и вси на томъ пути бывшіе съ нимъ православные христіане, еже таковая нечестія отъ него святымъ крестамъ бываема, въ томъ часѣ ужасомъ одержима быша, зане бо, не дошедъ Рима, таковая богоотступная дѣяша". Этотъ разсказъ помѣщенъ въ Никоновской лѣтописи. Ч. V, стр. 127—128; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 101 и въ „Историческомъ описаніи Флоренскаго собора". Д. Р. Вивліоѳика. Ч. VI, стр. 50—51. Рукопись Спб. духовной Академіи изъ Софійскаго собранія рукописей № 1461, л. 371. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Приложенія. XIX, стр. 116. Въ первоначальной же редакціи (Новиковской) мы читаемъ: „И пріѣхалъ господинъ (митрополитъ) къ Юрьеву и срѣтоша его посадники тутъ и ратманы далече и священницы со кресты и множество народа града того и даша ему честь велію";—здѣсь говорится лишь о встрѣчѣ Исидора православными священниками, такъ какъ католическое духовенство встрѣтило его, по своему нѣмецкому праву, со всѣми „строи нѣмецкими, съ трубами и со свирѣлми", въ Костерѣ (Коспирѣ). Митрополитъ Іона, говоря въ одномъ изъ своихъ посланій о разсматриваемомъ нами поступкѣ Исидора съ крестами, называетъ Ригу вмѣсто Юрьева ливонскаго и тѣмъ еще болѣе даетъ основаній заподозрить правдивость всей этой исторіи. (См. „Посланіе митрополита Іоны литовскимъ князьямъ, сановникамъ и мірянамъ, о непоколебимомъ пребываніи въ православной вѣрѣ и удаленіи отъ Исидоровыхъ единомышленниковъ". А. И. Т. I, № 66, стр. 118) Историки русской церкви, начиная съ митрополита Платона („Краткая церковная россійская исторія", (изд. 2-ое). Т. II. стр. 291), повторяютъ этотъ разсказъ безъ всякихъ оговорокъ: Филаретъ, архіепископъ черниговскій. И. Р. Ц. Періодъ III, стр. 99; „Исторія флорентійскаго собора", стр. 70; митроп. Макарій. И. Р. Ц. Т. V. стр. 341; Ѳ. Делекторскій. Флорентійская унія... Странникъ, 1893. Т. III, стр. 253. Историки: Карамзинъ (Т. V, столб. 161, 162, 164; С. М. Соловьевъ (Т. IV, столб. 1259—1260) также даютъ вѣру этому разсказу.

[1]) Письмо великаго магистра нѣмецкаго къ Исидору было сообщено Н. М. Карамзину изъ Кенигсбергскаго архива (подъ № 736). Вотъ содержаніе этого документа: „Свѣдавъ отъ вашего посланнаго и маршала Ливонскаго, что вы ревностно желаете способствовать единомыслію въ христіанствѣ, спѣшите на соборъ Италіянскій, но доселѣ не могли безопасно проѣхать черезъ Самогитію, писалъ я о томъ къ вел. герцогу Литовскому Сигизмунду, который и доставилъ мнѣ пропускъ и другую, по-русски писанную бумагу,

вился изъ нея 5-го мая моремъ на Любекъ, а оттуда сухимъ путемъ чрезъ Германію на города: Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Бамбергъ, Нюренбергъ, Аусбургъ, Инспрукъ и Падую въ Феррару, куда онъ и прибылъ 18 августа 1438 года [1]).

вмѣстѣ съ нѣмецкимъ письмомъ: что все къ вамъ посылаю. Увидите, что орденъ не ручается за Самогитію. И такъ посовѣтуйтесь съ маршаломъ и иными орденскими чиновниками, а особенно съ архіепископомъ рижскимъ, какъ вамъ лучше ѣхать, берегомъ ли (obir den Strant) или другимъ путемъ. Архидіаконъ Вашего Высокопреосвященства, отправленный вами напередъ въ Италію, получилъ отъ насъ оберегательную грамоту на путь", и проч. II. Г. Р. Т. V, примѣч. 296.

[1]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 69. „Повѣсть" Симеона Суздальскаго (см. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 199. А. Поповъ Историко-литературный обзоръ, стр. 345; Матеріалы для исторіи рус. церкви. Ч. I, стр. 61, 62) относитъ время прибытія Исидора въ Феррару къ 15 августа: „Въ лѣто 6946-е, пришедшу митрополиту Исидору кіевскому на зборъ во ѳрязскую землю на Успеніе пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, во градѣ ѳрязскомъ, рекомомъ Ферарь...", а „Путешествіе" [въ редакц. Новик. (36) и Сахар. (85)] полагаетъ, что прибытіе Исидора въ Феррару состоялось по „Госпожинѣ дни на третей день", т. е. 18 авг. Епископъ Арсеній въ „Лѣтописи церковныхъ событій" ошибочно говоритъ: „Императоръ прибылъ туда (въ Феррару) въ мартѣ 1438 г.... Митрополитъ русскій Исидоръ съ епископомъ Авраамiемъ прибылъ туда *еще раньше* (!) Стр. 533. „Путешествіе это, какъ упоминали мы выше, описано однимъ изъ спутниковъ митрополита, остающимся неизвѣстнымъ по имени, (но не Симеономъ Суздальскимъ) и ведено въ формѣ дневника. См. о немъ у А. Попова. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. (Глава III, стр. 326 -398) и особенно въ блестящемъ критическомъ трудѣ А. С. Павлова—„Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ". (Глава V. стр. 87—114). См. также Ѳ. Делекторскій. Критико-библіографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентійской уніи. Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ. Часть CCC. 1895, іюль, стр. 132 — 138, гдѣ мы находимъ предположенія о личности этого неизвѣстнаго суздальца: по мнѣнію г. Делекторскаго, епископъ суздальскій Авраамій, какъ человѣкъ образованный, любознательный и любитель всякаго рода описаній, (о чемъ можно судить по его литературному труду „Исхожденіе Авраамія суздальскаго на осмый соборъ съ митрополитомъ Исидоромъ лѣто 6945", которое напечатано у А. Попова, въ „Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій протнвъ латинянъ". Прилож., стр. 400—406), собираясь въ неизвѣстныя страны, выбралъ изъ своихъ подчиненныхъ двухъ книжниковъ, способныхъ къ писательской дѣятельности и поручилъ имъ вести дневникъ путешествія и пребыванія въ заморскихъ государствахъ. „Это были іеромонахъ Симеонъ и другой неизвѣстный намъ по имени суздалецъ—вѣроятно, свѣтскій чиновникъ архіерейскаго суздальскаго двора—попросту архіерейскій дьякъ". Этотъ же взглядъ въ болѣе осторожной и сдержанной формѣ высказалъ еще раньше покойный

Такимъ образомъ русскій митрополитъ провелъ въ дорогѣ годъ безъ двадцати дней.

профессоръ А. С. Павловъ въ „Критическихъ опытахъ по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“ „Кому же принадлежитъ, спрашиваетъ почтенный ученый, описаніе городовъ и всего пути русскихъ въ Италію? *Навѣрное* (кромѣ подлинника) можно сказать только одно: земляку Симеона—суздальцу, ибо „Путешествіе“, какъ мы видѣли, доведено было вплоть до Суздаля. Кромѣ того, съ *вѣроятностію* можно полагать, что авторъ былъ не инокъ, а мірянинъ, — кто нибудь изъ дьяковъ или боярь суздальскаго владыки Авраамія. Это подтверждается не только вышеуказаннымъ характеромъ сочиненія, но и нѣкоторыми содержащимися въ немъ положительными извѣстіями. Такъ, напримѣръ, трудно допустить, чтобы монаху принадлежала слѣдующая замѣтка: „въ томъ же градѣ (Феррарѣ) *ясти* куницомъ: яловица 20 золотыхъ, боровъ 5 золотыхъ,.. а баранъ 2 золотыхъ, гусь 3 гроша, куря 3 гроша“ (Новик 38: Сахар. 85). Православный инокъ не сталъ бы, конечно, покупать себѣ мясныхъ яствъ и живя во „Фрязѣхъ“—тѣмъ болѣе, что употребленіе такой пищи всегда ставилось у насъ въ особую вину латинскому монашеству“. Критическіе опыты.. Стр. 97. „Принадлежность „Путника“ суздальцу изъ свиты Нифонта или вѣроятнѣе Авраамія, епископа суздальскаго, утверждается существованіемъ списковъ, въ которыхъ описаніе путешествія доведено до Суздаля. Авторъ, можно думать, принадлежалъ къ свѣтскимъ чиновникамъ суздальскаго владыки Авраамія, съ которымъ онъ и возвратился обратно изъ поѣздки за границу“. Проф. В. Н. Малининъ. „Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія“, стр. 447, 448. Въ видахъ удобства епископъ Авраамій раздѣлилъ между ними трудъ: дьяку поручилъ описывать путь во Флоренцію и обратно на Русь, вести оффиціальный дневникъ, іеромонаху—описывать самый соборъ, записывать соборныя прѣнія. На это условленное раздѣленіе литературнаго труда ясно намекаетъ и самъ Симеонъ въ своей повѣсти: „и мнѣ ту бывшу, говоритъ онъ въ началѣ своего сочиненія, и писавшу ми въ тои часъ ихъ словеса и прѣнія“ (Рукопись Московскаго Публичнаго Музея. № 939. л. 9), или же въ другой редакціи: „бывшу съ ними и мнѣ иноку Симеону, ныне писаше прѣнія святительская съ папою“ (А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 345). Но особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи одно мѣсто повѣсти, гдѣ авторъ, начавши было описывать Флоренцію, съ досадливостью оговаривается: „и того всего не могу исписати, но ее о соборѣ пишу“ (Рукопись Московскаго Публичн. Музея. № 939. л. 15; А. С. Павловъ. Критическіе опыты, стр. 97). Что же касается самого Авраамія, то онъ, по мнѣнію Ѳ. Дѣлекторскаго, взялъ на себя трудъ описывать особенно поражавшія его диковины, помогая своимъ книжнымъ спутникамъ. Изъ этихъ записей, которыя, вѣроятно, составляютъ одно цѣлое подъ общимъ заглавіемъ „Исхожденіе Авраамія суздальскаго на осмый соборъ съ митрополитомъ Исидоромъ въ лѣто 6945“, сохранился до нашего времени только одинъ отрывокъ, посвященный описанію сценическаго представленія Благовѣщенія Пресвятой Богородицы въ одной изъ флорентійскихъ церквей (А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 400—406). О принадлежности „Исхожденія“ Авраамію см. у митроп.

Хотя Исидоръ прибылъ въ Феррару на пять съ половиною мѣсяцевъ позже грековъ [1]), однако, онъ засталъ соборъ не только не

Евгенія въ „Словарѣ историческомъ о писателяхъ духовнаго чина". Т. I, стр. 4, и у арх. Филарета въ „Обзорѣ русской духовной литературы". Т. I, стр. 133; также и у А. Попова. Историко-литературный обзоръ, стр. 399. Такимъ образомъ, епископъ Авраамій, іеромонахъ Симеонъ и неизвѣстный суздалецъ, предполагаемый архіерейскій дьякъ или боярин - составили изъ себя нѣчто въ родѣ литературнаго товарищества, описывавшаго флорентійскій соборъ и путешествіе на него. См. также А. Н. Пыпина. Исторія русской литературы. Т. II, стр. 264—265; В. И. Малинина. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 450.—А. Д. Щербина („Литературная исторія русскихъ сказаній о флорентійской уніи". Одесса. 1902) высказываетъ предположеніе, что „Путешествіе" вышло изъ-подъ пера духовнаго лица или лица, стоявшаго близко къ интересамъ церкви и религіи, стр. 16—20, 47—48. Протоколы засѣданій Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ. VIII. 159 засѣданіе (Византійско - славянское отдѣл.) 17 ноября 1901 г., стр. 2—3. Впрочемъ, это довольно гадательное предположеніе г. Щербины не заставляетъ насъ отказаться отъ весьма вѣскихъ и обоснованныхъ взглядовъ покойнаго профес. А. С. Павлова.

[1]) Греки прибыли въ Феррару 4-го марта 1438 года. Императору былъ оказанъ блестящій пріемъ. „Византинизмъ, по образному выраженію Г. Ф. Герцберга, выступилъ еще разъ въ своемъ древнемъ торжественномъ видѣ". Исторія Византіи. стр. 547. При селеніи Франколинѣ, которое отстоитъ отъ Феррары на полтора часа пути, императоръ 3-го марта 1438 года былъ встрѣченъ папскимъ легатомъ, начальникомъ города и другими почетными лицами свѣтскими и духовными. На другой день (4-го марта) императоръ, въ сопровожденіи своей свиты, папскихъ епископовъ и чиновъ Феррары, торжественно вступилъ въ городъ. Папа съ кардиналами, епископами и аббатами ожидалъ его въ своемъ дворцѣ. При входѣ императора онъ всталъ, облобызалъ его и, подавъ руку, которую тотъ поцѣловалъ, посадилъ его рядомъ съ собою. Послѣ тайной бесѣды съ папою императоръ удалился въ назначенный ему дворецъ (Syrop. 4. 17 S. Syn. Flor. 8—11). Исторія флорентійск. собора стр. 45 Проф. А. И. Садовъ Виссаріонъ никейскій на ферраро-флор. соборѣ. Хр. Чтен. 1882. Ч. I, стр. 107. Патріархъ прибылъ въ Феррару позднѣе императора. Мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на чрезвычайно характерномъ и интересномъ моментѣ—встрѣчѣ константинопольскаго патріарха съ гордымъ римскимъ первосвятителемъ и пререканіяхъ о порядкѣ этой встрѣчи. Какъ только Іосифъ приталъ къ селенію Франколину, ему была выслана великолѣпная плюшка, на которую онъ пересѣлъ съ епископами и всѣмъ клиромъ. На другой день императоръ извѣстилъ патріарха, что папа требуетъ отъ него земного поклона и цѣлованія туфли. Патріархъ былъ сильно пораженъ этой вѣстью; онъ ожидалъ далеко не такого пріема отъ своего собрата. Еще въ Венеціи онъ говорилъ одному изъ близкихъ лицъ къ папѣ: „Если папа старше меня, я почту его какъ отца; если равенъ мнѣ по лѣтамъ, буду обращаться съ нимъ какъ съ братомъ; если же моложе, то буду считать его за сына". Около полудня папа прислалъ шесть епископовъ, которые поздравили Іосифа съ пріѣздомъ и требовали, чтобы онъ воздалъ папѣ обычное покло-

конченнымъ, но и почти что не начавшимся. Въ своей повѣсти о соборѣ Симеонъ суздальскій говоритъ, что „болѣ всѣхъ грекове мнѣли Исидора великимъ философомъ, да того ради и ждаша его“ [1]). Этотъ же взглядъ мы находимъ и въ нашихъ лѣтописяхъ. Его же раздѣляетъ и Карамзинъ въ „Исторіи государства россійскаго“ (Т. V, столб. 165). Но дѣйствительною причиною такого медленія были совершенно другія обстоятельства, ускользнувшія отъ взгляда и пониманія суздальскаго іерея.

Сперва устройство мѣстъ для членовъ собора въ назначенной для того каѳедральной церкви Св. Георгія подало поводъ къ про-

---

неніе. Патріархъ прямо отвѣчалъ посланнымъ, что согласенъ только на братское цѣлованіе, и, созвавъ своихъ епископовъ, съ негодованіемъ объявилъ имъ о требованіи папы. Митрополитъ трапезунтскій напомнилъ, что патріарху еще въ Константинополѣ давали совѣтъ внимательнѣе размыслить объ этомъ, но онъ тогда говорилъ только одно, что папа приметъ всѣхъ ихъ съ любовью и честью. Митрополитъ же ираклійскій сообщилъ, что когда онъ и митрополитъ монемвасійскій представлялись папѣ, то, не боясь его гнѣва, не лобызали папской туфли. Между тѣмъ императоръ опять прислалъ вѣстника, что онъ продолжаетъ спорить съ папою о сохраненіи патріаршаго достоинства. Тогда престарѣлый Іосифъ рѣшительно отвѣчалъ вторично присланнымъ отъ папы епископамъ: „Скажите, откуда папа присвоилъ себѣ это право? Какой соборъ, какимъ правиломъ утвердилъ этотъ обычай? Если папа преемникъ апостола Петра, то и мы преемники другихъ апостоловъ. А прочіе апостолы лобызали ли ногу Петра? Кто слышалъ это? Посланные отвѣчали, что это древнее обыкновеніе и ему слѣдуютъ епископы, короли, императоръ германскій и сами кардиналы, которые выше императора. Но патріархъ настоятельно требовалъ, чтобы папа принялъ его какъ брата, грозя, что въ противномъ случаѣ онъ не сойдетъ на берегъ и не позволитъ выйти никому изъ епископовъ. Папа, наконецъ, уступилъ требованію патріарха, подъ предлогомъ желанія мира (Syropul. 4, 18—21) и 8-го марта патріархъ торжественно прибылъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, въ Феррару и немедленно былъ принятъ папою въ его келліи; папа и патріархъ обмѣнялись братскимъ цѣлованіемъ. Исторія флорентійскаго собора, стр. 45—47. А. П. Садовъ. Виссаріонъ Ник. Хр. Чт. 1882. Ч. I, стр. 108—109.

[1]) Рукопись Московск. Публичнаго Музея XVII в. № 939; „И не соборовали долго, ожидаючи отъ великой Руси митрополита Сидора, по совѣту его“. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 101; Рукопись Спб. духовн. Академіи изъ Софійскаго собранія рукописей, № 1464, л. 372 об. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Прилож. XIX, стр. 117. Данное мѣсто по списку рукописи XVII в. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № $^{818}/_{1384}$ читается не такъ: вмѣсто слова „ждаша его“, находится „избраша его“, что имѣетъ свое основаніе, такъ какъ разсматриваемое мѣсто повѣсти непосредственно слѣдуетъ за повѣствованіемъ о выборѣ уполномоченныхъ со стороны грековъ для преній съ латинянами на соборѣ.

должительнымъ спорамъ [1]); эти мѣстническія пререканія, конечно, оттягивали начало соборныхъ засѣданій. Но были и другія, болѣе серьезныя причины того, что собравшіеся представители церквей не приступали къ соборованію. Имѣя цѣлью устроить дѣла рушащейся имперіи при помощи западныхъ государей, которые должны были оказать ему военную помощь противъ страшныхъ турокъ, императоръ Іоаннъ началъ просить папу, чтобы на этомъ вселенскомъ соборѣ присутствовали не одни епископы и духовные, но чтобы онъ призвалъ и государей западной Европы, вмѣсто которыхъ, въ крайнемъ случаѣ, на соборѣ должны бы были присутствовать ихъ посланники [2]). Папа сперва отказывался удовлетворить этой просьбѣ подъ предлогомъ раздоровъ и войнъ между государствами, но потомъ, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ императора, обѣщалъ отправить своихъ легатовъ къ королямъ и герцогамъ съ приглашеніемъ ихъ прибыть на соборъ или же прислать вмѣсто себя уполномоченныхъ. Вслѣдствіе этого было положено отложить торжественныя засѣданія собора и разсужденія о предметахъ вѣры на четыре мѣсяца. Но чтобы не терять времени и публичнымъ объявленіемъ о началѣ сношеній съ греками привлечь еще нѣсколькихъ членовъ антипапскаго базельскаго собора и расположить общественное мнѣніе и тѣмъ подкрѣпить себя, папа, съ согласія императора, рѣшилъ открыть соборъ немедленно, съ тѣмъ, чтобы избранные изъ грековъ и латинянъ, занимались въ теченіе означеннаго срока частными разсужденіями о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ восточная церковь не согласна съ западной.

Въ то же время императору не безъ труда удалось убѣдить папу, чтобы послѣдній, исполняя свой договоръ съ греками, выдавалъ имъ на содержаніе деньги, вмѣсто ежедневной пищи, которою папа одѣлялъ ихъ какъ нищихъ [3]).

Выдача суммъ на содержаніе грековъ въ продолженіе всего собора въ Феррарѣ и затѣмъ во Флоренціи была предметомъ постоянныхъ жалобъ со стороны грековъ. По вѣрному выраженію автора „Исторіи флорентійскаго собора“, папа всегда находилъ въ этомъ лучшее средство преклонять грековъ къ покорности [4]). Дѣй-

[1]) Объ этихъ спорахъ см. „Исторію флорентійскаго собора“. Глав. IV. стр. 48.

[2]) А. П. Садовъ. Виссаріонъ Никейскій на ферраро-флорент. соборѣ. Христ. Чтеніе. 1882. Ч. I, стр. 111.

[3]) Папа опредѣлилъ выдавать ежемѣсячно императору по 30 флориновъ, патріарху по 25, деспоту по 20, лицамъ императорскаго и патріаршаго двора по 4 флорина и слугамъ по 3. „Исторія флорент. собора“, стр. 49.

[4]) Тамъ же, стр. 50

ствительно, изъ описаній исторіи этого собора мы можемъ наблюдать, какъ была замедляема выдача денегъ на содержаніе, когда греки упорствовали и не желали согласиться на предложеніе папы; доведенные до крайности нѣкоторые изъ епископовъ, не получая содержанія, принуждены были продавать свои одежды. Но какъ скоро греки принимали рѣшенія, благопріятныя для римскаго первосвятителя, имъ выдавали деньги, какъ награду и поощреніе за послушаніе [1]).

9-го апрѣля, въ великую среду, папа назначилъ открытіе собора. Патріархъ, подъ предлогомъ болѣзни, отказался присутствовать, но далъ свое согласіе на открытіе. Папа первый вошелъ въ храмъ и занялъ свой престолъ на сѣверной сторонѣ; затѣмъ заняли мѣста на южной сторонѣ императоръ, его братъ, мѣстоблюстители патріаршіе (въ назначеніи которыхъ не задолго до открытія собора, по волѣ императора произошли перемѣны) и епископы съ низшимъ клиромъ. Со стороны западной церкви собралось 8 кардиналовъ, множество епископовъ и низшаго духовенства [2]). Предъ алтаремъ, на срединѣ храма, на особомъ мѣстѣ положено было Евангеліе, а по сторонамъ поставлены изваянія первоверховныхъ апостоловъ [3]). Когда въ храмѣ водворилась тишина, папа возгласилъ: „Благословенъ Господь Богъ израилевъ“! Началось славословіе и были прочитаны нѣкоторыя молитвы. Потомъ греческій архидіаконъ читалъ съ амвона воззваніе патріарха, въ которомъ всѣ приглашались къ участію на соборѣ. „Всѣ знатныя лица ду-

---

[1]) Это мы можемъ видѣть и въ самомъ началѣ собора. Во все продолженіе споровъ о мѣстахъ на соборѣ грекамъ не выдавали денегъ на содержаніе; когда же споръ прекратился, они получили мѣсячное содержаніе. О спорѣ между папою, желавшемъ, какъ глава церкви, сидѣть посреди церкви, и императоромъ, стремившимся, подобно Константину В., быть предсѣдателемъ собора—см. у Карамзина И. Г. Р. Т. V, столб. 165.

[2]) О числѣ латинскихъ епископовъ на соборѣ встрѣчаются различныя показанія. У Доровея митиленскаго предъ описаніемъ открытія собора упоминается о 150 кардиналахъ и епископахъ (р. 17); а въ описаніи самаго открытія говорится о 200 (р. 20). У Сиропула упоминается при открытіи собора 11 кардиналовъ и 150 епископовъ (5,3). Но подъ актомъ соединенія подписались только 141 челов.; въ числѣ ихъ—папа, императоръ, патріаршіе мѣстоблюстители, кардиналы, епископы греческіе и латинскіе, игумены, аббаты и іеромонахи. Григорій трапезунтскій упоминаетъ о 400 отц. (Graec Orthod. 1, 579); но считая однихъ восточныхъ до 200 человѣкъ, этимъ самымъ подрываетъ вѣру къ своимъ словамъ. Исторія флорентійскаго собора, стр. 51.

[3]) Въ русскомъ описаніи путешествія Исидора на соборъ говорится: „И тогда внесше поставиша Святаго Петра и Павла, литы сребреныи позлащены“. Д. Р. Вивліоѳика, VI, стр. 52

ховные, короли и герцоги, гласила эта грамота патріарха, должны прислать отъ себя мѣстоблюстителей и пословъ, если сами не могутъ явиться. Кто же не явится къ означенному сроку и потомъ не приметъ опредѣленій сего собора, тотъ подвергнется церковному отлученію". Затѣмъ читанъ былъ декретъ папы объ открытіи въ Феррарѣ вселенскаго собора, и непродолжительное собраніе было заключено духовнымъ пѣніемъ [1]).

Папа разослалъ списки декрета объ открытіи собора западнымъ государямъ, побуждая ихъ прислать пословъ на соборъ. Но не сбылись надежды папы. Базельскій антипапскій соборъ продолжалъ свои угрозы низложить папу и отлучить отъ церкви всѣхъ, кто осмѣлится ѣхать на соборъ въ Феррару. Правда, имперскіе чины, по смерти Сигизмунда, объявили, что они не принимаютъ ни соборныхъ декретовъ противъ папы, ни папскихъ—противъ базельскаго собора, но признаютъ и соборъ и папу [2]); но всѣ другіе западные государи, не одобрявшіе собора феррарскаго, а сочувствовавшіе (базельскому) антипапскому собору и потому не желавшіе противодѣйствовать ему, не только не явились сами на феррарскій соборъ, но даже, за исключеніемъ герцога бургундскаго [3]), не прислали и своихъ пословъ, несмотря на приглашенія папы и его строгое предписаніе закрыть базельскій соборъ и перенести его въ Феррару [4]).

Эти обстоятельства и были причиной того, что торжественныя засѣданія собора были отложены и не начинались до прибытія русскаго митрополита Исидора. Но русскій книжникъ, современникъ и участникъ описываемаго событія, иначе смотритъ на причины отсрочки торжественныхъ засѣданій феррарскаго собора и высказываетъ по этому поводу собственныя думы о величіи русской земли и ея главы- -московскаго государя. Въ своей повѣсти (2-ой

---

[1]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 51—52.

[2]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 52—53.

[3]) Уже подъ конецъ соборныхъ засѣданій въ Феррарѣ явились посланники герцога бургундскаго; введенные на соборъ, они цѣловали папскую туфлю и не оказали никакого почтенія императору, какъ будто его и не было на соборѣ. Wessenberg. I. H. Die grossen Kirchenversammlungen des XV und XVI Jahrh. (1840) 2 Band, p. 372.

[4]) Митрополитъ Макарій. II. Р. Ц. Т. V. стр. 347—348. См. также Густинскую лѣтопись (П. С. Р. Л. Т. II. стр 355). О проклятіи папою опредѣленій враждебнаго ему базельскаго (въ лѣтоп. „Базмейскаго", а у Новикова „Арбазмейскаго") собора см. П. С. Р. Л. Т. VI. стр. 153; Древн. Росс. Вивліоѳ. Новикова. Ч. VI, (изд. 2-ое), стр. 44—45.

редакціи) Симеонъ суздальскій утверждаетъ, что до прибытія Исидора были отложены соборныя засѣданія: „ожидаху царь и патріархъ московскаго митрополита Исидора, занеже *славна земля русская*", а когда Исидоръ прибылъ въ Феррару, то „царь и папа и патріархъ повелѣ встрѣтити его честно, и воздаша ему честь велію славнаго ради имени великаго князя Василія Васильевича всея Руси" [1]).

Авторъ лѣтописной повѣсти о флорентійскомъ соборѣ влагаетъ въ уста императора Іоанна Палеолога слѣдующую рѣчь: „Царь же тогда кирь Іоаннъ извѣствоваше сицево слово Евгенію, папѣ Римскому и всѣмъ бывшимъ ту: „яко восточніи земли суть большее православіе, высшее христьянство Бѣлая Русь, въ нихъ же есть государь братъ мой Василей Васильевичь, ему же восточніи прислухаютъ и велиціи князи съ землями служатъ ему: но смиренія ради и благочестія, величествомъ разума и благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ Рускихъ земель православія: того ради ожидающе не собороваша мѣсяць шесть" [2]). Влагая въ уста императора византійскаго похвалу славѣ и величію русской земли и русскаго князя, авторъ, какъ мы видѣли выше, дѣлаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: „но смиренія ради и благочестія, величествомъ разума и благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ Рускихъ земель православія". Выводъ этотъ является

---

[1]) Рукопись Спб. дух. Академіи, № 1245. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія". Прилож. XVIII, стр. 103: П. С. Р. Л. Т. VI. стр. 153: „Того ради ожидающе не собороваша мѣсяць шесть. Егда Сидоръ приспѣ къ нимъ и тако срѣтоша его людей множество велми съ великою честію, *славы ради имени великаго царя Василья Васильевича всея Руси*; тогда по малѣхъ днехъ начаша соборовати тамо". „Инока Симеона іерея суждальца повѣсть". А. Поповъ. Историко-литерат. обзоръ, стр. 315

[2]) П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 152 — 153; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 101. „И не збороваша долго", читаемъ мы въ одной изъ рукописей Спб. духовн. Академіи изъ Софійскаго собранія рукописей, „ожидающе отъ великыя Руси митрополита Исидора по съвѣту его. Царь же тогда кирь Іоаннъ извѣствоваше сицево слово Евгенію папѣ римскому и всѣмъ бывшимъ ту, яко восточніи земли суть рустіи и большее православіе и вышьшее христіанъство Бѣлые Руси, в них же есть государь великій братъ мой Василій Васильевичь, ему же въсточніи царіе прислухаютъ и велиціи князи съ слезами (вар. съ землями) служатъ ему. Но смиренія ради благочестія и величьством разума благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великым рускым своих земель православія. И того ради ожидающе не собороваше мѣсяцен шесть". Рукоп. Спб. духовн. Академіи изъ Софійскаго собранія рукописей № 1464, лл. 372 — 373. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Прилож. XIX, стр. 117. Д. Р. Вивліоѳика. Ч. VI, стр. 51—52.

еще тѣмъ болѣе многозначительнымъ, что лѣтописная повѣсть, по вѣрному замѣчанію проф. В. Н. Малинина, несомнѣнно стоитъ въ связи съ правящими сферами государственными и церковными. Конечно, не одно христіанское смиреніе было причиною того, что великій князь не могъ воспользоваться титуломъ царя: на лицо еще оставался ордынскій царь, верховный повелитель всей Руси. Это мѣсто лѣтописной повѣсти исполнено національнаго самосознанія, горячею вѣрою въ силы государства и великое, свѣтлое будущее, которое представляется автору не какъ что либо отдаленное и недостижимое, но какъ вполнѣ естественное, соотвѣтствующее быстрому политическому росту московской Руси. То же самое мы встрѣчаемъ и въ „Словѣ“, гдѣ авторъ также заставляетъ самого греческаго *царя* Іоанна Палеолога признать за русскимъ великимъ княземъ несомнѣнное право на титулъ царя и торжественно заявить о томъ предъ восточными и западными іерархами, собравшимися на соборъ въ Феррару[1]). Конечно, эти слова не могъ сказать греческій императоръ, а они несомнѣнно принадлежатъ составителю и изобличаютъ его собственныя думы о величіи русской земли. Русскому книжнику, увлеченному національнымъ самомнѣніемъ, могло дѣйствительно показаться, что греки и латиняне не открывали торжественныхъ соборныхъ засѣданій, ожидая митрополита Исидора; на самомъ дѣлѣ, какъ мы могли видѣть выше, были совершенно другія причины такой отсрочки.

Послѣ пасхи (13 апрѣля) папа началъ требовать отъ грековъ, чтобы были начаты частныя совѣщанія собора. Ожидая прибытія отцовъ базельскаго собора[2]), греки медлили и не начинали засѣданій, но послѣ троекратныхъ напоминаній со стороны папы, было наконецъ избрано по десяти человѣкъ съ той и другой стороны (со стороны грековъ и латинянъ), съ тѣмъ, чтобы они собирались по три раза въ каждую недѣлю въ одной монастырской церкви для разсужденія о спорныхъ предметахъ[3]). Со стороны грековъ были

[1]) А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. „Слово избрано отъ святыхъ писаній. “, стр. 364—365; А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемикѣ противъ латинянъ, стр. 100—101.

[2]) Synod. Flor., p. 29. Исторія флорентійскаго собора, стр. 53.

[3]) Здѣсь между исторіей Сиропула и повѣствованіемъ Дороѳея (митиленскаго) есть незначительныя разногласія. Одинъ говоритъ, что назначалось по три собранія въ каждую недѣлю, другой — по два. Одинъ говоритъ,

избраны митрополиты: ефесскій, монемвасійскій, никейскій, лакедемонскій, анхіахальскій и пять другихъ членовъ собора. Вмѣстѣ съ ними было назначено присутствовать императорскому чиновнику Мануилу Ягарису.

Для насъ является чрезвычайно интереснымъ отношеніе императора къ дѣламъ церковнымъ, его вмѣшательство въ внутреннюю жизнь собора. Извѣстно, что императоръ отдалъ строгое приказаніе, чтобы только Маркъ Евгеникъ, митрополитъ ефесскій и юный Виссаріонъ никейскій [1]) вступали въ пренія съ латинянами,—но въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгали къ совѣщанію съ прочими членами собора; чтобы они не вступали въ разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ спора, и, наконецъ, чтобы, по окончаніи каждаго засѣданія, давали отчетъ ему, императору, о ходѣ дѣлъ [2]). Вообще императору не хотѣлось, чтобы непримиримость ученія греческаго съ латинскимъ обнаружилась раньше, нежели ему удастся достигнуть своихъ политическихъ цѣлей [3]). „И теперь, говоритъ авторъ „Исторіи флорентійскаго собора“, поручая избраннымъ вести споры съ латинянами, онъ внушалъ не отвергать мнѣній латинскихъ потому только, что они не согласны съ собственнымъ ученіемъ грековъ, но на всякій вопросъ смотрѣть, какъ бы еще не было никакого рѣшенія, и потомъ общими усиліями, постепенно доходить до

что было избрано по десяти членовъ собора съ каждой стороны, другой—по двѣнадцати, считая вдвое и двухъ нотаріевъ. Одинъ еще говоритъ, что собранія были назначены въ церкви монастыря св. Андрея, другой же указываетъ на церковь св. Франциска какъ на мѣсто этихъ совѣщаній. Послѣднее противорѣчіе можетъ быть лишь кажущееся, такъ какъ эта церковь, по справедливому замѣчанію автора „Исторіи флорентійскаго собора“, могла быть въ андреевскомъ монастырѣ. Syropul. 5, 3. Synod. Flor., p. 29. Исторія флорентійскаго собора, стр. 53, прим. л.

[1]) Проф. А. П. Садовъ полагаетъ, что Виссаріонъ родился, какъ кажется въ 1403 г. (см. Vast. Le cardinal Bessarion. Paris. 1878, p. 2), въ Трапезунтѣ, отъ простыхъ родителей. „Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ“. Христіанское Чтеніе. 1882. Ч. I, стр. 94—95.

[2]) Syropul. 5, 3. Исторія флорентійскаго собора, стр. 54.

[3]) Извѣстно, что вскорѣ по прибытіи въ Феррару Маркъ ефесскій, по внушенію кардинала Юліана, рѣшился написать папѣ благодарственное письмо за учрежденіе собора; въ этомъ посланіи онъ высказалъ взглядъ, что римская церковь, къ довершенію добраго дѣла, должна отказаться отъ своего ученія объ исхожденіи свят. Духа и отъ совершенія литургіи на опрѣснокахъ. Когда императоръ узналъ объ этомъ, то едва не подвергъ Марка суду греческаго собора за то, что онъ осмѣлился высказывать латинянамъ такія мысли. Syropul. 5, 2. Исторія флорентійскаго собора, стр. 54.

его разрѣшенія, принимая за послѣдній выводъ въ этомъ изслѣдованіи то, что̀ будетъ всѣми принято“ [1]).

Со стороны же латинянъ были назначены для преній кардиналы Юліанъ Чезарини и Николай Албергати, Андрей—епископъ колосскій, или родосскій и еще нѣсколько аббатовъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, въ третье засѣданіе, кардиналъ Юліанъ Чезарини указалъ, что главные предметы спора и разногласій между греками и латинянами заключаются въ ученіи: объ исхожденіи Духа святаго, о хлѣбѣ въ евхаристіи, о чистилищѣ и о первенствѣ папы [2]). Затѣмъ онъ предложилъ собравшимся вопросъ, съ чего начать разсужденія. Греки заявили, что обсужденіе перваго вопроса (объ исхожденіи Духа св.) они отлагаютъ до торжественныхъ засѣданій вселенскаго собора; относительно же прочихъ спорныхъ вопросовъ обѣщали вскорѣ дать отвѣтъ по совѣщаніи съ императоромъ Послѣдній, по свидѣтельству источниковъ, назначилъ избрать для изслѣдованія который нибудь изъ двухъ послѣднихъ [3]); латиняне согласились разсуждать о чистилищѣ.

Въ задачу нашего изслѣдованія не входитъ описаніе внутренней исторіи ферраро-флорентійскаго собора, изложеніе и анализъ споровъ между представителями восточной и западной церкви [4]); но мы должны замѣтить, что эти продолжительныя пренія нисколько не подвинули впередъ главнаго вопроса о соединеніи церквей и каждая изъ состязавшихся сторонъ осталась при своемъ прежнемъ

---

[1]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 54—55. (Syropul. 7, 8).

[2]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 55.

[3]) Synod. Flor., p. 30, Syropul 5, 7, 8. Исторія флорентійскаго собора, стр. 55.

[4]) Описаніе предварительныхъ преній о чистилищѣ и блаженствѣ праведныхъ на частныхъ засѣданіяхъ мы находимъ у Сиропула, въ его „Vera histor. unionis non verae“, а также въ „Исторіи флорентійскаго собора“,—„S. G. Florentina Synodus“. Послѣдній трудъ (въ двухъ том. in 4°) считается лучшимъ изъ описаній собора, изданныхъ римскою церковью. Трудъ этотъ, написанный на греческомъ языкѣ, безъ означенія имени автора, приписывается члену собора Доѳеею, митрополиту митиленскому. Аллацій приписывалъ его Ѳеодору Кеанѳопулу, но Вертрамъ („Abhandlung vom Dorotheo von Mitilena, einem ungenannten Geschichtschreiber“. Hal. 1759, in 4°) доказалъ, что авторъ его Доѳеей митиленскій. Важнѣйшую часть этого труда и составляетъ изложеніе соборныхъ преній. См. также Thisman. Unionsverhand. seit d. Anf. d. XV Jahrh. zum. Conc. v. Ferrara (1858). „Исторію флорентійскаго собора“, гл. IV, изслѣдован. проф. А. И. Садова, проф. А. Л. Катанскаго и другіе источники.

убѣжденіи, не будучи въ состояніи склонить другую спорящую сторону къ принятію своего ученія [1]).

Еще во время предварительныхъ преній въ небольшомъ обществѣ грековъ обнаружилось разномысліе и раздѣленіе, не предвѣщавшія добраго исхода задуманнаго дѣла; обнаружилось печальное соперничество и зависть краснорѣчиваго Виссаріона никейскаго къ стойкому и ревностному защитнику православія Марку ефесскому [2]). Лишь только приступили къ дѣлу, какъ стало видно, что среди грековъ найдутся люди готовые принести въ жертву своимъ личнымъ выгодамъ и страстямъ интересы церкви, представителями которой они состояли.

Частныя засѣданія собора прекратились; прошло уже болѣе трехъ мѣсяцевъ со времени открытія собора. Испытывая недостатокъ въ средствахъ [3]), находясь въ бездѣйствіи, греки стали скучать и сожалѣть, что оставили родину. Императоръ Іоаннъ, боясь,

---

[1]) Во время споровъ главный вопросъ раздробился на столько мелкихъ и отдаленныхъ отъ цѣли, что по необходимости его рѣшеніе осложнялось и затруднялось еще болѣе. Представители западной церкви спрашивали напр.: гдѣ и какъ летаютъ ангелы? Каково свойство геенскаго огня? На послѣдній вопросъ императорскій чиновникъ Ягарисъ замѣтилъ: „спрашивающій получитъ удовлетворительное разрѣшеніе на свой вопросъ развѣ тогда только, когда самъ испытаетъ свойство этого огня". Syrop. 5, 16, 18. Synod. Flor., p. 35, 37. „Исторія флорентійскаго собора", стр. 64.

[2]) Объ отношеніяхъ Виссаріона никейскаго къ Марку ефесскому см. у А. П. Садова. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 115—126. Виссаріонъ никейскій, если по временамъ и вступалъ въ споръ съ латинянами, то болѣе для того, чтобы выказать свой талантъ краснорѣчія; достойно вниманія, что когда греки, видя упорство латинянъ противъ ихъ доводовъ, хотѣли прекратить всѣ пренія, Виссаріонъ одинъ настаивалъ на продолженіи спора, перемѣнивъ только предметъ. „Мы еще много, говорилъ онъ, можемъ сказать прекраснаго" („πολλὰ καὶ καλὰ"). Syropul. 7, 6. „Исторія флорентійскаго собора", стр. 66.

[3]) Выдача денегъ на содержаніе нуждавшихся грековъ производилась крайне неаккуратно. Первая выдача была 2-го апрѣля: грекамъ было выдано по расчету за одинъ мѣсяцъ 691 флоринъ, между тѣмъ какъ слѣдовало получить за полтора (Syropul. 4, 28); вторая—12 мая, 689 флориновъ (Syropul. 5, 9); третья—30 іюня, 689 флориновъ (Syropul 5, 18); четвертая—21 октября за два мѣсяца, 1218 флориновъ (Syropul. 6, 20). Пятая (послѣдняя въ Феррарѣ)—12 января 1439 года за четыре мясяца 2412 флориновъ (Syropul. 7, 14). А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чтеніе. 1882. Ч. I, стр. 330. Объединѣвшее греческое духовенство и во время собора, вслѣдствіе полнаго отсутствія собственныхъ средствъ и неаккуратной выдачи содержанія папою,—нуждалось даже въ самомъ необходимомъ. Изъ источниковъ мы узнаемъ, что у одного греческаго архіерея того времени ничего не имѣлось, кромѣ трехъ старыхъ одеждъ. Знаменитый же ученый Виссаріонъ, м. никейскій, въ тече-

чтобы недовольные не покинули Феррары и не удалились съ собора преждевременно, отдалъ приказъ градоначальнику не выпускать ни одного грека изъ города и не выдавать никому билетовъ безъ его разрѣшенія и подписи. Самъ же, позаботившись о болѣе надежномъ заключеніи грековъ въ Феррарѣ, поселился въ загородномъ монастырѣ и проводилъ время въ полѣ, занимаясь охотою, какъ будто не хотѣлъ и вспомнить о дѣлѣ, ради котораго оставилъ свое государство [1]).

Когда прошелъ срокъ, назначенный для открытія торжественныхъ засѣданій собора, представители греческаго духовенства просили императора, чтобы онъ, возвратясь въ городъ, сдѣлалъ бы какія нибудь распоряженія относительно соборныхъ дѣлъ. Но императоръ отвѣчалъ, что безъ пословъ отъ государей западной Европы и безъ болѣе многочисленнаго собранія епископовъ, чѣмъ настоящее, — онъ не хочетъ думать о началѣ собора, который долженъ быть дѣйствительно вселенскимъ. Но вмѣсто увеличенія соборъ началъ уменьшаться въ числѣ своихъ членовъ, такъ какъ губительная болѣзнь (моровая язва) однихъ лишила жизни, другихъ же заставила бѣжать изъ города, спасаясь отъ заразы [2]). И лишь прибылъ только, какъ сказали мы выше, русскій митрополитъ Исидоръ въ сопровожденіи многочисленной свиты.

Торжественныя засѣданія собора еще не начинались: папа Евгеній ожидалъ своего посла изъ Франціи. Но и оттуда были получены неблагопріятныя извѣстія, такъ какъ Франція оградила себя отъ вліянія папы прагматическою санкціею (изданной въ Буржѣ 7 іюля 1438 г.), основанной на постановленіяхъ базельскаго собора [3]). Король Карлъ VII запретилъ своимъ епископамъ ѣхать въ Феррару [4]). Послѣ полученія столь неутѣшительныхъ свѣдѣній съ за-

---

ніе цѣлыхъ двадцати лѣтъ давалъ уроки юношеству на родинѣ, — и за это время могъ всего на всего пріобрѣсти лишь сорокъ золотыхъ флориновъ. (Ducae. Historia Byzantina, cap. XXXI.—Migne. P. C. C. S. G. Tom. CLVII, col 1013. Гиббонъ. Исторія. Т. VII, стр. 254. А. Лебедевъ. Очерки исторіи Византійско-восточной церкви, стр. 513).

[1]) Syropul. 6. 1, 2. Исторія флорентійскаго собора, стр. 68.

[2]) При началѣ торжественныхъ засѣданій вмѣсто одиннадцати кардиналовъ нашлось только пять, а вмѣсто полутораста епископовъ — только пятьдесятъ.

[3]) О „Прагматической санкціи“ Карла VII см. Quellen zur Geschichte des Papsttums und des römischen Katholizismus. Von D. Carl Mirbt. Zweite Auflage. Tübingen und Leipzig. 1901. № 257, стр 160, гдѣ указана и литература вопроса.

[4]) Wessenberg J. Die grossen Kirchenversammlungen des XV und XVI Jahrh. 2 Band, S. 379.

нада, папа сталъ настоятельно требовать отъ грековъ, чтобы начались торжественныя соборныя разсужденія о соединеніи церквей. „Уже семь мѣсяцевъ вы въ Италіи, говорилъ онъ грекамъ, а и всего подписали мнѣ одну бумагу—объявленіе объ открытіи собора“ [1]). Наконецъ, императоръ возвратился въ городъ и послѣ многократныхъ переговоровъ было постановлено открыть торжественныя засѣданія собора 8 октября.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ между греками было постановлено, чтобы споры между представителями церкви восточной и западной были рѣшаемы не большинствомъ голосовъ, которыхъ на сторонѣ латинянъ всегда могло быть болѣе, нежели у грековъ, по общимъ согласіемъ той или другой стороны [2]).

Потомъ, созвавъ шесть старшихъ митрополитовъ, хартофилакса, екклезіарха, двухъ игуменовъ съ іеромонахомъ и трехъ греческихъ ученыхъ [3]), императоръ, выслушавъ ихъ мнѣнія, условился съ ними о началѣ преній на соборѣ объ исхожденіи св. Духа. Наконецъ, императоръ объявилъ, что, по совѣщанію съ кардиналами, онъ рѣшилъ, чтобы въ недѣлю было непремѣнно по три соборныхъ засѣданія и, чтобы, въ случаѣ отсутствія императора, патріарха, или кого либо изъ лицъ, назначенныхъ для преній, засѣданіе не откладывалось бы до другого времени. Мѣсто же отсутствующаго на соборѣ члена должепъ занимать другой, слѣдующій за нимъ по старшинству. Соборныя засѣданія должны были начинаться чрезъ полтора часа послѣ разсвѣта и продолжаться до шестого часа дня [4]).

Для преній на соборѣ со стороны грековъ были избраны слѣдующіе представители: Маркъ Евгеникъ, м. ефесскій, Исидоръ, митрополитъ русскій [5]), Виссаріонъ никейскій, философъ Гемистъ,

[1]) Syropul. 6, 5.

[2]) Иначе,—говорили греки,—противъ нашихъ тридцати голосъ у латинянъ будетъ болѣе двухсотъ. Нужно, чтобы голоса одной стороны безъ отношенія къ ихъ числу, взятые вмѣстѣ, имѣли силу равную голосамъ другой стороны. Тѣмъ же, кто перейдетъ отъ грековъ къ латинянамъ, или отъ латинянъ къ грекамъ, должно объявить строгое наказаніе. Syropul. 6, 9, 10. Исторія флорентійскаго собора, стр. 71.

[3]) Схоларія, Гемиста и Амируца.

[4]) Греки выразили свое согласіе на эти условія каждый собственноручною подписью и требовали, чтобы имъ было предоставлено право предлагать вопросы латинянамъ. Syropul. 6, 13.

[5]) Какъ извѣстно, Исидоръ дѣйствовалъ на соборѣ не только въ качествѣ архипастыря Руси, но и въ качествѣ представителя антіохійскаго патріарха—Доѳея. „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія, стр. 534.

хартофилаксъ и скевофилаксъ [1]). Но на самомъ дѣлѣ императоръ поручилъ вести всѣ пренія съ представителями западной церкви Марку ефесскому и Виссаріону никейскому, запретивъ участвовать въ дѣлахъ собора свѣтскимъ чиновникамъ [2]). Въ преніяхъ иногда принималъ участіе и русскій митрополитъ, изрѣдка высказывавшій свои замѣчанія (Садовъ. Виссар. Ник. Христ. Чтеніе 1882. Ч. I, стр. 137). По желанію папы засѣданія собора происходили въ его дворцовой капеллѣ [3]).

Всѣхъ соборныхъ засѣданій въ Феррарѣ было 15 [4]), два мѣсяца прошло въ преніяхъ (о прибавленіи къ символу вѣры), которыя не привели къ желаннымъ результатамъ, такъ какъ они, подобно и прежнимъ спорамъ, кончились ничѣмъ: каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи.

Греки, видя полную невозможность убѣдить въ правотѣ своихъ мнѣній представителей западной церкви, стремились возвратиться въ отечество и только, благодаря настойчивости императора, надѣявшагося получить помощь запада рушащейся имперіи, удалось склонить духовенство перейти къ разсмотрѣнію другого вопроса (о самомъ догматѣ исхожденія св. Духа). Видя упорство латинянъ и ихъ нежеланіе принимать очевидныя доказательства грековъ при обсужденіи спорныхъ вопросовъ, нѣкоторые изъ греческаго духовенства указывали императору на безполезность продолжать пренія и по другимъ вопросамъ, но послѣдній, имѣя въ виду помощь, обѣщанную ему папой, отвергалъ всякія возраженія. Митрополитъ русскій Исидоръ и Виссаріонъ никейскій стали сильно поддерживать императора, стараясь вліять и на другихъ представителей духовенства. Но тутъ встрѣтилось и другое препятствіе къ

---

[1]) Екклезіархъ Сиропулъ также былъ назначенъ въ число уполномоченныхъ для преній, но усиленными просьбами самъ уклонился отъ этого назначенія. Syropul. 6, 13.

[2]) Латиняне съ своей стороны назначили для преній кардиналовъ Юліана Чезарини Николая Албергати, Андрея епископа родосскаго и Іоанна еп. форлейскаго, двухъ докторовъ богословія · монаховъ, изъ которыхъ одинъ— Іоаннъ, провинціалъ ордена Доминиканцевъ, принималъ живое участіе въ спорахъ и др. лицъ. Synod. Flor., p. 43. 44. Syropul. 6, 13. Исторія флорентійскаго собора, стр. 73.

[3]) Объ этомъ см. Syropul. 6, 14; Synod. Flor., p. 41. Исторія флорентійскаго собора, стр. 73.

[4]) О разногласіи между Сиропуломъ и Дорофеемъ во времени и числѣ соборныхъ засѣданій см. Истор. флорент. собора, стр. 73 – 74, прим. и. О содержаніи соборныхъ преній въ Феррарѣ, а затѣмъ Флоренціи см. вышеуказанные источники: Syropul., Synod. Flor., „Исторія флорент. собора“ и др.

продолженію начатаго дѣла. Папа отказался дальше содержать грековъ въ Феррарѣ, говоря, что его надежды на помощь отъ этого города не оправдались, а изъ своихъ городовъ онъ, по ихъ отдаленности и по военнымъ обстоятельствамъ, не можетъ получать доходовъ; поэтому онъ предлагалъ перенести засѣданія собора въ другое мѣсто—въ Флоренцію, богатые граждане которой обѣщали ему матеріальную помощь [1]), тѣмъ болѣе, что оставаться въ Феррарѣ было и небезопасно, такъ какъ, съ наступленіемъ весны, опасались появленія моровой язвы.

Предлагая перенести засѣданія собора, папа съ своей стороны обѣщалъ грекамъ, кромѣ обычнаго содержанія во Флоренціи, дать еще двѣнадцать тысячъ червонцевъ и двѣ галеры въ помощь Константинополю, и надѣялся, что дѣло соединенія церквей можетъ быть окончено въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ. Императоръ прилагалъ всѣ усилія, чтобы повліять на грековъ и убѣдить ихъ переѣхать во Флоренцію [2]). Но полный недостатокъ въ средствахъ и способахъ отправиться въ Константинополь и отказъ въ удовлетвореніи денежнымъ пособіемъ за послѣдніе мѣсяцы, заставили грековъ покориться власти римскаго первосвятителя и отправиться во Флоренцію. Императоръ ручался, что папа исполнитъ

---

[1]) Граждане Флоренціи обѣщали папѣ взаймы до сорока тысячъ золотыхъ, если соборъ будетъ перенесенъ въ ихъ городъ. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб. 166. Во Флоренціи тогда главою республики былъ Медичи [Косимо Старый (il vecchio), 1389—1464], одинъ изъ лучшихъ государственныхъ людей своего времени, извѣстный своимъ богатствомъ и любовью къ просвѣщенію, дворецъ котораго былъ первымъ крупнымъ гуманистическимъ центромъ. См. также изслѣдованіе проф. Н. А. Осокина—„Савонарола и Флоренція". (1861). О гуманистическомъ движеніи во Флоренціи см. капитальное критическое изслѣдованіе проф. М. С. Корелина. „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія". Вып. I и II (Москва, 1892). Глава III, стр. 777—876.

[2]) Императоръ еще ранѣе зналъ о намѣреніи папы перенести соборъ и дважды самъ посылалъ пословъ во Флоренцію объ устройствѣ этого дѣла; но отъ духовенства онъ скрывалъ это. Когда же онъ сообщилъ это предложеніе папы греческому духовенству, указавъ, что въ случаѣ ихъ согласія отправиться во Флоренцію, они получатъ слѣдуемую имъ сумму на содержаніе ихъ за пять мѣсяцевъ, греки сначала рѣшительно отказывались отъ путешествія, опасаясь, что во Флоренціи папа будетъ обходиться съ ними еще самовластнѣе. Возражая имъ, императоръ между прочимъ говорилъ: „Вамъ извѣстно, что теперь намъ остается избрать одно изъ двухъ: ѣхать во Флоренцію или въ Константинополь,—потому что здѣсь папа не хочетъ и не можетъ продолжать собора. Вы болѣе желаете возвратиться на родину? Но благоразумно ли будетъ бросить безъ окончанія начатое дѣло? Разсудите еще, какъ и съ чѣмъ отправимся въ Константинополь? Гдѣ у насъ средства къ путешествію? И кто поможетъ злосчастной имперіи, когда прогнѣ-

свои обѣщанія [1]). 10 января 1439 года была прочитана въ каѳедральной феррарской церкви папская булла о перенесеніи собора во Флоренцію; причиною перенесенія собора была объявлена язва, которая, несмотря на зимнее время, свирѣпствуетъ въ городѣ, а къ веснѣ можетъ еще болѣе усилиться [2]).

Послѣ переѣзда во Флоренцію [3]) и непродолжительнаго отдыха засѣданія собора возобновились (26 февраля); первое же засѣданіе во Флоренціи обнаружило, что императоръ уже обѣщалъ папѣ прінскать какіе то тайные способы соглашенія помимо публичныхъ преній.

Торжественныя засѣданія собора продолжались до 24 марта 1439 года и, подобно предыдущимъ, не привели рѣшительно ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ каждая сторона относительно спорныхъ пунктовъ вѣроученія осталась настойчиво при своемъ и ни та ни другая не хотѣли уступить ни въ чемъ. Послѣ окончанія торжественныхъ засѣданій, папа приказалъ сказать патріарху, что

ваемъ папу своимъ упорствомъ?" Исторія флорентійскаго собора, стр. 101 Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной. Христіанское Чтен. 1868. Ч. I, стр. 593. А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ. Христіанское Чтен. 1882. Ч. I, стр. 330, 331 и слѣд.

[1]) Syropul. 7, 12; Synod. Flor. 308—315. Исторія флорентійскаго собора, стр. 101—102.

[2]) Митр. Макарій. И. Р. Ц. Т. V, стр. 350. Папская булла помѣщена въ Synod. Floren., p. 316. Густинская лѣтопись такъ повѣствуетъ о переносѣ засѣданій собора во Флоренцію: „...Но потомъ, попущеніемъ Божіимъ, нача моръ великій быти въ томъ градѣ Феррару, сего ради принесеся сей соборъ до града Флоренціи..." П. С. Р. Л. Т. II, стр. 355. Но на самомъ дѣлѣ прошло уже два мѣсяца какъ зараза прекратилась. Syropul. 7, 14. Ист. флор. собора, стр. 103. Авторъ „Повѣсти" объ осьмомъ (флор.) соборѣ Симеонъ суздальскій такъ объясняетъ перенесеніе засѣданій собора изъ Феррары во Флоренцію: „И тогда нѣціи отъ собора греческаго священницы приложишася единодушно къ папѣ, злата доволно вземше, и честь велику получиша, и придумаша папѣ дати царю много злата, да изведетъ папа царя за горы и всѣ грекове, къ Риму близъ, въ Ѳролентій: „аще ли не злата ради, но нужди ради, предавшися тобѣ будутъ, честный папа". Тогда тѣ отъ папы великую честь и отъ всѣхъ ѳрязовъ получиша, а грекомъ многимъ скорбящимъ, что царю и патріарху злата много обѣща папа. И приложиша ити ко граду ѳлорентію, и поидоша отъ града Ѳерары мѣсяца генваря, на память святаго Іоанна Златоустаго, на возвращеніе честныхъ его мощей". А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 203—204.

[3]) Императоръ принялъ мѣры, чтобы никто изъ грековъ не могъ уйти во время путешествія и раньше времени возвратиться въ Константинополь Syropul. 6, 141—142, 151—153. А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 330, прим. 4.

такъ какъ греки отказались отъ дальнѣйшихъ преній [1]), то къ наступающей пасхѣ (5 апрѣля) они должны или изъявить согласіе на ученіе римской церкви, или же возвратиться въ отечество [2]).

Съ этого времени начинается продолжительная и тяжелая борьба между совѣстью императора и настойчивыми требованіями папы, между надеждами и планами на помощь гибнущей имперіи и боязнью подвергнуться общему осужденію за измѣну православію. Императоръ уже не становится преградой между православными и латинянами, какъ во времена ліонской уніи; онъ начинаетъ дѣйствовать нерѣшительно, не беретъ всего на себя предъ греками и латинянами; не увѣряетъ первыхъ, что отъ него все зависитъ, что ему ничего не стоитъ подчинить греческую церковь папѣ и не проситъ послѣднихъ (грековъ) также во всемъ полагаться на него, не мѣшать ему имѣть дѣло самому съ римскимъ первосвятителемъ, но, напротивъ, видимо боится отвѣтственности предъ народомъ и духовенствомъ, особенно послѣ смерти патріарха Іосифа, избѣгаетъ по возможности принужденія, явныхъ насильственныхъ мѣръ и поспѣшности при окончательномъ рѣшеніи вопроса [3]). „Надежда на

---

[1]) Такъ какъ послѣ продолжительныхъ и безрезультатныхъ споровъ (объ исхожденіи св. Духа) между Маркомъ ефесскимъ и Іоанномъ de Monte Nigro, доминиканскимъ провинціаломъ, славившимся своимъ искусствомъ въ діалектикѣ, латиняне хотѣли, чтобы послѣднее слово осталось за ними, то они настаивали на продолженіи соборныхъ засѣданій. Императоръ съ неудовольствіемъ снова явился на соборъ и, чтобы не вступать опять въ прекія, запретилъ Марку ефесскому и Антонію праклійскому, этимъ ревностнымъ защитникамъ православія, являться на соборныя засѣданія (Synod. Florent. p. 554). Вслѣдствіе чего на двухъ послѣднихъ торжественныхъ засѣданіяхъ (21 и 24 марта), когда Іоаннъ, замѣтивъ отсутствіе своего сильнаго противника, съ кичливостью требовалъ, чтобы Маркъ явился на засѣданіе, императоръ отвѣчалъ хвастливому схоластику: Мы теперь не хотимъ снова начинать преній; поэтому сюда не явился Маркъ. Мы пришли сюда для того только, чтобы удовлетворить вашимъ просьбамъ. Говорите, что хотите: мы не дадимъ никакого отвѣта („Исторія флорент. собора“, стр. 132). А потому въ оба послѣднія засѣданія Іоаннъ ораторствовалъ одинъ, такъ какъ никто изъ грековъ не возражалъ ему. Уже подъ конецъ послѣдняго засѣданія митрополитъ Исидоръ замѣтилъ Іоанну, что „текущій одинъ на поприщѣ напрасно считаетъ себя побѣдителемъ, когда съ нимъ никто не состязается“. Synod. Florent. p. 555 - 562. „Исторія флорентійскаго собора“, стр. 133.

[2]) Synod. Flor. p. 563. „Ист. флор. соб.“, стр. 133.

[3]) Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной (въ первый его періодъ) на греческомъ востокѣ и латинскомъ западѣ (1053—1453). Христіанское Чтен. 1868. Ч. I, стр. 591—592, 593.

истинный христіанскій миръ церквей, читаемъ мы у историка флорентійскаго собора[1]), была потеряна. Надобно было купить его уступкою. Какъ сдѣлать эту уступку болѣе благовидною, какъ менѣе принять на себя отвѣтственности въ ней предъ своею церковію, предъ своимъ народомъ?—вотъ что составляло главную задачу для тѣснимаго отвсюду императора“[2])! Императоръ говорилъ въ частныхъ собраніяхъ грековъ: „Я защитникъ церкви. Обязанность защитника въ настоящемъ случаѣ состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, чтобы охранять и защищать догматы церковные, давать свободу всякому желающему защищать ихъ, и удерживать людей, наклонныхъ къ спорамъ и противорѣчіямъ; во-вторыхъ, держать всѣхъ нашихъ въ единомысліи“[3]). Когда же утомленные греки просили его о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла, императоръ отвѣчалъ: „Это зависитъ не отъ меня, а отъ церкви. Если я поступлю рѣшительно, и выйдетъ что нибудь непріятное, тогда все неудовольствіе падетъ на меня. Это дѣло церковное и требуетъ большой осмотрительности

---

[1]) „Исторія флорентійскаго собора“ (Москва, 1847)—издана безъ указанія имени автора и долгое время приписывалась (иногда приписывается и теперь) перу профессора протоіерея А. В. Горскаго. На самомъ дѣлѣ этотъ трудъ представляетъ собою магистерскую диссертацію студента XV курса Московской духовной Академіи Ивана Остроумова, написанную только подъ руководствомъ прот. А. В. Горскаго. См. С. К. Смирновъ. Исторія Академіи, стр. 241. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 421.

[2]) Исторія флорентійскаго собора. стр. 133 –134. „Нельзя безъ умиленія читать въ „Исторіи“ о послѣднихъ тайныхъ бесѣдахъ Іоанна Палеолога“, говоритъ Карамзинъ, идеализируя нѣсколько императора, „въ коихъ сей несчастный государь изливалъ свою душу предъ святителями греческими и вельможами, изображая съ одной стороны любовь къ православію, а съ другой бѣдствія имперіи и надежду спасти ее посредствомъ соединенія церквей“. Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, столб 166 и прим. 300, гдѣ приводится рѣчь Іоанна по рукописи Синод. библ., № 364.

[3]) Syropul. 8. 5 См. изслѣдованіе проф. В. С. Иконникова. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, стр. 23 и слѣд., гдѣ мы находимъ указанія на примѣры вмѣшательства византійскихъ императоровъ въ дѣла церкви. В. Савва. Московскіе цари и византійскіе василевсы. Къ вопросу о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. (Харьковъ, 1901) Глава II, стр. 58 — 93. А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ. Христіанск. Чтен. 1882. Ч. I, стр. 114—115, прим. 6, 116, 123, 137, 328, 335, 336 Ѳ. Кургановъ. Отношеніе между церковною и гражданскою властію въ Византійской имперіи (Казань, 1880). Гефеле. Konciliengeschichte, VII, p. 676. В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. Спб. 1897. Гл. VII, VIII и друг. изслѣдованія

и совѣщанія церковнаго“ [1]). А когда папа или заносчивые кардиналы [2]) говорили ему о скорѣйшемъ соединеніи церквей, Іоаннъ отвѣчалъ: „Я не господинъ надъ соборомъ; не хочу насильственнаго присоединенія“ [3]).

Такъ говорилъ колеблющійся императоръ, дѣлая видъ, что онъ самъ ничего не можетъ сдѣлать безъ совѣта и согласія духовенства; но, желая достигнуть соединенія церквей и получить помощь Византіи, онъ употреблялъ всѣ мѣры и способы къ достиженію намѣченной цѣли, вмѣшиваясь въ соборныя дѣла. По свидѣтельству Сиропула, онъ приблизилъ къ себѣ самыхъ преданныхъ дѣлу соединенія церквей членовъ собора: митрополита Исидора, Виссаріона никейскаго и духовника Григорія, совѣтуясь съ ними и стараясь чрезъ нихъ направить умы прочихъ къ желанной цѣли [4]). И съ этого времени указанные выше сторонники соединенія выдвигаются на первый планъ, играя выдающуюся роль въ окончаніи флорентійскаго собора. Надежда на помощь папы и западной Европы безсильной Византіи заставила императора и сторонниковъ соединенія достигнуть полезной для нихъ уніи во что бы то ни стало; и они, по вѣрному выраженію современнаго историка церкви,— „задались мудреною задачею: нельзя ли достигнуть соглашенія и устроить соединеніе помимо богословскихъ преній“ [5]). Когда нѣкоторые изъ духовенства, недовольные такимъ оборотомъ дѣлъ, просили у императора разрѣшенія возвратиться домой, Іоаннъ никого не выпускалъ даже изъ города (Syropul. 9, 5), упрекалъ ихъ въ малодушіи, въ нерадѣніи объ общемъ благѣ, грозилъ имъ своимъ гнѣвомъ (Syropul. 8, 7; 9, 1); въ частныхъ же собраніямъ грековъ указывалъ имъ на всѣ выгоды соединенія церквей, на свои труды и хлопоты. Нерѣшительный императоръ то призывалъ на совѣтъ свѣтскихъ чиновниковъ, требуя ихъ мнѣнія, то воспрещалъ

---

[1]) Syropul 8, 7.

[2]) О высокомѣрномъ отношеніи представителей высшаго латинскаго духовенства къ грекамъ повѣствуетъ авторитетное свидѣтельство Марка ефесскаго въ его „Мнѣніи о флорентійскомъ соборѣ“. Migne. Patrol. C. C. S. G. CLIX, col. 1028, и друг. источники.

[3]) Synod. Florent., p. 590, 595. Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной. Христіанское Чтен. 1868. Ч. I, стр. 591, 592, 596.

[4]) Syropul. 8, 4.

[5]) Проф. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 440.

имъ подавать голоса[1]). Естественнымъ выходомъ изъ такого труднаго положенія—была безусловная и полная уступка со стороны стѣсненныхъ грековъ и ихъ согласіе на подписаніе акта соединенія церквей[2]) на всей волѣ римскаго первосвятителя. Греки соединились съ латинянами, принявъ ихъ ученіе объ исхожденіи св. Духа, о совершеніи литургіи на опрѣснокахъ и о чистилищѣ и признавъ надъ собою верховную власть папы[3]). Это и произошло 5 іюля 1439 года, послѣ трехмѣсячныхъ[4]) тщетныхъ попытокъ грековъ побудить папу, хотя бы и къ небольшой уступчивости[5]).

6-го іюля въ флорентійскомъ каѳедральномъ соборѣ, при безчисленномъ стеченіи народа, по совершеніи благодарственнаго мо-

---

[1]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 136—137. А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорент. соборѣ. Христ. Чтен. 1882. Ч. I, стр. 330—331; 626—627.

[2]) Актъ о соединеніи церквей изданъ нѣсколько разъ. Послѣднее и лучшее изданіе его въ „Monumenta, spectantia ad unionem Ecclesiarum Graecae et Romanae, edita ab Augustino Theiner et Francisco Miklosich". Vindobonae, 1872, p. 46—56.

[3]) Е. Е. Голубинскій. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Чтен. въ Общ. Ист. и Др. 1896, I, стр. 6. P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège. T. I, p. 41. О верховной власти римскаго первосвятителя было сказано такъ: (§ 8). „Item definimus, sanctam apostolicam sedem et Romanum pontificem in universum orbem tenere primatum et ipsum pontificem Romanum successorem esse beati Petri principis apostolorum, et verum Christi vicarium, totiusque ecclesiae caput et omnium christianorum patrem ac doctorem existere, et ipsi in beato Petro pascendi, regendi ac gubernandi universalem ecclesiam a domino nostro Iesu Christo plenam potestatem traditam esse, quemadmodum etiam in gestis oecumenicorum conciliorum et in sacris canonibus continetur. (§ 9). Renovantes insuper ordinem traditum in canonibus caeterorum venerabilium patriarcharum, ut patriarcha Constantinopolitanus secundus sit post sanctissimum Romanum pontificem, tertius vero Alexandrinus, quartus autem Antiochenus et quintus Hierosolymitanus, salvis videlicet omnibus privilegiis et iuribus eorum".

[4]) Апрѣль, май, іюнь.

[5]) См. „Истор. флорент. собора", гл. VII и VIII. Императоръ Іоаннъ такъ жаловался на настойчивость латинянъ: „Вотъ люди упорные; всегда любятъ поставить на своемъ", а въ другой разъ онъ признавался предъ епископами, что „греки уступили латинянамъ болѣе, нежели сколько должно. Латинянамъ слѣдовало бы удовольствоваться этимъ и довершить соединеніе церквей. Но они не заботятся о мирѣ, и объявляютъ намъ новыя требованія? Если папа не удовольствуется тѣмъ, на что мы согласились, то намъ остается вступить въ переговоры съ флорентійцами, нанять суда и уѣхать отсюда. Исторія флорентійскаго собора, стр. 168—169.

лебствія, соборное опредѣленіе о соединеніи церквей, подписанное наканунѣ императоромъ, а затѣмъ всѣми греками [1]), папою и латинскимъ духовенствомъ, было торжественно прочитано съ каѳедры на латинскомъ и греческомъ языкахъ кардиналомъ Юліаномъ Чезарини и Виссаріономъ никейскимъ: „Да веселятся небеса и земля. Разрушилось средостѣніе между восточною и западною церковію; миръ возвратился на краеугольный камень Христа; два народа уже составляютъ единый; мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихій свѣтъ вожделѣннаго согласія сіяетъ паки. Да ликуетъ мать наша, церковь, видя чадъ своихъ, послѣ долговременнаго разлученія, вновь совокупленныхъ любовію; да благодаритъ Всемогущаго, Который осушилъ ея горькія о нихъ слезы. А вы, вѣрные сыны міра христіанскаго, благодарите мать вашу, церковь каѳолическую, за то, что отцы Востока и Запада не устрашились опасностей пути

---

[1]) Братъ императора Дмитрій въ собраніи (2-го іюня) для окончательнаго заключенія о принятіи латинскаго догмата объ исхожденіи св. Духа и соединеніи съ западною церковью, отказался подать свой голосъ, подъ предлогомъ, что онъ не имѣетъ нужныхъ свѣдѣній въ этомъ дѣлѣ и охоты въ него вмѣшиваться, и черезъ десять дней оставилъ соборъ. Исторія флорентійскаго собора, стр. 157. См. изслѣдованіе А. И. Садова. Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ. Христ. Чтен. 1882. Ч. I, стр. 106. Соборное опредѣленіе о соединеніи церквей не было подписано Маркомъ ефесскимъ и тремя митрополитами восточной церкви. „Блаженнѣйшему же Марку не вписавшемуся съ ними въ суемысленая ихъ преложенія (вар. „прелестная положенія"), также Иверьскому митрополиту Григорію, Нитрійскому Исакію и Газьскому Софронію, побѣгоша отъ нихъ изъ града въ путь свой. Царю же съ пути къ себѣ ихъ възвратившу, а Григорію Иверьскому къ своему царю утекшу въ Венетію на море тако избѣжавшу, възвращеніи же назадъ къ нимъ пришедше ничтоже помогоша царю". П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 159, П. С. Р. Л. Т. II (Густинская лѣтопись), стр. 355. См. „Слово избрано отъ святыхъ писаній...", А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ., стр. 371. По мнѣнію современника этихъ событій, только одинъ грекъ изъ тысячи бывшихъ на соборѣ („И инѣхъ много христіанъ было грековъ съ царемъ и с патріархомъ тысяща". Рукопись Спб. духовной Академіи изъ Софійскаго собранія рукописей, № 1464, л. 410. В. Н Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Приложенія. XVII, стр. 90) оказывается истиннымъ поборникомъ православія. Это былъ Маркъ, митрополитъ ефесскій, къ которому молчаливо примкнули три вышеупомянутые митрополита. Всѣ же остальные, по мнѣнію Симеона суздальскаго, съ царемъ и патріархомъ константинопольскимъ во главѣ прельстились папскимъ золотомъ и продали истинную вѣру. См. Г. Ф. Гершбергъ. „Исторія Византіи", стр. 548; еп. Арсеній. „Лѣтопись церковныхъ событій", стр. 534. Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной. Христіанское Чтен. 1868. Ч. I, стр. 593. А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чтен. 1882. Ч. I, стр. 655, прим. 1.

дальняго, и великодушно сносили труды, дабы присутствовать на семъ святомъ соборѣ и воскресить любовь, коея уже не было между христіанами“ [1]). Затѣмъ излагалось ученіе объ исхожденіи св. Духа, опрѣснокахъ, чистилищѣ и папской власти, какъ согласились признавать это греки и латиняне. Торжество было закончено литургіей по латинскому обряду [2]). Во время совершенія этой литургіи, по свидѣтельству Сиропула (10,10), при троекратномъ умовеніи рукъ папы, во второй разъ подавалъ воду посолъ русскій (вѣроятно, бояринъ Ѳома); это было сдѣлано по настоянію Исидора, изъ уваженія, какъ говорилъ онъ, къ достоинству русскаго князя.

Чрезвычайно характерно повѣствуетъ русскій книжникъ о заключительномъ соборномъ богослуженіи, на которомъ были прочитаны соборныя грамоты о соединеніи церквей. „И начаша радоватися (весь соборъ латинскій и народъ), *зане бяше прощение пріяли отъ грекъ*“ [3]).

Если во время торжественныхъ богословскихъ преній митрополитъ русскій Исидоръ не принималъ почти никакого участія, предоставляя спорить съ латинянами Марку ефесскому и Виссаріону никейскому, этому „краснорѣчиво-неудержимому болтуну“, по образной и мѣткой характеристикѣ профессора Е. Е. Голубинскаго [4]);—то послѣ окончанія торжественныхъ засѣданій (24 марта 1439 г.), когда возникъ вопросъ о томъ, какъ устроить соглашеніе

[1]) Мы беремъ отрывокъ этой буллы („Laetentur coeli“) въ художественномъ переводѣ Карамзина (П. Г. Р. Т. V, столб. 167—168), у котораго тамъ же имѣется картинное описаніе торжественнаго папскаго богослуженія 6-го іюля (столб. 167). Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи, стр., 548. Грамота о соединеніи церквей читается и у Длугоша. „Historiae Polonicae“, Lib. XII, sub. anno 1440, col. 728 -729. Quellen zur Geschichte des Papsttums und des römischen Katholizismus. Von D. Carl Mirbt. Zweite Auflage Tübingen und Leipzig. 1901. № 258, стр. 161 — 162.

[2]) „Это была блестящая сцена, говоритъ историкъ Византіи, когда 6-го іюля 1439 года въ флорентинскомъ соборѣ въ присутствіи царя Іоанна, папы и высшаго духовенства различныхъ народовъ договоръ на латинскомъ и греческомъ языкахъ былъ прочитанъ кардиналомъ Юліаномъ Чезарини (правой рукой папы Евгенія) и архіепископомъ Виссаріономъ“. Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи. Стр. 548. P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège. T. I, p. 40—41.

[3]) Рукопись Спб. духовной Академіи изъ собр. Софійск. рукоп., № 1464, XVI в. (л. 491 об. и 492). В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Приложенія, XV, стр. 85.

[4]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 440. Ср. изслѣдованіе А. П. Садова. Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорент. соборѣ. Христ Чт. 1882. Ч. I, стр. 336—337.

безъ торжественныхъ преній, Исидоръ выступилъ видимъ дѣйствующимъ лицомъ и по справедливости долженъ считаться однимъ изъ самыхъ главныхъ виновниковъ и творцовъ флорентійской уніи. Дѣйствительно, когда начались разсужденія о способахъ достигнуть соединенія церквей безъ торжественныхъ преній, не приведшихъ ранѣе къ желательнымъ результатамъ, и 30 марта (въ понедѣльникъ страстной недѣли) императоръ и греческое духовенство собрались въ келліяхъ больного патріарха Іосифа[1]), то лишь только начались рѣчи о соединеніи, митрополитъ Исидоръ первый подалъ свой голосъ: „Лучше душою и сердцемъ соединиться съ латинянами, нежели, не кончивши дѣла, возвратиться. Возвратиться, конечно, можно; но какъ возвратиться, куда, когда“[2])? И лишь только Виссаріонъ никейскій поддержалъ мнѣніе Исидора. Когда же (послѣ 15 апрѣля) было рѣшено устроить коммиссію изъ двадцати членовъ, по десяти съ каждой стороны, для изложенія догмата объ исхожденіи св. Духа въ такой формулѣ, которая могла бы быть принята латинянами и греками —Исидоръ назначается въ эту коммиссію[3]).

Когда колеблющійся императоръ не рѣшался уступить всѣмъ требованіямъ римскаго первосвятителя послѣ увѣщанія послѣднимъ греческаго духовенства[4])—Исидоръ и Виссаріонъ съ митрополитами лакедемонскимъ и митилинскимъ, явились къ императору и объявили ему рѣшительно, что „если онъ не хочетъ соединенія, то они соединятся и безъ него“[5]). Еще недавно императору, повиди-

---

[1]) Патріархъ умеръ во Флоренціи 10 іюня 1439 г. О его смерти и предсмертномъ писаніи см. „Исторію флорентійскаго собора“, стр. 162—166.

[2]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 137—138.

[3]) Члены коммиссіи должны были собираться въ папскомъ дворцѣ: императоръ самъ присутствовалъ въ этихъ собраніяхъ. Исторія флорентійскаго собора, стр. 142—143.

[4]) 27 мая епископы явились къ папѣ. Принявъ ихъ, окруженный девятью кардиналами, папа напоминалъ имъ о своихъ трудахъ и усердіи въ дѣлѣ соединенія церквей, о своихъ уступкахъ на ихъ требованія (?) и о ихъ медленности въ исполненіи его желаній въ Феррарѣ и Флоренціи; онъ грозилъ имъ бѣдствіями безпомощности, если они не позаботятся о соединеніи съ римскою церковью и говорилъ имъ о пособіи Византіи со стороны государей западной Европы въ случаѣ ихъ соединенія. А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ. Христ. Чтен. 1882. Ч. I, стр. 651—652.

[5]) „Ἐὰν ἡ βασιλεία σοῦ οὐ θέλει ἑνωθῆναι, ἡμεῖς ἑνούμεθα“. Harduin, IX, 389. A.; Mansi, XXXI, col. 985. E.; А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорент. соборѣ. Хр. Чт. 1882. Ч. I, стр. 647, прим. 6.

мому, приходилось „подталкивать членовъ собора къ унiи“, (по вѣрному выраженiю проф. А. И. Садова. Виссарiонъ Никейскiй. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 647—648); теперь обстоятельства и роли перемѣнились: названныя выше лица сами производили давленiе на царя [1]). Эти слова, по свидѣтельству источниковъ, сильно подѣйствовали на императора и онъ велѣлъ духовенству собраться на совѣщанiе [2]), на которомъ (28 мая) говорилъ о потребности и необходимости примиренiя между церковью восточной и западной. Впрочемъ, императоръ внушалъ и осторожность при заключенiи союза съ римскою церковью. Вслѣдъ за этимъ епископы произнесли проклятiе на тѣхъ, кто не хочетъ церковнаго соединенiя [3]).

Когда въ засѣданiи 30 мая приступили къ собиранiю голосовъ въ пользу римскаго ученiя и оказалось, что изъ двадцати семи лицъ греческаго духовенства десять подали свой голосъ въ пользу соединенiя, а семнадцать противъ него, тогда группа лицъ, желавшихъ соединенiя, видя немногочисленность голосовъ въ пользу ихъ мнѣнiя, убѣдила патрiарха пригласить къ себѣ нѣкоторыхъ изъ несогласившихся епископовъ и личными увѣщанiями склонить ихъ къ союзу. Митрополитъ же Исидоръ, какъ горячiй сторонникъ соединенiя, рекомендовалъ даже примѣнить къ противникамъ соединенiя самое радикальное средство: онъ предлагалъ отлучить непокорныхъ отъ союза съ церковью [4]). И патрiархъ, и императоръ старались лично повлiять на противниковъ соединенiя; извѣстно, что патрiархъ призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ митрополитовъ [5]) и кротко началъ укорять ихъ въ неблагодарности и непослушанiи и совѣтовалъ имъ послѣдовать его мнѣнiю; въ то же время и императору разными обѣщанiями удалось привлечь въ пользу соединенiя нѣкоторыхъ членовъ собора [6]). Русскiй митрополитъ энергично дѣй-

---

[1]) Harduin. IX. 389: „ἀλλα τούτον (т. е. императора) ἠνάγκασαν περὶ τῆς ἑνώσεως:“. Mansi. XXXI, 985. Е.: „ἀλλὰ καὶ πολλὰ τούτον ἠνάγκασαν περὶ τῆς ἑνώσεως“; также и въ римскомъ изданiи 1864 г. См. А. И. Садовъ. Виссарiонъ никейскiй. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 648, прим. I.

[2]) Synod. Flor., p. 589—601; Syropul 9, 1—6; Исторiя флорент. собора, стр. 150—151. Harduin. IX, 389. A.; А. И. Садовъ. Виссарiонъ никейскiй. Хр. Чт. 1882. Ч. I, стр. 648.

[3]) Исторiя флорент. собора, стр. 151.

[4]) Патрiархъ не рѣшился прибѣгнуть къ такой мѣрѣ. Исторiя флорент. собора, стр. 153.

[5]) Молдовлахiйскаго, торновскаго и амазiйскаго.

[6]) См. Исторiю флорент. собора, стр. 154.

ствовалъ въ томъ же направленіи: Исидоръ устроилъ богатое угощеніе митрополитамъ меленикскому, дристрскому, драмскому и нѣкоторымъ другимъ, и ему удалось за столомъ склонить ихъ къ согласію на соединеніе[1]) и здѣсь же „выманить“ у нихъ согласіе на принятіе уніи[2]).

Мало того: Исидоръ, Виссаріонъ и ихъ единомышленники, не только уступали требованіямъ латинянъ, но даже, повидимому, поддерживали ихъ въ этихъ требованіяхъ. Изъ изложенія Сиропула[3]) слѣдуетъ, что Исидоръ съ Виссаріономъ дали поводъ латинянамъ особенно усиленно настаивать на вписаніе въ соборное опредѣленіе особаго пункта о томъ, что папа можетъ принимать апелляціи на царя и патріарховъ. На это даже открыто жаловался самъ императоръ, а онъ, несомнѣнно, больше всѣхъ былъ заинтересованъ въ заключеніи уніи. „Если бы, говорилъ онъ, наши не подстрекали латинянъ, то послѣдніе не говорили и не желали этого; я даже знаю, кто ихъ подстрекаетъ къ этому“[4]). Изъ сопоставленія съ вышеприведенными словами Сиропула легко догадаться, кто были эти горячіе защитники дѣла латинянъ[5]).

Исидоръ играетъ роль посредника между императоромъ и римскимъ престоломъ, исполняя важныя и довольно щекотливыя порученія. Стараясь вліять на членовъ собора, склоняя ихъ къ союзу съ Римомъ, императоръ хотѣлъ также удостовѣриться и въ помощи отъ папы. Его посланный митрополитъ Исидоръ привелъ къ нему трехъ кардиналовъ, которые именемъ папы увѣряли императора въ той помощи, которую обязывается ему оказать римскій первосвятитель[6]). Въ слѣдующій разъ, на другой день по обнародованіи со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 155.

[2]) А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 649.

[3]) Syropul. X, 3, p. 281. А. П. Садовъ Виссаріонъ никейскій. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 653.

[4]) „Εἰ οὐκ εἶχον οἱ λατῖνοι τὰς εἰσηγήσεις παρὰ τῶν ἡμετέρων, οὐκ ἂν ἔλεγον οὐδὲ ἐξήτουν τὰ τοιαῦτα. Ἐγὼ δὲ οἶδα καί τινες εἰσὶν οἱ ἐρετίζοντες ἐκείνους“. Тамъ же.

[5]) А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 653.

[6]) Вотъ эти обѣщанія.—Папа беретъ на свой счетъ возвращеніе грековъ въ отечество; обѣщаетъ содержать на своемъ иждивеніи триста воиновъ въ Константинополѣ и двѣ галеры на водахъ его, для всегдашняго охраненія города; богомольцамъ, отправляющимся на Востокъ, вмѣнитъ въ обязанность заходить въ Константинополь; въ случаѣ особенной нужды готовъ прислать императору совсѣмъ снаряженныя двадцать галеръ на полгода, или десять на годъ; наконецъ,—если откроется нужда, то будетъ стараться о приглаше-

борнаго акта о соединеніи церквей, императоръ отправилъ къ папѣ митрополитовъ русскаго и никейскаго просить о торжественномъ совершеніи греческой литургіи, чтобы латиняне могли видѣть обряды и священнодѣйствіе восточной церкви[1]). Императоръ велѣлъ передать папѣ свое желаніе, чтобы въ день провозглашенія уніи, послѣ латинской литургіи, сряду же была совершена греческая литургія въ присутствіи папы, всѣхъ латинянъ и грековъ. Цѣль, которую при этомъ имѣлъ императоръ, заключалась въ томъ, „чтобы въ присутствіи и папы, и всѣхъ окружающихъ его и латинскаго народа былъ прочтенъ святой символъ безъ прибавки, чтобы узнали и они нашу литургію,—и послужитъ это въ честь намъ“ („καὶ ἔσται τοῦτ' εἰς τιμὴν ἡμῶν“. Syropul. X, 6, 286—287). Такимъ образомъ императоръ добивался отъ латинянъ фактическаго и публичнаго признанія равноправности грековъ съ латинянами. Судя по разсказу Сиропула, другіе греки, повидимому, не возражали противъ намѣренія царя, но Исидоръ и Виссаріонъ сразу показали свое желаніе затормозить это дѣло. „Латиняне, говорили они императору, хотятъ (въ этотъ день) совершить молебствіе (λιτανεῦσαι),—затѣмъ пѣть гимнъ Духу Утѣшителю и затѣмъ уже совершить литургію; за всѣмъ этимъ время (и безъ того) протянется дольше полденъ, и папа, не будучи въ силахъ вынести такой трудъ, естественно воспрепятствуетъ совершенію нашей литургіи. Поэтому лучше было бы отложить нашу литургію до слѣдующаго дня“[2]).

Послѣ смерти престарѣлаго патріарха Іосифа[3]), императоръ Іоаннъ, оставшись одинъ опорою собора, сталъ болѣе неуступчивъ въ сношеніяхъ съ папою. „Пока живъ былъ Іосифъ, читаемъ мы у историка флорентійскаго собора, императоръ видѣлъ въ немъ первенствующаго пастыря восточной церкви, который обязанъ дать ей отчетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ епископовъ греческихъ на соборѣ. Когда же его не стало, то императоръ увидѣлъ, что теперь на немъ

ніи европейскихъ государей съ сухопутными войсками на помощь греческой имперіи. Исторія флорентійскаго собора, стр. 155.

[1]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 176. „Лѣтопись церковныхъ событій“ еп. Арсенія, стр. 534.

[2]) Syropul. X, 6, 286. А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чтен. 1882. Ч. I, стр. 657—658.

[3]) Ср. „Сказанія князя Курбскаго“. Спб. 1833. Ч. II,—„Объ исторіи о осьмомъ соборѣ и о разорванію, или раздранію умиленномъ, восточныхъ церквей съ западными“, гдѣ ошибочно повѣствуется о смерти патр. Іосифа и императора Іоанна Палеолога, стр. 252.

лежитъ отвѣтственность предъ церковью во всѣхъ сношеніяхъ съ папою“ [1]). Благодаря боязни отвѣтственности за дѣйствія собора и за полную уступку латинянамъ, императоръ сдѣлался болѣе несговорчивымъ и упрямымъ и, доведенное всѣми правдами и неправдами почти до конца дѣло соединенія церквей, висѣло нѣкоторое время буквально на одномъ волоскѣ. Не дать оборваться этому волоску и погибнуть всему дѣлу—удалось немногимъ болѣе горячимъ и вліятельнымъ сторонникамъ соединенія церквей съ русскимъ митрополитомъ во главѣ. Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ авторъ „Synod. Florent.“ Дороѳей митиленскій, одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ этого собора, описывая положеніе дѣлъ на соборѣ, когда произошли разногласія и пререканія между императоромъ и папою, и императоръ, выведенный изъ терпѣнія настойчивымъ требованіемъ со стороны папы дальнѣйшихъ уступокъ [2]), вмѣсто согласія на эти требованія сказалъ присланнымъ папою кардиналамъ: „позаботьтесь же о нашемъ отправленіи“ [3]). „Наступилъ праздникъ, который флорентійцы отправляютъ съ великою торжественностью. Но мы погружены были въ скорбь, потому что не стало надежды на соединеніе. Однако же, продолжаетъ Дороѳей митиленскій, Промыслитель всѣхъ Богъ не оставилъ насъ; но возбудилъ русскаго, никейскаго и митиленскаго и нѣкоторыхъ другихъ употребить свое посредство“. Одни расположили папу, другіе императора согласиться на послѣднюю мѣру: избрать по четыре человѣка изъ грековъ и латинянъ для разсужденій о спорномъ вопросѣ (о власти папской). Результатомъ этого было устраненіе возникшихъ пререканій и разрѣшеніе вопроса въ угодномъ для папы смыслѣ [4]).

Во время составленія соборнаго опредѣленія о соединеніи церквей наиболѣе ревностные сторонники соединенія митрополитъ Исп-

---

[1]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 167. Проф. А. Л. Катанскій. Вопросъ о соединеніи церквей восточной и западной. Христ. Чтен. 1868. Ч. I, стр. 592.

[2]) „И потомъ начат папа посылати ко царю со гнѣвомъ, да бы въ концѣ дѣло было“, говоритъ въ своей „Повѣсти“ Симеонъ суздальскій. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 352.

[3]) Это произошло наканунѣ дня рождества Іоанна Предтечи.

[4]) Synod. Florent., p. 641—645. Греки рѣшились написать, что признаютъ папу верховнымъ первосвященникомъ, намѣстникомъ и мѣстоблюстителемъ Іисуса Христа, пастыремъ и учителемъ всѣхъ христіанъ, который управляетъ церковью, съ сохраненіемъ правъ и преимуществъ восточныхъ патріарховъ, такъ что константинопольскій патріархъ есть второй по немъ, затѣмъ слѣдуетъ александрійскій, потомъ антіохійскій и наконецъ іерусалимскій.

доръ и Виссаріонъ предложили было императору присоединить къ соборному акту отлученіе на непринимающихъ этого соединенія, несомнѣнно, имѣя въ виду горячаго противника соединенія—Марка ефесскаго; но императоръ не согласился на это предложеніе[1]).

Такое дѣятельное и вліятельное участіе въ дѣлахъ собора и та выдающаяся роль, которая выпала на долю русскаго митрополита въ дѣлѣ соединенія церквей, его близость къ императору и папѣ, его большой авторитетъ среди греческаго духовенства—выдвигало Исидора послѣ смерти патріарха на первое мѣсто и дѣлало его естественнымъ кандидатомъ на патріаршій престолъ Новаго Рима[2]). И только, благодаря ловкой интригѣ духовника Григорія, умѣвшаго повліять на Іоанна и мечтавшаго о патріаршемъ тронѣ для себя, не осуществилось вѣроятное избраніе Исидора, такъ какъ извѣстно, что, когда папа настаивалъ на избраніи патріарха во Флоренціи, то императоръ, по совѣту того-же Григорія, который опасался, что въ патріархи будетъ избранъ Исидоръ, отпустилъ въ Венецію нѣсколькихъ старшихъ митрополитовъ, и послѣ того объявилъ папѣ, что за отсутствіемъ епископовъ, нельзя сдѣлать надлежащаго избранія въ патріархи[3]).

Отъ русскаго очевидца и описателя ферраро-флорентійскаго собора не могла укрыться дѣятельность русскаго митрополита: о выдающейся роли Исидора на соборѣ Симеонъ суздальскій говоритъ въ своей „Повѣсти“. Папа, по мнѣнію суздальскаго іерея, отлично

---

[1]) Synod. Florent., p. 647- 652; Syropul. 10, 5, 284. А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 654. Справедливость требуетъ замѣтить, что подобное предложеніе, хотя и въ общихъ выраженіямъ, еще прежде дѣлалъ и Георгій Схоларій. Migne. P. C. C. S. G. CLX, 413. D. Описывая актъ подписанія соборнаго опредѣленія о соединеніи церквей (5 іюля 1439 года), авторъ „Исторіи флорентійскаго собора“, говоря о лицахъ, подписавшихся вслѣдъ за императоромъ, замѣчаетъ: „Исидоръ, Виссаріонъ и протосинкеллъ, *какъ первые виновники уніи*, съ радостью подписались“. (Исторія флорент. собора, стр. 173) О характерѣ самой подписи Исидора мы скажемъ ниже).

[2]) А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 654.

[3]) Syropul. 10, 15, 16; Исторія флорентійскаго собора, стр. 178. А. П. Садовъ. Виссаріонъ никейскій. Христ. Чт. 1882. Ч. I, стр. 654. Въ преемники Іосифа былъ избранъ въ Константинополѣ (4 мая 1440 г.) Митрофанъ (кизическій). Послѣ его внезапной смерти (1 августа 1443 г.), 7 іюля 1446 года на патріаршій престолъ былъ возведенъ Григорій (Мамма), духовникъ императора, одинъ изъ дѣятельныхъ виновниковъ флорентійскаго соединенія. О немъ см. главу III.

зналъ цѣпу Исидора: онъ даетъ ему много золота [1]) и окружаетъ знаками особеннаго вниманія, такъ какъ, по мнѣнію суздальскаго іерея, Исидоръ „бысть же папѣ *великій помощникъ*“. Когда соборъ былъ перенесенъ изъ Феррары во Флоренцію, папа окружаетъ его путешествіе выраженіемъ исключительнаго вниманія: „Исидору митрополиту съ великою честью идущу, съ приставы папежевыми и со слугами, запеже бо инеднаго возлюби папа митрополита, якоже Исидора“ [2]). Дѣятельность Исидора на соборѣ стала впослѣдствіи извѣстной русскимъ. „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню, и сказаніе о съставленіи осмаго сбора латыньскаго“... такъ говоритъ о дѣятельности русскаго митрополита: „Ты же о Исидоре прелестниче и богоотступниче... вѣру свою погубилъ еси, царя обольстилъ еси, патріарха смутилъ еси, и царствующій градъ ихъ къ погибели исполнилъ еси“ [3]). Митрополитъ Іона, преемникъ Исидора на каѳедрѣ русской митрополіи, въ посланіи къ литовскимъ епископамъ такъ отзывается о дѣятельности Исидора: „...Обльсти царя же и патріарха греческаго и створи имъ, якоже Іудеи Христу створиша, воздающе за манну желчь, за воду же оцетъ, и распеша и кресту пригвоздиша. Сидоръ же прельстивъ царя и патріарха, разлучи отъ закона ихъ святаго и погибели исполни ихъ“ [4]).

Намъ неизвѣстны причины, побудившія митрополита Исидора стать горячимъ и дѣятельнымъ сторонникомъ уніи и измѣнникомъ отеческой вѣрѣ, такъ какъ онъ не сдѣлалъ относительно этого никакой исповѣди, не оставилъ оправданій и объясненій своего от-

---

[1]) См. рукопись Спб. духовн. Академіи изъ Софійскаго собранія, № 1464, л 427. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Прилож. XVII, стр. 98 и др. Объ ошибочности взглядовъ Симеона на подкупъ Исидора папой мы скажемъ ниже.

[2]) Повѣсть о соборѣ Симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 204: „Инока Симеона іерея суждалца повѣсть како римскій папа Евгеній состави осмый соборъ съ своими единомышленники“. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 350, 351.

[3]) А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 384.

[4]) Р. И Б Т. VI, № 87. Посланіе митроп. Іоны къ литовскимъ епископамъ о незаконномъ кіевскомъ митрополитѣ Григоріи. 1460 г., столб. 648; митрополитъ Макарій. И. Р. Ц Т. VI, Прил. № 1, стр. 363. Говоря объ отъѣздѣ Исидора изъ Флоренціи, лѣтописная повѣсть добавляетъ: „Сій же Сидоръ злочестивый пріимъ отъ папы велію честь“. П. С. Р. Л. Т. VI (2 Софійск. л.), стр. 159.

ступничества. Вопросъ этотъ до настоящаго времени остается далеко не вполнѣ разрѣшеннымъ, такъ какъ почти совсѣмъ не выяснены ближайшія побужденія, руководившія дѣятельностью русскаго митрополита. Трудно предположить, чтобы личное честолюбіе, желаніе занять блестящее и выдающееся положеніе въ іерархіи западной церкви, (которое онъ потомъ и занялъ), было главной причиной дѣятельности Исидора, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ для такого сужденія; кромѣ того однимъ только тщеславіемъ нельзя объяснить сильное и горячее служеніе Исидора интересамъ католической церкви, его дѣятельность въ уніональномъ направленіи. Надо думать, что Исидоръ могъ предвидѣть громадныя трудности, препятствія и борьбу противъ уніи въ московскомъ государствѣ. „Нужно допустить, справедливо замѣчаетъ извѣстный византинистъ профессоръ О. И. Успенскій [1]), говоря о побужденіяхъ, руководившихъ дѣятельностью м. Исидора и Виссаріона никейскаго, что они пришли къ мысли объ уніи не по легкомыслію, но были убѣжденными поборниками идеи соединенія церквей". Соединившись съ Римомъ, они словомъ и дѣломъ неуклонно служили интересамъ Рима и католической церкви, совмѣщая съ этимъ горячую любовь къ своей несчастной родинѣ и надежду на политическое возрожденіе Византіи. Несомнѣнно, что горячій патріотизмъ грека-Исидора, его искреннее и сильное желаніе спасти гибнущее отечество посредствомъ союза съ римскимъ престоломъ и надежда на помощь западной Европы, —составляли одну изъ главныхъ причинъ его рѣшенія измѣнить отеческой вѣрѣ. Профессоръ О. И. Успенскій склоненъ видѣть въ Исидорѣ убѣжденнаго представителя новаго политическаго и религіознаго направленія, проявившагося въ Византіи—направленія, которое раздѣляли и Палеологи; почтенный ученый думаетъ, что всего легче мы поймемъ смыслъ этого направленія, если сравнимъ его съ нашимъ западническимъ [2]). Что же касается предположенія о подкупѣ русскаго митрополита папою [3]), то такой взглядъ является

[1]) Проф. О. И. Успенскій. Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ. Историческій Вѣстникъ, 1887, № 12, стр. 692.

[2]) Проф. О. И. Успенскій. Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ. Историческій Вѣстникъ, 1887, № 12, стр. 693.

[3]) См. „Повѣсть" Симеона суздальскаго объ восьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ, А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 207, 209. „Если это правда, справедливо замѣчаетъ Е. Е. Голубинскій, то тутъ необходимо разумѣть не взятку, данную папою Исидору, а заемъ денегъ у банкировъ,

вполнѣ неосновательнымъ, такъ какъ Исидоръ совершенно не нуждался въ деньгахъ, да и не особенно богатый Евгеній былъ бы не въ состояніи подкупить человѣка, получавшаго громадные доходы русской митрополіи [1]). Подтвержденіемъ высказаннаго выше взгляда, что горячій патріотизмъ Исидора былъ однимъ изъ главныхъ побужденій, заставлявшихъ его искать союза съ Римомъ, служатъ его краснорѣчивыя слова, сказанныя имъ при подачѣ голоса, послѣ того какъ прежія не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и папа, давъ срокъ грекамъ, предложилъ имъ, или изыскать способы къ соединенію церквей, или же безрезультатно возвратиться домой; на первомъ совѣщаніи грековъ лишь только начались разсужденія, Исидоръ первый изъ собравшихся категорически заявилъ, что „лучше душою и сердцемъ соединиться съ латинянами, нежели, не кончивши дѣла, возвратиться. Возвратиться, конечно, можно, но какъ возвратиться, куда, когда“ [2]).

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ остановиться подробнѣе на личности, образѣ мыслей, нравственномъ направленіи и политической дѣятельности русскаго митрополита, этого несомнѣнно далеко незаурядпаго человѣка, въ связи съ общимъ направленіемъ той эпохи. Дѣятельность Исидора на ферраро-флорентійскомъ соборѣ, его выдающаяся роль въ дѣлѣ соединенія церквей—вызываютъ желаніе попытаться осмыслить и объяснить характеръ послѣдняго русскаго митрополита изъ грековъ, тѣмъ болѣе, что общее направленіе господствующихъ у насъ возрѣній на Исидора носитъ не вполнѣ правильный, тенденціозный характеръ. Сравнительно скудный печатный матеріалъ для сужденія о личности этого іерарха въ недавнее время пополненъ обнародованіемъ въ печати шести писемъ Исидора, прекрасно изданныхъ историкомъ В. Э. Регелемъ, редакторомъ журнала „Византійскій Временникъ“ [3]).

заключенный Исидоромъ при посредствѣ и содѣйствіи папы“. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 442, прим. 1.

[1]) Достаточно вспомнить приведенныя нами выше слова патріарха Іосифа, по поводу его нежеланія (тайнаго) ѣхать на соборъ о соединеніи церквей въ Италію и пользоваться тамъ денежной помощью отъ папы и заявленія о томъ, что, если бы въ случаѣ созыва собора въ Константинополѣ, понадобилось до ста тысячъ аспровъ, то *одинъ* русскій митрополитъ могъ привезти такую сумму. (Ист. флор. собора, стр. 23–24). „Если папа могъ дѣйствовать посредствомъ подкупа на другихъ епископовъ, то потому, что другіе епископы были совсѣмъ нищіе“. Е. Е. Голубинскій И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 442.

[2]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 137—138.

[3]) Analecta Byzantino-Russica. Edidit W. Regel. Petropoli. A. MDCCCXCI. [V. Epistolae Isidori hieromonachi (postea metropolitae Kijoviensis)].

Мы не можемъ не согласиться съ взглядомъ ученаго издателя переписки русскаго митрополита, что для того, чтобы имѣть возможность произнести правильное сужденіе о личности Исидора, необходимо прежде всего освѣтить его жизнь, его преобладающія идеи и его стремленія до его прибытія изъ Константинополя въ Россію [1]). Какъ было упомянуто нами выше, мы встрѣчаемъ Исидора въ первый разъ въ 1434 году, когда онъ будучи игуменомъ монастыря св. Дмитрія въ Константинополѣ [2]), былъ посланъ въ качествѣ одного изъ уполномоченныхъ на базельскій соборъ [3]). Уже и тогда греческое духовенство жаловалось на излишнюю уступчивость греческихъ делегатовъ. Исидоръ въ особенности не проявлялъ себя ревностнымъ представителемъ греческой церкви и не поколебался сдѣлать болѣе или менѣе важныя уступки латинянамъ, съ цѣлью достичь соединенія съ римской церковью.

Греческихъ делегатовъ попрекали тѣмъ, что они позволили надуть себя на соборѣ и имъ было выражено неудовольствіе [4]). Немного времени спустя Исидоръ назначается преемникомъ митрополита Фотія на каѳедрѣ русской митрополіи. И дѣйствительно въ данный моментъ онъ, вѣрный сторонникъ императора, въ своей роли посредника между двумя церквами, былъ наиболѣе подходящимъ лицомъ, которое могло подвинуть на Руси вопросъ объ уніи. Мы также видѣли, что митрополиту удалось добиться отъ великаго князя Василія Васильевича, что его отправили на унитарный соборъ. Мы не станемъ говорить здѣсь о печальной судьбѣ, постигшей въ Москвѣ Исидора и принесенную имъ унію, такъ какъ это предстоитъ намъ сдѣлать въ слѣдующей главѣ нашего изслѣдованія, а обратимся къ интересному матеріалу, изданному В. Э. Регелемъ, характеризующемъ личность Исидора и его взгляды до времени его назначенія на каѳедру русской митрополіи.

Многочисленныя письма Исидора сохранились въ различныхъ библіотекахъ Италіи; но они не могутъ имѣть такого интереса для русской исторіи, относясь всѣ къ послѣдующей эпохѣ, когда Исидоръ, бѣжавъ изъ Москвы, жилъ въ Италіи. Напротивъ большое

---

[1]) В. Э. Регель. Analecta Byzantino-Russica. V. Epistolae Isidori hieromonachi (postea metropolitae Kijoviensis). Prooemium, p. XLI.

[2]) Объ этомъ монастырѣ, построенномъ Палеологами и называемомъ ихъ именемъ — μονὴ τῶν Παλαιολόγων см. у профессора Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 423, прим. 2, гдѣ приведена и литература вопроса.

[3]) Объ этомъ см. стр. 31—34 нашего изслѣдованія.

[4]) В. Э. Регель. Analecta Byzantino-Russica, p. XLII.

значеніе имѣютъ шесть писемъ, изданныхъ В. Э. Регелемъ, относящихся къ болѣе ранней и менѣе извѣстной эпохѣ, когда Исидоръ жилъ еще въ Греціи. Они заключаютъ въ себѣ указанія на его предыдущую дѣятельность и, по справедливому замѣчанію ихъ издателя, важны въ томъ отношеніи, что они рисуютъ болѣе симпатичный образъ Исидора, чѣмъ русскія описанія [1]).

Для насъ представляютъ особенный интересъ два первыхъ письма, изданныхъ въ этомъ сборникѣ и адресованныхъ къ знаменитому итальянскому гуманисту Гуарино (Guarinus, Guarino da Verona) [2]). Извѣстно, что Гуарино учился сначала на родинѣ, потомъ въ Венеціи, а затѣмъ съ венеціанскимъ посломъ Paolo Zane и на его счетъ отправился въ Константинополь, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ учился въ домѣ Хризолора, желая изучить греческій языкъ и литературу. Въ 1410 году онъ вернулся въ Италію. Изъ двухъ писемъ, которыя написалъ ему Исидоръ видно, что во время своего пребыванія на востокѣ Гуарино посѣтилъ острова Хіосъ и Родосъ. Очевидно, что Исидоръ и Гуарино познакомились и подружились въ Константинополѣ. Съ этого времени они состоятъ въ перепискѣ, что доказываютъ разсматриваемыя нами два письма Исидора [3]), которыя заключаютъ въ себѣ отвѣты на посланія полученныя имъ отъ Гуарино.

Отношенія, существовавшія между Исидоромъ и Гуарино, по справедливому мнѣнію В. Э. Регеля, не ограничивались простой корреспонденціей; между ними были литературныя отношенія, такъ какъ они посылали другъ другу манускрипты греческихъ классическихъ авторовъ [4]). Гуарино привезъ уже изъ своего путешествія

---

[1]) О времени написанія этихъ писемъ см. въ „Analecta Byzantino-Russica". V. Epistolae Isidori hieromonachi (postea metropolitae Kijoviensis). Proœmium, p. XLIV, гдѣ приведены соображенія В. Регеля по этому вопросу.

[2]) Объ этомъ знаменитомъ гуманистѣ, прожившемъ на свѣтѣ 90 лѣтъ (1370—1460) и находившемся съ ранней юности до глубокой старости въ сношеніяхъ почти со всѣми дѣятелями Ренесанса и его произведеніяхъ см. изслѣдованіе проф. М. С. Корелина. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. II, стр. 921—933, гдѣ находятся богатыя указанія на литературу вопроса.

[3]) Analecta Byzantino-Russica. V. Epistolae Isidori hieromonachi (postea metropolitae Kijoviensis). Ἰσιδώρου ἱερομονάχου ἐπιστολαί. α'. Γουαρίνῳ. P. 59—61. β'. Τῷ αὐτῷ. P. 61—62.

[4]) Les relations existant entre Isidore et Guarinus ne se bornaient pas à une simple correspondance; il y avait entre eux de rapports littéraires, car ils s'envoyaient des manuscrits des auteurs classiques grecs. Ibid., p. XLIV.

въ Константинополь большую коллекцію греческихъ книгъ. И изъ ихъ переписки мы узнаемъ, что друзья посылали другъ-другу различныя классическія произведенія [1]). Исидоръ восхваляетъ еще глубокое знакомство Гуарино съ латинскимъ и греческимъ языками, которыми послѣдній владѣлъ въ совершенствѣ; языкъ Цицерона былъ ему также родствененъ, какъ и языкъ Аристида и Демосѳена и въ такой степени, что его можно было принять какъ за итальянца, такъ и за грека.

Для насъ эти два письма имѣютъ особенное значеніе, такъ какъ они проливаютъ новое освѣщеніе на стремленія и намѣренія Исидора. Въ русской исторической литературѣ Исидоръ заклеймленъ именемъ отступника и измѣнника русскимъ интересамъ, за принятіе имъ постановленій феррaро-флорентійскаго собора. „Такое суждепіе было бы вполнѣ основательно, читаемъ мы у В. Э. Регеля [2]), если бы Исидоръ былъ духовнымъ лицомъ строго православнымъ, какимъ его хотѣли видѣть традиціи греко-русскаго духовенства. Но изъ двухъ писемъ, адресованныхъ Гуарино видно, что Исидоръ не только задолго до своего прибытія на Русь митрополитомъ въ 1437 году, велъ оживленныя сношенія съ итальянскими гуманистами, и естественно также съ греческими, но и *самъ былъ гуманистомъ по своимъ убѣжденіямъ и образованію*“ [3]) (курсивъ нашъ). Дѣйствительно, мысли и взгляды Исидора отличались отъ взглядовъ православнаго духовенства и не имѣли ничего общаго съ христіанскимъ духомъ. Онъ предпочиталъ чтеніе стиховъ Гомера и Софокла чтенію Псалмовъ и находилъ болѣе вкуса въ изящныхъ рѣчахъ Цицерона нежели въ сухихъ писаніяхъ отцовъ церкви [4]). Хотя Исидоръ и не осмѣлился, какъ и ни одинъ изъ гуманистовъ, открыто высказаться противъ христіанства и церкви, и напасть на ихъ условныя формы, онъ „остался не менѣе язычникомъ, посвящая церкви свое перо, но не свое сердце“ (по образному и вѣрному выраженію В. Э. Регеля). Его индиферентизмъ ко всякой духовной доктринѣ и теологіи достаточно объясняетъ то участіе, которое Исидоръ принялъ на феррaро-флорентійскомъ соборѣ, политическая цѣль котораго была вполнѣ очевидна. Мы имѣемъ прекрасное доказательство религіознаго индиферентизма представителей гуманистическаго движенія въ лицѣ его соплеменника и современника знаменитаго гуманиста

[1]) Объ этомъ см. у В. Э. Регеля. Analecta. Prooemium, p XLIV.
[2]) Ibid., p. XLV.
[3]) Ibid., p. XLV.
[4]) Ibid., p. XLV.

Георга Гемиста Плетона (Georges Gémiste Pléthon), который, какъ и Исидоръ принималъ участіе въ феррaро-флорентійскомъ соборѣ [1]). Вполнѣ естественно, что и русскій митрополитъ, представитель того же самаго гуманистическаго направленія, высказывалъ полный индиферентизмъ во всѣхъ догматическихъ спорахъ [2]), такъ какъ вопросъ о соединеніи церквей занималъ его настолько, насколько имѣлъ политическую сторону. Грекъ по происхожденію и горячій патріотъ, онъ былъ воодушевленъ пламеннымъ желаніемъ спасти гибнущую родину. Въ своей роли близкаго наперсника греческаго императора онъ былъ призванъ представлять интересы послѣдняго заграницей; на соборѣ въ Базелѣ онъ былъ далеко не ревностнымъ представителемъ восточной церкви, а преслѣдовалъ политическія цѣли, для достиженія которыхъ не поколебался сдѣлать латинянамъ значительныя уступки, тѣмъ болѣе, что различія, разъединявшія обѣ церкви, казались ему несущественными и малозначительными [3]). На феррaро-флорентійскомъ соборѣ м. Исидоръ, горячій патріотъ и вѣрный сторонникъ византійскаго императора, проявилъ такое же равнодушіе къ духовнымъ вопросамъ и велъ себя не какъ усердный защитникъ греко-русскаго православія.

Думая лишь о спасеніи эллинизма отъ гнета варваровъ, Исидоръ, какъ гуманистъ, не интересовался догматической стороной вопроса о соединеніи церквей и не соблюдалъ интересы русской церкви, представителемъ которой онъ состоялъ. Взгляды русскихъ патріотовъ на дѣятельность Исидора хорошо выражены въ „Повѣсти“ Симеона суздальскаго, гдѣ митрополитъ изображенъ какъ

---

[1]) Въ своемъ ученіи (νόμοι) Гемистъ П. проектировалъ основаніе новой философской религіи и реформу общественнаго строя; онъ собралъ вокругъ себя маленькій кругъ лицъ, раздѣлявшихъ его идеи; къ числу ихъ принадлежалъ Виссаріонъ никейскій, который впослѣдствіи составлялъ въ Римѣ центръ кружка гуманистовъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Гемистъ П. проповѣдывалъ мистическую теологію, имѣвшую въ основаніи неоплатонизмъ и противополагавшуюся христіанству, тогда какъ политическая и соціальная жизнь должны быть измѣнены по примѣру древней Спарты. В. Э. Регель. Analecta. P. XLV—XLVI. Проф. Ѳ. И. Успенскій. Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ. Историческій Вѣстникъ, 1887, № 12, стр. 692.

[2]) Объ отношеніи гуманистовъ къ религіи и религіознымъ вопросамъ см. IV главу изслѣдованія проф. М. С. Корелина. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. II. стр. 1061—1087. Ср. скептическое отношеніе проф. Е. Е. Голубинскаго къ взгляду (правильному) В. Э. Регеля, что Исидоръ былъ гуманистъ. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I. стр. 442, прим. 3.

[3]) В. Э. Регель. Analecta. P. XLVI.

слуга папы, которому онъ продался за презрѣнный металлъ. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ ученаго издателя писемъ Исидора, что взглядъ Симеона суздальскаго на Исидора господствуетъ въ главныхъ частяхъ и въ современной русской исторіи [1]). Но это слишкомъ строгое и тенденціозное сужденіе должно быть значительно смягчено и измѣнено, если мы будемъ разсматривать Исидора, какъ греческаго патріота и горячаго представителя гуманистическаго движенія, которое, конечно, не могло быть понятно православному русскому духовенству первой половины XV вѣка [2]).

Будучи ревностнѣйшимъ сторонникомъ уніи и ея главнѣйшимъ устроителемъ, приступая къ ней, какъ онъ предлагалъ другимъ, „душою и сердцемъ", Исидоръ постарался выразить свои чувства даже въ самой подписи подъ актомъ уніи. Подпись эта, какъ справедливо замѣтилъ профессоръ Е. Е. Голубинскій [3]), „отличается отъ всѣхъ другихъ подписей своею выразительностью" и гласитъ: „στέργων καὶ συναινῶν ὑπέγραψα" т. е. съ любовью соглашаясь и соодобряя подписую [4]). Вмѣстѣ съ собою Исидоръ заставилъ подписаться и

---

[1]) В. Э. Регель. Analecta. P. XLVII. Не свободенъ отъ упрека въ тенденціозномъ освѣщеніи личности и дѣятельности Исидора и почтенный авторъ прекраснаго труда „La Russie et le Saint-Siège". Какъ истинный католикъ, отецъ П. Пирлингъ, желаетъ видѣть и въ Исидорѣ убѣжденнаго, искренняго сына и сторонника римской церкви.

[2]) Къ разсмотрѣнію шестого и послѣдняго письма, помѣщеннаго въ цѣнномъ сборникѣ В. Э. Регеля („Analecta Byzantino-Russica"), адресованнаго Исидоромъ Фотію, своему предшественнику на каѳедрѣ русской митрополіи, мы обратимся въ слѣдующей главѣ нашего труда.

[3]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 443.

[4]) Первый изъ подписавшихся митрополитъ праклійскій [не явившійся по болѣзни во дворецъ, но подписавшій актъ уніи на одрѣ болѣзни (см. Исторію флорентійскаго собора, стр. 172)] сдѣлалъ такую подпись: „ὁρίσας ὑπέγραψα",— удерживая подписуюсь; одна половина остальныхъ архіереевъ (въ томъ числѣ Виссаріонъ никейскій) подписались: „στοιχήσας ὑπέγραψα", — соглашаясь подписую, другая: „ὑπεγραψα". О подписи Исидора см. Исторію флорентійскаго собора, стр. 173. Оригиналъ соборнаго акта находится въ Флорентійской (Медицейской, Лаврентіанской) библіотекѣ. Съ подлинника онъ напечатанъ въ изданіи Тейнера и Миклошича. Monumenta, spectantia ad unionem Ecclesiarum Graecae et Romanae, Vindobonae. 1872, p. 51—56. Въ древне-русскомъ переводѣ опредѣленіе флорентійскаго собора, но безъ подписи членовъ, въ П. С. Р. Л., Т. VI, стр. 156—158; въ рукописномъ же Сборникѣ Синодальной библіотеки, XVII в., № 177 (по прежн. катал. № 46) приведены и подписи членовъ собора, но съ опущеніемъ именъ м. Исидора и Авраамія суздальскаго. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 327.

епископа суздальскаго Авраамія, подпись котораго читается: „Смѣренный епископъ Авраамiо (е) суждальскый подписую“ [1]).

Греческіе епископы начали разъѣзжаться съ собора еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ подписанія акта уніи; императоръ выѣхалъ изъ Флоренціи 26 августа [2]). Вотъ какъ повѣствуетъ русская лѣтопись объ отъѣздѣ императора и грековъ изъ Флоренціи. „По сихъ пребыша у нихъ не мало днiй гостяще, до 26 дне мѣсяца августа, разидошася тмою невѣрія покрывшеся. Увы, увы прельсти сіа! иже злата ради вѣры православныя отверьгшеся и во тму невѣріа вшидоша, преже овцы быша Божіа, нынѣ же волки претворишася; хотѣша же и прочіи овцы совратити съ праваго пути и въ волки неразумiа превратити, но Богъ соблюде отъ таковыя прельсти“ [3]).

Награжденный за свои старанія объ устроеніи уніи самомъ кардинала-пресвитера [4]), пользуясь величайшей благосклонностью

---

[1]) Авторъ „Повѣсти“ объ осьмомъ (флорент.) соборѣ Симеонъ суздальскій такъ говоритъ о подписаніи акта уніи Авраамiемъ: „И митрополитъ русьскій Исидоръ подписа ся и всю землю свою. Тогда же потомъ присла папа бискупа своего Христофора къ епископу Авраміо суздальскому, аще бы подписалься. Ему же не хотящу, митрополитъ же Исидоръ я́ его и вседи въ темницу, и сѣдѣ недѣлю полну,—и тому подписавшуся не хотѣніемъ, но нужею“. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 206; „Инока Симеона іерея суждальца повѣсть како римскiи папа Евгенiи состави осмыи соборъ съ своими единомышленики“. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 354.

[2]) Выѣхавшіе ранѣе греческіе епископы должны были ожидать императора въ Венеціи, чтобы оттуда вмѣстѣ ѣхать домой.

[3]) П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 159. Оканчивая описаніе флорентійскаго собора, Густинская лѣтопись приводитъ чрезвычайно характерное объясненіе причинъ неудачи уніи: „Потомъ же неблагоугодiѣ скончаша его. Сего ради и ваги жадной мѣти не можетъ, для многихъ причинъ. Первое: яко въ то время въ Базилеи градѣ вся Заходняя страна другiи соборъ собраша, на немь же низложиша и прокляша Евгенія папу яко недостойна, иже тогда соборованше въ Флоренціи, а на его мѣсто посвятиша себѣ иного папу Феликса четвертого; сего ради и соборъ отъ Евгенія учинень не можетъ ваги мѣти жадной. Второе: яко на томъ соборѣ глава всей Восточной церкви Іосифъ патріарха прежде времени преставился, а Марко ефескій со иными премущими едва утече, иные же епископи со царемъ дарами прелщенны бывше, изволиша подписатися на сей соборъ, и власть папѣ признавати, и унiю съ нимъ держати, отъ нихъ же бѣ Исидоръ митрополитъ Рускій, его же папа и кардиналства самомъ почтивъ отпусти; прочіи же и принуждены быша на се“. П. С. Р. Л. Т. II, стр. 355.

[4]) По „Vitae et gesta summorum Pontificum“ Альфонса Чіаконія, (Romae, 1601), p. 894, папа возвелъ Исидора и Виссаріона въ кардиналы-пресвитеры

папы, Исидоръ оставался при немъ долѣе всѣхъ грековъ[1]); разъѣхавшіеся ранѣе члены собора оставили папу бороться съ непокорнымъ базельскимъ соборомъ, повторившемъ десятью днями раньше подписанія акта флорентійской уніи (25 іюня 1439 г.) и признанія греками верховенства римскаго первосвятителя—свое прежнее постановленіе, что вселенскій соборъ выше папы, и осудившемъ папу Евгенія, какъ еретика, за непризнаніе этого постановленія. Кромѣ того базельскій соборъ объявилъ папу Евгенія низложеннымъ и избралъ ему преемника въ лицѣ Феликса V[2]). И только Исидоръ съ немногими другими пробылъ во Флоренціи до той поры, когда папа Евгеній взаимно произнесъ въ храмѣ торжественное осужденіе и проклятіе базельскаго собора[3]). Русскій митрополитъ отправился въ обратный путь 6-го сентября; при его отъѣздѣ изъ Италіи папа облекъ его высокимъ званіемъ своего апостолическаго полномочнаго легата отъ ребра апостольскаго (de latere) на провинціи Литвы, Ливоніи и на города, діоцезы, земли и мѣста Лехіи, т. е. Польши. Вотъ что гласила эта грамота[4]).

будто бы еще въ публичной консисторіи 15 января 1439 года. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 443, примѣч. 4-ое. Ср. Карамзина. И. Г. Р. Т. V, примѣч. 305, относящаго это событіе къ 18 дек. 1439 г. — А. И. Садовъ. Виссаріонъ никейскій (Христ. Чтен. 1882. Ч I, стр. 660—661), гдѣ изложена предшествующая переписка Амвросія Траверсари по этому вопросу. Проф. Ѳ. И. Успенскій. Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софіей Палеологъ. Историческій Вѣстникъ, 1887, № 12, стр. 692.

[1]) „А Сидору митрополиту выѣхавшу опослѣ всѣхъ грековъ". Повѣсть симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 206: „Сій же Исидоръ злочестивый пріимъ отъ папы велію честь", говоритъ лѣтописная повѣсть о флорент. соборѣ. П. С. Р. Л., Т. VI, стр. 159.

[2]) 5 ноября 1439 года былъ возведенъ на папскій престолъ герцогъ Амедей Савойскій подъ именемъ Феликса V.

[3]) Исторія флорентійскаго собора, стр. 182.

[4]) Мы сочли нужнымъ цѣликомъ привести эту грамоту, какъ несомнѣнное и краснорѣчивое признаніе Евгеніемъ выдающихся заслугъ русскаго митрополита въ дѣлѣ соединенія церквей и выраженіе высокаго довѣрія къ его будущей дѣятельности; тѣмъ болѣе, что этотъ актъ, имѣя весьма важное значеніе для правильной оцѣнки дѣятельности Исидора, помѣщенъ въ изданіяхъ, ставшихъ въ настоящее время довольно рѣдкими. Грамота о назначеніи Исидора папскимъ легатомъ помѣщена у А. И. Тургенева въ „Historica Russiae Monimenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis depromta". T. I, CXXI, p. 120—121 (Petropoli, 1841) и у Тейнера въ „Vetera monumenta Poloniae et Lituaniae gentiumque finitimarum". Tomus Secundus. (Romae, Typis Vaticanis, 1861), LVI, p. 41; въ послѣднемъ изданіи она напечатана вмѣстѣ съ подорожнымъ листомъ м. Исидору. (Тамъ же. LVII. p. 41—42: „Salvus conductus pro eodem metropolita").

„Eugenius Episcopus servus servorum Dei venerabili fratri Isidoro Kyenu [1]), ac totius Russie Mitropolite in Lithuanie, Lyvonie et Russie provinciis, ac in civitatibus, diocesibus, terris et locis Lechie, que tibi jure metropolitico subesse nascuntur, Apostolice sedis Legato salutem etc". „Salvator noster Dominus Iesus Christus filius Dei vivi ex alto celorum throno descendens exemplum nobis reliquit, ut quemadmodum discipulos quos elegerat in universas mundi partes destinavit, ut omnibus creaturis evangelium predicarent, et sacre christiane fidei institutis humanum genus edocerent, ita nos, qui licet immeriti, ejus vices in terris gerentes christiano generi presidemus, quantum ab ipso nobis conceditur per suas semitas incedentes, ad absentes fideles nostre considerationis intuitum dirigimus, mittendo ad ipsos personas idoneas, que executionem voluntatis et solicitudinis nostre per suas bonas operationes, Deo propitio, exequi valeant, et etiam adimplere. Cum itaque juxta dessiderium cordis nostri, et diutinam operam per nos impensam per inneffabilem Dei misericordiam, et Spiritus Sancti gratiam, qui ubi vult spirat, Grecorum Ecclesia nobiscum unita sit, ita ut deinceps unum ovile, et unicum eis pastorem oves Christifidelium recognoscere habeant. Nos cupientes ut longinque, ex extere nationes hujus unitatis suavitatem sentiant et odorem, et ut in ea, Deo auctore, edificentur, utque in vera fide Christi in melius reformentur, et illa in eis fiant, per que exaltatio fidei orthodoxe, animarum salus, pax et concordia populorum, ac disciplina morum uberius subsequentur, et unioni ipsi proveniat incrementum, Te, cujus virtus, et diligentia in hac sancta unione admodum cognovimus profuisse, et quem Dei benignitas preclaris virtutum dotibus illustravit, ac vite integritate ac morum, nec non magnitudine consilii, rerum agendarum experientia, prudentia quoque, et sacrarum litterarum doctrina plurimum exornant, in Lithvanie, Livonie, ac totius Russie provinciis, nec non in civitatibus, diocesibus, terris, et locis Lechie, que tibi jure metropolito subesse nascuntur, de venerabilium fratrum nostrorum Sancte Romane Ecclesie Cardinalium consilii pro statu universalis Ecclesie, atque nostro nostrum, et Apostolice Sedis Legatum de Latere cum plena potestate auctoritate apostolica facimus, constituimus, et etiam ordinamus. Tibi nihilominus in eisdem Provinciis, et locis edificandi, plantandi, reformandi, corrigendi, et statuendi omnia et singula que ad extirpationem heresum, exaltationem, atque augmen-

---

[1]) „Kyevi"—y A. Теiнера,—„Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum..." Tomus Secundus. (Romae, Typis Vaticanis, 1861), LVI. p. 41.

tum catholice fidei, pacem atque unitatem Christifidelium, status universalis Ecclesie conservationem, auctoritatis nostre et Apostolice Sedis ecclesiasticam libertatem, morum reformationem profutura cognoveris, prout celestis gratie infusio, tuaque tibi sapientia ministrabunt facultatem et potestatem plenariam concedentes, firma spe, fiduciaque conceptis, quod actos tuos, dirigente eo, qui novit prava in directa, et aspera convertere in vias planas, in dictis Provinciis subsequetur fructus Deo laudabilis, quem speramus, ita ut a nobis et Sede Apostolicam meritam gratiam, et a Deo eterna premia consequaris. Contradictores quoslibet, et rebelles auctoritate nostra, appellatione postposita, compescendo. Datum Florentie anno incarnationis dominice millesimo quadringentesimo tricesimo nono. Sextodecimo Kal. Septembris Pontificatus nostri anno nono" (1439)[1]). An. IX. Tom. VI. pag. 227. (Ex Reg. orig. An. IX. Secret. Tom. VI. fol. 227).

Римская церковь въ лицѣ своего первосвятителя выразила этимъ почетнымъ назначеніемъ свою искреннюю признательность русскому митрополиту за его горячее участіе и содѣйствіе дѣлу соединенія церквей. Еще многаго и многаго ждали отъ него впереди: ему предстояло привести русскихъ и поляковъ къ принятію актовъ флорентійскаго собора, подчинить въ духовномъ отношеніи московское государство власти гордыхъ преемниковъ апостола Петра.

Въ обратный путь русскій митрополитъ отправился уже не тою дорогой, которой онъ пріѣхалъ на соборъ. Изъ Флоренціи онъ направился въ Венецію, гдѣ пробылъ довольно долгое время съ императоромъ и греками, еще не успѣвшими отъѣхать въ Константинополь; изъ Венеціи бѣжалъ отъ него или просто ушелъ впе-

---

[1]) Какъ сказали мы выше, Исидоръ отправился въ обратный путь 6-го сентября, грамота же датирована 16 сент. Надо думать, что грамота была, вѣроятно, выслана Исидору, когда онъ былъ въ дорогѣ. Извѣстно, что русскій митрополитъ пробылъ въ Венеціи съ находившимися здѣсь императоромъ и греками болѣе трехъ мѣсяцевъ (съ 15 сент. по 22 декабр.). Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 444 См. также „Повѣсть" Симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 206: „А Сидору оставшу въ Венецыѣ, а къ папѣ посылающеся.."

„Salvus conductus pro eodem metropolita". A. Теїнеръ. „Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae...". T. II. LVII. p. 41—42.

„Eugenius episcopus etc. Universis et singulis, ad quos presentes littere nostre pervenerint. salutem etc. Cum venerabilis frater noster Isidorus metropolita Kyevi ac totius Russie, sedis apostolice legatus, accedat de presenti ad ecclesiam suam: Nos cupientes eumdem metropolitam et legatum cum omni sua comitiva ac equis, salmis, vasiliis, libris, auro, argento, iocalibus ac aliis omnibus et singulis rebus et bonis suis in eundo, stando et redeundo plena ubique

редъ великокняжескій посолъ боярипъ Ѳома [1]). Причиною столь долгаго пребыванія русскаго митрополита въ Венеціи была, какъ видно изъ дошедшей до насъ буллы Евгенія IV къ византійскому императору Іоанну Палеологу, перѣпительность Исидора, какимъ

---

securitate atque immunitate gaudere, universitatem vestram et vestrum singulos requirimus et hortamur in domino, subditis vero et gentium armorum capitaneis nostris districte precipiendo mandamus, quatenus eundem metropolitam et legatum cum sociis et familiaribus, equestribus et pedestribus quibuscunque, necnon salmis, vasiliis, auro, argento, iocalibus, rebus et bonis suis aliis quibuscunque per civitates, terras, castra, oppida, villas, territoria, districtus, passus, portus, pontes et loca alia tam nostra quam vestra, et tam per aquam quam per terram cum sociis, familiaribus, salmis, vasiliis, rebus et bonis predictis ire, transire, morari et redire pro nostra et sedis apostolice reverentia sine aliqua dacii, telonei, pedagii, fundi navis et gabelle, aut alterius oneris cuiscunque exactione et solucione libere permittatis, nullam sibi, sociis et familiaribus huiusmodi in personis, equis, rebus aut bonis predictis inferatis iniuriam, molestiam vel offensam, nec ab aliis, quantum in vobis fuerit, permittatis inferri; sed eis potius de libero et securo transitu, receptu et salvo conductu, si opus fuerit, sic liberaliter providere curetis, quod vestra exinde devotio veniat apud nos et sedem predictam merito commendanda. Datum Florencie Anno Incarnationis dominice Millesimo quadringentesimo tricesimo nono, sextodecimo Kalendas Septembris, Anno Nono. (Ex. Reg. orig. An. IX. Secret. Tom. VI. fol. 227).

[1]) Симеонъ суздальскій, поссорившійся съ Исидоромъ и бѣжавшій отъ него изъ Венеціи, сообщаетъ, что и Ѳома также бѣжалъ отъ митрополита: „Мнѣ же видѣвшу такую неправду и великую ересь, побѣгшу ми изъ Венецыя, и послу Ѳомѣ, а мнѣ съ нимъ, на память святыя Анны, егда зачатъ святую Богородицу, декабря въ 9 день“. Повѣсть Симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 206. См. также „О презвитерѣ, и о мужѣхъ бывшихъ в латынъскыхъ странахъ“. А. Поповъ. Историко-литер. обзоръ, стр. 340. Есть основаніе предполагать, что и у боярина Ѳомы были не вполнѣ хорошія отношенія съ митрополитомъ, такъ какъ извѣстенъ охранный листъ или паспортъ, выданный ему папою во Флоренціи въ мартѣ мѣсяцѣ 1438 (1439?) года. (Н. М. Карамзинъ. II. Г. Р. Т. V, прим. 296; Описаніе рукопис. Толстого, отд. II, № 341, стр. 486), изъ чего видно, что посолъ еще и тогда желалъ возвратиться домой, и слова Симеона, сказанныя имъ быть можетъ въ оправданіе своего поступка, имѣютъ нѣкоторое основаніе. Приводимъ переводъ этой опасной грамоты, находящейся между рукописями Іосифова Волоколамскаго монастыря № 665, л. 352, данной папою послу Ѳомѣ для его возвращенія въ Россію: „Езгеній... всѣмъ и конмуждо, къ нимъ же настоящая сіа писаніа пріидутъ, Св. Апост. благословеніе. Какъ возлюбленный сынъ, благородный мужь Ѳома, русскій посолъ, благоговѣніа виною въ Римъ нынѣ приходилъ, и къ нѣкоимъ міра частемъ, также и къ своимъ возвращаяся, донти умышляетъ, и мы хощемъ того Ѳому съ товарищи и со служебники его, числомъ съ десятми, и съ рухлядми ихъ всякими итти и стояти полнымъ вездѣ безбоязніемъ и опасеніемъ радоватися... Подвластнымъ убо нашимъ заповѣдаемъ... того Ѳому съ товарищи... свободно пропущати... не да-

путемъ возвратиться ему на Русь, такъ какъ путешествіе по Германіи внушало опасенія вслѣдствіе смерти императора Альбрехта [1]). Венеціанская синьорія и другіе, знающіе дороги Венгріи и Германіи, которыми хотѣлъ ѣхать на Русь Исидоръ, дали ему такой совѣтъ, что вѣрнѣе будетъ „предпочесть даль и опасности морского плаванія, чѣмъ, пускаясь этимъ сухимъ путемъ, небезопаснымъ по причинѣ междоусобій и разбоевъ, подвергать себя гораздо большимъ и неизбѣжнымъ случайностямъ“. Въ этой буллѣ папа, извѣщая императора о томъ, что въ Константинополь имѣетъ прибыть митрополитъ Исидоръ, проситъ принять его благосклонно и содѣйствовать его возвращенію въ Россію. Здѣсь мы еще лишній разъ находимъ краснорѣчивую и сильную оцѣнку дѣятельности русскаго митрополита Евгеніемъ IV. „Итакъ, пусть идетъ, хранимый Господомъ и Богомъ нашимъ, въ Константинополь, чтобы возвратиться въ отечество тѣмъ путемъ, который тебѣ и ему представится болѣе безопаснымъ и удобнымъ. Посему, хотя мы убѣдились, что твое величество отлично понимаетъ великую доблесть этого мужа и хотя не сомнѣваемся въ сердечной любви твоей къ нему, тѣмъ не менѣе, любя его по личному знакомству и *такъ какъ онъ въ дѣлѣ уніи потрудился съ великою ревностью и прилежаніемъ и надѣемся, что будетъ весьма полезенъ въ охраненіи ея* (курсивъ нашъ), мы не могли преминуть дать къ тебѣ эту буллу, рекомендуя означеннаго архіепископа нѣкоторымъ особеннымъ образомъ, ибо ничто намъ теперь не было бы такъ пріятно, какъ твое благорасположеніе къ означенному архіепископу во время его путешествія“ [2]).

вайте обидѣти, но паче ему о опасномъ путешествіи и о пріиманіи въ домы и о провожаніи ихъ... тако же ласкою промыслити... чтобы онъ возмогъ нами ему порученная совершити, да отъ того къ намъ и къ сѣдалищю апостольскому пріидетъ благоговѣніе... Данъ въ Флоренціи, въ лѣто отъ воплощенія Господня 1438“.

[1]) Р. И. Б. Т. VIII, № 3, столб. 11 — 16. 1839 г. ноября 28. „Булла папы Евгенія IV къ византійскому императору Іоанну Палеологу“. Подлинникъ находится въ рукописи, содержащей въ себѣ сочиненіе Діонисія Галикарнасскаго „Археологія“. Альбрехтъ IV австрійскій, зять венгерскаго короля Сигизмунда и наслѣдникъ его, умеръ 27 октября 1439 года. Syropul., p. 286, 305. Traversari. liv. VII, ép. XIII. Bibl. du Vatican, fonds grec., n° 133, lettre originale d'Eugène IV à Jean Paléologue -у П. Пирлинга „La Russie et le Saint-Siège“ T. I (Paris, 1896), p. 50.

[2]) „Nihil enim hoc tempore nobis acceptius facere poteris, quam si predictum Archiepiscopum in hac sua profectione necessariis favoribus prosequaris“. Р. И. Б. Т. VIII, № 3, столб. 11—16.

Остается неизвѣстнымъ, почему Исидоръ не воспользовался рекомендательнымъ письмомъ папы и не отправился въ Константинополь.

Здѣсь (въ Венеціи) митрополитъ сѣлъ на корабль (22 декабря) и плылъ Адріатическимъ моремъ до Сѣни (Zengg, Segna) въ Кроаціи или Хорватіи, откуда, высадившись въ ней на берегъ 7 января 1440 года, шелъ на Загребъ или Аграмъ, на Будинъ или Офенъ-Пештъ въ Венгріи, на Краковъ въ Польшѣ и далѣе на Русь [1]).

---

[1]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 444; Карамзинъ. И. Г. Р. Т. V, стр. 289.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Изъ Будина, столицы Венгріи, куда митрополитъ Исидоръ прибылъ 5-го марта (1440 года), онъ отправилъ во всю область своего легатства,—Польшу, Литву, Ливонію и Русь, пастырское посланіе, въ которомъ извѣщалъ о совершившемся великомъ событіи –соединеніи церквей [1]).

„Милостью Божіею Сидоръ, пресвященный архіепископъ всея Русіи, (вар. „кіевьскій и всея руси Св.“) легатосъ отъ ребра апостольскаго сѣдалища Лятьскаго и Литовьскаго и Нѣмецкаго [2]), всѣмъ и всякому христовѣрнымъ съ прибавленіемъ вѣры своея

---

[1]) „Оттуду посла своя писания въ лятцкую и литовскую и немѣцкую землю, и на всю Русь православнаго христианства“. Ник. лѣт. Ч. V, стр. 148; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 106 Означенное посланіе читается въ Никоновской лѣтописи. Ч. V, стр. 148 150; „Софійскомъ Временникѣ“ (Строева). Ч. II, стр. 31—39; въ П. С. Р. Л. Т. VI (Соф. 2 лѣт.) 159 -160. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 106. Мы беремъ его изъ „Софійской 2 лѣтописи“, будучи вполнѣ согласны съ взглядомъ, высказаннымъ въ предисловіи къ ней, что „Софійская вторая лѣтопись, по полнотѣ и подробностямъ описанныхъ въ ней событій, составляетъ превосходный матеріалъ для исторіи московскаго государства въ XV и XVI вѣкѣ. Въ ней изображаются дѣла россійской церкви, послѣднія удѣльныя смуты, волновавшія Россію при великомъ князѣ Василіи Темномъ... Составитель этого лѣтописнаго сборника извлекъ изъ бывшихъ въ его рукахъ современныхъ памятниковъ такія извѣстія, которыхъ не находится въ другихъ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ. Сверхъ того онъ включилъ въ означенный сборникъ нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе любопытны: а) Описаніе флорентійскаго собора“... П. С. Р. Л. Т. VI. стр. 117.

[2]) Въ Никоновской лѣтописи титулъ Исидора читается нѣсколько иначе: „Исидоръ милостию божиею пресвещенный митрополитъ киевскиі, і всеа Русиі легатосъ, и отъ ребра апостолского седалища лятцкого и литовского і немѣцкого..“ Ч. V, стр. 148.

вѣчное спасеніе въ Господа. Възрадуйтеся и возвеселитеся вси нынѣ, яко церковь восточная и западная колико время раздѣлени быша и едина ко единой враждебны; а нынѣ истиннымъ соединеніемъ соединишася въ изначалное свое съединеніе, и миръ, и единачество древнее, безо всякого раздѣленія. Вси же христоименитіи людіе, какъ Латыни, такъ Грекове, и ти вси, иже подлежатъ соборнѣй церкви Костянтинопольстѣй, еже суть Руси (вар. „русь Св.“), и Серби, Вляхи и иніи вси христьяньстіи родове! пріимите тое же святопресвятое единачество съ великою духовною радостію и съ честію. Напредъ молю васъ въ Господа нашего Іесуса Христа, иже съ нами милость сотворшаго, чтобы никакова раздѣленіа у васъ съ Латыною не было; занеже вси раби есте Господа Іесуса Христа и во имя его крещени. Вы же Латыньстіи родове, тѣхъ всѣхъ, иже въ вѣрѣ Гречестѣй суть, истинно вѣруйте безо всякого размышленіа; суть бо вси крещени, и крещеніе ихъ свято есть и испытно отъ Рымьскые церкви, еже истинно и равно есть якоже и тое церкви крещеніе; и далѣ бы межи васъ никаково злое размышленіе не было о тыхъ дѣлѣхъ, но како Латыни, тако прежереченіи Грекове ко единой церкви смотрѣніе имѣли, еже бы единымъ единъ есть. И когда Греки въ земли суть Латыньстѣй, или гдѣ въ ихъ земли Латыньская церковь (вар. „латыньскіа церкви“), чтобы естя всѣ къ божественнѣй службѣ прибѣгали и тѣла Іесусъ Христова смотрили, сокрушеніемъ сердца ихъ честь воздавали, якоже во своихъ церквахъ чинятъ; а на покаяніе да приходятъ къ Латынскимъ попомъ и тѣло Божіе отъ нихъ пріемлютъ. А Латыне должни въ ихъ церковь ити и божественныя службы слушати, съ теплою вѣрою поклонятися тому Іесусъ Христову тѣлу, понеже истинно Іесусъ Христово тѣло такоже священно отъ Греческа попа въ кисломъ, а Латынскимъ попомъ священно во прѣсномъ хлѣбѣ: и того ради достойно есть обое дрьжати, прѣсное и кислое. А Латыни такоже да приходятъ на покаяніе къ Грецкимъ попомъ и причастіе Божіе отъ нихъ взимаютъ, понеже обое то едино есть. Тако бо соборъ (вар. „вселеньскый съборъ“) кончалъ въ явленомъ посидѣніи [1]), въ честнѣй Божіи (вар. „болшей“) церкви служивши, во градѣ Флорентіи, подъ лѣты воплощеніа Господня тысяща и четыреста и тридесять девятаго лѣта, мѣсяца іюня 6 день.“ [2]).

---

[1]) Въ торжественномъ засѣданіи, ἐν δημοσίᾳ συνελεύσει, in sessione publica. Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 445.

[2]) Послѣдняя фраза читается въ Никоновской лѣтописи въ болѣе подробномъ видѣ: „Тако бо вселенскій соборъ кончалъ есть в явленномъ посн-

Изъ Будина митрополитъ направился (14 марта) [1]) въ столицу Польши Краковъ, чтобы повидаться съ королемъ Владиславомъ III. Въ первомъ на пути польскомъ городѣ Сандечѣ (Sandecz), находящемся въ Карпатахъ, Исидоръ былъ встрѣченъ въ великую пятницу (25 марта) краковскимъ епископомъ Збигнѣвомъ (Олесницкимъ) [2]) этимъ ревностнымъ поборникомъ католицизма и полонизма, и принятъ имъ, по свидѣтельству Длугоша, гостепріимно и предупредительно и, какъ возсоединенный съ римскою церковью и вѣрный, („Ecclesiae Romanae reunitus et fidelis"), былъ допущенъ къ служенію по своему греческому обычаю (more suo Graeco) въ Сандечѣ и въ Краковскомъ каѳедральномъ соборѣ [3]). Направляясь въ Краковъ къ королю Исидоръ, вѣроятно, желалъ обрадовать его пріят-

---

дении во многомъ совопрошании, и испытании божественныхъ писаний в честнѣи и в большеи церкви, служивше во граде Флоренстии..." Часть V, стр. 150. Въ лѣтописи ошибочно датированъ актъ уніи—6 іюня. Эта ошибка перешла затѣмъ и во всѣ наши сказанія.

[1]) Исидоръ выѣхалъ изъ Будина 14 марта, какъ значится въ ненапечатанной части путешествія. Рукопись Московск. Публичн. и Рум. Муз. № 939. См. А. С. Павловъ. Критическіе опыты, стр. 91; А. Д. Щербина. Литературная исторія русскихъ сказаній о Флорентійской уніи (Одесса. 1902), стр. 4, 5, 19—20, 47—48; „Протоколы засѣданій Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. VIII. 159 засѣданіе (Византійско-славянское отд.) 17 ноября 1901 г., стр. 1—4. Ѳ. И. Делекторскій. Критико-библіографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о Флорентійской уніи. Журн. Мин. Нар. Просв. Часть CCC, 1895, VII, стр. 135, 161, 162 и слѣд.

[2]) Збигнѣвъ-Олесницкій (Oleśnicki, 1389—1455), кардиналъ и епископъ краковскій, польскій политическій дѣятель—враждебно относился къ замысламъ Витовта на отдѣльную корону противодѣйствовалъ сепаратистическимъ стремленіямъ южной Руси и сильно хлопоталъ о введеніи въ ней флорентійской уніи. С. М. Соловьевъ. II. Р. Т. IV, столб. 1093, 1904, 1095—1097. Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II, стр. 216—221, 268, 269, 270, 280—281, 283.

[3]) Ioannis Długossi seu Longini canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae Libri XII. Lipsiae, anno MDCCXI. Liber duodecimus, (1440), col. 727: „Intravitque praefatus Isidorus Cardinalis et Legatus, primum in Sandecz, feria sexta Parasceve, ubi per Sbigneum Episcopum Cracoviensem fuit hospitio exceptus, et omnibus in Curia Episcopali procuratus et ornatus expensis, et ad celebrandum divina in Ecclesia parochiali S. Mariae in Sandecz expost Cracoviae in Ecclesia Cathedrali more suo Graeco, tanquam Ecclesiae Romanae reunitus et fidelis admissus". „Rediens in Russiam (пишетъ Кульчицкій), Chelmae sanctam Unionem promulgavit; Sandeci vero sacram liturgiam in templo Latino solemniter celebravit, summo exceptus honore a Zbigneo, episcopo Cracoviensi. Decretis concilii Florentini per Russiam, regno Poloniae unitam promulgatis, profectus est Isidorus in Moscoviam". Specimen ecclesiae Ruthenicae, p. 122.

пымъ извѣстіемъ о столь великомъ событіи—соединеніи церквей, слившемъ теперь въ одно духовное стадо поддапныхъ короля Польши; надо думать, что легатъ-митрополитъ желалъ испросить у короля согласіе на изданіе соотвѣтствующихъ государственныхъ распоряженій относительно реальнаго соединенія въ одно цѣлое его подданныхъ русскихъ и вообще православныхъ и католиковъ. Но политическія обстоятельства не благопріятствовали уніональнымъ планамъ русскаго митрополита: польскій король Владиславъ III, сынъ и преемникъ Ягайлы, незадолго предъ тѣмъ избранный въ короли венгерскіе [1]), долженъ былъ торопиться выѣхать изъ Кракова и спѣшить въ Венгрію (Угрію), такъ какъ, присланные къ нему венгерскіе депутаты, настоятельнѣйшимъ образомъ побуждали его скорѣе ѣхать въ свое новое королевство. „Соображая вѣроятное время пріѣзда Исидора въ Краковъ, читаемъ мы у современнаго отечественнаго историка церкви, и время отъѣзда изъ него короля, получимъ, что митрополитъ успѣлъ захватить въ немъ Владислава не болѣе, какъ дней за 5 до отъѣзда и вообще когда онъ ни о чемъ другомъ не могъ думать, кромѣ предстоявшей поѣздки“ [2]).

Вскорѣ затѣмъ Исидоръ вступилъ въ предѣлы своей паствы; легатъ—митрополитъ не спѣшилъ въ Москву, но на очень долгое время остался въ Литвѣ. По прибытіи въ литовскую Русь митрополитъ не замедлилъ распространить въ спискахъ подлинное опредѣленіе флорентійскаго собора [3]). На пути изъ Кракова въ Перемышль въ городѣ Тарновѣ (Tarnow) онъ освятилъ католическій костелъ вмѣстѣ съ однимъ польскимъ епископомъ [4]).

---

[1]) См. П. С. Р. Л. Т. II (Густинская лѣт.), стр. 356. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Т. II, стр. 49.

[2]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 446. (См. также прим. 2-е на той же стр. Ср. у Длугоша „Historiae Polonicae“, Lib. XII, col. 727: „Imminente tempore quo Wladislaus Rex versus Regnum Ungariae egredi Cracovia debebat, quindecima videlicet die post festum Paschae...“ Въ описаніи путешествія не сказано, когда Исидоръ прибылъ въ Краковъ и насколько времени засталъ въ немъ короля, а сказано только, что „ту (въ Краковѣ) видѣхомъ короля Владислава и брата его Казимира“. Рукоп. Московск. Публ. Музея, № 939, л. 56, об.

[3]) Кульчицкій. „Specimen ecclesiae Ruthenicae“, p. 122, А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 328.

[4]) А. Петрушевичъ въ статьѣ: „О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ“, помѣщенной въ „Галицкомъ Историческомъ Сборникѣ, издав. обществомъ Галицко-русской Матицы“ (Выпускъ III, Львовъ, 1860), описывая путь митрополита Исидора (на Русь) съ Флорентійскаго собора,

Мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ Исидоръ провозгласилъ унію въ Перемышлѣ, этомъ первомъ русскомъ мѣстѣ, и какъ русское населеніе приняло здѣсь унію. Изъ Перемышля митрополитъ направился въ стольный городъ Галиціи Львовъ, гдѣ оставался довольно продолжительное время [1]); здѣсь легатъ-митрополитъ совершалъ литургію въ латинскомъ храмѣ, а не въ русскомъ [2]). Изъ Львова Исидоръ отправился въ Вильну, столицу великаго княжества литовскаго, куда прибылъ 13-го или 14 августа [3]).

По дорогѣ въ Вильну митрополитъ былъ въ Холмѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившееся посланіе его къ Холмскимъ старостамъ и воеводамъ, писанное въ Холмѣ 27 іюля 1440 года, въ которомъ Исидоръ проситъ ихъ не обижать нѣкоего „попа Вавилу у Святаго Спаса отъ Столпа (близъ Холма)“, жаловавшагося ему на то [4]). Послѣ прибытія въ Вильну Исидоръ оставался въ

пишетъ: „Митрополитъ Исидоръ въ сіе время *или возвращаясь изъ Руси* (?) въ Римъ посвящалъ также въ городѣ Терновѣ (Tarnow) Костелокъ Пресвятой Богородицы на Бурку (na Burku) въ содѣйствіи другаго польскаго кардинала Николая (см. Kościółek Najśw. Maryi Panny na Burku w Tarnowie przez X Michała król Tarnów. 1854). Прим. 52. Стр. CXXVI.

[1]) Въ Львовъ Исидоръ прибылъ не позднѣе 15 мая и оставался въ немъ (съ посѣщеніемъ Галича) до 10 іюля. Въ описаніи путешествія не указано время пріѣзда въ Львовъ, а затѣмъ говорится: „а отъ Львова до Галича 14 миль и пріидохомъ въ Галичъ мѣсяца Маія въ 21 день; а оттолѣ опять пріидохомъ во Львовъ по Петровѣ дни назавтрее, и поѣхали есмя изо Львова Іюля въ 10-й день“.

[2]) „Галицкій Историческій Сборникъ“ Вып. III, (Львовъ, 1860), стр. CXXVI. Митр. Макарій. И. Р. Ц. Т. V, стр. 365.

[3]) Митрополитъ ѣхалъ на Бельзъ, Грубешовъ, Холмъ, Влодаву, Брестъ-Литовскій, Волковыйскъ и Троки. Въ описаніи путешествія не указано точно время прибытія въ столицу Литвы, но сказано, что изъ Трокъ, отъ которыхъ до Вильны 26 верстъ, отправились 13 августа. Объ отдѣленіи части свиты отъ Исидора см. у Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 447, прим. 3-е и особенно у А. С. Павлова. Критическіе опыты, стр 91, гдѣ также приводятся остроумныя соображенія по поводу противорѣчія между „Путешествіемъ“ и „Повѣстію“ Симеона суздальскаго, высказанныя въ Kritische Beiträge zur Geschichte der Florentiner Kircheneinigung von Theodor Frommann (Halle, 1872, s. 115): не былъ ли продолжателемъ путевыхъ записокъ послѣ побѣга Симеона изъ Венеціи, суздальскій владыка Авраамій? Предположенію этому до нѣкоторой степени благопріятствуетъ списокъ Моск. Публич. Музея, № 939, въ которомъ путешествіе не прекращается на Будишѣ, но доводится вплоть до Суздаля. Мы имѣли возможность ознакомиться и пользоваться этимъ спискомъ.

[4]) Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Россійск. 1842. № 1. „Галицкій Историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Галицко-русской Матицы“.

предѣлахъ юго-западной, (польско-литовской) Руси еще въ продолженіе шести мѣсяцевъ, но о его пребываніи и путешествіяхъ за это время не имѣется положительныхъ свѣдѣній. Псковская 2-ая лѣтопись сообщаетъ, что на Покровъ Богородицы (1-го окт.) 1440 года Исидоръ пріѣхалъ въ Литву [1]); если это свидѣтельство лѣтописи справедливо, то надо думать, что митрополитъ послѣ 14 августа опять ѣздилъ въ Галицію или кіевскую Русь. Отъ 5-го февраля 1441 года сохранилась грамота Исидору кіевскаго князя Александра Владиміровича, изъ которой видно, что во время написанія ея, митрополитъ находился въ Кіевѣ [2]). О пребываніи Исидора въ Кіевѣ, безъ обозначенія времени, говорятъ и Симеонъ суздальскій [3]) и Густинская лѣтопись [4]). У Симеона суздальскаго, также безъ обозначенія времени, говорится о пребываніи митрополита въ Смоленскѣ [5]), присоединенномъ къ Литвѣ Витовтомъ въ 1395 году. Пробывъ въ галицко-литовской Руси одиннадцать мѣсяцевъ [6]), митрополитъ Исидоръ въ воскресенье третьей недѣли великаго поста—19 марта 1441 года—пріѣхалъ въ Москву.

Флорентійская унія, подчинившая православныхъ жителей Галиціи и литовской Руси высшей духовной власти римскаго первосвятителя, была чрезвычайно желательна для короля польскаго и для великаго князя литовскаго, въ видахъ и цѣляхъ чисто полити-

---

Вып. III, (Львовъ, 1860), стр. CXXIII—CXXVI. О посѣщеніи Холма Исидоромъ сохранилась запись въ ненапечатанномъ спискѣ „Путешествія“ (Рукоп. Моск. Публ. Музея, № 939), л. 57.

[1]) П. С. Р. Л. Т. V, стр. 29: „Тоя же осени, на Покровъ святѣй Богородици, пріѣха въ Литву митрополитъ Сидоръ отъ Рымьскаго папы Евгеніа, съ осмаго сбора Флореньскаго, и присла въ Псковъ своя грамоты и благословеніе“.

[2]) Грамота дана въ Кіевѣ. А. И. Т. I, № 259: „А коли отець нашъ Сидоръ, Митрополитъ Кіевъскый и всея Руси, отъѣдетъ далѣ въ свою митрополью, оправляя церкви Божіи: и его намѣстнику, по его приказу и по сему нашему листу, держати и отправляти тое все церьковное, какъ есмо отдали господину отьцу своему Сидору, митрополиту Кіевьскому и всея Руси...“. стр. 488.

[3]) Повѣсть Симеона суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр 207: „и тою областію нѣмежскою преиде (Исидоръ) всѣ земли и литовскую землю, донде и до Кіева и до Смоленска“; стр. 208: „...яко же поминалъ въ Кіевѣ, такоже и въ Смоленскѣ“.

[4]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 355.

[5]) „Повѣсть“ Симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр 207, 208.

[6]) Съ половины апрѣля 1440 года по вторую половину Марта 1441 года.

ческихъ. „И однако эта унія, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Е. Е. Голубинскій, бывъ устроена на соборѣ флорентійскомъ и бывъ принесена Исидоромъ въ Польшу и Литву, вовсе не была введена и вводима здѣсь между русскими, такъ что предъ нами странное явленіе: съ одной стороны, люди весьма усердно желали уніи, а съ другой стороны—когда эта унія дѣйствительно устроенная, была принесена къ нимъ, они какъ будто не обратили на нее никакого вниманія“ [1]). Такой, повидимому, совершенно неожиданной неудачѣ, постигшей флорентійскую унію въ Польшѣ и Литвѣ, православное русское населеніе было обязано весьма счастливымъ для него обстоятельствамъ, благодаря которымъ унія была предоставлена себѣ и тѣмъ духовнымъ мѣрамъ, которыя могъ употребить для ея введенія только самъ Исидоръ [2]). Дѣйствительно, мы видимъ, что въ Польшѣ и Литвѣ первоначально даже не дѣлается и попытокъ къ введенію уніи, такъ какъ ни король польскій, ни великій князь литовскій не могли взять на себя почина въ дѣлѣ введенія уніи среди своихъ поддапныхъ. Одной изъ самыхъ важныхъ причинъ этого было то обстоятельство, что во время прибытія Исидора въ Польшу, тамъ не признавали папы, отъ котораго она была принесена. Какъ извѣстно, въ это время было два папы: Евгеній IV, устроившій флорентійское соединеніе, и Феликсъ V, избранный базельскимъ соборомъ; поляки, не находя удобнымъ признавать какого-нибудь одного папу, не признавали ни того ни другого [3]). Слѣ-

---

[1]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 448; С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1262—1263.

[2]) Говоря о томъ, что флорентійская унія въ Польшѣ и Литвѣ не была вводима правительствами этихъ государствъ, профессоръ Е. Е. Голубинскій замѣчаетъ, что „если бы унія и была вводима и введена, то, какъ со всею вѣроятностію нужно думать, она вовсе не была бы тѣмъ кровавымъ дѣломъ, какимъ явилась въ концѣ XVI—въ началѣ XVII вѣка. Въ первой половинѣ XV вѣка польскіе короли, польское католическое духовенство и вообще всѣ поляки еще вовсе не были такими крайними фанатиками, какими они стали къ концу XVI вѣка, ибо они еще не прошли воспитательной школы іезуитовъ и не стояли подъ руководствомъ людей, подобныхъ симъ послѣднимъ“. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 448—449.

[3]) Длугошъ. Historiae Polonicae, Lib. XII, (1442), col. 768, 769. („Schisma Pontificum“). Объ этомъ повѣствуетъ и Густинская лѣтопись (подъ 1442 годомъ): „Въ се же лѣто приславше два папежове пословъ до Владыслава до короля, и до академіи Краковской, и до всего духовенства, си есть: Евгеній, или яко искуснѣйшіе глаголютъ, еже и синодъ въ Флоренціи собралъ бяше, другій Феликсъ четвертый, иже въ Базилеи избранъ бысть, кождый просячи короля и всего духовенства, абы его за папежа правдивого мѣли и

довательно, унія, представлявшаяся крайне желательной для политическихъ цѣлей польскаго короля, являлась въ то же время неудобной для принятія и примѣненія ея, такъ какъ была принесена отъ непризнаваемаго папы. Кромѣ того польскій король Владиславъ III, какъ уже говорили мы выше, незадолго до прибытія Исидора въ Польшу, 6 марта 1440 года, былъ избранъ королемъ венгерскимъ. Отправившись въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Венгрію [1]), онъ, уже не возвращаясь въ Польшу до конца своего царствованія, поручилъ ее управленію намѣстниковъ а самъ 10 ноября 1444 года палъ въ битвѣ съ турками при Варнѣ [2]).

Отсутствуя изъ Польши, Владиславъ былъ занятъ венгерскими дѣлами—борьбой съ Елизаветой, вдовой своего предшественника [3]), и войной съ турками, начатой имъ тотчасъ же послѣ своего избранія на престолъ Венгріи. Правда, уже въ 1443 году онъ призналъ папу Евгенія и, находясь въ Венгріи, уже послѣ осужденія и бѣгства Исидора изъ Москвы, издалъ, благодаря вліянію бывшаго при немъ папскаго легата—кардинала Юліана, погибшаго съ нимъ впослѣдствіи въ варнской битвѣ,—жалованную грамоту греко-русскому духовенству [4]). Въ этой грамотѣ, уравнивающей правос-

---

приняли. Но король, и все духовенство, и академія рекоша имъ: „нынѣ ни-единаго признаемъ, донели же видимъ конецъ межи вами". П. С. Р. Л. Т. II, стр. 356.

[1]) Длугошъ. Historiae Polonicae. Lib. XII, col. 727, 729.

[2]) Длугошъ. Historiae Polonicae. Lib. XII. (1444), col. 808; Карамзинъ. Т. V, столб. 169. С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1103, 1263. Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II, стр. 234. О вѣроломномъ нарушеніи мира съ турками Владиславомъ (подъ вліяніемъ папы Евгенія IV), смерти короля и погибели кардинала Юліана Чезарини см. „Исторію Русовъ или Малой Россіи" Георгія Конискаго, (Москва, 1846), стр 12, 13. „Лѣтопись церковныхъ событій" еп. Арсенія, стр. 537. Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи, стр. 554—558.

[3]) Длугошъ. Historiae Polonicae. Lib. XII. (1440, 1441); только въ 1442 году между Владиславомъ и Елизаветой былъ заключенъ миръ,—тамъ же, col. 770, 771—(„Pax inter Wladislaum et Elisabetham concluditur"). Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи, стр. 547.

[4]) Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи. (Спб 1846). Т. I, № 42, стр. 56 - 57. „Жалованная грамота Польскаго и Венгерскаго короля Владислава III-го Ягелловича Греко-Русскому духовенству, о сравненіи его въ свободѣ Вѣры и правахъ съ духовенствомъ Римско-католическимъ, и о предоставленіи ему въ управу духовныхъ судовъ и прежнихъ церковныхъ отчинъ". См. о ней у К. Бестужева-Рюмина. Русская исторія. Т. II, стр. 49 50. Грамоту эту Е. Е. Голубинскій ошибочно относитъ къ марту 1441 года (И. Р. Ц. Т. II II. I, стр. 419), если это только не простая опечатка. Въ концѣ грамоты мы читаемъ: „Дѣило се и дано въ Будимѣ, въ пятницу близкую передъ недѣлею

лавное духовенство въ правахъ и привилегіяхъ съ духовенствомъ католическимъ, съ радостью сообщается, что „ласкою и справою Духа Светого, церковь Восточная набоженства Греческого и Руского... теперь вже за милосердьемъ Божимъ и сузнаньемъ (decretis) светѣйшого папа, Евгенія папы четвертого, и иныхъ многихъ отецъ вѣры светоѣ горливыхъ, зъ оною светою Римскою и Вселинскою церковью приведена есть до единости давно пожеланоѣ... А для того-жъ, гласитъ далѣе грамота, абы тая церковь Восточная и еѣ преложеные (praelatique) и все духовенство набоженства Греческого и Руского, въ широкости панствъ нашихъ и панованью нашему подлеглыхъ кгдѣ-колвекъ мешкаючіи, которыи и первѣй, за тою разностью и разорваньемъ, нѣяко утиспенье поносили,—абы за привернеьемъ имъ волности... на честь и на память Бога Вседержителя, который насъ откупилъ дорогою своею кровію, всимъ церквамъ и ихъ епископомъ албо владыкамъ, преложеным духовнымъ и инымъ особамъ церковнымъ тогожъ набожепства Греческого и Руского, тые вси права, волности, способы, звычаи и всякіе свободы вѣчными часы дати позволили есмо, и тымъ листомъ нашимъ позволяемъ, такыи жъ, яковыхъ въ королевствахъ нашихъ Полскомъ и въ Венгерскомъ вси костелы и ихъ арцибискупове, бискупове, преложеные и иные особы костелные, звычаю Римскоѣ церкви, заживаютъ (fruuntur) и зъ нихъ веселяться“ [1]).

Если дѣятельность Владислава по введенію уніи въ Польшѣ выразилась единственно въ изданіи приведенной выше грамоты, когда Исидоръ, принесшій унію, уже былъ осужденъ въ Москвѣ и бѣжалъ оттуда;—то дѣятельность великаго князя литовскаго въ этомъ направленіи не выразилась даже и въ запоздаломъ изданіи одного акта: въ Литвѣ ничего не сдѣлали, да и не могли сдѣлать, для уніи. Князь литовскій былъ въ положеніи, совершенно исключавшемъ возможность рѣшиться даже на попытку введенія уніи

третею великого посту, року Божого 1443-го“. О точномъ времени написанія этой грамоты см. тамъ же, примѣч. 38. стр. 13: „Въ русскомъ, безъ сомнѣнія переводномъ, спискѣ этой Владиславовой грамоты, datum поставлено такъ: „въ пятницу близкую передъ недѣлею третьею великого посту“, а въ латинскомъ подлинникѣ „feria sexta proxima ante dominicam Oculi“. Это одно и то же. Пасха въ 1443 г. приходилась 21 апрѣля, а великій постъ по обряду римской церкви начинался 6 марта, въ среду (popielec): слѣдовательно пятница второй недѣли великаго поста (dominica Reminiscere, по польски niedziela głucha) соотвѣтствовала 22-му марта. Dominica Oculi то же, что у насъ третья великопостная недѣля“. С. М. Соловьевъ. II. Р. Т. IV, столб. 1262—1263.

[1]) Акты, относящіеся къ Исторіи западной Россіи. Т. I, № 42, стр. 56

въ своемъ государствѣ, если бы даже онъ былъ горячимъ ея сторонникомъ. 20 марта 1440 года, за пять дней до прибытія Шидора въ Польшу (изъ Венгріи) князь литовскій Сигизмундъ Кейстутьевичъ былъ убитъ [1]), а на его мѣсто былъ избранъ Казимиръ [2]), братъ Владислава III. Будучи очень юнымъ возрастомъ и духомъ, Казимиръ еще къ тому же далеко не твердо сидѣлъ на великокняже-

---

[1]) Длугошъ. Historiae Polonicae. Lib. XII, (1440), col. 724, 725 („Sigismundus Lituaniae dux occiditur"). Новгородская лѣтоп. по Синодальн. харатейному списку (1888), стр. 419; П. С. Р. Л. Т. III, стр. 113. О дѣятельности Сигизмунда и его убійствѣ см. у Д. И. Иловайскаго II. Р. Т. II, стр. 272—274; Н. М. Карамзина: И. Г. Р. Т. V, столб. 147.

[2]) Длугошъ. Historiae Polonicae. Lib. XII, (1440), col. 750—754. Объ избраніи Казимира на великокняжескій престолъ, рисующемъ общее состояніе дѣлъ въ Литвѣ, профессоръ Д. И. Иловайскій говоритъ: „Въ мѣстечкѣ Ольшанахъ (нынѣ Ошмян. уѣзда) у князя Юрія Семеновича собрались знатнѣйшіе литовскіе сановники, каковы Гаштольдъ, намѣстникъ смоленскій, Кезгайло, намѣстникъ жмудскій, Николай Немировичъ, староста Виленскій, Николай Радивилъ, маршалъ литовскій, и нѣкоторые другіе. Посовѣтовавшись между собою, они рѣшили отстранить обоихъ соперниковъ, Свидригайла и Михаила, и призвать на литовскій престолъ младшаго Ягайлова сына Казиміра еще очень юнаго; литовскимъ вельможамъ представлялась надежда воспитать его въ обычаяхъ страны и пока самимъ управлять ею. А главное, этотъ выборъ упрочивалъ тѣсный союзъ съ Польшею и въ то же время давалъ Литвѣ, особаго отъ Польши, самостоятельнаго государя. Польскіе вельможи съ своей стороны полагали, что ближайшее наслѣдственное право на литовскій престолъ принадлежало ихъ королю Владиславу III; но случилось такъ, что сей послѣдній незадолго предъ тѣмъ соединилъ на своей головѣ съ польской короной и корону угорскую". Такъ какъ венгерскія дѣла и война съ турками отвлекали Владислава въ другую сторону, то онъ охотно согласился уступить княжество брату, но, по настоянію польскихъ пановъ, Казиміръ былъ отправленъ въ Литву не какъ самостоятельный государь, а лишь какъ намѣстникъ польскаго короля, пользующійся титуломъ просто князя, т. е. не великаго. Такъ какъ это очень не нравилось литовскимъ вельможамъ, то они, если вѣрить лѣтописному разсказу, прибѣгнули къ слѣдующей хитрости. Казиміръ прибылъ въ Вильну въ сопровожденіи нѣкоторыхъ польскихъ сенаторовъ и блестящей свиты; литовскіе вельможи устроили роскошное угощеніе для своихъ гостей и такъ напоили ихъ, что польскіе сенаторы крѣпко проспали все слѣдующее утро. Въ это же утро совершилось торжественное коронованіе Казиміра въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ; его посадили на великокняжескій престолъ, надѣли на него шапку Гедимина, подали мечъ и покрыли великокняжеской мантіей (3 іюля 1440 г.). И только восторженные клики, которыми народъ привѣтствовалъ новаго государя, разбудили польскихъ сенаторовъ и имъ ничего не оставалось, какъ, получивъ богатые подарки по случаю коронаціи, скрыть свое неудовольствіе и принести поздравленія новому великому князю. II. Р. Т. II, стр. 274—275. Объ этомъ см. у С. М. Соловьева. И. Р. Т. IV, столб. 1102.

скомъ столѣ, такъ какъ имѣлъ опаснаго соперника въ лицѣ Михаила, сына убитаго Сигизмунда [1]). Такое положеніе вещей въ Польшѣ и Литвѣ было причиной того, что флорентійская унія, предоставленная себѣ и духовнымъ мѣрамъ Исидора, не была введена въ этихъ государствахъ, такъ какъ православное населеніе, по свидѣтельству Длугоша, не желало принимать ея [2]).

Теперь мы коснемся вопроса о томъ, какое впечатлѣніе произвела привезенная Исидоромъ флорентійская унія на православное населеніе въ кіевской (юго-западной) Руси [3]), которой вскорѣ суждено было сдѣлаться передовымъ постомъ въ горячей борьбѣ славянскаго православія съ латинствомъ. Какъ мы видѣли раньше изъ описанія путешествія легата—митрополита, юго-западная Русь, уже и тогда зависѣвшая въ политическомъ отношеніи отъ Польши, на первыхъ порахъ отнеслась къ уніи, по вѣрному выраженію покойнаго проф. А. С. Павлова,—„если не сочувственно, то довольно равнодушно“ [4]). Исидоръ спокойно проживалъ въ Кіевѣ, служилъ въ латинскихъ костелахъ, дѣлалъ зависящія отъ него распоряженія по церковному управленію [5]), и, наконецъ, достигъ того, что православный кіевскій (удѣльный) князь Александръ (Олелько) Влади-

---

[1]) О затруднительномъ положеніи Казиміра см. у Иловайскаго И. Р. Т. II (Изд. II. М. 1896). стр. 275. О судьбѣ Михаила у Н. М. Карамзина И. Г. Р. Т. V, столб. 147, и прим. 264, гдѣ приводится свидѣтельство Кромера (гл. XXII, стр. 337) и Стриковскаго (кн. XVII, гл. 5—8) о его смерти. См. также Никоновск. лѣт. Ч. V (подъ 1440 г.), стр. 137.

[2]) Длугошъ. Historiae Polonicae. Lib. XII, (1440), col. 727: „Unio tamen illa Ecclesiae cum Graeca brevisculo duravit tempore, Graecis et Ruthenis, qui circa illam praesentes non erant, eam irridentibus et contemnentibus“.

[3]) См. повѣствованіе о свиданіи и переговорахъ въ Трокахъ (1430 г.). Когда зашла рѣчь о соединеніи православной церкви съ западною, папскій легатъ, бывшій на этомъ съѣздѣ, и его спутники потратили много краснорѣчія, но литовскіе сенаторы, а за ними и польскіе, сказали: „мыслить объ этомъ въ настоящее время нѣтъ никакой надобности, потому что исповѣдающіе греческую вѣру гораздо многочисленнѣе (то есть въ Литвѣ) римскихъ католиковъ, а въ святости догматовъ одна вѣра не уступаетъ другой“. „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія (Изд. 3. Спб. 1900), стр. 529.

[4]) А. С. Павловъ. Критическіе опыты, стр. 88. Говоря о прибытіи Исидора въ западную Россію, проф Д. И. Иловайскій пишетъ: „Здѣсь первымъ дѣломъ его (Исидора) было обнародованіе акта флорентійской уніи, которое, повидимому, не встрѣтило немедленнаго противодѣйствія, можетъ быть по своей неожиданности и естественному недоумѣнію“. Исторія Россіи. Т. II, стр. 233.

[5]) Митроп. Макарій. И. Р. Ц. Т. V, стр. 365.

міровичъ,—„государь отчичь Кіевьскый, и съ своими князьми, и съ паны, и съ всею полною своею радою"—въ грамотѣ, данной Исидору 5 февраля 1441 года, подтвердилъ „господину и отцу своему Сидору, митрополиту Кіевьскому и всея Руси" обладаніе митрополичьими вотчинами, доходами, судомъ и всѣми его правами въ области кіевской [1]).

Мы также знаемъ, что и князь смоленскій Юрій Семеновичъ-Лугвеньевичъ [2]) выдалъ митрополиту враждебнаго ему спутника на флорентійскій соборъ—Симеона суздальскаго [3]).

Мы не имѣемъ свѣдѣній, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія, относительно того, какъ принималъ простой православный народъ митрополита-уніата въ Галиціи и Литвѣ; правда, въ статьѣ Антонія Петрушевича „О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ" мы находимъ указаніе на свидѣтельство Зиморовича о томъ, что, когда Исидоръ, пріѣхавъ въ Львовъ, „литургисалъ въ латинской каѳедрѣ, но здѣшняя Русь не хотѣла присутствовати его богослуженію" [4]),—но свидѣтельство это, какъ принадлежащее писателю позднѣйшей эпохи (XVII в.), должно быть принимаемо съ

---

[1]) А. И. Т. I, № 259, стр. 488. „Грамота кіевскаго князя Александра Владиміровича митрополиту Исидору, о неприкосновенности митрополичьей отчины и въ ней угодьевъ и доходовъ, о правахъ намѣстника его и о неподсудности Софійскихъ людей княжескимъ судьямъ".

[2]) Лугвеній, по христіанскому православному имени Симеонъ, сынъ Ольгерда и братъ Владиміра—отца кіевскаго князя Александра (Олелька); ни Симеонъ, ни Владиміръ не перешли въ католицизмъ вмѣстѣ съ Ягайломъ и Витовтомъ.

[3]) Убѣжавъ изъ Венеціи 9 декабря 1439 года, Симеонъ пришелъ къ новгородскому архіепископу Евѳимію. Когда же Исидоръ прибылъ въ Литву, князь Юрій зазвалъ Симеона къ себѣ въ Смоленскъ; „и мнѣ, говоритъ суздальскій іерей, пошедшу къ Смоленьску, надѣющеся яко христіанинъ есть... не предасть меня въ нужду правды ради и вѣры". Принявъ и обласкавъ Симеона, онъ, по свидѣтельству послѣдняго, далъ ему обѣщаніе, „яко „ничтоже ти будетъ, токмо честь тобѣ будетъ отъ мене и отъ всѣхъ христіянъ". И мнѣ у него пребывшу не много дней, и ту быша грекове митрополичьи черньцы, и выдастъ мя имъ, глаголя на мя много. Мнѣ же всю зиму сидѣвшу во двоихъ желѣзѣхъ въ велицѣй нужи, во единой свитцѣ и на босу ногу, и мразомъ и гладомъ и жаждею и повезоша мя изъ Смоленска въ Москву". „Повѣсть" Симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 206—207. Рукопись Спб. духовной Академіи изъ Софійскаго собранія рукописей, № 1464 (л. 425—426). В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Прилож. XVII, стр. 97—98.

[4]) „Галицкій историческій сборникъ, издаваемый обществомъ галицкорусской Матицы". Вып. III, (Львовъ, 1860), прим. 52, стр. CXXVI—CXXVII.

большой осторожностью. Относительно же православнаго населенія Кіева есть свидѣтельство Густинской лѣтописи, увѣряющей (дважды) въ томъ, что „егда прійде (Исидоръ) въ Кіевъ, не пріяша его, но паче изгнаша...“ (и въ другомъ мѣстѣ: „Исидоръ, митрополитъ Кіевскій, пришедъ во одеждѣ кардиналской въ Кіевъ, но оттуду изгнаша его“) [1]). Эти свѣдѣнія, не подтверждаемыя данными другихъ источниковъ, находятся въ противорѣчіи съ грамотой Александра (Олелька) Владиміровича, такъ какъ трудно допустить, чтобы князь позволилъ это сдѣлать народу, да и врядъ ли могъ народъ такъ отнестись къ митрополиту, признанному и обласканному ихъ православнымъ княземъ.

Профессору О. М. Бодянскому во время его заграничнаго путешествія удалось открыть въ Познани въ частной библіотекѣ графа Эдуарда Рачинскаго интересный документъ, касающійся митрополита-уніата и его дѣятельности въ литовской Руси. Это—грамота, данная Исидоромъ въ Холмѣ 27 іюля 1440 года и обращенная къ „старостам Холмьским и воеводамъ кто коли ни есть, также и заказникомъ и всимъ православнымъ“ съ увѣщаніемъ не обижать нѣкоего „попа Вавилу къ святого Спаса от столпа“ (близъ Холма) и не отбирать у него церковнаго сада [2]). Такъ какъ въ этой грамотѣ

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II (подъ 1438 и 1441 г., стр. 355. Проф. О. М. Бодянскій въ статьѣ „О поискахъ монхъ въ Познанской публичной библіотекѣ“ безъ критической провѣрки придаетъ вѣру крайне сомнительнымъ свидѣтельствамъ о томъ, что митрополитъ Исидоръ не былъ принятъ православнымъ населеніемъ въ Галицкой Руси и Бѣлорусіи. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Рос. 1846 г., № 1, стр. 13. Такой же взглядъ высказываетъ Генн. Карповъ въ изслѣдованіи „Св. Іона, послѣдній митр. Кіевскій и всея Руси“. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р., 1864, 4, стр. 177. (Ср. приводимое нами ниже свидѣтельство Новгородской лѣтописи по синодальному харатейному списку, стр. 420; П. С. Р. Л. Т. III, стр. 113).

[2]) Мы позволимъ себѣ привести этотъ важный и интересный документъ, носящій въ найденной профессоромъ Бодянскимъ рукописи польское названіе: „List Sidora Mitropolita“. „Благословеніе Исидора митрополита Кіевского и всея Росси лататоса и отъ робра апостолского седалища Лятьского и Литовского и Немецкого в Холмъ о светомъ духе сыном нашого смиреня старостам Холмским и воеводамъ кто коли ни есть, также и заказникомъ и всимъ православнымъ. Пишемъ вашей милости иж билъ намъ челомъ попъ Вавила къ светог(о) Спаса от столпа, а сказываетъ что же дей обид(а) чинитса ему вельми мног(а) да и сад дей церковный у нег(о) отбирают, а чимъ то онъ у тое церкви жыветь и Бога молитъ о всемсы хрестиянстве, и благословю вашу милост, штобы есте ктому опекане мели, какъ бы церков Божая и тот поп никимъ былъ необидный, и садовъ бы церковных у нег(о) не отбивали, и ничго церковного не брали, занже (занеже) дей из старины тое

находится слѣдующее мѣсто: „а нам сущымъ православным Христіяном Ляхомъ и Русй достоит исполнят Божыя церкви свещенников а не обидити, есмобо ни не (нынѣ) дал Бог одина братя Хрестіяне Латинники и Рус“, то приведенное выше мѣсто даетъ основаніе проф. Бодянскому думать, что, „вѣроятно, преслѣдованіе попа Вавилы было со стороны Холмскаго начальства ...за преждевременную и поспѣшную попытку его послѣдовать верховному своему іерарху“; —онъ полагаетъ, что священникъ Вавила, узнавши „о соединеніи церквей, торжествахъ и прославленіи его въ столицѣ польскаго королевства и окрестныхъ городахъ и, по сердечному ли убѣжденію, или корыстному расчету, поспѣшилъ самымъ дѣломъ обнаружить свое сочувствіе къ нововведенію, что однако же ...не обошлось ему даромъ“, такъ какъ холмскіе граждане въ наказаніе за признаніе имъ уніи и Исидора, отнимали у него церковную землю [1]). „Видя такое радушіе Холмскаго попа, продолжаетъ умозаключать г. Бодянскій, митрополитъ, естественно, счелъ нужнымъ подкрѣпить его въ этомъ дѣлѣ личнымъ присутствіемъ и бесѣдою, явился въ Холмъ и тамъ написалъ это заступительное посланіе къ его начальникамъ, гнавшимъ отступника прочь отъ церкви“ (?!) [2]). Трудно допустить, чтобы это было такъ, что священникъ былъ наказанъ именно за свою приверженность къ уніи

Божое церкви и попомъ ее ни от ког(о) обидне чынилосе, и штобы и нине вашимъ опеканемъ та богомоля стояла спокоемъ, и тотбы попъ от нее проч киной церкви не шол, жыл бы тутo и молил Бога никым необижен, занже кто обидит церковъ Божию тоть самому Божию закону противляется, а нам сущымъ православным Хрестияном Ляхомъ и Руси достоит исполнят Божыя церкви и их свещенников а не обидити, есмобо ни не (нынѣ) дал Бог одина братя Хрестияне Латинники и Рус, и тог о) ради прымете от вседержытеля Бога бладодат и милост, а нашог,о) смиреня благословенее и молитву, А писан листъ в Холме меца іюля во двадцать семый ден влито $\overline{\text{s}}$ тисещи $\overline{\text{ll}}$ и индикта во $\overline{\text{k}}$“. Внизу подписано по польски: „A tego listu podpis ręki po grecku taki: Cardinalis Isidorus. A data listu tego tak się ma rozumieć, iż to było in a° (anno) Dni 1140 Julii 27 dz. A Synodu Florenskiego decretum a° dni 1439 Julii 6 d. Wrok prawie y we dwadzieścia dni po synodzie Florenskim. Pieczęć zwiesista na sznurze po obu stron napisy, po jednej obraz pany Marij z dzieciątkiem a po drugiej te słowa po Ruski: Милостю Божею Сидор Митрополит Кіевьскій и всея Россій“. О. Бодянскій. О поискахъ моихъ въ Познанск. Публ. библ. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Рос. 1846, № 1. стр. 13 14. Этотъ же актъ (но не вполнѣ точно) напечатанъ въ III вып. Галицк. Истор. Сборн. прим. 52, стр. CXXIV—CXXV.

[1]) О. М. Бодянскій. О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Рос. 1846. № 1, стр. 12, 14, 15.

[2]) Тамъ же, стр. 13.

отнятіемъ у него церковнаго сада, такъ какъ въ самомъ актѣ нѣтъ на то данныхъ; гораздо проще и правдоподобнѣе видѣть въ этомъ обычный споръ между священникомъ и жителями о кускѣ церковной земли; если же допустить, что холмскіе граждане были недовольны священникомъ за принятіе имъ уніи, то имъ было бы, какъ справедливо замѣтилъ проф. Е. Е. Голубинскій [1]), гораздо естественнѣе совсѣмъ прогнать священника отъ церкви. Что же касается указанія (безъ ссылки) профессора Голубинскаго на то, что, „какъ узнаемъ изъ описанія путешествія или дневника, принадлежащаго неизвѣстному, Исидоръ былъ въ Холмѣ и всего одинъ день, именно—наше 27-е іюля“ [2]), то таковое мнѣніе почтеннаго ученаго надо признать совершенно ошибочнымъ, такъ какъ въ этомъ же описаніи имѣется мѣсто, свидѣтельствующее о томъ, что митрополитъ пробылъ въ Холмѣ не одинъ день. Вотъ это мѣсто: „Пріѣхали есмя въ Холъмъ въ недѣлной день. Въ Пантелѣймоновъ же день, въ среду, мѣсяца іюля въ 27 день бысть буря велика з дождемъ и храмы потрясаше. Наутрія же въ четвертокъ, въ 28 день того же мѣсяца, выѣхахомъ не Холъму и почевахомъ у папа у Ондрюшка въ Угрушкѣхъ па рѣцѣ на Вузѣ“ [3]).

Итакъ, мы видимъ, что флорентійская унія въ юго-западной Руси была принята довольно равнодушно и далеко не встрѣтила того энергическаго отпора и сильнаго протеста, какой, какъ мы узнаемъ ниже, она вызвала въ Москвѣ, гдѣ принесенная митрополитомъ-уніатомъ „новизна“ глубоко возмутила всѣхъ. Но фактъ индифферентнаго отношенія южной, кіевской Руси къ флорентійской уніи требуетъ объясненія, такъ какъ не тупое равнодушіе къ (православной) вѣрѣ отцовъ было причиною этого сложнаго явленія. Причины такого отношенія къ уніи надо прежде всего видѣть уже въ томъ обстоятельствѣ, что южно-русская церковь не имѣла на флорентійскомъ соборѣ своихъ непосредственныхъ представителей [4]); она знала объ уніи только отъ высшей греческой іерархіи—митрополита Исидора, а позднѣе—отъ константинопольскаго патріарха Григорія Маммы, этихъ сильныхъ сторонниковъ уніи, настоятельно требовавшихъ религіознаго союза православныхъ съ католиками. Но несомнѣнно еще болѣе сильное вліяніе оказала

---

[1]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 451.

[2]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 451, прим. 6-ое.

[3]) Рукопись Моск. Публичн. Музея. № 939, л. 57. Это же мѣсто помѣщено и у пр. А. С. Павлова. Критическіе опыты, стр. 91, прим. 2.

[4]) А. С. Павловъ. Критическіе опыты, стр. 89.

здѣсь политическая зависимость кіевской Руси отъ Польши. На это обстоятельство, какъ на главную причину „молчанія“ юго-западныхъ князей противъ нововведеній Исидора, обратили вниманіе и современные московскіе писатели; въ „Повѣсти“ Симеона суздальскаго („Инока Симеона іерея суждалца повѣсть како римскій папа Евгеній составн осмый соборъ со своими единомышленники“) [1]) мы читаемъ при описаніи перваго богослуженія Исидора въ Москвѣ: „помянувъ (Исидоръ) в первых папу Евгенія, а православныхъ патріархъ не помяну“, яко же обѣщася папѣ тако и сотвори, яко же помиилал в Кіевѣ и в Смолепску при тѣх князехъ. Тіи бо (князья Кіевскій и Смоленскій) имѣюще надъ собою область латинскую и не смѣша въпреки глаголати“ [2]).

Новгородская первая лѣтопись (по синодальному харатейному списку) [3]), повѣствуя о возвращеніи Исидора съ флорентійскаго собора и о пребываніи его въ Литвѣ и южной Руси еще лишній разъ подтверждаетъ фактъ равнодушнаго отношенія южной Руси къ принесенной уніи. „Той же зимѣ (1441 года), гласитъ она, пріѣха митрополитъ Исидоръ съ осмого собора на Русь из Рима, и пача звати ся легатосомъ отъ ребра апостольскаго сѣдалища Римьскыя власти и митрополитомъ Римьскымъ, и пача поминати папу Римьскаго въ службѣ, и иныя вещи новыя, ихже николиже слышахомъ отъ крещеніа Рускыя земля, а повелѣ в лячкыхъ (вар. „лядскыхъ“) божницахъ рускымъ попомъ свою службу служити, а в рускыхъ церквахъ капланомъ; *Литва же и Русь* (южная) *за то не изымашася*“ [4]).

Но если принесенная Исидоромъ унія не встрѣтила никакого противодѣйствія въ средѣ южно-русскаго православнаго общества и духовенства и митрополитъ-уніатъ —былъ даже признанъ православнымъ княземъ Александромъ Владиміровичемъ, вмѣстѣ съ

---

[1]) А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. Здѣсь „Повѣсть“ помѣщена по списку хронографа русской редакціи XVII вѣка (л. 432—462), стр. 344—359. Ѳ. Делекторскій. Флорентійская унія и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси. „Странникъ“. 1893. Т. III, стр. 254.

[2]) А. Поповъ Тамъ же, стр. 356.

[3]) Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку. Изданіе Археографической коммиссіи. Спб. 1888; П. С. Р. Л. Т. III.

[4]) Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку, стр. 420. П. С. Р. Л. Т. III, стр. 113.

своими князьями, панами и всею радою, „господиномъ и отцомъ", за которымъ были утверждены всѣ его привилегіи [1]);—то, на основаніи имѣющихся историческихъ данныхъ, мы можемъ утверждать, что эта унія далеко не была принята сознательно, и что благодушное признаніе Исидора и принесенной имъ „новизны" заключало въ себѣ не малую долю легкомыслія и нежеланія вникнуть въ дѣло флорентійскаго соединенія. Только послѣдующее строгое осужденіе уніи въ Москвѣ, заключеніе и бѣгство Исидора изъ русскихъ предѣловъ возбудили невольные толки и недоумѣнія и въ южной Руси; только тогда мы можемъ видѣть тамъ попытки осмыслить принесенную и уже признанную унію [2]). До какой степени простиралось это легкомысленное благодушіе можно видѣть изъ того, что даже кіевскій князь Александръ Владиміровичъ, давшій вышеупомянутую грамоту Исидору и, конечно, читавшій соборное опредѣленіе о соединеніи церквей, совершенно не зналъ—на чемъ состоялась унія, и за разрѣшеніемъ этого недоумѣнія послалъ отъ себя своего „вѣрнаго слугу Стецко" къ константинопольскому патріарху Григорію (Маммѣ). Къ сожалѣнію, это княжеское посланіе не дошло до насъ, извѣстенъ лишь отвѣтъ ему константинопольскаго патріарха. Но для исторической оцѣнки этой интересной переписки мы должны прежде всего принять во вниманіе слѣдующія данныя. Князь кіевскій Александръ (Олелько) Владиміровичъ, внукъ Ольгерда, родоначальникъ князей Слуцкихъ, былъ, подобно отцу своему, воспитанъ въ православной вѣрѣ и оставался вѣренъ и предапъ ей. До насъ дошло сравнительно немного свѣдѣній объ этой, какъ видно, въ свое время выдающейся, личности [3]).

Какъ извѣстно, онъ былъ въ родствѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, такъ онъ былъ женатъ на Анастасіи, дочери великаго князя московскаго Василія Дмитріевича (сестрѣ Василія), и имѣлъ сыновей Симеона [4]), Михаила и дочь Ѳеодору.

---

[1]) А. И. Т. I, № 259, стр. 488.

[2]) Всѣ эти соображенія даютъ намъ основаніе не согласиться съ мнѣніемъ проф. Е. Е. Голубинскаго, что „грамота Александра Владиміровича даетъ знать, что православные князья литовскіе, не признавая въ Исидорѣ папскаго кардинала и легата (?!), хотѣли видѣть въ немъ только то, чѣмъ онъ былъ и до флорентійскаго собора,—православнаго митрополита" (!). (И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 451). Взглядъ почтеннаго ученаго отличается своеобразностью и внутреннимъ противорѣчіемъ.

[3]) А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 329.

[4]) Симеона, старшаго сына Александра, крестилъ въ 1420 году въ Слуцкѣ митрополитъ кіевскій Фотій. См. Даниловича Latopisiec Litwy, p. 94 A.

Кромѣ грамоты, выданной митрополиту Исидору въ 1441 году (А. И. Т. I, № 259) сохранилась и другая грамота, данная княземъ Александромъ Лаврошевскому православному монастырю. Въ этой жалованной грамотѣ, выданной княземъ вмѣстѣ съ женой монастырю на десятину, говорится: „Се язъ князь Александръдро Володимеровичь, и съ своею княгинею Московъкою и своими дѣтми, далъ есмь десятину св. Богородицы у Лаврошевъ монастырь, изъ Турця у вѣкы...“ [1]).

Недоумѣніе, возникшее у кіевскаго князя послѣ непринятія уніи въ Москвѣ, заключенія и бѣгства оттуда уніата-митрополита, лучше всего свидѣтельствуетъ о его преданности родной вѣрѣ и объ искреннемъ желаніи добиться истины относительно флорентійской уніи; но, къ сожалѣнію, онъ, по вѣрному выраженію А. Попова, „неудачно избралъ себѣ руководителя“ [2]); такъ какъ патріархъ Григорій (Мамма), къ которому онъ обратился, былъ ревностный уніатъ [3]).

Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 330, прим. 1; А. И. Т. I, № 47, стр. 94; Прибавленія къ изданію твореній святыхъ отцовъ, въ русскомъ переводѣ. Годъ четвертый. (Москва. 1857), стр. 245. Одинъ изъ дѣтей Александра—Симеонъ въ 1450 году пріѣзжалъ въ Москву, какъ сказано въ нашихъ лѣтописяхъ: „былъ князь Симеонъ Алешковичъ (Олельковичъ) у своей бабы, великой княгини Софіи, и у великаго князя, дяди своего“. Карамзинъ II. Г. Р. Т. V, пр. 386, подъ 1451 г. Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II, стр. 276, 286.

[1]) Акты, относящ. къ истор. западной Россіи. Т. I, № 28, стр. 41.

[2]) А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 330.

[3]) Здѣсь мы не будемъ останавливаться на „Посланіи Григорія патріарха константинопольскаго къ князю кіевскому Александру Владиміровичу о соединеніи церквей на соборѣ флорентійскомъ“, этомъ *замѣчательномъ по своему значенію историческомъ документѣ*, впервые напечатанномъ А. Поповымъ въ его капитальномъ трудѣ—„Историко-литературн. обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“, стр. 332—334, такъ какъ изложеніе этого вопроса входитъ въ задачу одной изъ послѣдующихъ главъ нашего изслѣдованія (III гл.), гдѣ мы будемъ касаться вопроса объ избраніи митрополита Іоны и о характерѣ взаимныхъ отношеній московской Руси и Византіи. Какъ мы видѣли выше, на флорентійскомъ соборѣ Григорій, въ званіи духовника Іоанна Палеолога, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ пользу уніи и за свои заслуги въ дѣлѣ соединенія церквей былъ избранъ на патріаршій престолъ (7 іюля 1446 г.), на которомъ и оставался до августа 1451 года. Онъ извѣстенъ своимъ полемическимъ сочиненіемъ противъ Марка Ефесскаго. См. Фабриція. Bibliotheca Graeca, vol. X, p. 381—382. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 330.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ посланій митрополита Іоны къ тому же князю о поставленіи своемъ въ санъ митрополита, съ убѣжденіемъ его охранять въ Литвѣ православную вѣру и содѣйствовать древнему союзу митрополіи кіевской съ московскою [1]), имѣются весьма вѣскія доказательства того, что князь Александръ Владиміровичъ не только былъ православнымъ въ глазахъ московскаго святителя, но даже считался имъ главнымъ охранителемъ православія въ литовской Руси, на котораго м. Іона возлагалъ особыя надежды. „А тебе, своего сына (вар. „господина"), глаголетъ краснорѣчиво эта грамота, вѣдаю и о всемъ знаю, отъ многихъ про тебе про великого человѣка слышу, якоже еси предней православный христіянинъ и церкви Божьей сынъ, и поборатель по Божьей церкви и по закопѣ, и заступникъ всему православному христіянъству, и тоя державы литовьскыя земля всѣмъ христіяномъ тутошнимъ похвала и поможеніе; якоже тя Богъ вразумилъ, въ всѣхъ скорбныхъ и радостныхъ вещехъ, въ всяко время ты еси началникъ всему доброму: и о томъ тебе, своего сына, и благодарю и благословляю, и прошу, якоже тая твориши, а и напередъ бы еси таяже дѣялъ; и надѣяніе имѣю, сыну, на человѣколюбіе Божье, да и въ семъ временномъ благоденьствіи паипаче о томъ въспрославитъ Богъ вашего благородія, а вящьше въ будущемъ вѣчномъ благородьи, и сторичную отъ Бога въспріимеши въ вѣкы пребывающую мзду" [2]).

Принесенная и провозглашенная митрополитомъ Исидоромъ унія, принятая спокойно и равнодушно въ юго-западной Руси, еще довольно долгое время держалась здѣсь (въ продолженіе XV в.), такъ какъ извѣстно, что она завѣдомо существовала при ближай-

---

[1]) А. И. Т. I, № 47, стр. 94—96; Р. И. Б. Т. VI, № 66, столб. 555—564. Проф. А. С. Павловъ полагаетъ, что это посланіе написано „прежде 31 генваря 1451 г.". Въ „Актахъ Историческихъ" это посланіе напечатано изъ рукописи, подъ заглавіемъ: Посланія Россійскихъ Митрополитовъ, хранящейся въ Московской синодальной библіотекѣ подъ № 562. Въ заглавіи акта находится слѣдующая отмѣтка киноварью: „Посланіе отъ Митрополита Князю Александру Володимеровичю, на Кіевъ, что поставленъ на митрополью на Москвѣ, а не на Кіевѣ".

[2]) А. И. Т. I, № 47, стр. 96; Р. И. Б. Т. VI, № 66, столб. 562—563. „Еще же о томъ тебе, своего сына, благословляю, читаемъ мы дальше, да имаши о томъ попеченіе, яко да въспріиметъ Божія церковь древнее свое благолѣпіе, и да совъкупится, попрежнему, святѣйшая кіевьская и всея Руси митрополія въ едино, и нашего смиренія дѣло, Божіею благодатію и вашего благородія попеченіемъ и споспѣшеніемъ и пристояніемъ, да исполнится совершенъ"

шихъ преемникахъ Исидора на каѳедрѣ кіевской митрополіи [1]); и лишь только позднѣе, въ XVI и XVII вѣкѣ, когда юго-западная Русь пробудилась къ новой жизни, возникли здѣсь горячіе споры и оживленная полемика по поводу флорентійской уніи, которыя вызвали рядъ сочиненій, посвященныхъ разбору этого важнаго событія и возникшихъ изъ него послѣдствій; появились даже исторіи флорентійскаго собора русскаго сочиненія [2]).

[1]) Унія существовала при ученикѣ Исидора—м. Григоріи, рукоположенномъ въ Римѣ патріархомъ Григоріемъ Маммою, при м. Мисаилѣ и др.

[2]) См. „Сказанія князя Курбскаго". Ч. II, (С.-Петерб. 1833).—„Объ исторіи о осьмомъ соборѣ и разорваніи, или раздраніи умиленномъ, восточныхъ церквей съ западными". („Написано въ Вильнѣ отъ нѣкояго субдіакона, недостатку ради Исторіи тоя: въ Римскомъ сраму ради не написано; въ Русской же исторіи, яко мню, невѣдѣнія ради, или тогдашняго ради гоненія незапнаго и прелютаго. А нынѣ предреченное мало изъявимъ, Богу намъ помогающу, изъявляюще всякому Христіанину, како и которыя вины та трагедія достохвальная въ конецъ злый и жалостный пріиде, всѣмъ Христа чествующимъ во вселенной на уничиженіе и скорби, а безвѣрнымъ Жидомъ и Туркомъ на радость и на руганіе Христіанское"), стр 243—256. „Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ". Изслѣдованіе кандидата (нынѣ профессора Юрьевскаго Университета) А. Н. Яснпскаго. (Кіевъ. 1889), стр. 79, прим. 6. Обслѣдованіе сочиненія князя Курбскаго съ критико-библіографической стороны, написаннаго имъ въ послѣднюю пору его жизни, во время пребыванія въ польско-литовскомъ королевствѣ, см. въ статьѣ Ѳ. П. Делекторскаго. „Критико-библіографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентійской уніи" (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія Часть CCC. 1895. Іюль. Стр. 172—184), гдѣ приводится литература вопроса. О пребываніи Курбскаго въ польско-литовскомъ королевствѣ см. статью профессора Н. Д. Иванишева: „Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни". (Сочиненія Н. Д. Иванишева, изданныя иждивеніемъ Университета Св. Владиміра, подъ редакціей профессора А. В. Романовича-Славатинскаго и библіотекаря К. А. Царевскаго. Кіевъ, 1876. Стр. 151—197). Статья почтеннаго ученаго составляетъ предисловіе къ изданію: „Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Акты, изданные временною коммиссіею, Высочайше утвержденною при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Т. I—II. Кіевъ. 1849". См. также „Исторію о листрійскомъ, то есть о разбойническомъ, ферарскомъ або флоренскомъ синодѣ, вкоротцѣ правдиве списанную", изд. въ Острогѣ, 1598 г. Н. Д. Иванишевъ. „Свѣдѣнія о началѣ уніи, извлеченныя изъ актовъ кіевскаго центральнаго архива". Сочиненія, стр. 336, 337. („Свѣдѣнія о началѣ уніи..." перепечатаны изъ „Русской Бесѣды" за 1858 г., № 3, и помѣщены также въ „Архивѣ юго-западной Россіи, издаваемомъ временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше утвержденною при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Ч. I. Т. I. Кіевъ. 1859". стр. XI—LXXXVII. Здѣсь это изслѣдованіе составляетъ объяснительную статью къ изданнымъ актамъ и носитъ заглавіе: „Содержаніе актовъ перваго тома").

Но въ разсматриваемую нами эпоху горячую и упорную борьбу за православіе и древнее благочестіе вела одна московская Русь, не признавшая, какъ увидимъ мы ниже, уніата-митрополита и съ негодованіемъ отвергнувшая принесенную имъ „новизну“, какъ „мерзость“, „мракъ тьмы“ и „злочестіе“ [1]).

Въ третье воскресеніе великаго поста, 19 марта 1441 года, какъ было упомянуто выше, Исидоръ возвратился въ Москву [2]). Лѣтописецъ такъ представляетъ намъ приходъ митрополита и случившееся послѣ его возвращенія. Какъ папскій кардиналъ и легатъ, Исидоръ вошелъ въ Москву въ предшествіи латинскаго креста [3]) и трехъ палицъ или жезловъ [4]). Придя въ Кремль, онъ отправился

---

[1]) „Слово“ Поповъ, стр. 372; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 105; Ник. лѣт. Ч. V, стр. 146; Д. Р. Вивліоѳика, VI, стр. 62.

[2]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 154: „и прінде на Москву въ недѣлю третью святого великого поста“. Псковская 1-ая лѣтопись (П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 211) ошибочно относитъ прибытіе Исидора въ Москву къ вербному воскресенью: „Тоя же весны митрополитъ Исидоръ пріѣхалъ на Москву, на вербицю, изъ Литвы“. Ср. у м. Макарія. И. Р. Ц. Т. V, стр. 365. Н. М. Карамзинъ (И. Г. Р. Т. V, столб. 171) полагаетъ, что Исидоръ пріѣхалъ въ Москву весною 1140 года (?).

[3]) О крестѣ, который носили предъ митрополитомъ Исидоромъ великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ посланіи къ проту и инокамъ Аѳонской горы пишетъ: „Повѣмъ же вамъ, о святолюбное съборище, каковый змій приползе въ отечьство наше, хотя ядъ свой изліяти на православіе наше, и съ коликою гордостію прінде къ намъ, крестъ велѣніе носити предъ собою высоко въдружень латынскимъ именованіемъ“. „Посланіе великаго князя Василія Васильевича къ проту и инокамъ Аѳонской горы, о дѣйствіяхъ митрополита Исидора и объ осужденіи его московскимъ соборомъ 1441 года“. „Лѣтопись занятій Археографической коммиссіи“. 1861 годъ. Выпускъ III. (Спб. 1865). Приложенія, стр. 35. Въ посланіи же къ константинопольскому патріарху Митрофану великій князь такъ говоритъ о формѣ креста: „и предъ собою повелѣваше распятіе латынски взваанию носити, обѣ нози единѣмъ гвоздемъ пригвоздѣнѣ“. Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 534. А. И. Т. I, № 39, стр. 71. (То же самое посланіе, обращенное къ лицу греческаго императора П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 162—167). Д. И. Иловайскій. И. Р. Т. II, стр. 233. Объ отличіи креста латинскаго отъ православнаго см. у проф. Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II, I, стр. 452, примѣч. 1-ое.

[4]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 154; П. С. Р. Л. Т. III (Новгор. 1-ая лѣт.), стр. 113; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109: „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню. И сказаніе о съставленіи осмаго сбора латыньскаго...“ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 376.—говоритъ, что Исидоръ повелѣлъ носить предъ собою „крыжъ латинскій да три палицы серебряны

въ Успенскій соборъ и здѣсь „молебная пѣлъ“ за великаго князя и все православное христіанство, а потомъ совершалъ литургію, во время которой велѣлъ помнить „во первыхъ“ папу римскаго Евгенія [1]), а не имя константинопольскаго патріарха [2]). По окончаніи литургіи митрополитъ велѣлъ своему протодіакону выйти въ стихарѣ съ ораремъ на амвонъ и „чести велегласно“ грамоту восьмого собора [3]), или актъ соединенія церквей. Послѣ этого онъ представилъ великому князю грамоту, присланную къ нему римскимъ папою [4]). Въ ней Евгеній IV льстилъ самолюбію великаго князя, отзоея и къ его „славѣ и хвалѣ“ флорентійское соединеніе, на которомъ „честнѣйшій братъ нашъ Исидоръ“ такъ много потрудился. „И къ сему единачеству и согласію, гласила папская булла, многое поможеніе и поспѣшеніе честнѣйшаго брата нашего Исидора, митрополита твоего кіевскаго и всея Руси, и отъ апостольскаго престола посла, иже за свое благое потрудился о соединеніи крѣп-

---

про честь фризскаго права“. Симеонъ суздальскій въ своей „Повѣсти“ („Инока Симеона іерея суждалца повѣсть како римскій папа Евгеній состави осьмый соборъ съ своими единомышленники“) сообщаетъ, что Исидоръ носилъ предъ собою „крыжъ и палицу сребряну: крыжъ нося во креста мѣсто, являя латинъскую вѣру, а палицу нося—гордость и буйство латиньское. Аще кто не приклякнетъ [„Przyklekać“ (польск.)—стать на колѣна] ко крыжу, то палицею ударивше, приклякнути велитъ, якоже у папы тако творятъ“. А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. Прилож. X. Повѣсть Симеона суздальскаго („Исидоровъ соборъ и хожденіе его“), стр. 207; А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 355.

[1]) П. С. Р. Л. Т. III (Новгор. 1-ая лѣт.), стр. 421; П. С. Р. Л. Т. IV (Псковск. 1-ая лѣт.), стр. 211—212. П. С. Р. Л. Т. VI (Софійская 2-ая лѣт.), стр. 161: „Егда же въ молитвенныя рѣченіи святыя службы и вмѣсто патріархъ вселенъскыхъ помнятъ въпервыхъ и блажитъ Еугенія папу Римьскаго, емуже бо на златѣ отладе святую вѣру Гречскаго православіа...“ Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ (М. 1837), стр. 73—74.

[2]) А напередъ имени великаго князя—имя „кесаря“ императора западнаго. П. С. Р. Л. Т. XV (Тверск. лѣт.), стр. 491.

[3]) Лѣтописецъ прибавляетъ: „суемыслешнаго и отреченнаго“. Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 154 и друг.

[4]) „Посланіе Евгенія папы римскаго къ великому князю объ Исидорѣ митрополитѣ“. Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 154; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 160—161; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 108—109. По Длугошу—и отъ императора константинопольскаго. Lib XII, col. 727: „Aduenerat in illis diebus ex Italia ab Eugenio Papa quarto Isidorus natione Graecus, Archi-Episcopus Kiiouiensis, Cardinalis nouiter creatus, et Legatus in Russiam missus, vir prudens, maturus et industrius, ferens secum Apostolicas literas seu bullas eiusdem Eugenii, sub plumbea, *et Constantinopolitani imperatoris sub aurea*, bullis munitas, unionem Latinae et

чайшій имѣлъ“ [1]). За такія заслуги Исидора римскій первосвятитель просилъ великаго князя принять митрополита съ честью и оказывать ему всякую помощь въ дѣлахъ церковныхъ. „Да будеши помощникъ ему усердно всею своею мышцею, еже да будетъ хвала и слава отъ людей, а отъ насъ благословеніе, а отъ Бога вѣчное дарованіе да имаши“, такъ заканчивалъ папа свое краснорѣчивое посланіе [2]).

„Сія жъ вся слышавъ князь великій Василей Васильевичъ, продолжаетъ лѣтописецъ, что въ божественной службѣ поминаетъ папу римского, а не патріарха Царяграда, и иныхъ вещей много слышавъ и видѣвъ не по обычаю русскія земли, и дивися; и рече князь великій Василей Васильевичъ, при нашихъ прародителѣхъ и отцѣхъ, и при нашей братьѣ, великихъ князехъ русскія земли сего не бывало, и язъ (азъ) нехощу; и повеле ему жити въ монастырѣ у Чуда, а поимаше его въ среду крестопоклонную святаго великаго поста, и сѣде въ томъ монастырѣ лѣто все“ [3]).

Столь смѣлое поведеніе и дерзкое провозглашеніе упін Исидоромъ и какъ бы фактическое введеніе ея посредствомъ поминовенія имени папы вмѣсто патріарха константинопольскаго, удивило, по свидѣтельству лѣтописныхъ сказаній, великаго князя и привело въ крайнее смущеніе и замѣшательство всѣхъ епископовъ, собравшихся въ Москву для встрѣчи митрополита, а также и великокня-

---

Occidentalis Ecclesiae cum Graeca et Orientali continentes, lingua quidem Latina scriptas, sed Graeca Ruthenica subscriptas“. „Гардиналъ“ Исидоръ оскорбляетъ слухъ набожныхъ русскихъ людей поминаніемъ папы Евгенія и торжественнымъ чтеніемъ его посланія, въ которомъ „богумрѣзско и богоотетупно... Латиньстіи прелести“ написаны. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161; Рукопись Спб. дух. Академіи изъ Софійск. собр. рукоп. № 1464, лл. 388—389. Проф. В. Н. Малинишъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Приложенія, XIX, стр. 124.

[1]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 154; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 160—161.

[2]) Ibid.; см. у А. Попова. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ („Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню“), стр. 376—377, гдѣ читается посланіе папы.

[3]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 156. „Богомъ вразумляемый“ великій князь, „сіа вся слышавъ... позна Сидора волкохыщнаго ересь, и тако не пріатъ и благословенія отъ рукы его и латыньскимъ прелестникомъ нареченъ, и скоро обличивъ посрами его и вмѣсто пастыря и учителя волкомъ назва его; и скоро повелѣ съ митропольскаго стола съврещи его, яко безумна прелестника и отступника вѣры“. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161—162; Рукопись Спб. дух. Академіи изъ Софійск. собр. № 1464, лл. 390—391. Проф. В. Н. Малинишъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Прилож. XIX, стр. 125.

жескихъ бояръ. Епископы и бояре до такой степени смутились и растерялись, что были не въ состояніи давать государю какіе либо совѣты относительно того, что надо дѣлать и предпринять. „Достоитъ же удивитися разуму и великому смыслу великого князя Василія Васильевича", говоритъ лѣтописецъ, „понеже о семъ Исидорѣ митрополитѣ вси умолчаше князи и бояре и иніи мнози; еже паче и епископы русскіа вси умолчаше и воздремаша и успуша; единъ же сей богомудрый и христолюбивый государь великій князь Василей Васильевичъ позна Исидорову прелесть пагубную, и скоро обличивъ посрами его, и вмѣсто пастыря и учителя—злымъ и губительнымъ волкомъ назва его" [1]).

И только тогда „вси епископи... возбудишася; князи и бояре и велможи и множество христіанъ, тогда вспомянувши и разумѣша законы греческія прежнія, и начаша глаголати святыми писаніи и звати Исидора еретикомъ" [2]).

„Эта рисуемая лѣтописцемъ картина всеобщаго крайняго смущенія въ Москвѣ, говоритъ проф. Голубинскій, произведеннаго Исидоромъ, и скоро послѣдовавшаго затѣмъ, благодаря твердости великаго князя, всеобщаго рѣшительнаго воспрянутія и пробужденія, есть ни что иное, какъ картина, сочиненная въ позднѣйшее время" [3]). Такой взглядъ мы должны признать безусловно правильнымъ. До прибытія въ Москву, какъ упомянали мы выше, Исидоръ, по возвращеніи съ флорентійскаго собора, долго жилъ въ Польшѣ и сосѣдней Литвѣ; ясно, что о неожиданности и внезапномъ смущеніи не могло быть рѣчи. Когда до Москвы стали доходить первые слухи объ уніи, когда быть можетъ туда попалъ и списокъ окружной грамоты, которую митрополитъ-легатъ разослалъ изъ Будина [4]), и когда въ Москвѣ стало извѣстно, что греки не только не возвратили латинянъ съ своему древнему православію, но, напротивъ, сами отступили отъ православія и предали его латинян-

---

[1]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 156. Надо думать, что это мѣсто лѣтописи послужило основаніемъ для слѣдующихъ словъ проф. А. Рамбо, описывающаго возвращеніе Исидора съ флорентійскаго собора: „Василій, считавшій себя богословомъ, возвысилъ голосъ, вступилъ въ преніе съ Исидоромъ..." Проф. А. Рамбо. Исторія Россіи (Москва, 1898), стр. 171. Ср. у проф. В. С. Иконникова. „Опытъ изслѣдованія о культурномъ вліяніи Византіи въ русской исторіи", стр. 8.

[2]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 156.

[3]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 453.

[4]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 148; П. С. Р. Л. Т. VI. стр. 159—160; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 106.

намъ, признавъ ихъ вѣроученіе; — тогда, несомнѣнно, такое отступничество грековъ весьма изумило и тяжело смутило московское правительство. О величайшемъ смущеніи, которое нѣкоторое время господствовало впачалѣ въ Москвѣ, говоритъ самъ великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ посланіи къ проту и инокамъ Аѳонской горы. „Сего (ради) по достоинъству благодаримъ честную святыню вашу, пишетъ великій князь, и благодать велію исповѣдуемъ, понеже и намъ не малу дързость [1]) подасте симъ посланіемъ вашимъ, занеже бяху *многыхъ душа якоже волны морскыя колеблющися*, паче же простыхъ сердца недоумѣваахуся“ [2]). Но затѣмъ смущеніе должно было смѣниться горячей и твердой рѣшимостью выступить крѣпкими защитниками и охранителями отеческаго православія. Быть можетъ Исидоръ нарочно не спѣшилъ въ Москву, чтобы дать русскимъ возможность свыкнуться съ мыслью встрѣтить его папскимъ кардиналомъ и легатомъ, но это промедленіе не только не приготовило русскихъ къ принятію уніи, но, напротивъ, дало время московскому правительству совершенно придти въ себя, оправиться отъ первоначальнаго смущенія и принять твердое рѣшеніе относительно уніи и отступника-митрополита. Возвращеніе боярина Ѳомы, посла великаго князя, который, какъ извѣстно, ушелъ отъ Исидора изъ Венеціи, прибытіе въ Москву другого спутника митрополита — епископа суздальскаго Авраамія съ частью свиты, не оставшейся въ Литвѣ съ Исидоромъ [3]), давало великому князю полную возможность получить самыя точныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ уніи, объ ея истинномъ характерѣ и о поведеніи русскаго митрополита на соборѣ [4]).

---

[1]) „Дързость“ написано на полѣ, вмѣсто: „силу“.

[2]) „Посланіе великаго князя Василія Васильевича къ проту и инокамъ Аѳонской горы, о дѣйствіяхъ митрополита Исидора и объ осужденіи его московскимъ соборомъ 1441 года.“ „Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи“. 1864 годъ. Выпускъ III. (Спб. 1865). Приложенія, стр. 33. (Изъ сборника XVI в. Новгородской Соф. библіотеки, № 1454, л. 443—445 об.).

[3]) Епископъ суздальскій Авраамій съ частью спутниковъ Исидора, оставивъ митрополита въ Литвѣ, прибылъ въ Москву 19 сентября 1440 года и 29-го того же мѣсяца въ Суздаль. Объ этомъ см. Рукопись Московскаго Публичн. Музея, № 939, гдѣ описаніе путешествія не прекращается на Будинѣ, но (на листахъ 43—58) доводится до Суздаля. О прибытіи спутниковъ Исидора въ Москву см. листъ 58.

[4]) „Не имѣемъ прямыхъ указаній, пишетъ проф. Е. Е. Голубинскій, но со всею вѣроятностію нужно предполагать, что великій князь, получивъ принесенныя извѣстія о флорентійскомъ соборѣ, поспѣшилъ навести въ Константинополѣ справки, какъ тамъ принята унія“. (И. Р. Ц. Т. II. II. I. стр. 455).

Оживленныя сношенія русскихъ съ Аѳономъ въ то время [1]) давали возможность узнать, какъ приняли унію старцы этой святой горы, пользовавшіеся исключительно-великимъ уваженіемъ и громаднымъ авторитетомъ въ православномъ мірѣ. Отъ нихъ великій князь могъ узнать, что монахи эти не только отвергли ненавистную имъ унію, какъ и большинство греческаго народа и духовенства (въ Константинополѣ), но и выступили горячими и ревностными

Нельзя вполнѣ согласиться съ приведеннымъ выше взглядомъ. Получивъ свѣдѣнія о принятіи уніи на соборѣ императоромъ и большинствомъ духовенства, великій князь могъ составить себѣ вполнѣ опредѣленный взглядъ на грековъ, какъ на отступниковъ и измѣнниковъ православію, впавшихъ въ латинскую „прелесть", сношенія съ которыми даже и не безопасны для чистоты отечественнаго православія; великій князь зналъ, что унія принята на соборѣ императоромъ и духовенствомъ, а потому и справки о томъ, „какъ тамъ (въ Константинополѣ) принята унія" (кѣмъ?) были излишни. Предположенія о необходимости сношеній съ Константинополемъ носятъ довольно гадательный характеръ и нельзя не видѣть нѣкотораго преувеличенія и неточности въ словахъ почтеннаго ученаго, что ихъ „со всею вѣроятностію *нужно* предполагать". См. также у Ѳ. Делекторскаго. „Флорентійская унія и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси". Странникъ. 1893. Т. III, стр. 255, высказывающаго взглядъ, что „вѣроятно великій князь, послѣ того какъ получилъ отъ спутниковъ Исидора опредѣленныя свѣдѣнія объ уніи, немедленно (?) навелъ справки о томъ, какъ отнеслись къ уніи въ Цареградѣ, и узналъ, что большинство народа и духовенства съ негодованіемъ отвергло эту унію". Проф. Н. С. Суворовъ совершенно справедливо говоритъ: „Но уже и за нѣсколько лѣтъ раньше паденія Константинополя, послѣдній потерялъ весь свой религіозный авторитетъ въ глазахъ русскихъ, вслѣдствіе того, что византійскій императоръ, вмѣстѣ съ большинствомъ восточной духовной іерархіи, вступилъ въ унію съ латынянами на соборѣ во Флоренціи". Проф. Н. С. Суворовъ. Курсъ церковнаго права. Т. I (Ярославль, 1889), стр. 136.

[1]) См. „Посланіе прота и иноковъ Аѳонской горы къ великому князю Василію Васильевичу, о правовѣріи восточной церкви и суемудріи западной, по случаю флорентійскаго собора". „Тѣтопись занятій Археографической Коммиссіи". 1861 годъ. Выпускъ III (Спб. 1865), стр. 28—32. Сношенія древней Руси съ востокомъ, въ особенности съ Константинополемъ и Аѳономъ, были весьма нерѣдкія. Они обусловливались главнымъ образомъ общими административными отношеніями русской церкви къ церкви константинопольской. Но существовали связи и болѣе частнаго характера. Въ теченіи всего древняго періода русской исторіи (X—XV в.) аѳонскіе и константинопольскіе монастыри были предметомъ стремленій русскихъ иноковъ, какъ центры самаго строгаго иночества. Но особенными симпатіями русскихъ людей пользовался Аѳонъ. Профессоръ В. С. Иконниковъ, давшій въ своемъ трудѣ „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи" прекрасный очеркъ отношеній Руси къ православному востоку, говоритъ слѣдующее: „Высшимъ образцомъ духовной жизни была Аѳонская гора. Тамъ уже въ

противниками уніи среди православныхъ [1]). Всѣ эти данныя даютъ намъ основаніе утверждать, что великій князь при возвращеніи

1052 г. встрѣчается русскій Пантелеймоновъ монастырь, ктиторами котораго называютъ Владиміра св. и Ярослава I. Въ 1080 г., по указу царя Алексѣя Комнена, въ распоряженіе русскихъ былъ отданъ монастырь Кенлургу. Въ XI вѣкѣ русское иночество на Аѳонской горѣ было уже весьма значительно и имѣло самостоятельный бытъ... Въ XIII вѣкѣ, архимандритъ Печерскаго монастыря Досиѳей рекомендовалъ своимъ монахамъ строгую жизнь Аѳонской горы. Въ это время оттуда брали въ Россію даже епископовъ (Прибав. къ твор. св. Отцовъ. Г. VI, кн. I, стр. 134). На Аѳонѣ, говоритъ почтенный ученый, пріобрѣтался тотъ подвижническій закалъ, который такъ рельефно выразился въ стремленіи къ пустынножительству въ сѣверо-восточной Россіи. Отсюда русскіе иноки постоянно стремились на Аѳонъ, и приносили съ собою правила полнаго отрѣшенія отъ міра". (В. С. Иконниковъ. „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи", стр. 76). Книжныя богатства Аѳона были обильными источниками русской письменности. Рядъ русскихъ иноковъ, путешествовавшихъ на востокъ, начинается съ X вѣка; въ XIV и XV вѣкахъ хожденія эти становятся довольно частыми, дѣлаются потребностью, входятъ въ обычай. Епифаній, авторъ житія Сергія Радонежскаго, въ своей похвалѣ этому святому замѣчаетъ: „ради нужды нѣкія не взыска (пр. Сергій) царствующаго града ни св. Горы, ни Іерусалима, яко же азъ окаянный и лишенный разума—о люте мнѣ—ползая сѣмо и овамо и преплавая сюду и овуду и съ мѣсто на мѣсто преходя". („Прибавл. къ твор. св. от." VI, стр. 137) о подвизавшихся на Аѳонѣ кромѣ Епифанія въ XIV и XV в. см. у проф. В. С. Иконникова. „Опытъ", стр. 76—77. См. также изслѣдованіе А. С. Архангельскаго. „Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ. Ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Ч. I, стр. 19 и слѣд. О вліяніи Аѳона на русскую письменность и содѣйствіи его русскому православію—А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы. Т. I. Древняя письменность. (Спб. 1898), стр. 193, 306, 307. С. А. Бѣлокуровъ. „О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи" (М. 1898), стр. 194. А. В. Горскій. „О сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями". Прибавл. къ твор. св. отцевъ. VI, стр. 123—168; „Русскіе иноки на горѣ Аѳонской". Христіанск. Чтен. 1853. Ч. II, стр. 290—317; Д. И. Иловайскій. И. Р. Т. II, стр. 413 и друг.

[1]) „Посланіе прота и иноковъ Аѳонской горы къ великому князю Василію Васильевичу, о православіи восточной церкви и суемудріи западной, по случаю флорентійскаго собора". „Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи". 1864 годъ. Выпускъ III (Спб. 1865), стр. 28—32. Посланіе это, какъ видно изъ текста его, писано уже послѣ изгнанія Исидора изъ Москвы: „Слышахомъ (бо) отъ инокъ, иже отъ вашихъ странъ пришедшихъ и исповѣдавшихъ о благочестію вашему, яко крѣпцѣ съхраняете вѣру непорочную, отъ 7 съборъ Богомъ съставлену, нескверну и нерушиму, и того волка, а не святителя, въ кожу овчю одѣвшася, Богомъ вамъ показаннаго, отъ среды себе и стада Христова изринувше, яко скверителя непорочныя вѣры и смутителя вамъ православнымъ христіаномъ". См. также „Степенную книгу" „съ присовокупленіемъ новаго лѣтописца". CCCXIII „Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума", гдѣ помѣщена „Исторія о листрійскомъ... соборѣ", стр. 641, столб. 1.

Исидора въ Москву уже не смущался вопросомъ, какъ отнестись ему къ уніи, принесенной митрополитомъ-легатомъ, этимъ измѣнникомъ православію,—а сразу выступилъ рѣшительнымъ и горячимъ защитникомъ православія и обличителемъ Исидора, этого „волка, а не святителя", по образному выраженію знаменитыхъ аѳонскихъ анахоретовъ [1]).

Такимъ образомъ, можно съ полною увѣренностью думать, что рѣшеніе поступить съ Исидоромъ такъ, какъ и было поступлено, принято было раньше его прибытія въ Москву и что слова автора „Исторіи флорентійскаго собора", описывающаго возвращеніе Исидора въ Москву и его дѣйствія по введенію уніи и слѣпо вѣрящаго словамъ лѣтописца, что „всѣ сіи новости сильно изумили и духовныхъ и мірянъ; никто не зналъ, что и думать о видѣнномъ и слышанномъ" [2])—далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей.

Взятый подъ стражу на четвертый день послѣ своего прибытія въ Москву (въ среду крестопоклонной недѣли), Исидоръ былъ помѣщенъ на житье „за приставы" (по выраженію Псковской лѣтописи) въ Чудовомъ митрополичьемъ монастырѣ [3]). Вотъ какъ описываетъ свои дѣйствія и распоряженія самъ великій князь Василій Васильевичъ въ посланіи къ константинопольскому патріарху Митрофану: „Мы же убо сіа слышавше и видѣвше, подвигохомся преже, потомъ же надежу возложивше на непзреченныя судбы Божіа и благодарившe человѣколюбіе его, созвахомъ боголюбивыя епископы отечьства нашего, елици обрѣтошася въ тое время близъ насъ, ростовьскаго Ефрема, суздальскаго Аврамія, рязаньскаго Іону, коломеньскаго Варлама, сарайскаго Іова, пермьскаго Герасима, также архимандритовъ и игуменовъ и прочихъ священноиноковъ и иноковъ земля нашея не мало, и повелѣхомъ имъ възрѣти въ таа божественная и священнаа правила святыхъ Апостолъ и богоносныхъ Отецъ, еже пріахомъ отъ святыа великіа соборныа апостольскіа Божіа церкве греческіа, вашего истиннаго православіа, и тое принесенное его отъ папы посланіе повелѣхомъ прочитати памнозѣ. И явися всѣмъ нашимъ боголюбивымъ епископомъ русскимъ, и честнѣйшимъ архимандритомъ и преподобнымъ игуменомъ и про-

[1]) „Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи". 1864 годъ. Вып. III (Спб. 1865), стр. 29.

[2]) „Исторія флорентійскаго собора" (Москва. 1847), стр. 206.

[3]) П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 212; Длугошъ. Historiae Polonicae, Lib. XII. p. 728; И. Забѣлинъ. Исторія города Москвы. (Москва, 1902), стр. 297.

чимъ священноиноком и иноком, и всему нашему православному христіанству, яко чюже и есть и страшно отъ божественныхъ и священныхъ правилъ Исидорово все дѣло и прихожденіе“ [1]). Убѣдившись въ неправославіи Исидора, соборъ, по приказанію великаго князя, обличалъ ересь его, „яко да уярмится и отложитъ латынскія соединенія и согласія ересная, и повинется и покается, и милость получитъ“ [2]. Но митрополитъ остался вѣренъ уніи: „Исидоръ же злыя ереси латынскія насытився никакожъ не восхотѣ отлучитися отъ латынского согласія и соединенія, и ни мало повинутися восхотѣ, и непослуша великаго князя и всего священнаго собора“ [3]). Видя твердость и нераскаянность Исидора, его по прежнему оставили подъ стражей въ Чудовомъ монастырѣ, рѣшившись еще ждать отъ него покаянія и возвращенія на лоно православія. „И приставиша къ нему князь великій приставовъ своихъ, повѣствуетъ намъ Никоновская лѣтопись, и повелѣ его стрѣщи, егда како отлучится отъ латынского соединенія и согласія, и обратится и покается и милость получитъ“ [4]). На него старались подѣйствовать и угрозами, о чемъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи, акты и сказанія: грозили ему, въ случаѣ его дальнѣйшей нераскаянности созывомъ новаго великаго собора [5]) и тѣмъ, что онъ можетъ быть приговоренъ къ смертной казни чрезъ сожженіе [6]) или засыпаніе живымъ въ землю [7]). Просидѣвъ въ Чудовомъ мо-

---

[1]) А. И. Т. I. № 39, стр. 74—75; Р. И. Б. Т. VI. № 62, столб. 531.—Митрополитъ Іона въ своемъ посланіи къ смоленскому епископу Мисаилу такъ пишетъ о созывѣ собора на Исидора великимъ княземъ: „Господинъ же сынъ мой благочестивый великій князь созва свое все великое державы архіепископовъ и епископовъ, и честнѣйшихъ архимандритовъ и игуменовъ, и все великое Божіе священство, и возрѣвъ въ божественная и священная правила и изыскавъ святыхъ богоносныхъ Отецъ писаніе, уразумѣша все лукавое Исидорово къ намъ прихожденіе, и тому всему, что Исидоръ принесъ, не внятъ и не пріяша“. А. И. Т. I, № 62, стр. 111; Р. И. Б. Т. VI, № 88, столб. 661.

[2]) Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 156—157; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109.

[3]) Тамъ же, Ч. V, стр. 157; Т. VIII. стр. 109.

[4]) Никоновск. лѣт. Ч. V. стр. 157.

[5]) Степен. кн. II, стр. 75.

[6]) Густинская лѣтопись (въ двухъ мѣстахъ) повѣствуетъ о томъ, что митрополитъ Исидоръ былъ даже осужденъ духовнымъ соборомъ на сожженіе: „Онъ же шедъ въ Москву, идѣже Василій Васильевичъ ємъ всади его въ темницу, а отъ священнаго собору осужденъ быть на сожженіе“. П. С. Р. Л. Т. II, стр. 355—356.

[7]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109. Говоря о бѣгствѣ Исидора изъ Москвы, митрополитъ Іона въ своемъ посланіи къ литовскимъ епископамъ добавляетъ:

пастырь подъ стражей весну и лѣто, Исидоръ въ ночь на 15 сентября 1441 года бѣжалъ изъ Москвы [1]). Великій князь не приказалъ его преслѣдовать, предоставивъ ему полную свободу уйти изъ Руси, куда онъ знаетъ: „Никакоже не посла по немъ възвратити его, ни въсхотѣ удержати его“ ... „да не приступятся грѣси его“ [2]). Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ профессора Е. Е. Голубинскаго, что бѣгство Исидора изъ Москвы было, безъ сомнѣнія, пріятно великому князю, такъ какъ этимъ способомъ Исидоръ самъ разрѣшилъ и покончилъ весьма трудный для московскаго правительства вопросъ, какъ съ нимъ быть на будущее время и что „очень можетъ быть, что и грозили ему смертью за тѣмъ, чтобы заставить его бѣжать, при чемъ, конечно, ослабили и надзоръ такъ, чтобы дать полную возможность бѣжать“ [3]). Убѣжавъ изъ Москвы въ Тверь и будучи тамъ задержанъ тверскимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ, Исидоръ, просидѣвъ здѣсь подъ стражей, былъ великимъ постомъ выпущенъ на свободу (не безъ согласія на то великаго князя) и бѣжалъ отсюда въ Новгородокъ къ великому князю литовскому Казиміру [4]), гдѣ, пробывъ недолго, отправился

„Благовѣрный же князь великый Василій Васильевичь не посла за нимъ възвратити его, ни въсхотѣ удрѣжати его, яко немыслена и богомерзка, да не приступится къ сресн (вар. „грѣси“) его, зане бо святаа правила божественнаго закона святыхъ Апостолъ повелѣваютъ таковаго церкви развратника огнемъ сжещи, или живого въ землю засыпати“. Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 654; М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, Прилож. № 1, стр. 367. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161—162; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109. А. Поповъ. Историко литературный обзоръ. „Слово избрано отъ святыхъ писаній“, стр. 378—379.

[1]) „Сидоръ же тогда бѣснуяся... тмою своего безвѣрія облекъся, вощію бездверіемъ изшедъ, татетвомъ бѣгуятся и со ученикомъ своимъ съ Григоріемъ чернцемъ“. Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 651. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, Прилож. № 1, стр. 367; П. С. Р. Л. Т. IV (Псковск. 1-ая лѣт.), стр. 212; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161; Т. VIII, стр. 109; Псковск. лѣт., изданъ М. Погодинымъ (М. 1837), стр. 74; Новгородск. 1-ая лѣт., подъ 1442 г., стр. 421. П. Забѣлинъ. Исторія города Москвы. 1902, стр. 297. Д. И. Иловайскій. И. Р. Т. II, стр. 233.

[2]) „Слово избрано отъ святыхъ писаній“. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 378; Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 159; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109; Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 654; М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, Прилож. № 1, стр. 367.

[3]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 457, прим. 6. Митрополитъ Платонъ еще раньше высказалъ такой же взглядъ на отношеніе великаго князя къ бѣгству Исидора. См. „Краткую церковную россійскую исторію“ (Изданіе 2, Москва. 1823), Т. I, стр. 296.

[4]) Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ (М. 1837): „Въ лѣто 1442 убѣжа Митрополитъ Сидоръ съ Москвы на Тверь. Тверскій Борисъ прія его, и за приставы посади, и потомъ его отпусти въ Великій постъ на средо-

къ своему покровителю—папѣ въ Римъ [1]). „И тако, говоритъ лѣтописецъ, бѣжа къ Риму, отнюду же злаго еретичества сѣмя принесе“ [2]).

Таковъ былъ конецъ неудачныхъ и дерзкихъ попытокъ Исидора ввести флорентійскую унію въ московской Руси и такъ печально окончилось пребываніе его на каѳедрѣ русской митрополіи. Отправляясь съ флорентійскаго собора въ Россію, Исидоръ, по словамъ Симеона суздальскаго, обнадеживалъ папу увѣреніями, что ему непремѣнно удастся ввести унію въ Москвѣ, такъ какъ, по мнѣнію русскаго митрополита „вси въ моей рукѣ, вси и князи и епископи: ни единъ со мною не можетъ глаголати“ [3]) и что „князь великій младъ есть [4]), а епископи ихъ не книжни суть и боятся мене; не смѣти имъ со мною о томъ вопреки глаголати: азъ волю свою возму, а твою сотворю, латинскую вѣру пріимутъ“ [5]). Тѣмъ болѣе смущеннымъ и пристыженнымъ долженъ былъ чувствовать себя Исидоръ, бѣжавъ какъ преступникъ въ Римъ, послѣ такихъ смѣлыхъ и пышныхъ обѣщаній, совершенно не сбывшихся на дѣлѣ [6]). Описаніе флорентійской уніи мы закончимъ словами лѣтописца, повѣствующаго о томъ же событіи и дѣлающаго такую общую характеристику: „Но отъ таковаго злохитраго врага соблюде Господь

крестной недѣли, и отъ поѣде въ Литву къ Великому князю Казимиру въ Новый Городецъ“. Стр. 74. Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 159.

[1]) П. С. Р. Л. Т. V, стр. 30; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161—163; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109; Р. И. Б. Т. VI, № 87 столб. 654—655; М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, Прилож. № 1, стр. 367; „Слово избрано отъ святыхъ писаній“. А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 378. О пребываніи Исидора въ Литвѣ см. у митрополита Макарія. И. Р. Ц. Т. V, стр. 367 и проф. Голубинскаго И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 458.

[2]) П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161.

[3]) „Повѣсть Симеона суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ“. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 207.

[4]) Великій князь Василій Васильевичъ родился 10 марта 1415 г. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 87. („О рожденіи великого князя Василія“).

[5]) „Повѣсть“ Симеона суздальскаго. А. С. Павловъ. Критическіе опыты. Прилож. X, стр. 208. „Митрополитъ бо Исидоръ тако рекль папѣ, яко вси князи рустіи и люди въ моей рукѣ суть, и епископи не единъ со мною не можетъ глаголати, а самъ князь великій младъ есть, но и той въ моей волѣ есть, а инные князи вси боятся мене“. Сборникъ Спб. духовной Академіи изъ собранія Соф. рук. XVI в. № 1245. В. И. Малышевъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Прилож. № XVIII, стр. 111.

[6]) О дальнѣйшей судьбѣ Исидора послѣ его бѣгства изъ Россіи см. въ трудѣ о. Пирлинга: „La Russie et le Saint-Siège, Études diplomatiques (Paris, 1896), Chapitre II, p. 60—107.

Богъ и Пречистая Богородица святую церковь въ Русіи безнавѣтну и безмятежну обличеніемъ премудраго и Богомъ вразумляемаго великодержавнаго Василія Васильевича во благочестіи цвѣтущаго, великаго и премудраго *царя* всеа Русіи, ему же о семъ откры Господь Богъ велеумнѣ разумѣвати, и вся мудрствовати, и творити волю Божію, и вся заповѣди его хранити" [1]).

Благодаря дѣятельности великаго князя Василія Васильевича, явившагося въ почетной роли блюстителя и охранителя отеческаго правовѣрія, которое въ его державѣ было не только непоколебимо сохранено, но даже возсіяло здѣсь особеннымъ блескомъ, флорентійская унія была торжественно отвергнута.

Еще въ предшествующее время русскіе вполнѣ усвоили себѣ то воззрѣніе на латинянъ, по которому они являлись злѣйшими еретиками и исконными врагами православія [2]). Унія же еще больше укрѣпила въ сознаніи русскихъ людей того времени предосудительные взгляды на латинянъ, распространенные въ русскомъ обществѣ до нея и способствовавшіе ея отверженію, и еще болѣе воспламенила въ сердцахъ русскихъ ненависть и вражду къ латинству. „Чтобы понять все это, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей флорентійской уніи, нужно перенестись мыслію въ тотъ вѣкъ, стать на точку зрѣнія русскаго человѣка того времени. Всѣ были согласны въ томъ, что латины злые, поганые еретики, всѣ чувствовали къ нимъ крайнюю ненависть; и вдругъ эти поганые латины чрезъ

---

[1]) Ипатіевская лѣт. Ч. V, стр. 159; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 161—163; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 109. Въ Степенной книгѣ (Ч. II, стр. 11), соотвѣтственно этому сказано: „Милосердый же Господь Богъ не попусти сему единому волку погубити безчисленное стадо Христово словесныхъ овецъ истиннаго православія, и обличися безуміе того отъ богоразумнаго и Богомъ вразумляемаго, *истиннаго благочестія держателя, отъ премудраго царя Русскаго* и великаго князя Василія Васильевича". См. также Рукопись Спб. духовной Академіи изъ Софійск. собр. рукоп. № 1464, л. 392 об. В. П. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Приложенія. XIX, стр. 126. Митрополитъ Платонъ такъ заканчиваетъ описаніе флорентійской уніи: „Таковъ былъ Неидорь! Таковы были покушенія на Россійскую церковь! Тако мы Божіимъ милосердіемъ избавились отъ напасти, яко птица отъ сѣти ловящихъ. За что буди благодареніе благодѣтелю Богу, и вѣчная память великому князю Василію Васильевичу!" М. Платонъ. Краткая церковная россійская исторія". Т. I, стр. 297.

[2]) См. А. Поповъ. „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ". Гл. I, II, стр. 1—325; А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ". Гл. I—IV, стр. 1—86.

унію хотятъ поработить себѣ русскую церковь, искони сіяющую православіемъ и благочестіемъ Какъ это обидно и горько было для начинавшаго тогда развиваться національнаго самосознанія! Исидоръ является въ Москву не какъ митрополитъ, а какъ папскій легатъ и кардиналъ; своды храма пречистыя и святыя Богородицы оглашаются именемъ архіеретика папы и его нечестивымъ посланіемъ; великому князю вручается грамота, въ которой этотъ еретикъ папа, какъ бы пасмѣхаясь надъ истинными чувствами московскаго государя, проситъ его содѣйствовать дѣлу введенія уніи этого позорнаго рабства, предлагаетъ ему самому возложить на себя это ярмо" [1]. Дѣйствительно, насильственная и дерзкая попытка введенія уніи, оставила глубокій слѣдъ въ сознаніи и чувствахъ русскаго человѣка. Эти послѣдствія флорентійской уніи прекрасно формулировалъ С. М Соловьевъ „Флорентійскій соборъ и поведеніе Исидора, говоритъ знаменитый историкъ, имѣютъ важное значеніе въ нашей исторіи потому, что заставили сѣверо-восточную Русь окончательно и рѣзко высказаться насчетъ соединенія съ Римомъ: понятно, что рѣшительность московскаго правительства держаться отеческаго преданія, древняго благочестія, и не допускать никакихъ новизнъ въ церкви—принадлежитъ къ числу явленій, опредѣлившихъ будущія судьбы восточной Европы" [2].

Рѣшительное непринятіе уніи въ Москвѣ и твердое, непоколебимое намѣреніе остаться при древнемъ благочестіи есть „одно изъ тѣхъ великихъ рѣшеній, которыя на многіе вѣка впередъ опредѣляютъ судьбу народовъ" [3]. „Если борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ, борьба, предвозвѣщенная въ описываемое время Гуссомъ, опредѣлила надолго судьбы западной Европы, то борьба между католицизмомъ и православіемъ, борьба, условленная отрицутіемъ флорентійскаго соединенія въ Москвѣ, опредѣлила судьбы Европы восточной; вѣрность древнему благочестію, провозглашенная великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, поддержала самостоятельность сѣверо-восточной Руси въ 1612 году, сдѣлала невозможнымъ вступленіе на московскій престолъ польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великою, условила паденіе Польши,

[1]) Ѳ. П. Делекторскій. „Флорентійская унія и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси". Странникъ. 1893. Т. III, стр. 256—257.

[2]) С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1265.

[3]) Тамъ же, столб. 1345.

могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балканскаго полуострова“ [1]).

Въ приведенныхъ выше словахъ покойнаго историка указаны главнѣйшія (внѣшнія) послѣдствія этой неудачной попытки привлечь московскую Русь къ принятію флорентійскаго соединенія: но они далеко не могутъ быть названы ближайшими. Измѣненіе церковныхъ отношеній къ Константинополю, окончившееся полною независимостью и автокефальностью русской церкви (сперва de facto, а потомъ и de jure), преобразованіе и измѣненіе церковно-государственныхъ отношеній по новому типу, результатомъ чего является перевѣсъ государства надъ церковью и теократическій характеръ московскаго государства—вотъ ближайшія послѣдствія флорентійской уніи, имѣвшія несомнѣнно громадное вліяніе на созданіе (при благопріятныхъ историческихъ условіяхъ) тѣхъ конкретныхъ, внѣшнихъ фактовъ, которые перечисляетъ С. М Соловьевъ.

Время, слѣдовавшее за флорентійскою уніей (и послѣ вскорѣ случившагося паденія Константинополя), когда постепенно обнаруживались и сказывались ея послѣдствія, по справедливости можно назвать эпохой подъема и роста политическаго самочувствія и церковнаго самосознанія московскаго государства. Проф. В П. Малининъ справедливо замѣчаетъ: „самыя обстоятельства политической жизни тогдашней Руси были особенныя, исключительныя Флорентійская унія и паденіе Византіи... произвели сильное впечатлѣніе на умы русскихъ людей и совпали съ тѣмъ возбужденіемъ политическаго самосознанія, которое явилось слѣдствіемъ государственнаго роста Россіи“ [2]). Флорентійская унія была толчкомъ, вы

[1]) Тамъ же, столб. 1315. См. также проф. А. В. Романовичъ-Славатинскій „Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи. Сравнительно съ государственнымъ правомъ Западной Европы“ Ч. I. (Кіевъ, 1886), стр. 165: „Православная вѣра, столь отличная отъ западноевропейскихъ—латинской и нѣмецкой, составляетъ одну изъ глубокихъ коренныхъ основъ нашей русской народности...“ Ю. Ѳ. Самаринъ такъ опредѣляетъ значеніе флорентійской уніи: „Несчастный выборъ Исидора, совершившійся вопреки в. князю, и временное отпаденіе отъ православія одной части греческой церкви, ускорили давно готовившуюся и необходимую эмансипацію нашей церкви“. Сочиненія, т. V, стр. 192. См. у него же стр. 191 — 192, гдѣ высказывается взглядъ, что зависимость русской церкви отъ Константинополя и подчиненіе ея непосредственно татарскимъ ханамъ—дѣлали нашихъ первосвятителей независимыми отъ князей; —что отношенія къ Константинополю—и монгольское иго—„двѣ опоры, на которыхъ держалась независимость церкви“.

[2]) Проф. В. П. Малининъ. „Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія“. Стр. 511.

звавшимъ на Руси появленіе историко-полемическихъ сочиненій: это литературное движеніе было однимъ изъ могучихъ факторовъ въ духовномъ развитіи русскаго народа [1]).

Остановимся на разсмотрѣніи другихъ ближайшихъ послѣдствій флорентійской уніи, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ изслѣдуемому нами вопросу. „Въ человѣческой исторіи, говоритъ современный историкъ церкви профессоръ Е. Е. Голубинскій, какъ извѣстно, очень не мало совершенно неожиданнаго. Флорентійская унія имѣетъ весьма неожиданное и въ тоже время весьма важное значеніе въ исторіи русской церкви: отъ нея ведетъ свое начало новое мнѣніе русскихъ о православіи грековъ,—мнѣніе столько же съ перваго взгляда невѣроятное, сколько невѣроятно то, что именно отъ нея ведетъ начало“ [2]).

Какъ мы видѣли выше, императоръ византійскій Іоаннъ рѣшился принести православіе въ жертву политическимъ выгодамъ и спасенію гибнущаго отечества. При содѣйствіи своихъ ближайшихъ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ ему удалось достигнуть того, что греки 5 іюля 1439 года подписали актъ уніи съ папою, на требуемыхъ послѣднимъ условіяхъ. Дѣйствительно, греки соединились съ латинянами на флорентійскомъ соборѣ, не выказавъ религіозной стойкости и гражданскаго мужества. Но соединеніе это „было не искреннее, а только притворное или наружное и, продолжавшись весьма недолгое время, не только не повредило православія у гре-

---

[1]) Проф. А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“ (Спб. 1878), стр. 3. Н. Делекторскій. „Флорентійская унія и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси“. Странникъ. 1893. Т. III, стр. 258. Дальнѣйшее развитіе полемической литературы противъ латинянъ послѣ флорентійской уніи было, по справедливому и авторитетному мнѣнію проф. А. С. Павлова, обусловлено двумя „побочными обстоятельствами“: постоянными усиліями папскаго престола подчинить себѣ русскую церковь и вѣковою политическою враждою Руси московской съ сосѣдними „латинскими“ народами—Литвою и Польшею. Эти два условія особенно сильно проявились въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка. Типичнымъ юридическимъ выраженіемъ духа нетерпимости къ латинянамъ служитъ соборное опредѣленіе патріарха Филарета Никитича (1620 г.) о перекрещиваніи католиковъ, какъ „злѣйшихъ еретиковъ изъ всѣхъ, сущихъ подъ солнцемъ“; литературнымъ же памятникомъ этого направленія служатъ раскольничьи сочиненія XVII и XVIII вѣка. А. С. Павловъ. „Критическіе опыты“, стр. 3. Его же. „Происхожденіе раскольничьяго ученія объ антихристѣ“. Православ. Собесѣдн., 1858. Ч. II, стр. 138, 262; И. М. Добротворскій. „Взглядъ русскихъ раскольниковъ на римскую церковь“. Православ. Собесѣдн., 1860. Ч. I, стр. 297.

[2]) И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 458.

ковъ, а напротивъ еще болѣе укрѣпило ихъ въ привязанности къ нему" [1]). Великій екклесіархъ и дикеофилаксъ Сильвестръ Сиропулъ, присутствовавшій на соборѣ и написавшій его исторію, говоритъ, что большинство членовъ собора подписалось подъ актомъ уніи съ стенаніемъ и плачемъ въ глубинѣ сердца (ἐν μυθοῖς καρδίας στένοντες καὶ δακρύοντες οἱ πλείους ὑπεγράφομεν [2]). Уже на другой день послѣ подписанія уніи, 6 іюля, когда совершено было торжественное обнародованіе акта соединенія въ флорентійскомъ соборномъ храмѣ, послѣ чего папа служилъ торжественную литургію, никто изъ греческихъ епископовъ, несмотря на желаніе римскаго первосвятителя, не хотѣлъ служить вмѣстѣ съ латинянами и никто изъ грековъ не пріобщался опрѣсноковъ [3]). Когда же греческіе епископы, возвращаясь съ собора домой, прибыли въ Венецію, дожъ которой изъявилъ желаніе видѣть чинъ греческаго богослуженія, императоръ, удовлетворяя это желаніе дожа, только послѣ многочисленныхъ просьбъ могъ принудить старшаго изъ епископовъ – митрополита праклійскаго совершить литургію въ соборѣ св. Марка. Но митрополитъ совершалъ службу на греческомъ антиминсѣ и съ греческими церковными сосудами, при чемъ во время богослуженія не было упоминаемо папское имя и символъ вѣры былъ читанъ безъ прибавленія [4]). А когда епископы возвратились съ собора въ Константинополь (1 февраля 1440 года), то первымъ вопросомъ къ нимъ, когда они, сойдя съ галеръ, вступили на берегъ, было: „чѣмъ кончился соборъ, одержали ли мы верхъ"? Митрополитъ праклійскій и за нимъ всѣ другіе отвѣчали: „мы продали нашу вѣру, промѣняли благочестіе на нечестіе и, предавъ чистую жертву, сдѣлались азимитами: да отсѣчется рука, подписавшая, да исторгнется языкъ, изрекшій исповѣданіе" [5]). Въ приведенныхъ фактахъ нельзя не видѣть того обстоятельства, что представители духовенства восточной церкви, ѣздившіе на ферраро-флорентійскій соборъ, засвидѣтельствовали, что ими дано было согласіе на унію не искреннимъ, но лишь притворнымъ образомъ и что большинство ихъ вскорѣ отка-

---

[1]) Проф. Е. Е. Голубинскій. „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами". Чтенія въ И. О. Н. и Д. 1896. К. I, стр. 9. Настоящая статья почтеннаго ученаго принадлежитъ къ ряду статей, напечатанныхъ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ издаваемомъ при Московской Духовной Академіи „Богословскомъ Вѣстникѣ", 1892. К. I—V.

[2]) Syropul. X, VIII, 292. (Цитировано у Голубинскаго).

[3]) „Исторія флорентійскаго собора", стр. 175—176.

[4]) Syropul. XI, IV, 318. Чт. въ И. О. Н. Д. 1896, I, стр. 10, прим. 2.

[5]) P. C. C. S. G. P. T. CLVII, col. 1013.

залось отъ этой уніи [1]). Но императоръ Іоаннъ Палеологъ, видѣвшій въ уніи и союзѣ съ римскимъ папою единственную надежду спасенія для гибнущей имперіи, до самой своей смерти [2]) не отказывался отъ уніи и всѣми средствами способствовалъ тому, чтобы на патріаршій престолъ Константинополя ставились бы сторонники флорентійскаго соединенія [3]).

Профессоръ Е. Е. Голубинскій, ссылаясь на Сиропула (X. VI, 288), думаетъ, что императоръ содержалъ унію, „несомнѣнно притворнымъ образомъ", лишь съ своими патріархами, и съ нѣсколькими епископами, которыхъ могли поставить послѣдніе, и съ немногими изъ своихъ приближенныхъ [4]); большинство же духовенства и народа враждебно относилось къ ненавистной уніи. Извѣстно, что, когда епископы возвратились съ собора домой, то духовенство Константинополя не соглашалось служить даже съ тѣми изъ нихъ, которые, раскаявшись въ своемъ согласіи на соединеніе, представляли въ свое оправданіе, что были увлечены къ тому неволею [5]. Патріархи же александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій, узнавъ

[1]) Чт. въ И. О. И. и Д. 1896, I, стр. 10.

[2]) Іоаннъ умеръ 31 октября 1448 года.

[3]) На мѣсто патріарха Іосифа, умершаго во Флоренціи (10 іюня 1439 г.), былъ императоромъ поставленъ въ патріархи 4 мая 1440 года Митрофанъ кизическій, изъявившій свое согласіе на признаніе уніи, а послѣ его смерти (1 августа 1443 г.) протосинкеллъ Григорій Мамма, о которомъ было упомянаемо нами выше. Въ одномъ изъ списковъ „Повѣсти" Симеона суздальца (въ спискѣ Undольскаго № 711, л. 20) разсказывается о судьбахъ флорентійской уніи въ Греціи. Между прочимъ здѣсь говорится: „Царя Ивана не замедли Божія месть живота лишити: идый бо отъ богомерзкаго противнаго того собора на корабли, и ту вскорѣ умре, его же земля трижды погребена изверже, и тѣло его отъ песъ съѣдено бысть. И тако пріобщающихся латинстей прелести, не попустилъ имъ (патріарху и императору) Богъ и Царьскаго града видѣти". О кончинѣ же патріарха Іосифа выше сказано такъ: „Патріарха же Іосифа Божій судъ постиже, и жити не попусти на томъ проклятомъ соборѣ и живота лишися, идѣже и погребенъ бысть въ латынскомъ костелѣ..." Проф. А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ", стр. 101—105; Ѳ. И. Делекторскій: „Критико-библіографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о флорентійской уніи". Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть CCC, 1895, іюль, стр. 168. О мѣстѣ погребенія патріарха Іосифа см. также „Бумаги флорентинскаго центральнаго архива касающіяся до Россіи. Итальянскіе и латинскіе подлинники, съ русскимъ переводомъ графа М. Д. Бутурлина". Ч. II (Москва, 1871). № XCV. „Конія буллы папы Евгенія IV, отъ 6 іюля 1439 г. о присоединеніи восточной и западной церквей", стр. 329, прим. 3.

[4]) „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами", стр. 11.

[5]) Syropul. XII. I и друг. источн. (Чт. въ И. О. И. и Д. 1896, I, стр. 11, прим. 2). Объ отношеніи народа къ уніи мы отчасти можемъ судить по той

о принятіи уніи съ папою епископами, бывшими на соборѣ и о томъ, что возведенный императоромъ на патріаршую каѳедру Константинополя горячій сторонникъ уніи Митрофанъ ставитъ въ епископы своихъ единомышленниковъ, собрались въ началѣ 1443 года на соборъ въ Іерусалимѣ и произнесли свое осужденіе уніи и объявили всѣхъ митрополитовъ, епископовъ и прочихъ духовныхъ, поставленныхъ Митрофаномъ по единомыслію съ нимъ въ ереси, лишенными своихъ церковныхъ степеней и всякаго права священнодѣйствовать [1]). Унія въ Константинополѣ находилась въ такомъ положеніи, что даже не была обнародована въ немъ формальнымъ образомъ во все правленіе императора Іоанна. Преемникъ папы Евгенія IV—Николай V писалъ въ октябрѣ 1451 года послѣднему византійскому императору Константину Палеологу: „Ecce jam tot annos transiere, ex quo ista facta sunt, (т. е. заключена унія) et tamen apud Graecos unionis hujusmodi decretum silentio tegitur“ [2]). Изъ дошедшихъ до насъ историческихъ памятниковъ видно, что даже въ Москвѣ было извѣстно, что въ Константинополѣ унія съ Римомъ была признаваема и содержима императоромъ и патріархомъ съ весьма немногими ихъ единомышленниками. Митрополитъ Іона въ своемъ посланіи (писанномъ по мнѣнію проф. А. С. Павлова прежде 31 января 1451 г.) кіевскому князю Александру Владиміровичу о поставленіе своемъ въ санъ митрополита, съ убѣжденіемъ охранять въ Литвѣ православіе и съ просьбою содѣйствовать возсоединенію кіевской митрополіи съ московскою [3]), замѣчаетъ: „А самъ, сыну вѣси, чтоже Божіею милостію и благодатію, опрично зборныя церкви Святыя Софѣя и царевы полаты, въ Цариградѣ ни въ монастырѣхъ, ни въ единой ни въ которой Божьей церкви, въ всемъ Цариградѣ, и во всей Святѣй горѣ, нигдѣже не поминается папино имя, а держатъ вси милостію Божьею ту добрую старину, еже по Божью повелѣнію отъ святыхъ Апостолъ и отъ богоносныхъ Отецъ, по священнымъ правиломъ и по всему божественному писанію намъ преданную; а наболше, сыну, вамъ то слышится отъ оттуду приходящихъ къ вамъ человѣкъ, понеже сыну, къ вамъ ближе есть отъ насъ та страна“ [4]).

вражду, съ которою онъ встрѣтилъ ея возобновленіе спустя 12 лѣтъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

[1]) Исторія флорент. собора, стр. 190.

[2]) Посланіе папы Николая V (въ латинскомъ подлинникѣ съ греческимъ переводомъ) находится въ P. C. C. S. G. P. T. CLX. col. 1208—1209.

[3]) А. И. Т. I, № 47, стр. 94—96. Р. И. Б. Т. VI, № 66, столб. 555—564.

[4]) А. И. Т. I, № 47, стр. 94—95; Р. И. Б. Т. VI, № 66, столб. 558—559. Нѣкоторые принимаютъ, что въ 1440 году состоялся въ Константинополѣ соборъ

Принято думать, что преемникъ Іоанна Константинъ Палеологъ, послѣдній императоръ Византіи, тотчасъ послѣ вступленія на престолъ (6 января 1449 года) объявилъ себя сторонникомъ православія и противникомъ уніи, но что въ 1451 году, устрашенный рѣшительными приготовленіями турокъ къ завоеванію Константинополя, онъ былъ вынужденъ обратиться къ папѣ съ предложеніемъ о возобновленіи и возстановленіи уніи, такъ какъ этимъ способомъ надѣялся получить помощь и защиту отъ страшныхъ враговъ. Вѣроятнѣе и основательнѣе думать о Константинѣ, что онъ, подобно своему предшественнику, держался уніи, но въ 1451 году, уступая требованіямъ духовенства и народа, отказался отъ нея и возстановилъ православіе; но это продолжалось недолго, такъ какъ императоръ, желая получить помощь противъ турокъ, обратился въ 1451 году къ папѣ Николаю V съ просьбою о возстановленіи уніи [1]). Результатомъ этого предложенія было прибытіе въ Константинополь бывшаго русскаго митрополита Исидора (въ ноябрѣ 1452 года) и торжественное возстановленіе 12 декабря того же года уніи съ папою въ храмѣ св. Софіи [2]).

изъ архіереевъ и многихъ клириковъ, который подалъ императору Ἀπολογίαν καὶ ἀναφορὰν περὶ τῆς ἐν Φλωρεντίᾳ συνόδου, напечатанную патріархомъ іерусалимскимъ Нектаріемъ въ его Ἀντίῤῥησις'ѣ περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ πάπα, стр. 233—236. Объ этомъ см. въ статьѣ проф. Е. Е. Голубинскаго. „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами", стр. 12, примѣч. 1.

[1]) Если бы Константинъ тотчасъ по вступленіи на престолъ объявилъ себя за православіе, то онъ долженъ бы былъ немедленно низложить съ патріаршей каѳедры уніата Григорія Мамму. Между тѣмъ низведеніе Григорія со всею вѣроятностью должно быть относимо къ 1451 году, когда онъ въ августѣ этого же года бѣжалъ или былъ изгнанъ изъ Константинополя. Проф. Е. Е. Голубинскій. „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами", стр. 12, прим. 2, гдѣ приведены свидѣтельства источниковъ и соображенія по этому вопросу.

[2]) P. C. C. S. G. P. T. CLVII. Ducae. Historia Byzantina. Cap. XXXVI, col. 1057, 1060. „Этотъ фактъ (единеніе восточной церкви съ западной), справедливо замѣчаетъ проф. А. П. Лебедевъ, принадлежитъ къ самымъ печальнымъ въ исторіи жизни послѣдняго византійскаго императора. Что ни говорили бы въ защиту его, все же послѣдній православный византійскій государь былъ измѣнникомъ православія. Ренегатство это было тѣмъ позорнѣе, чѣмъ менѣе оно было искренно. Вотъ слова, которыми императоръ и единомышленныя съ нимъ лица успокаивали не желающую уніи толпу; они говорили: „потерпите немного, подождите, чтобы Богъ избавилъ столицу отъ великаго дракона (турокъ), который хочетъ пожрать насъ, тогда вы увидите: искренно ли наше примиреніе съ азимитами" (P. C. C. S. G. P. T. CLVII, col. 1061). А. П. Лебедевъ. „Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка" (Москва, 1892), стр. 639.

Современникъ этихъ событій греческій историкъ Дука такъ описываетъ это возстановленіе уніи. Онъ сообщаетъ, что и тѣ немногіе, которые желали возстановленія уніи и приняли ее, желали и приняли, со включеніемъ и самого императора, только наружнымъ и притворнымъ образомъ, изъ-за нужды получить отъ папы и при его посредствѣ помощь противъ турокъ [1]). 12-го же декабря, въ то самое время, когда Исидоръ совершалъ въ храмѣ св. Софіи церемонію возстановленія уніи, народъ воодушевленный противъ посѣщеннаго знаменитымъ Геннадіемъ, бывшимъ сановникомъ Георгіемъ, Схоларіемъ, ходилъ по городу и кричалъ анаѳему принявшимъ и имѣющимъ принять унію, кричалъ, что не хочетъ помощи латинянъ ни соединенія съ ними, и что пусть исчезнетъ служба азимитовъ [2]). Послѣ же 12 декабря народъ пересталъ ходить въ храмъ св. Софіи, чтобы не осквернияться, и началъ смотрѣть на него, какъ на прибѣжище демоновъ (ὡς καταφύγιον δαιμόνων), какъ на языческое капище и какъ на іудейскую синагогу [3]). Священники, бывшіе противъ уніи, строжайше воспрещали мірянамъ имѣть общеніе съ священниками, принимавшими унію и говорили, что они не священники и что приносимая ими евхаристія не есть евхаристія. Если же священникъ-уніатъ являлся на похороны или на поминовеніе усопшихъ, то священники неуніаты, тотчасъ, сбросивъ ризы, бѣжали какъ отъ огня [4]). Народъ не хотѣлъ причащаться отъ священниковъ уніатовъ, говоря, что это значило бы получать не освященіе, а осквернение, и смотрѣлъ на церкви, въ которыхъ служили такіе священники, какъ на языческія капища [5]). На представленіе, что унія съ папою есть единственное средство спасенія Константинополя отъ турокъ, народъ отвѣчалъ, что лучше желаетъ видѣть господствующею въ немъ турецкую чалму, чѣмъ латинскую шляпу (Κρεῖττόν ἐστιν εἰδέναι ἐν μέσῃ τῇ πόλει φακιόλιον βασιλεῦον Τούρκων ἢ καλύπτραν Λατινικήν) [6]).

[1]) Ibid., col. 1057, 1060—1061.

[2]) Ibid., col. 1057, 1060.

[3]) P. C. C. S. G. P. T. CLVII, col. 1065, 1072, 1104.

[4]) Ibid., col. 1065.

[5]) Ibid., col. 1062.

[6]) P. C. C. S. G. P. T. CLVII, col. 1072. Чтобы показать всю необычайно сильную вражду и отвращеніе грековъ къ латинянамъ и принесенной ими уніи, Дука говоритъ, что когда по взятіи Константинополя турками народъ, ища спасенія отъ ихъ меча, собѣжался въ храмъ св. Софіи, то если бы и тогда сошелъ ангелъ съ неба и сказалъ: „примите унію и прогоню враговъ изъ города", народъ не принялъ бы уніи. Ibid., col. 1104. Чт. въ И. О. П. и Д., 1896.

Послѣ же паденія Константинополя (29 мая 1453 года) у грековъ не осталось даже и слѣдовъ уніи; они, какъ бы показывая непримиримую вражду къ ненавистной и „ставшей теперь совсѣмъ безполезною для нихъ уніи“ [1]), избрали себѣ въ патріархи знаменитаго Геннадія Схоларія, который и раньше былъ горячимъ и искреннимъ противникомъ соединенія съ Римомъ [2]).

Итакъ греки не могли заразиться латинскими ересями и погрѣшностями, такъ какъ значительное большинство народа и духовенства на самомъ дѣлѣ вовсе не принимало уніи и отнеслось къ ней съ нескрываемой враждой [3]); но хотя греки и остались вполнѣ православными, тѣмъ не менѣе у насъ на Руси весьма скоро послѣ флорентійскаго собора было провозглашено, что унія повредила у грековъ чистоту православія, и что съ этого времени истинное православіе осталось только у насъ русскихъ [4]). „Истинную причину нашего новаго взгляда на грековъ, представляющагося столько неожиданнымъ и непонятнымъ, составляло то, что мы -русскіе, бывъ

I, стр. 14. О враждебномъ отношеніи грековъ къ латинянамъ см. II главу сочиненія профессора А. П. Лебедева „Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка“ (Москва, 1892), стр. 79—133.

[1]) Чт. въ И. О. И. и Д. 1896, I, стр. 16.

[2]) О горячей и неустанной проповѣди Геннадія противъ уніи см. Ducae. Historia Byzantina. Cap. XXXVI и XXXVII. P. G. C. S. G. P. T. CLVII, col. 1057. 1065. 1072.

[3]) Объ этомъ см. Чт. въ И. О. И. и Д. 1896, I, стр. 16.

[4]) Взглядъ на поврежденность православія у грековъ отъ времени флорентійскаго собора былъ сохраняемъ до патріарха Никона и именно это ошибочное мнѣніе о православіи грековъ было, по мнѣнію профессора Е. Е. Голубинскаго, причиной, произведшей у насъ при этомъ патріархѣ расколъ старообрядчества. И. Р. П. Т. II. II. I. стр. 160 и слѣд. „Въ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, стр. 3—5, 49 (Чт. въ И. О. И. и Д. 1896, I); „Богословскій Вѣстникъ“, 1892. Т. I, стр. 45, 277. См. также „Богословскій Вѣстникъ“. 1892. III. „Арсеній Сухановъ“ (Рѣчь, произнесенная 27 октября 1891 г. предъ защитою диссертаціи С. Бѣлокуровымъ), стр. 525: „Одна изъ его (Арсенія Суханова) рукописей вся состоитъ изъ произведеній, направленныхъ противъ латинянъ, изъ сказаній о нихъ, а также и о флорентійскомъ соборѣ, имѣвшемъ такое большое значеніе для образованія у древне-русскихъ людей извѣстныхъ взглядовъ на грековъ“. „Неудавшаяся попытка греческаго императора Іоанна Палеолога и константинопольскаго патріарха Іосифа вовлечь русскую церковь въ унію съ Римомъ на флорентійскомъ соборѣ и измѣна православію приставшаго изъ Константинополя митрополита Исидора, еще болѣе вооружила русскихъ противъ Константинополя: *она поселила въ русскихъ православныхъ людяхъ недовѣріе къ чистотѣ православія грековъ* и была рѣшительнымъ побужденіемъ къ образованію въ Россіи самостоятельной митрополіи“ Св. П. Никлаевскій. „Учрежденіе патріаршества въ Россіи“ (Спб. 1880), стр. 28.

народомъ безъ дѣйствительнаго просвѣщенія, образовали себѣ своеобразные взгляды на чистоту истиннаго православія, которые, во-первыхъ, привели насъ къ такой компликаціи, что мы должны были обвинить въ отступленіи отъ чистоты православія или грековъ или самихъ себя, и которые, во-вторыхъ, давали намъ право видѣть отступниковъ отъ чистоты православія именно въ грекахъ" [1]. Это произошло вслѣдствіе образовавшихся у нашихъ предковъ взглядовъ на церковные обряды и вообще на церковно-обрядовую внѣшность. Остановимся вкратцѣ на уясненіи этого процесса [2]. Мы приняли христіанство отъ грековъ въ то время, когда у нихъ не вполнѣ прекратилось разнообразіе церковно-богослужебныхъ обрядовъ; такое же разнообразіе перешло и къ намъ. При отсутствіи истиннаго просвѣщенія въ то время, предки наши должны были вдаться въ ту крайность, чтобы усвоить обрядамъ весьма преувеличенное значеніе, приравнявъ ихъ къ догматамъ вѣры [3]. Дѣйстви-

---

[1]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 460. См. также у него же въ статьяхъ „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами". „Богословскій Вѣстникъ", 1892. Т. I, стр. 47 и слѣд.

[2]) Задачи нашего труда не позволяютъ намъ подробно остановиться на разсмотрѣніи этого важнаго вопроса. Прекрасное и обстоятельное изслѣдованіе его мы находимъ въ рядѣ статей, принадлежащихъ перу профессора Е. Е. Голубинскаго, подъ заглавіемъ „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами". „Богословскій Вѣстникъ", 1892. Т. I, „Общіе вопросы", стр. 45—76; 277—312; 485—506. Т. II, „Частные вопросы", стр. 31—72; 197—223. Чт. въ И. О. И. и Д. 1896, I, стр. 1—49. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 460 и слѣд.

[3]) Этотъ процессъ прекрасно изображаетъ П. Н. Милюковъ. „Идя другъ другу на встрѣчу, пастыри и паства древней Руси остановились, наконецъ, на довольно сходномъ пониманіи религіи, одинаково далекомъ отъ исходныхъ точекъ и отъ аскетическихъ увлеченій подвижниковъ и отъ языческаго міровоззрѣнія массы. Пастыри все болѣе привыкали отождествлять сущность вѣры съ ея внѣшними формами; съ другой стороны, масса, не усвоившая первоначально даже и формъ вѣры, теперь научилась цѣнить ихъ и, по самому складу своего ума, стала приписывать имъ то таинственное, символическое значеніе, какое имѣли въ ея глазахъ и обряды стариннаго народнаго культа. Такимъ образомъ *обрядъ* послужилъ той серединой, на которой сошлись верхи и низы русской религіозности: верхи—постепенно утрачивая истинное понятіе о содержаніи,—низы, постепенно пріобрѣтая приблизительное понятіе о формѣ". „Очерки по исторіи русской культуры". Ч. II, Изданіе 2, (Спб. 1899), стр. 18. См. также изслѣдованіе В. Жмакина. „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія" (Москва, 1881), стр. 10—12; А. П. Щаповъ. „Русскій расколъ старообрядства", (Казань, 1859), стр. 23—25. О такомъ же направленіи въ полемической литературѣ—А. Н. Поповъ. „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ" (М. 1875), стр. V. А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ ла-

тельно, въ болѣе ранній періодъ (послѣ принятія христіанства до нашествія монголовъ) мы еще не доходили до той крайности, чтобы смотрѣть на обряды, какъ на догматы, и чтобы съ этой точки зрѣнія смотрѣть на разнообразіе ихъ формъ, а потому, перешедшее къ намъ отъ грековъ разнообразіе обрядовъ, спокойно существовало у насъ, не смущая совѣсти вѣрующихъ. Но послѣ нашествія монголовъ, „когда, по словамъ профес. Е. Е. Голубинскаго, ослабѣло вліяніе грековъ и всякія другія вліянія, когда на московскомъ сѣверѣ мы стали народомъ какъ бы удалившимся за горы и стѣну отъ всѣхъ другихъ народовъ и настолько обособились сами въ себѣ, что стали представлять изъ себя какъ бы европейскій Китай, развитіе крайнихъ взглядовъ должно было пойти незадержанно и быстро дойти до своего конца“[1]. Когда же обряды были уже приравнены къ догматамъ вѣры, было найдено невозможнымъ существованіе одного и того же обряда въ нѣсколькихъ формахъ, и были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы привести обряды къ единообразію, такъ чтобы между нѣсколькими формами обрядовъ, (существовавшихъ не въ одной формѣ), лишь одну форму признать за правильную и православную, другія же -за неправильныя и неправославныя. Относительно же нѣкоторыхъ многоформенныхъ или многообразныхъ обрядовъ случайно произошло такъ, что у насъ были признаны правильными и православными не тѣ формы, какія вошли въ господствующее употребленіе у грековъ, у которыхъ также съ теченіемъ времени вводилось единообразіе, хотя и не по тѣмъ побужденіямъ какъ у насъ, такъ какъ греки не смотрѣли на обряды, какъ на догматы вѣры. Замѣчая между греками и собою различіе въ обрядахъ (напр. двоеперстное и троеперстное крестное знаменіе, двоеніе и троеніе аллилуіи и др.), которымъ они уже придавали значеніе догматовъ, русскіе естественно должны были придти къ вопросу—кто же при этомъ отступилъ отъ чистоты православія, такъ какъ одна изъ формъ должна была быть признана православной, а другая—неправославной. А такъ какъ русскіе того времени не могли признать отступниками отъ православія себя и своихъ отцовъ, потому что они относились къ церковной обрядности съ гораздо большимъ уваженіемъ, нежели какое замѣчали у грековъ,—то послѣдніе и стали въ глазахъ нашихъ предковъ отступниками

тинянъ“ (Спб. 1878), стр. 4—5. У него же приводится взглядъ патріарха Фотія въ его извѣстномъ окружномъ посланіи (867 г.) о связи догматовъ съ обрядами. „Критическіе опыты...“, стр. 15—16.

[1]) И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 461.

отъ чистоты истиннаго, древняго православія; а такъ какъ этотъ вопросъ возникъ у русскихъ тотчасъ же послѣ флорентійскаго собора, то и образовалось мнѣніе, что этотъ соборъ повредилъ у грековъ чистоту православія. Такимъ образомъ флорентійскій соборъ явился первымъ случаемъ, на который сослались русскіе и объявили, что у грековъ повреждена чистота истиннаго православія и что у насъ на Руси большее православіе и высшее христіанство нежели въ Греціи, или что мы -русскіе болѣе благочестивый и православный народъ, чѣмъ греки. „Люди московскаго царства, глубоко вѣрно говоритъ академикъ А. Н. Пыпинъ, въ концѣ концовъ стали считать себя избраннымъ народомъ, представителями истиннаго христіанства,—и съ крайней нетерпимостью относились ко всему неправославному, считая его почти нехристіанскимъ“ [1].

Нельзя не согласиться съ глубоко вѣрнымъ мнѣніемъ профессора Е. Е. Голубинскаго, что мнѣніе, разъ пущенное на достаточномъ, повидимому, основаніи, послѣ можетъ уже и не нуждаться въ особенно достаточныхъ основаніяхъ; а случилось же такъ, что первая ссылка на флорентійскій соборъ являлась „какъ будто на самомъ дѣлѣ основательною“ [2]. Мы объявили грековъ отступниками отъ чистоты истиннаго православія безъ достаточной съ ихъ стороны вины. Съ большею вѣроятностью надо думать, что въ данномъ случаѣ греки жестоко поплатились за свои другія прегрѣшенія и проступки предъ нашими предками. Смѣшавъ обряды съ

---

[1] „Исторія русской литературы“. Т. I. Древняя письменность (Спб. 1898), стр. 194.

[2] И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 462. Къ этой первой причинѣ такого мнѣнія о православіи грековъ вскорѣ присоединились и другія: наши предки стали говорить, что турки, поработившіе грековъ, повредили ихъ богослужебныя книги, или же, что эти книги испортили у нихъ латиняне, когда греки послѣ паденія Константинополя бросились съ рукописями въ западныя страны, или когда начали печатать свои книги въ этихъ латинскихъ земляхъ. О первомъ конкретномъ случаѣ такой ссылки на флорентійскій соборъ (по поводу двоенія или троенія аллилуіи) см. у проф. Голубинскаго, И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 462—464. О громадныхъ послѣдствіяхъ взгляда нашихъ предковъ, что флорентійскій соборъ повредилъ у грековъ чистоту истиннаго православія, что у насъ на Руси большее православіе и высшее христіанство, чѣмъ въ Греціи, и что мы—русскіе лучшій и болѣе благочестивый православный народъ, чѣмъ греки, мы обстоятельно скажемъ ниже (въ III главѣ нашего изслѣдованія), такъ какъ воззрѣніе на Москву, какъ на третій православный Римъ, выработалось у нашихъ книжныхъ людей уже со времени паденія Константинополя, когда „вся христіанская (православная) царства пріидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего (русскаго) государя“.

догматами, приравнявъ первые къ послѣднимъ, мы увидѣли, что розниmся въ обрядахъ съ греками и для насъ возникалъ важный вопросъ, кто изъ насъ двоихъ—мы или греки, уклонились съ пути истины. Если бы греки сохраняли все свое вліяніе на насъ и ихъ нравственный авторитетъ въ глазахъ нашихъ предковъ не былъ подорванъ, то, очень можетъ быть, что мы, будучи учениками, а не учителями грековъ, пришли бы къ другому рѣшенію и не обвинили бы грековъ въ отступленіи отъ чистоты истиннаго православія; дѣло могло бы кончиться далеко не такъ, какъ оно кончилось [1]).

Но случилось такъ, что въ то самое время, когда намъ предстояло рѣшеніе этого вопроса, греки позволили себѣ по отношенію къ намъ такія дѣйствія, которыя, глубоко возмутивъ и оскорбивъ русскихъ, совершенно подорвали довѣріе къ нашимъ учителямъ и до основанія потрясли ихъ нравственное вліяніе на ихъ учениковъ. Дѣла, которыя такъ дискредитировали грековъ въ глазахъ русскихъ, были: поставленіе въ митрополиты Кипріана при жизни м. Алексія, столь уважаемаго и любимаго архипастыря и особенно „вопіющее дѣяніе“ (по вѣрному выраженію проф. Е. Е. Голубинскаго) [2])—поставленіе въ митрополиты самозваннаго кандидата Нимена и образъ дѣйствій грековъ во время замѣшательствъ на каѳедрѣ русской митрополіи послѣ смерти митрополита Алексія.

Это заставляетъ насъ возвратиться нѣсколько назадъ и, хотя бѣгло, коснуться указанныхъ выше событій, вызвавшихъ, по свидѣтельству же самихъ грековъ, ненависть, презрѣніе и брань къ нимъ со стороны русскихъ, поколебавшихъ окончательно довѣріе къ грекамъ и способствовавшихъ росту собственнаго національнаго самосознанія.

Неожиданное и невѣроятное событіе—назначеніе на мѣсто здравствующаго митрополита Алексія другого митрополита Кипріана—было встрѣчено некрепнимъ и единодушнымъ негодованіемъ и возмущеніемъ русскаго народа [3]). Вотъ какъ объ этомъ говорятъ

[1]) Проф. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I. стр. 468.

[2]) И. Р. Ц. Т. II. П. I. стр. 468.

[3]) Мы не касаемся исторіи назначенія Кипріана на мѣсто митрополита Алексія, предшествовавшихъ этому просьбъ Ольгерда, пріѣзда патріаршихъ апокрисіаріевъ и пр. Объ этомъ см. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I. стр. 209—215. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 59—61. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія. (Памятники русскаго каноническаго права XIII—XV в., сохранившіеся въ греческомъ подлинникѣ), № 30. 1380 г. въ іюнѣ. „Соборное опредѣленіе патріарха Нила о незаконномъ поставленіи Кипріана въ митрополита кіевскаго и объ усвоеніи этого титула новопоставленному митрополиту Великой Руси Нимену“. (Изъ Acta Patriarchatus. t. II. p. 12—18). столб. 165—184.

греческіе памятники: „Всѣ считали его (митрополита Алексія) отцомъ и называли спасителемъ народа, всѣ стояли за него своею головой, а на митрополита Кипріана, какъ безчестно поступившаго противъ святаго мужа, произносили страшныя проклятія (κατηρῶντο ἀφ' ὑψηλοτάτου). Сильное негодованіе и не малое волненіе и смятеніе народное, возбужденное этимъ дѣломъ по всей русской землѣ, утишено было непрестанными внушеніями и совѣтами митрополита Алексія, обращенными и ко всѣмъ вообще и къ каждому порознь. Отправлены грамоты и къ нашей святѣйшей Великой Церкви, Болгіей, съ жалобою на облако печали, покрывшее ихъ очи, вслѣдствіе поставленія Кипріана, и съ просьбою къ божественному собору о сочувствіи, состраданіи и справедливой помощи противъ постигшаго ихъ незаслуженнаго оскорбленія (ἀδίκου ἀτιμίας)“ [1]).

„Совершенно невѣроятный случай поставленія новаго митрополита на мѣсто живаго св. Алексія дѣйствительно долженъ былъ произвести во всей русской -московской землѣ самое сильное, какое только можно представить себѣ, волненіе. Алексій пользовался въ своей московской Руси необыкновеннымъ уваженіемъ, и какъ пастырь святой жизни, и какъ государственный мужъ, оказавшій отечеству величайшія услуги,—и вдругъ, когда онъ доживалъ свои послѣдніе дни, украшая собою страну и составляя ея гордость и славу, является на Русь нѣкій болгаринъ (каковъ былъ Кипріанъ), какъ то доставшій себѣ санъ митрополита въ Константинополѣ чтобы съ безчестіемъ свести Алексія съ его мѣста!..“ [2]).

Еще болѣе невыгодную характеристику грековъ съ нравственной стороны представляетъ собою эпизодъ поставленія на каѳедру русской митрополіи самозванца Пимена. Случай этотъ, оставившій такой глубокій слѣдъ въ сознаніи русскихъ, жизненно и правдиво рисуетъ отношенія грековъ къ дѣламъ русской митрополіи вообще, и потому мы считаемъ нужнымъ, въ виду его особенной важности и научнаго интереса, остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Послѣ смерти митрополита Алексія, котораго въ свое время какъ не грека, а русскаго, несмотря на ходатайство великаго князя и

[1]) Р. И. Б. Т. VI, Приложенія, № 30, столб. 173—174.

[2]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 215. Митрополитъ Платонъ, говоря о назначеніи Кипріана митрополитомъ на Русь при жизни Алексія, дѣлаетъ такую оцѣнку дѣятельности константинопольскаго патріарха: „Сія поступка патріархова весьма предосудительна, и никакъ ее оправдать невозможно“. „Краткая церковная россійская исторія“. (Изданіе 2-ое. Москва, 1823). Т. I, стр. 196.

митрополита -грека Θеогноста [1]) въ Константинополѣ не хотѣли поставить въ русскіе митрополиты, а согласились поставить лишь „послѣ надлежащаго самаго тщательнаго испытанія въ продолженіи почти цѣлаго года (ἐξετάσει δεδωκότες ἀκριβεστάτῃ ἐτὶ ὁλόκληρον ἔτος ἐνιαυτόν)", продержавъ его для этого въ Константинополѣ [2]): — вещи

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 27: „Потомъ же паки пресвященный митрополитъ Θеогностъ и епископомъ поставляетъ его (Алексія) своима рукама граду Владимерю, декабря 6, и посылаютъ о немъ князь великій Семенъ и митрополитъ Θеогностъ послы своа въ Царьгородъ, къ царю и патріарху, просяще того Алексѣя по Феогностовѣ животѣ митрополитомъ на Русскую землю, и абіе царь и патріярхъ сътворяютъ волю ихъ". Проф. Е. Е. Голубинскій, говоря объ этомъ ходатайствѣ великаго князя и митрополита, замѣчаетъ по поводу его результатовъ: „Къ этому, митрополитъ Θеогностъ былъ грекъ и—выражаясь тривіальнымъ языкомъ—долженъ былъ знать въ Константинополѣ всѣ входы и выходы, т. е. долженъ былъ знать, какими путями вести тамъ дѣло, чтобы добиться успѣха". И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 176.

[2]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 9. 1354 г. іюня 30. „Настольная грамота патріарха Филоѳея владимірскому епископу Алексію на митрополію кіевскую и всея Руси". (Изъ Acta Patriarchatus, t. I, p. 336—340), столб. 41—52. Эта грамота является интереснѣйшимъ документомъ, характеризующимъ отношенія грековъ къ русской митрополіи. Въ ней, патріархъ Филоѳей, упомянувъ о прекрасной рекомендаціи, данной вновь назначенному митрополиту его предшественникомъ, и о томъ, что и „благороднѣйшій великій князь кyръ Іоаннъ, по Господу возлюбленный и нарочитый сынъ нашей мѣрности, писалъ объ немъ къ высочайшему и святому моему самодержцу и къ святой Великой Церкви Божіей", продолжаетъ такъ: „То мы, хотя это совершенно необычно и не вполнѣ безопасно для церкви, согласились на это только ради столь достовѣрныхъ похвальныхъ свидѣтельствъ о немъ, и по уваженію къ его добродѣтельной и богоугодной жизни, и при томъ—только относительно кyръ Алексія, но отнюдь не допускаемъ и не дозволяемъ на будущее время никому другому изъ русскихъ уроженцевъ сдѣлаться тамошнимъ архіереемъ: это предоставляется кому либо изъ [клириковъ] его богопрославленнаго, Богомъ возвеличеннаго и благоденствующаго Константинополя, отличному по добродѣтели и добрымъ качествамъ, наученному и утвержденному въ силѣ слова, въ познаніи и примѣненіи законовъ церкви, дабы онъ могъ, какъ выше сказано, съ пользою и согласно съ церковною и каноническою практикою, разрѣшать представляющіеся каноническіе вопросы и водить тамошній христоименитый народъ на спасительныя пажити, довольствуясь самъ собою и не нуждаясь ни въ чьей посторонней помощи. Это мы предлагаемъ исполнить и будущимъ послѣ насъ патріархамъ, какъ дѣло прекрасное и весьма благопріятное для домостроительства церкви Божіей". Столб. 43—46. Проф. Т. Барсовъ справедливо говоритъ: „Смыслъ и цѣль его опредѣленія понятны. Представляя прежде всего грековъ и затѣмъ всѣхъ бывшихъ и воспитавшихся въ Константинополѣ способными и достойными къ занятію каѳедры русской митрополіи, грамота, такимъ образомъ, окончательно загораждаетъ путь къ этой

кій князь и митрополитъ, не желая, чтобы мѣсто митрополита въ Москвѣ занялъ Кипріанъ, явившійся литовскимъ ставленникомъ [1]) и уронившій себя въ глазахъ русскихъ, рѣшили избрать митрополита сами и въ самой Руси. Но придя къ такому рѣшенію, великій князь Дмитрій Ивановичъ и митрополитъ Алексій первоначально не сошлись въ выборѣ кандидата, такъ какъ митрополитъ Алексій желалъ видѣть своимъ преемникомъ Сергія Радонежскаго [2]), а у великаго князя былъ намѣченъ въ кандидаты архимандритъ придворнаго Спасскаго монастыря Михаилъ, или, какъ его еще звали Митяй [3]). Но такъ какъ кандидатъ митрополита Алексія рѣшительно отказался отъ сдѣланнаго ему послѣднимъ предложенія [4]),

каѳедрѣ русскимъ и въ особенности тѣмъ, которые были бы избраны въ Россіи и присланы оттуда въ Константинополь для рукоположенія. Подобное, оскорбительное для русскихъ и, въ частности, для ихъ природныхъ пастырей постановленіе могло бы имѣть нѣкоторое основаніе, если бы опыты совершившихся въ Россіи избраній на митрополію были неудачны, а произведенные въ Константинополѣ безукоризненны". „Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію", (Спб. 1878), стр. 169. См. также Проф. В. Н. Сергѣевичъ. „Русскія юридическія древности". Т. II. Изд. 2-ое (Спб. 1900), стр. 546 и слѣд. Проф. М. А. Дьяконовъ. „Власть московскихъ государей" (Спб. 1889), стр. 5—6. Объ „испытаніи" м. Алексія см. у проф. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 177.

[1]) Р. И. Б. Т. VI, Приложенія, № 30, столб. 169—172.

[2]) Никоновск. лѣтоп. Ч. IV, стр. 233. „О понужденіи святаго в митрополиты". Ген. Карповъ. „Очерки изъ исторіи россійской іерархіи: Церковная смута". Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 103.

[3]) „Михаилъ, нарицаемый Митяй"—Никоновск. лѣтоп. Ч. IV, стр. 66—68; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 28. Митяй есть уменьшительное отъ Дмитрій (Митя, Митяй). Тверская лѣтопись называетъ Михаила—Митей. Объ этомъ прозваніи см. у Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 226. См. также Никоновскую лѣтопись, Ч. IV, стр. 189: „А се далъ (в. к. Дмитрій) княгине своей примыслъ Скирменовскую слободку с Шенковымъ, Смолины съ *житневскимъ* починкомъ и с бортью, съ вышегородцкими бортники..." Ю. Ѳ. Самаринъ въ своемъ изслѣдованіи „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ", говоря о содѣйствіи русскихъ митрополитовъ политическимъ интересамъ московскихъ князей, замѣчаетъ: „Незадолго до смерти митрополита Алексѣя, великій князь Дмитрій Іоанновичъ, предвидя его скорую кончину, захотѣлъ доставить митрополію своему духовнику, человѣку ему преданному, Митяю. Вѣроятно, черезъ него великій князь надѣялся открыть себѣ участіе въ дѣлахъ церкви. Съ этой цѣлью онъ по нѣскольку разъ приступалъ къ митрополиту Алексѣю, прося его благословить себѣ Митяя въ преемники". Сочиненія. Т. V, стр. 190.

[4]) Никоновск. лѣт., Ч. IV, стр. 233. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 61—62. Проф. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 216. Ген. Карповъ. „Церковная смута". Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 103.

го и остался одинъ кандидатъ великаго князя, который представлялъ собою, по увѣренію лѣтописей, человѣка необыкновеннаго и феноменально замѣчательнаго [1]). Тотчасъ послѣ смерти м. Алексія (12 февр. 1378 г.) архимандритъ Михаилъ былъ возведенъ великимъ княземъ, съ совѣта и одобренія бояръ, на дворъ митрополичій, съ тѣмъ, чтобы до формальнаго поставленія въ митрополиты, управлять митрополіей въ качествѣ нареченнаго митрополита [2]). Какъ только патріархъ константинопольскій узналъ о смерти митрополита Алексія, то тотчасъ написалъ въ Москву грамоты, которыми увѣдомлялъ, что онъ „не принимаетъ" Кипріана, а „передаетъ русскую церковь грамотою архимандриту Михаилу..., которому, кромѣ рукоположенія, вручилъ всю власть надъ тою церковью (καὶ πλὴν τῆς χειροτονίας αὐτῷ πᾶσαν τὴν ἀρχὴν ἐνχειρίζει τῆς ἐκκλησίας ἐκείνης) и далъ грамоту, чтобы онъ прибылъ сюда для поставленія въ митрополита Великой Руси" [3]).

И Михаилъ, спустя непродолжительное время послѣ нареченія въ митрополиты, сталъ готовиться къ путешествію въ Константинополь, но потомъ раздумалъ—„на иную мысль преложись" (по выраженію Никоновск. лѣтописи Ч. IV, стр. 70) и сталъ убѣждать великаго князя, что онъ можетъ быть поставленъ въ митрополиты

[1]) Лѣтописи дѣлаютъ для него исключеніе, предлагая о немъ, какъ о весьма замѣчательномъ человѣкѣ, особыя повѣсти. См. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 66—77 („Повѣсть о Митяи"); П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 28—32 и друг. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 62; Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, II. I, стр. 226—229.

[2]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 29; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 233.

[3]) „Соборное опредѣленіе патріарха Антонія о низложеніи митрополита Нимфа и о возстановленіи Кипріана въ званіи митрополита кіевскаго и всея Руси, съ тѣмъ, чтобы впредь навсегда соблюдаемо было единство русской митрополіи". Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 205—206. О присылкѣ грамотъ константинопольскимъ патріархомъ архимандриту Михаилу см. у митроп. Макарія. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 63—64; Е. Е. Голубинскаго И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 235—236, 239. „Этимъ то обстоятельствомъ, т. е. полученіемъ грамотъ отъ патріарха), говоритъ м. Макарій, которое не записано въ нашихъ лѣтописяхъ, объясняется, какъ Митяй, будучи только архимандритомъ, осмѣлился и рѣшился въ митрополичій домъ, надѣть на себя бѣлый клобукъ митрополичій, носить митрополичью мантію и жезлъ, садиться въ алтарѣ на митрополичьемъ мѣстѣ, распоряжаться всею казною и ризницею митрополита, править дѣлами церкви, собирать дани съ духовенства". И. Р. Ц. Т. IV, стр. 61. Ср. характерное начало повѣсти „О Митяи архимандритѣ", помѣщенной въ лѣтописи по Воскресенскому списку (П. С. Р. Л. Т. VIII., стр. 28—29), гдѣ говорится о зазорномъ самовольствѣ Митяя, который „не поставленъ сый вселенскимъ патріархомъ, по самъ дерзну на таковый превысокый степень..." См. также Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 233.

своими епископами въ Москвѣ. Убѣждая великаго князя, который очень любилъ и покровительствовалъ Митію, сдѣлавъ его еще раньше своимъ духовникомъ и печатникомъ [1]), послѣдній, по свидѣтельству лѣтописи, такъ говорилъ Дмитрію: „почтохъ правила святыхъ отець и обрѣтохъ еще въ нихъ: яко достоитъ сшедшимся епископомъ, елицы обрящутся 5 или 6 да поставятъ епископа. и нынѣ аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да повелитъ дръжава твоя съ скоростію спитися епископомъ, сущимъ въ Рустѣй земли подъ областію государьства твоего, и сшедшемся поставять и мене въ епископы“ [2]) (по словамъ Никоновск. лѣт.—„да мя поставять епископа и первосвятителя“) [3]). „Князь же великій Дмитрій повелѣ тако сему быти“ [4]).

Профессоръ Е. Е. Голубинскій высказываетъ осторожное предположеніе, что у Митія, человѣка выдающагося, могла явиться мысль измѣнить порядокъ избранія и поставленія русскихъ митрополитовъ и что обстоятельства, повидимому, благопріятствовали этому смѣлому рѣшенію. „Такъ какъ въ отношеніи къ самому себѣ, говоритъ почтенный историкъ церкви, Михаилъ не имѣлъ совершенно никакихъ особыхъ побужденій желать, чтобы его поставленіе совершилось въ Москвѣ, а не въ Константинополѣ, ибо въ послѣдній онъ былъ призываемъ и ожидаемъ патріархомъ: то не невѣроятно предполагать, что у него, какъ у человѣка передового, явилась смѣлая мысль ввести новый порядокъ избранія и поставленія русскихъ митрополитовъ, т. е. избранія и поставленія не въ Константинополѣ, а въ самой Россіи. Зная дѣла и людей въ Константинополѣ, онъ могъ надѣяться, что успѣетъ получить тамъ согласіе на подобное, само собою понятно—очень важное, измѣненіе порядка замѣщенія каѳедры русской митрополіи: императоръ константинопольскій, находившійся тогда въ самомъ бѣдственномъ и жалкомъ положеніи, чрезвычайно нуждался въ деньгахъ (какъ извѣстно, именно съ тогдашнимъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ случился тотъ невѣроятный анекдотъ, что онъ былъ заарестованъ своими кредиторами въ Венеціи, въ 1370 году, на возвратномъ пути отъ папы, а въ патріархіи константинопольской, весьма низко стоявшей тогда въ нравственномъ отношеніи, чрезвычайно

---

[1]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 68; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 29.
[2]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 29—30. П. Знаменскій. И. Р. Ц., стр. 85.
[3]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 70.
[4]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 70.

были жадны до этихъ послѣднихъ“ [1]). Взглядъ профессора Е. Е. Голубинскаго кажется намъ довольно вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что Митяй, по свидѣтельству лѣтописи, отличался рѣшительностью и смѣлостью; характеризуя его, Никоновская лѣтопись гласитъ: „бѣбо смѣлъ зело [2])...“ Какъ человѣкъ образованный и книжный [3]), Митяй могъ осмыслить положеніе дѣлъ и придти къ мысли измѣнить порядокъ поставленія русскаго митрополита.

Великій князь и бояре изъявили согласіе на предложеніе Митяя, льстящее ихъ самолюбію, и въ Москву были созваны епископы. Но одинъ изъ нихъ разрушилъ задуманное; это былъ епископъ суздальскій Діонисій, питавшій затаенную вражду къ Михаилу, потому что самъ желалъ попасть на каѳедру русской митрополіи. Явившись въ Москву, онъ такъ рѣшительно протестовалъ предъ великимъ княземъ относительно намѣренія поставить Михаила въ Москвѣ, какъ поступка, противнаго церковнымъ правиламъ [4]), что великій князь смутился и увидѣлъ себя вынужденнымъ оставить мысль, поданную ему нареченнымъ митрополитомъ, къ крайнему огорченію своего любимца [5]). Между тѣмъ затаенная вражда между Михаиломъ и Діонисіемъ обнаружилась въ крайне рѣзкой формѣ, переѣдя въ открытую ссору, и Михаилъ, отказавшись отъ своего намѣренія ставиться въ Москвѣ, увидѣлъ необходимость поѣхать въ Константинополь [6]). Епископъ суздальскій, послѣ ссоры съ нареченнымъ митрополитомъ, также рѣшился идти въ Константинополь, чтобы пытаться добыть себѣ митрополію подъ Михаиломъ [7]);

---

[1]) П. Р. Ц. Т. II. П. I. стр. 239—240. См. также Митр. Платонъ. „Краткая церковная россійская исторія“ (изд. 2-ое). Т. I. стр. 201. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864. IV, стр. 105.

[2]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 67.

[3]) „Течение велие имѣя по книгамъ, и силу книжную толкуя и чтение сладко и премудро и книгами глаголати премудръ зело“. Тамъ же. стр. 68.

[4]) Діонисій рѣшительно возражалъ противъ проекта возвести Митяя въ санъ митрополита соборомъ русскихъ епископовъ въ Москвѣ и много возбранялъ великому князю говоря: „Кто тя тако научи претворяти законы, не подобаетъ убо тому тако быти“. Никоновск. лѣт. Ч. IV. стр. 70; П. С. Р. Л. Т. VIII. стр. 30.

[5]) „Митяй же видя себе осрамлена и умышление его бездѣлно бысть“. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 70.

[6]) Объ отношеніяхъ Михаила и Діонисія см. П. С. Р. Л. Т. VIII. стр. 30; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 70—71. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 66—67; Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 240—241.

[7]) „Епископъ суждалскии восхотѣ ити ко Цареграду, желаше бо и самъ на Митропольскомъ столѣ видети себя...“ Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 71. „На

объ этомъ узналъ послѣдній, и великій князь, по просьбѣ своего любимца, приказалъ задержать Діонисія въ Москвѣ [1]). Чтобы освободиться изъ подъ строгаго надзора, Діонисій далъ слово великому князю не ѣздить безъ его позволенія въ Константинополь и поручителемъ за себя представилъ Сергія Радонежскаго. Получивъ свободу, Діонисій менѣе чѣмъ черезъ недѣлю бѣжалъ въ Константинополь, „преухитривъ“ великаго князя и выдавъ своего поручителя [2]). Михаилъ, заподозривая Сергія въ сообщничествѣ съ Діонисіемъ [3]), страшно негодуя на него и грозя уничтожить его монастырь [4]), самъ долженъ былъ поспѣшить путешествіемъ въ Константинополь, пробывъ на каѳедрѣ русской митрополіи годъ и пять мѣсяцевъ. Такъ какъ Михаилъ пользовался особеннымъ расположеніемъ великаго князя, который питалъ къ нему необыкновенную дружескую привязанность [5]), то и поѣздка его отличалась необыкновенною пышностью, а сопровождавшая его блестящая свита представляла изъ себя „полкъ великъ зѣло“ [6]), Кромѣ того великій

чемъ основывалъ свои надежды епископъ, для насъ вовсе не ясно и вовсе не видно; но ихъ нисколько не считалъ химерическими архимандритъ Михаилъ; не будучи въ состояніи дать дѣлу удовлетворительнаго объясненія, мы съ своей стороны можемъ только сдѣлать указаніе, что надежды дѣйствительно не были совсѣмъ химерическими: до насъ сохранилась грамота Діонисію патріарха Нила, преемника Макаріева, которою епископъ возводится въ архіепископы; изъ этой грамоты оказывается, что Діонисій писалъ къ Макарію и что послѣдній приглашалъ его прибыть въ Константинополь (по господствовавшимъ тогда въ Константинополѣ правамъ, не невозможно предполагать, что Макарій желалъ видѣть въ Константинополѣ двухъ претендентовъ на русскую митрополію для того, чтобы на аукціонномъ торгѣ продать ее за бо́льшую цѣну)“. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, П. 1, стр. 241. Грамота, о которой было упомянуто выше, помѣщена въ А. И. Т. I. Дополненія, № 251, стр. 471—473; Р. И. Б. Т. VI; № 23, столб. 199—204.

[1]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 71: „... и не утаися еще (желаніе Діонисія сѣсть на столѣ митрополичьемъ) отъ Митія, и сказа великому князю, и совѣтова ему да возбранитъ Діонисію ко Царюграду ити, да пешедъ тамо сотворитъ епопу моему поставленію. Князь великии же повелѣ Діонисія нужею удержати“.

[2]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30.

[3]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 72: „И смутись Митяй негодоваше на Діонисія, еще же и на преподобнаго игумена Сергія, мня яко единомысленно соединились Сергие с Діонисіемъ, нехотяще поставленія его в митрополиты“. См. Ген. Карповъ. „Церковная смута“. Чт. въ И. О. И. и Д. 1861, IV, стр. 115.

[4]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 233—234.

[5]) „Зело любяше Митія и чествоваше его, яко отца паче всѣхъ“. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 72.

[6]) О составѣ этой свиты см. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 73—74; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30—31. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 68; Е. Е. Голубинскій.

князь, какъ повѣствуетъ намъ лѣтописное сказаніе, на случай какихъ либо нуждъ и недостатка денегъ, по просьбѣ своего любимца, предоставилъ нареченному митрополиту возможность воспользоваться его (великаго князя) кредитомъ: Дмитрій далъ ему неписанныя хартіи или бланки, но подписанныя великимъ княземъ и припечатанныя великокняжескою печатью, на которыхъ онъ могъ бы писать отъ лица великаго князя грамоты, какія находилъ нужными, заемныя письма или векселя, въ размѣрѣ надобности, не превышающемъ, конечно, кредитъ великаго князя [1]). Въ сопровожденіи блестящей свиты, въ составъ которой между другими входили три архимандрита, большое количество игуменовъ и прочаго духовенства, боярина великаго князя, представлявшій собою лицо послѣдняго, какъ его посолъ, и получившій начальство надъ всѣмъ поѣздомъ,—отправился нареченный митрополитъ въ Константинополь послѣ 20 іюля 1379 года. Самъ великій князь съ своими дѣтьми и боярами, всѣ епископы, архимандриты, священники и монахи, купцы и множество народа – провожали его далеко за городъ „съ великой честью и славой“ [2]).

Михаилъ направился на Рязань, откуда пошелъ въ степь ордынскую или татарскую, чтобы пройти ею до Черпаго моря: въ Ордѣ его было остановилъ Мамай, который, какъ и вообще татары,

---

II. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 242; Ген. Карповъ. „Церковная смута“. Чт. въ II. О. II. и Д. 1864, IV, стр. 116.

[1]) „Князь же великій Дмитрій зѣло любляше Митяя, и въ власть послушаше его, и егда уже къ путному шествію Митяй устремляшеся, и тогда дрѣзну просити у великого князя паче мѣры прошенія, глаголя: „аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да дай ми харатью не писану, а подписану и запечатану твоею печатію великого князя, да възму съ собою на запасъ, да егда что ми будетъ надобѣ заняти сребра тысячю или колико въ оскудѣніи или въ нужи, да напишу си въ ней“; и сътвори князь великій по прошенію его и дасть ему такую харатію, глаголя: „да егда что ти будетъ надобе, то се ти буди и кабала моа съ печатію“. II. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30. Слова великаго князя читаются въ болѣе подробномъ видѣ въ Никоновской лѣтописи: „возми сия, аще будетъ когда оскуденіе чего, или какова нужа и потребуеши что заняти у кого, или тысяща сребра или вящше, в томъ буди во всемъ кабала моя и с печатью“. Ч. IV, стр. 73. М. Макарій. II. Р. Ц. Т. IV, стр. 68; Ген. Карповъ. „Церковная смута“. Чт. въ II. О. II. и Д. 1864, IV, стр. 116; Е. Е. Голубинскій. II. Р. Ц. Т. II. II. I. стр. 242; Митрополитъ Платонъ. „Краткая церковная россійская исторія“. Т. I, стр. 203.

[2]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 73—74; II. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 30. М. Макарій. Т. IV, стр. 68; Е. Е. Голубинскій. II. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 242; Чт. въ II. О. II. и Д. 1864, IV, стр. 116.

отличаясь вѣротерпимостью [1]),—послѣ непродолжительной задержки, отпустилъ его съ честью, приказавъ выдать ярлыкъ, (сохранившійся до настоящаго времени), подтверждавшій права русской церкви [2]), и велѣлъ проводить нареченнаго митрополита съ его громадной свитой до самаго моря [3]). Сѣвъ въ Кафѣ на корабль. Михаилъ переплылъ Черное море и уже приближался къ Константинополю, такъ что уже сталъ видѣнъ послѣдній („близъ Царяграда бывши, яко видети уже Царьградъ близъ суща" -по словамъ лѣтописи), какъ внезапно заболѣлъ и скоропостижно умеръ [4]). „Нельзя искренно не пожалѣть, что такова была судьба человѣка, несомнѣннымъ образомъ чрезвычайно замѣчательнаго", справедливо замѣчаетъ о смерти Митяя профессоръ Е. Е. Голубинскій [5]). Трагическій конецъ этого княжескаго любимца даетъ поводъ современнику-лѣтописцу упрекнуть его и кольнуть самого великаго князя „избраніемъ и хотѣніемъ мирскимъ" [6]). Мы позволимъ привести это интересное и характерное мѣсто лѣтописи: „Се же преславно явленіе показа Богъ

[1]) С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV. столб. 1243; Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц Т. II. П. I, стр. 1—49. См. также С. Г. Г. и Д. Т. II, №№ 2, 7.

[2]) О ярлыкѣ Митяю см. у В. В. Григорьева. „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству" (Москва, 1842). „Не мѣшало бы однако вновь изслѣдовать этотъ вопросъ", справедливо замѣчаетъ профессоръ Н. С. Суворовъ. „Подлинность ярлыковъ возбуждаетъ справедливыя сомнѣнія. До собора 1503 года никто и никогда не ссылался на ханскіе ярлыки, данные въ пользу русскаго духовенства. Соборъ 1503 г. впервые привелъ ихъ, какъ аргументъ въ пользу неприкосновенности всего того, чѣмъ владѣла до тѣхъ поръ церковь: на этомъ соборѣ, какъ извѣстно, поставленъ былъ вопросъ о неприличіи монахамъ и монастырямъ владѣть богатыми недвижимыми имѣніями. Древнѣйшій ярлыкъ Менгу Темира, выданный безымянно русскимъ митрополитамъ, начинается несообразно въ устахъ монгольскаго хана фразою: Вышняго Бога силою и *вышнія Троицы* волею". Почтенному ученому разсужденія г. Григорьева о подлинности ярлыковъ кажутся „слабыми и неубѣдительными". Проф. Н. С. Суворовъ. „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права". Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея. Книга 49 (Ярославль, 1889), стр. 210, примѣч. 341; стр. 219, 220.

[3]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 74, 83.

[4]) Онъ былъ погребенъ въ какой то церкви въ Галатѣ. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 74. О причинахъ смерти Митяя Никоновская лѣтопись повѣствуетъ: „Инии глаголаху о Митяи яко задушиша его, инии же глаголаху яко морскою водою умориша его, понеже и епископи вси и архимариты и игумены и священницы и иноцы, і вси бояре и людіе не хотяху Митяя видети в митрополитохъ; но единъ князь великій хотяше". Тамъ же, стр. 76. Р. И. Б. Т. VI, № 33, столб. 206—208.

[5]) И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 243.

[6]) Никоновск. лѣт Ч. IV, стр. 233.

неизреченными его судбами, якоже Апостолъ глаголетъ: никтоже
вземлетъ честь о себѣ, но званый отъ Бога. Сего бо предреченнаго Митяя не хотяше никтоже въ митрополіи; епископи же, и игумени, и прозвитери, и весь чинъ священническій и миряне вси моляху о томъ Бога, дабы не попустилъ Митяю въ митрополитехъ
быти, но единъ князь великій хотяше его видѣти въ томъ чину:
той же, упова на любовь княжескую, о иномъ же ни о комъ не
брежаше, аще бо и книгы добрѣ свѣдяше, но не вспомяну пророка
глаголюща: добро есть уповати на Господа, нежели уповати на
князя, и паки глаголетъ: не надѣйтеся на князя на сыны человѣскія, въ нихъ же нѣсть спасенія“ [1]).

Но, несомнѣнно, болѣе грустную сторону внезапной смерти Михаила составляетъ то, что она послужила совершенно неожиданнымъ поводомъ къ весьма прискорбнымъ замѣшательствамъ на каѳедрѣ русской митрополіи, такъ что „вся ея недолгая исторія обратилась какъ бы только въ приказку къ напечальнѣйшей сказкѣ“ [2]).

Послѣ внезапной смерти нареченнаго митрополита спутникамъ его слѣдовало возвратиться въ Москву ни съ чѣмъ, принеся лишь печальную вѣсть о кончинѣ Михаила. Но они не поступили такъ, а рѣшились поставить въ митрополиты одного изъ числа трехъ архимандритовъ, находившихся въ свитѣ. Эти архимандриты были: Іоаннъ московскаго петровскаго монастыря, Пименъ—переяславскаго горицкаго и Мартиніанъ неизвѣстнаго коломенскаго [3]). Мнѣнія оказались несогласными: одни желали Іоанна, а другіе Пимена. Между сторонниками обоихъ кандидатовъ произошли горячіе и продолжительные споры („распря и розгласие много бысть промежь ихъ„—Никон. л. Ч. IV, стр. 75), но наконецъ, одержали верхъ сторонники Пимена [4]). На одной изъ неписанныхъ грамотъ или чистыхъ бланковъ, скрѣпленныхъ подписью и печатью великаго князя, данныхъ имъ Михаилу, они написали отъ имени великаго князя про-

[1]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 31. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 74. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 117—118.

[2]) Проф. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 244. Митрополитъ Макарій время послѣ смерти м. Алексія (около десяти лѣтъ) называетъ „самымъ смутнымъ временемъ въ исторіи нашей митрополіи“. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 63.

[3]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 73.

[4]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 75. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 31—32. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 244. М. Платонъ. „Краткая церковная россійская исторія“. Т. I, стр. 203.

шеніе къ царю и патріарху о поставленіи Пимена въ митрополиты [1]). Патріархъ константинопольскій Нилъ, исполняя мнимую просьбу великаго князя, согласился на это [2]). Профессоръ Е. Е. Голубинскій, сообщивъ о поставленіи Пимена, задается вопросомъ, какъ объяснить совершенно невѣроятный поступокъ пословъ, рискнувшихъ, учинивъ подлогъ, распорядиться каѳедрой русской митрополіи самимъ, безъ воли великаго князя,—и приходитъ къ выводу, что „единственно возможное и единственно вѣроятное объясненіе есть то, что они были увлечены и подбиты къ нему греками" [3]). Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ такимъ взглядомъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ и греческихъ актахъ утверждается, что патріархъ, ставя въ митрополиты Пимена, дался въ обманъ со стороны пословъ [4]). „Но это не только совершенная неправда, но и несообразнѣйшая ложь, чтобы не выразиться по отношенію къ тѣмъ, которые говорятъ

[1]) „Пимінъ же съзираа ризницу и казну Митяеву, и обрѣте прежереченную ону харатію, имущую подпись и печать великого князя, а писаніа неимущу, и тако умыслившіе сице написаша на ней: „Отъ великого князя Рускаго къ царю и патріарху Цареградскому. Послахъ къ вамъ, избравъ во своей земли, архимандрита Пимина, мужа честна, да поставите ми его митрополитомъ на Русь; того бо единого избрахъ на Руси, иного же паче того не обрѣтохъ". П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 31—32; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 75.

[2]) Подробности см. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 32; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 76. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 119.

[3]) И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 244—245.

[4]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 76 и друг. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33. „1389 г. въ февралѣ. Соборное опредѣленіе патріарха Антонія о низложеніи митрополита Пимена и о возстановленіи Кипріана въ званіи митрополита кіевскаго и всея Руси, съ тѣмъ, чтобы впредь навсегда соблюдаемо было единство русской митрополіи" (изъ Acta Patriarchatus, t. II, p. 116—129). Здѣсь мы находимъ краснорѣчивый разсказъ объ этомъ случаѣ, невольно приводящій на память изреченіе древняго лѣтописца о хитрости и неискренности грековъ: *„суть бо Грѣци лстивы и до сего дни"* (Лаврентіевская лѣтоп., подъ 971 г., стр. 29; Новгородская 1-ая лѣт., подъ 971 г., стр. 22 и др.). Вотъ это мѣсто: „Это (т. е. внезапная смерть Михаила), однакожъ, не устрашило тѣхъ негодяевъ—пословъ; напротивъ, согласившись на зло своей церкви, составивъ коварный планъ дѣйствій, сочинивъ подложныя грамоты, поставивъ сами себѣ пастыремъ нѣкоего іеромонаха, носившаго имя пастыря (Пимена) и обязавъ другъ друга клятвами о томъ, что никто изъ нихъ не скажетъ и не объявитъ истины, они представляютъ [тѣ] грамоты и себя святѣйшему и приснопамятному патріарху кyръ Нилу, тогда только что принявшему церковное кормило. Онъ же, не зная ихъ лукаваго соглашенія и повѣривъ грамотамъ, какъ истиннымъ (ибо какъ могла подозрѣвать такое зло добрая и божественная душа, непричастная ничему злому и исполненная всякой добродѣтели?), соборнѣ рукополагаетъ Пимена въ митрополита русскаго". Столб.

ее, гораздо болѣе жестокимъ образомъ“ [1]). Патріарху Макарію, предшественнику Нила, было писано изъ Москвы, что къ нему прибудетъ для поставленія въ митрополиты Михаилъ, и патріархъ самъ писалъ къ нему, призывая его для посвященія въ Константинополь. Кромѣ того тамъ же находился митрополитъ Кипріанъ, который послѣ весьма неудачной поѣздки въ Москву [2]) отправился въ Кон-

---

207 -208. Архіепископъ Филаретъ въ своей И. Р. Ц. повторяетъ греческіе акты. И. Р. Ц. Періодъ II, стр. 128.

[1]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I. стр. 215. „А если историки наши вѣрятъ этой лжи, не находя ничего недоумѣннаго для себя въ томъ, что спутники архим. Михаила по собственной инпціативѣ рѣшили замѣнить его кандидатомъ въ митрополиты подложнымъ, то поистинѣ велико ихъ простодушіе“... Тамъ же, стр. 215.

[2]) О поѣздкѣ митрополита Кипріана въ Москву см. Митрополитъ Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 63—66; Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 232—235; С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1250; П. Знаменскій. И. Р. Ц., стр. 86; Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 106 -113. См. также „Православный Собесѣдникъ“, 1860, Ч. II, стр. 85 102 и Ч. I, стр. 448 462; Р. И. Б. Т. VI, № 20, „1378 г. іюня 23. Грамота митрополита Кипріана къ преподобному Сергію радонежскому и Ѳеодору, игумену симоновскому, съ жалобами на великаго князя Дмитрія Ивановича и съ обличеніемъ незаконныхъ притязаній архимандрита Митяя на московскую митрополію“, столб. 173—186. Политическая борьба Москвы съ Литвой уже съ первыхъ шаговъ связана съ борьбой за митрополію и митрополита; борющіяся стороны руководствуются церковно-политическими расчетами. Еще въ болѣе ранній періодъ боровшіеся за политическое преобладаніе князья очень рано оцѣнили важное политическое значеніе митрополита всея Руси. Съ одной стороны, князьямъ представлялась слишкомъ очевидной выгода имѣть каѳедру высшаго представителя помѣстной церкви—митрополита въ своемъ стольномъ городѣ, такъ какъ митрополитъ могъ содѣйствовать возвышенію авторитета мѣстнаго князя (см. объ этомъ у м. Макарія. И. Р. Ц. Т. V, стр. 288 289); съ другой стороны мѣстными правительствами сознавались невыгоды подчиненія Кіеву, а впослѣдствіи Москвѣ всѣхъ прочихъ княженій. Московскіе князья не допускаютъ мысли о переводѣ митрополичьей каѳедры въ предѣлы враждебной Литвы или о принятіи на каѳедру митрополіи всея Руси литовскаго ставленника: они слишкомъ хорошо сознаютъ политическое значеніе живущаго у нихъ и благорасположеннаго къ нимъ митрополита. Исторія м. Петра, Алексія прекрасно подтверждаетъ этотъ взглядъ. Митрополитъ Кипріанъ, помимо его предосудительныхъ поступковъ въ дѣлѣ поставленія его при жизни м. Алексія, явился претендентомъ на каѳедру митрополіи всея Руси, будучи уже литовскимъ митрополитомъ. Изгнаніе его изъ Москвы „съ великимъ безчестіемъ“ должно быть отнесено и къ тому, что онъ былъ литовскимъ ставленникомъ (объ этомъ см. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 30, столб. 169—172). Самъ митрополитъ Кипріанъ пишетъ объ этомъ: „Которую вину нашелъ есть на мнѣ князь великій?... Кладетъ на меня вины, что былъ есмь въ Литвѣ первое“. Р. И. Б. Т. VI, № 20, столб. 182. „Но понятно, справедливо говоритъ объ этомъ случаѣ С. М. Со-

стантинополь, чтобы получить себѣ каѳедру митрополіи всея Руси[1]). Въ Константинополѣ находился также и епископъ суздальскій Діонисій, пріѣхавшій туда раньше пословъ; наконецъ, нельзя допустить, чтобы сами послы, при ихъ многочисленности, при отсутствіи единомыслія между собою и спорахъ и при способности грековъ выѣдывать тайны,—могли сохранить свою тайну въ секретѣ[2]). Слѣдовательно въ Константинополѣ хорошо и вполнѣ достовѣрно было извѣстно, что послань былъ туда для поставленія архимандрить Михаилъ, а не кто-либо другой. Но если въ Константинополѣ отлично знали истинное положеніе дѣлъ и поставили митрополитомъ Пимена, то, по вѣрному замѣчанію проф. Голубинскаго, представляется необходимымъ предполагать, что и самая мысль о замѣнѣ дѣйствительнаго кандидата фальшивымъ была подана посламъ тамъ же[3]). Образъ же дѣйствій патріарха, защищавшаго Пимена даже и послѣ того, когда онъ не могъ притворяться незнающимъ, что поставилъ Пимена какъ кандидата незаконнаго, и усиленно хлопотавшаго за него предъ великимъ княземъ[4]),—даетъ основаніе предполагать,

---

ловьевъ, что если въ Литвѣ хотѣли своего митрополита, то въ Москвѣ хотѣли также своего". П. Р. Т. IV, столб. 1249.

[1]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 30, столб. 174—176.

[2]) Вызываетъ недоумѣніе то обстоятельство, что наши лѣтописи, покрывая грековъ, утверждаютъ будто послѣдніе сдѣлались жертвою обмана пословъ; но это недоумѣніе объясняется предположеніемъ, что въ русскихъ лѣтописяхъ въ данномъ случаѣ говоритъ никто иной, какъ митрополитъ Кипріанъ, желавшій обѣлить грековъ, на что, по словамъ проф. Е. Е. Голубинскаго, „имѣются тутъ и положительныя доказательства". П. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 245.

[3]) Профес. Е. Е. Голубинскій приводитъ слѣдующія остроумныя соображенія по этому вопросу: „Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ представлять себѣ пословъ людьми безумными и двуголовыми; а если такъ, то какія побужденія они могли имѣть къ невѣроятному поступку, который ничего не могъ доставить имъ, кромѣ того, чтобы привлечь на нихъ страшный гнѣвъ великаго князя? Но другое дѣло—греки. Послы привезли съ собою оставшуюся послѣ Митяя казну митрополичью (Никон. лѣт. VI. IV, стр. 74),—какъ можно думать по отношеніямъ послѣдняго къ великому князю, огромную; они привезли съ собою неписанныя хартіи великаго князя, посредствомъ которыхъ можно было занять денегъ, сколько угодно. Если бы послы воротились домой, только похоронивъ Михаила въ Константинополѣ; то все это было бы увезено ими назадъ въ Москву. Между тѣмъ все это могло остаться въ Константинополѣ, будь только они подбиты къ тому, чтобы вмѣсто дѣйствительнаго умершаго кандидата искать мѣсто митрополита другому—подставному". П. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 246.

[4]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33. „Узнавъ объ этомъ (о заключеніи великимъ княземъ м. Пимена подъ стражу и о наказаніи пословъ) и почитая

что греки, подбивая пословъ къ столь дерзкому поступку, за который тѣ немпуемо должны были подвергнуться страшному гнѣву великаго князя, могли обнадеживать пословъ, что они — греки съумѣютъ обѣлить и оправдать ихъ предъ государемъ. Надо думать, что и послы, заплативши извѣстную сумму грекамъ, нѣкоторую часть капитала, подъ видомъ платы грекамъ, раздѣлили между собою; такимъ образомъ —„это поставленіе Нимена въ митрополиты должно быть представляемо какъ обоюдостороннее грабленіе великаго князя—и чужими и своими“ [1]). Наши лѣтописи утверждаютъ, что грабленіе это было чисто баснословное и чудовищное по своимъ размѣрамъ, а именно,—что не только была истрачена вся наличная привезенная казна митрополита, которая, какъ мы уже сказали выше, должна была представляться огромною, но что было занято у мѣстныхъ константинопольскихъ банкировъ — „у Ѳрязи у бесермянъ“ [2]) на имя великаго князя, подъ его векселя, написанные на его грамотахъ или бланкахъ, больше двадцати тысячъ рублей серебра, (что на наши теперешнія деньги будетъ болѣе двухъ милліоновъ рублей кредитныхъ) [3]) и „разсулиша посулы многи, и раздаваша сюду и сюду, а яже помниковъ и даровъ никтоже можетъ рещи или исчислити, и тако едва возмогоша утолити всѣхъ“ [4]).

—

недобрымъ дѣломъ, если человѣкъ, получившій рукоположеніе отъ церкви, какимъ бы то ни было образомъ подвергнется тѣлесному бѣдствію отъ мірскихъ властей (παρὰ τῶν κοσμικῶν ἀρχόντων), патріархъ посылаетъ грамоту князю, прося принять Нимена, какъ мѣстнаго архіерея (ὡς ἀρχιερέα τοῦ τόπου). Такимъ образомъ, послѣ отправленія многихъ грамотъ противъ кургъ Кипріана и еще бо́льшаго числа въ пользу Нимена, этотъ послѣдній одолѣваетъ и получаетъ ту церковь“. Столб. 209—210.

[1]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 246—247.

[2]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 76.

[3]) См. статью профессора В. О. Ключевскаго—„Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему“ (Чт. въ И. О. И. и Д. 1881, I), гдѣ доказывается, что рубль начала XVI вѣка, а слѣдовательно и болѣе ранняго времени, равнялся не менѣе какъ ста кредитнымъ рублямъ настоящаго времени. См. также И. Р. Ц. проф. Е. Е. Голубинскаго. Т. II. П. I, стр. 137, 879. Ср. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 121, примѣч. 13.

[4]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 76. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 32: „Нимянь же кабалою оною великого князя съ своими съвѣтники позаимаше сребро въ ростъ на имя великого князя у Фрязь и у Бесермень. ростетъ же сребро то и доселѣ, и розсулиша посулы, и раздаваша много на всѣ стороны, яко охтанихъ свидѣтельствуетъ: но съборъ суетныхъ исплѣни мздою десницу ихъ“. Митрополитъ Платонъ такъ заканчиваетъ исторію поставленія Нимена: „Сими подкупами прельстившись царь и патріархъ, наконецъ склонились на просьбу русскихъ, и Нименъ патріархомъ Ниломъ поставленъ въ митрополита на

Послы прибыли въ Константинополь не позднѣе конца августа или начала сентября 1379 года; Пименъ же, какъ видно изъ соборнаго дѣянія о его поставленіи [1]), былъ поставленъ въ іюнѣ 1380 года, послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ Константинополѣ. Медленность эта объясняется тѣмъ, что послы пріѣхали въ Константинополь въ то время, когда патріаршая каѳедра оставалась вакантною [2]), а сановники и чиновники патріаршіе, увидѣвъ себѣ выгоду въ поставленіи фальшиваго кандидата, удержали послов въ Константинополѣ до избранія новаго патріарха. Два человѣка должны были протестовать и заявлять въ Константинополѣ о самозванствѣ Пимена: митрополитъ Кипріанъ и епископъ суздальскій Діонисій. Что касается перваго изъ нихъ, то изъ соборнаго опредѣленія 1380 г. мы узнаемъ, что онъ долженъ былъ отказаться отъ протестовъ и отъ домогательствъ каѳедры русской митрополіи въ виду угрозы, что онъ, какъ поставленный въ митрополиты незаконно при жизни м. Алексія, будетъ лишенъ и каѳедры литовской. Отчаявшись въ благопріятномъ исходѣ своего дѣла, не дождавшись поставленія Пимена, Кипріанъ, по свидѣтельству того же соборнаго опредѣленія, „тайно убѣжалъ, ни съ кѣмъ не простившись (λάθρα φυγὼν ᾤχετο, μηδὲ προσρήματος ἀξιώσας τινά“) [3]). Діонисій же получилъ въ Константинополѣ титулъ архіепископа; можно думать, что это повышеніе было ему дано за его скромность, за то, чтобы онъ согласился не выступать лицомъ формально протестующимъ противъ назначенія фальшиваго кандидата [4]).

Исключительныя обстоятельства въ тогдашней Руси, готовившейся встрѣтить грудью страшное нашествіе Мамая, даютъ намъ вѣроятное объясненіе, почему великій князь, поглощенный заботами

Русь, сказавъ притомъ царь и патріархъ, яко въ посмѣяніе Россіянамъ, а собѣ яко во оправданіе: о Русь! или право или неправо глаголете; но мы истинствуемъ, и творимъ и глаголемъ, вѣру имѣя вамъ“. „Краткая церковная россійская исторія“. Т. I, стр. 205.

[1]) „Соборное опредѣленіе патріарха Нила о незаконномъ поставленіи Кипріана въ митрополита кіевскаго и объ увѣреніи этого титула новопоставленному митрополиту Великой Руси Пимену“ (1380 г. въ іюнѣ). Р. И. Б. Т VI Приложенія, № 30, столб. 165—184.

[2]) См. у Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. П. I. стр. 247, прим. 4; стр. 248, прим. 1.

[3]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 30, столб. 175—176.

[4]) „Грамота константинопольскаго патріарха Нила о возведеніи Діонисія, епископа суздальскаго, въ санъ архіепископа“. Л. И. Т. I (Дополненія), № 251, стр. 471—472; Р. И. Б. Т. VI, № 23, столб. 199—204. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 130—131.

о собраніи великой рати противъ татаръ, въ теченіе девяти десяти мѣсяцевъ не узналъ ни о смерти своего любимца, ни о преступныхъ замыслахъ и дѣяніяхъ своихъ пословъ въ Константинополѣ.

Поставленный въ митрополиты, Пименъ не спѣшилъ возвратиться на Русь. Нужно думать, что необходимо было приготовить почву для благопріятнаго его пріема въ Москвѣ [1]). Но великій князь, узнавъ о томъ, что надѣлали его послы въ Константинополѣ послѣ внезапной смерти Михаила, пришелъ въ страшный гнѣвъ, рѣшилъ не принимать Пимена и послать за Кипріаномъ, находившемся тогда въ Кіевѣ [2]). Послѣдній прибылъ въ Москву 23 мая 1381 года, „князь же великій Дмитрій Ивановичь пріатъ его съ великою честію и любовію“ [3]). Когда же въ декабрѣ того же 1381 года явился въ предѣлы Руси Пименъ, возвращавшійся изъ Константинополя, и достигъ Коломны, пограничнаго города великаго княжества, великій князь велѣлъ схватить его и отправить въ ссылку въ Чухлому (костромскую) не завозя въ Москву [4]), а членовъ посольства развести по разнымъ мѣстамъ и посажать въ желѣза [5]).

Такъ какъ великій князь примирился съ митрополитомъ Кипріаномъ, самъ призвалъ его въ Москву, то казалось бы, что вся эта печальная исторія должна была окончиться; но огромныя деньги, розданныя Пименомъ въ Константинополѣ, способствовали ея дальнѣйшему продолженію. Патріархъ Нилъ, узнавши о печальной участи, постигшей Пимена, обратился къ великому князю съ новыми настоятельнѣйшими ходатайствами: онъ началъ осаждать великаго князя своими грамотами, въ которыхъ онъ, обвиняя Кипріана, ходатайствовалъ за Пимена [6]). Слѣдствіемъ этихъ грамотъ

---

[1]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 249.

[2]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 32.

[3]) П. С. Р. Л. Т. I (Троицкая л.), стр. 233; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 32; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 77 подробно описываетъ пріѣздъ въ Москву и встрѣчу м. Кипріана.

[4]) „Не замая Москвы“ -по свидѣтельству Никоновск. лѣтописи. Ч. IV. стр. 78.

[5]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 77—78; П. С. Р. Л. Т. II, стр. 351; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 32. 42. „Соборное опредѣленіе патріарха Антонія“ (1389 г.) такъ повѣствуетъ о наказаніи пословъ: „Пословъ же, которые ему содѣйствовали, однихъ лишаетъ имущества, другихъ наказываетъ ссылкою, нѣкоторыхъ темницею и ударами, а иныхъ подвергаетъ тягчайшей казни — предаетъ смерти“. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 209—210.

[6]) Тамъ же, столб 209—210.

было то, что великій князь отослалъ Кипріана изъ Москвы и призвалъ на каѳедру заточеннаго Пимена [1]). Пробывъ слишкомъ три года въ Константинополѣ, возвратился (въ началѣ 1383 г.) на Русь Діонисій суздальскій, получившій отъ патріарха санъ архіепископа [2]), и задумалъ здѣсь достать себѣ подъ Пименомъ престолъ русской митрополіи, о которомъ давно мечталъ. Разсказалъ ли онъ великому князю исторію поставленія Пимена во всей ея безобразной правдѣ, или впервые сообщилъ ему о громадной суммѣ денегъ, запятой Пименомъ и послами на его—великаго князя имя, но только онъ достигъ того, что возстановилъ великаго князя противъ Пимена:

[1]) П. С. Р. Л. Т. I (Троицкая лѣт.), стр. 233; Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 139, 140; П. С. Р. Л. Т. V, стр. 238; Т. VIII, стр. 48; Новгородск. 1 лѣт., стр. 370. См. также Е. Е. Голубинскій. П. Р. Ц. Т. II. II I. стр. 250—251; М Макарій. П. Р. Ц. Т. IV, стр. 72—73. Митрополитъ Платонъ по поводу неудовольствія великаго князя Дмитрія Ивановича на м. Кипріана за его отъѣздъ изъ Москвы въ Тверь во время нашествія Тохтамыша замѣчаетъ: „Никакъ не вѣроятно, какъ нѣкоторые лѣтописцы пишутъ, что яко бы князь Димитрій, прогнѣвался за то, что онъ отлучился изъ Москвы: ибо и самъ великій князь изъ нея убѣжалъ. И ему болѣе, нежели митрополиту, надлежало градъ свой защищать... Вѣроятнѣе другой лѣтописецъ пишетъ, что по бытности митрополита въ Твери, князь тверской поѣхалъ въ Орду, доискиваться великаго княженія, и великій князь подозрѣвалъ, что онъ то учинилъ по совѣту митрополита". „Краткая церковная россійская исторія". Т. I, стр. 215. Митрополитъ Макарій также высказываетъ взглядъ, что великаго князя „могло огорчить не столько то, что Кипріанъ удалился тогда изъ Москвы, сколько то, что онъ удалился именно въ Тверь—къ родственнику Ольгерда и давнему врагу московскаго князя—Михаилу Александровичу, который первый потомъ послалъ дары къ Тохтамышу и получилъ отъ него ярлыкъ". П. Р Ц. Т. IV, стр. 72 (см. также Т. Барсовъ. „Константинопольскій патріархъ...", стр. 466). Взглядъ этотъ имѣетъ достаточныя основанія, чтобы совершенно игнорировать его, какъ это дѣлаетъ профессоръ Е. Е. Голубинскій, высказывающій мнѣніе, что наши лѣтописи, не зная о стараніяхъ патріарха предъ вел. княземъ за Пимена, считаютъ гнѣвъ великаго князя на Кипріана за его бѣгство изъ Москвы дѣйствительной причиной его удаленія (П. Р. Ц. Т. II. II I, стр. 251, примѣч. 1). Не умаляя значенія патріаршихъ ходатайствъ за своего ставленника—Пимена, ходатайствъ весьма сильныхъ и многократныхъ, мы также должны дать мѣсто совершенно основательному предположенію м Макарія и проф. Барсова, что великій князь могъ быть недоволенъ на Кипріана за его бѣгство *именно въ Тверь*. Объ этомъ см. С. М. Соловьевъ. П. Р. Т. III, столб. 960—969; 983—984; С. Г. Г. и Д. Т. I. № 28; П. Знаменскій. П. Р. Ц., стр. 86—87. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 136—139; П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 90; П. С. Р. Л. Т. III, стр. 92—93; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 47—48; Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Арх. К. (Спб. 1888), стр. 370—371.

[2]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 48.

великій князь послать Діонисія въ Константинополь, давъ ему въ спутники симоновскаго архимандрита Ѳеодора „управленія ради митрополіи русскія", какъ глухо говорятъ русскія лѣтописи, а по свидѣтельству греческихъ актовъ, для того, чтобы требовать низложенія Пимена и хлопотать о поставленіи на его мѣсто самого Діонисія [1]). Здѣсь Діонисій, съ своей стороны, старался расположить къ себѣ, кого нужно, льстивыми словами и другими незаконными средствами -„вѣроятно, обычными подарками и деньгами", по вѣрному замѣчанію митрополита Макарія [2]). „Не можетъ не подлежать никакому сомнѣнію, замѣчаетъ другой историкъ церкви, что патріархъ очень хорошо зналъ о незаконности и подложности кандидатуры Пимена и въ то время, какъ ставилъ его въ митрополиты: но теперь ему были принесены и представлены формальныя заявленія относительно этого лица отъ великаго князя, и ему ничего не оставалось дѣлать, какъ притвориться введеннымъ въ обманъ и отказаться отъ Пимена, т. е. пожертвовать симъ послѣднимъ" [3]). Дѣйствительно, патріархъ такъ и поступилъ. Вотъ что мы читаемъ въ соборномъ опредѣленіи 1389 года: „Послѣ того, какъ противъ Пимена высказано было столько обвиненій, соборъ съ согласія патріарха и соизволенія на то высочайшаго и святого моего самодержца, признать справедливымъ, послать двухъ архіереевъ и сановниковъ -одного изъ церковныхъ, другого--царскаго, чтобы они изслѣдовали дѣло Пимена и, если окажется справедливымъ, что говорятъ на него, именно, что онъ рукоположенъ при помощи обмана, лжи и подлога, то пусть низложатъ его, извергнутъ изъ церкви и поставятъ въ ней Діонисія" [4]). Патріархъ не рѣшился поставить Діонисія въ митрополиты, какъ можно думать, потому, что желалъ помирить великаго князя съ Пименомъ, и недовѣрялъ Діонисію, считая представленныя имъ грамоты великаго князя подложными. Осенью 1384 года или зимой 1384 -1385 г. явились въ Москву патріаршіе митрополиты [5]), но не могъ явиться туда нареченный въ митрополиты Діонисій, котораго, при помощи кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича, задержалъ въ Кіевѣ митро-

---

[1]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія. № 33. столб. 211—212.

[2]) И. Р. Ц. Т. IV, стр. 73.

[3]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 252.

[4]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія. № 33. столб. 211—214. См. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 145.

[5]) Матѳей и Никандръ. П. С. Р. Л. Т. VIII. стр. 49. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 74. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 253.

политъ Кипріанъ, чтобы избавиться отъ новаго соперника. Около года прожилъ Діонисій въ Кіевѣ подъ стражею и тамъ скончался 15 октября 1385 года[1]; сопровождавшій же Діонисія въ Константинополь Ѳеодоръ симоновскій благополучно возвратился домой и принесъ отъ патріарха—себѣ самому санъ архимандрита, а своему монастырю право ставропигіи[2]). „Какъ видно, добавляетъ по этому случаю проф. Е. Е. Голубинскій, въ Константинополѣ господствовали тогда такіе нравы, что если бы отправились туда за покупками всѣ русскіе епископы и игумены, то никто не возвратился бы съ пустыми руками“[3]). Великій князь и послѣ захвата Діонисія въ Кіевѣ не хотѣлъ примириться ни съ Пименомъ, ни съ Кипріаномъ, вслѣдствіе участія послѣдняго въ насильственномъ задержаніи Діонисія. Можно думать, что великій князь требовалъ поставленія себѣ новаго митрополита, но новый митрополитъ не былъ поставленъ, и великому князю предстояло то, что при существованіи двухъ митрополитовъ, онъ не будетъ имѣть у себя ни одного. Оставивъ патріаршихъ пословъ въ Москвѣ пользоваться гостепріимствомъ великаго князя, Пименъ въ маѣ (9-го) 1385 года снова отправился въ Константинополь, чтобы хлопотать тамъ объ укрѣпленіи себя на каѳедрѣ русской митрополіи[4]), зайдя передъ отправленіемъ въ Константинополь въ Новгородъ за пошлинами митрополичьяго мѣсячнаго суда[5]).

[1]) Лѣтописи ошибочно утверждаютъ, будто Діонисій былъ поставленъ патріархомъ въ митрополиты. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 49. О его смерти см. тамъ же, стр. 49. П. С. Р. Л. Т. II, стр. 351, подъ 1384 годомъ; П. С. Р. Л. Т. IV (Новгородская 4 лѣт.), стр. 97.

[2]) Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 145; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 49. См. также Никоновск. лѣт. Ч. IV, „О составленіи монастыря на Симоновѣ“, стр. 227—231.

[3]) Е. Е. Голубинскій. П. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 254. Объ этомъ также краснорѣчиво свидѣтельствуетъ и „Окружная грамота Литовскаго великаго князя Александра Витовта, объ отдѣленіи Кіевской митрополіи отъ Московской, и о поставленіи въ санъ Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака“. „И то ему на нихъ (царя и патріарха) гораздо познали, говоритъ Витовтъ, што жъ они хотятъ того, штобы по своей воли ставити митрополита, по закупу, хто ся у нихъ закупитъ на митрополью, штобы таковой въ ихъ воли былъ, злѣ бы грабя, пусто чиня, а къ нимъ выносилъ“. Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. Т. I, № 25, стр. 36.

[4]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 49; П. С. Р. Л. Т. IV (Новгородская 4-ая лѣт.), стр. 91.

[5]) П. С. Р. Л. Т. V, стр. 239. Соборное опредѣленіе 1389 г. утверждаетъ, что послы патріарха, „разслѣдовавъ дѣла Пимена, нашли всѣ обвиненія противъ него правильными и извергли его изъ церкви..., а Пименъ, извергнутый изъ той церкви, согласно состоявшемуся здѣсь соборному рѣшенію патріар-

Послѣ прибытія Пимена въ Константинополь [1]), патріархъ выписалъ къ себѣ грамотой Кипріана, который и явился туда въ сопровожденіи патріаршихъ митрополитовъ, возвратившихся изъ Москвы. Патріархъ не желалъ ставить новаго митрополита на Москву, но предложилъ дать судъ двумъ существующимъ, чтобы рѣшить, который изъ нихъ долженъ быть признанъ имѣющимъ законное право на каѳедру русской митрополіи. „Совершенно непонятно, говоритъ историкъ русской церкви, почему и по какимъ побужденіямъ патріархъ, столько передъ великимъ княземъ виновный дѣломъ поставленія Пименова, хотѣлъ навязать ему того или другого изъ не желаемыхъ имъ митрополитовъ. Но не только непонятно, но и совершенно не можетъ быть извинено поведеніе патріарха, который, предполагая дать великому князю того или другого изъ нежелаемыхъ послѣднимъ митрополитовъ, не хотѣлъ дать ему ни одного: митрополиты въ ожиданіи суда прожили въ Константинополѣ, а великій князь пробылъ въ неизвѣстности, кто будетъ у него митрополитомъ и безъ всякаго митрополита, около трехъ лѣтъ до конца 1387-го—начала 1388 года. Медлилъ ли патріархъ такъ долго судомъ потому, что вообще не находилъ нужнымъ торопиться съ дѣлами русской церкви, или же онъ имѣлъ къ этому какія нибудь другія особенныя побужденія: но когда видишь, что на цѣлую церковь люди смотрѣли какъ на свою игрушку, то невольно овладѣваетъ тобою страшная грусть...“ [2]).

Столь печальное положеніе русской церкви, переживавшей смутное время и остававшейся нѣсколько лѣтъ безъ митрополита, заставило новгородцевъ, по свидѣтельству новгородской четвертой лѣтописи, усиленно просить своего архіепископа Алексія, оставившаго добровольно каѳедру и переселившагося въ „монастырь святого Въскресенія на Деревяницю своего ради нездравія“ не покидать дома святой Софьи въ такую тяжелую пору. „Посадникъ же Есифъ Захарьинъ, читаемъ мы въ лѣтописи, съ мужи старѣйшими, бища ему челомъ и много молища й всѣмъ Новымгородомъ о томъ,

ха, бѣжалъ оттуда, сложивъ съ себя монашескія одежды, надѣлъ мірскія и, послѣ долгихъ скитаній съ мѣста на мѣсто, достигнулъ царствующаго града“. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 213—214.

[1]) По прибытіи Пимена въ Константинополь патріархъ дозволилъ ему священнодѣйствовать и пользоваться архіерейскими преимуществами, пока не возвратятся послы, производившіе надъ нимъ слѣдствіе. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV. стр. 74—75. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 215—216.

[2]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 254—255.

чтобы онъ побылъ (вар. „еще побылъ") въ домy Святѣй Софьи дондеже извѣдаемъ, кто будетъ митрополитъ Русской земли" [1].

Наконецъ, Кипріанъ одолѣлъ Пимена, а послѣдній, сойдясь съ Ѳеодоромъ симоновскимъ, вновь присланнымъ великимъ княземъ къ патріарху [2] съ подтвердительными требованіями къ патріарху о низложеніи Пимена и съ доказательствами его виновности [3], не дожидаясь соборнаго суда надъ митрополитами, „сдѣлались единомышленниками (ἀλλήλοις ὁμονοήσαντες) и, вступивъ въ заговоръ между собой и давъ другъ другу клятвы и сдѣлавъ нѣкоторыя взаимныя обязательства и вступивъ въ нѣкоторыя неподобныя связи" бѣжали изъ Константинополя въ Анатолію (Малую Азію) къ туркамъ и, „найдя у нихъ поддержку, осыпали многими ругательствами и царство и церковь (πολλὰς ὕβρεις ἐκχέαντες κατὰ τῆς βασιλείας ἅμα καὶ τῆς ἐκκλησίας)", т. е. бранили и императора и патріарха [4]. Вѣроятно, Пименъ, увидѣвши, что въ Константинополѣ шансы побѣды склоняются на сторону Кипріана, бѣжалъ къ туркамъ, покорившимъ значительнѣйшую часть византійской имперіи, чтобы при турецкой поддержкѣ и помощи оказать давленіе на императора и патріарха и, такимъ образомъ, одержать верхъ надъ своимъ противникомъ [5]. Но Пимену не удалось выиграть дѣло при помощи турокъ; императоръ и патріархъ нѣсколько разъ и усиленно приглашали бѣглецовъ возвратиться въ Константинополь [6],

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 95

[2]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 50.

[3]) Митрополитъ Платонъ въ своей „Краткой церковно-россійской исторіи" высказываетъ предположеніе, о томъ, не желалъ ли великій князь, чтобы Ѳеодоръ былъ поставленъ въ митрополиты всея Руси. Но основаніемъ для такого взгляда служитъ лишь неполнота свѣдѣній въ нашихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ не сказано, для какихъ цѣлей былъ посылаемъ Ѳеодоръ въ Константинополь, но лишь сообщается, что онъ возвратился оттуда въ санѣ архіепископа. „Краткая церковно-россійская исторія" (изд. 2). Т. I, стр. 223, 226.

[4]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 215—218. Ср. также въ „Троицкомъ Патерикѣ" (изданіе Троицкой Сергіевой Лавры, 1896 г.), стр. 82—83, гдѣ сказано, что Ѳеодоръ, „въ ожиданіи полнаго собора (о низложеніи Пимена) отправился съ Пименомъ въ Іерусалимъ: это навлекло на него непріятности со стороны патріарха".

[5]) Объ этомъ см. у Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. II. I. стр. 255—256.

[6]) „Узнавъ объ этомъ (т. е. о бѣгствѣ Пимена и Ѳеодора), высочайшій и святой мой самодержецъ и тотъ святой патріархъ употребили всѣ старанія, чтобы найти ихъ и убѣдить снова возвратиться. Первый послалъ людей, чтобы привести ихъ, второй отлученіе съ грамотою, грозившею запрещеніемъ священнодѣйствія и отлученіемъ, если не возвратятся. Они же никакъ не захотѣли того. И опять послана отъ патріарха грамота, подобная прежней, а отъ святого царя сановники, съ его священными эпколпіями (ἐγκόλπιον—

но они не хотѣли этого сдѣлать, послѣ чего Пименъ былъ низложенъ съ престола, а Кипріанъ былъ провозглашенъ законнымъ митрополитомъ всея Руси. Этотъ патріаршій приговоръ состоялся въ концѣ 1387-го или въ началѣ 1388 года. Но Кипріанъ, признанный законнымъ митрополитомъ всея Руси, не спѣшилъ ѣхать въ Москву, такъ какъ онъ, имѣя за собою такую вину, какъ задержаніе Діонисія, не могъ разсчитывать на благосклонный пріемъ со стороны великаго князя [1]). Пименъ же, несмотря на свое низложеніе, явился въ Москву въ іюлѣ (6-го) 1388 г. [2]) и былъ принятъ великимъ княземъ. Вѣроятно, онъ или утаилъ отъ великаго князя о своемъ низложеніи, найдя себѣ сообщника въ лицѣ Ѳеодора, или же уговорилъ великаго князя, при помощи того же Ѳеодора, принять его, какъ законнаго митрополита. Пробывъ на Руси до весны 1389 года, Пименъ снова отправился въ Константинополь (13 апрѣля) [3]). Если онъ скрылъ отъ великаго князя о своемъ низложеніи, то долженъ былъ опасаться, что обманъ этотъ рано или поздно откроется [4])

одна изъ регалій византійскихъ императоровъ, именно—наперсный крестъ, обыкновенно съ мощами), которыми бы они увѣрили ихъ въ полной безопасности и убѣдили, оставивъ всякій страхъ, возвратиться назадъ". Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 215—218.

[1]) Ср. также конецъ „Грамоты митрополита Кипріана къ преподобному Сергію радонежскому и Ѳеодору..." Р. И. Б. Т. VI. № 20. столб. 185—186. Проф. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II. стр. 518.

[2]) „Пріиде Пименъ митрополитъ на Русь изъ Царяграда, не на Кіевъ же убо, но на Москву токмо, и пріиде безъ исправы, понеже на Кіевѣ бѣ Кипріанъ митрополитъ, а на Москвѣ Пименъ митрополитъ". Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 156.

[3]) Это (третье) путешествіе Пимена подробно описано монахомъ Игнатіемъ, спутникомъ смоленскаго епископа Михаила, находившагося въ свитѣ Пимена. См. Никоновск. лѣт. Ч. IV („Хожение Пиминово во Царь градъ"), стр. 158—177, и отдѣльно у Сахарова въ „Сказаніяхъ русскаго народа", кн. VIII, и въ XII вып. сборника Палестинскаго общества. См. также у А. Н. Пыпина. „Исторія русской литературы". Т. I, стр. 387—389. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864. IV, стр. 135—136.

Въ описаніи путешествія Пимена мы находимъ извѣстіе, что когда онъ сѣлъ въ Азовѣ на корабль, чтобы ѣхать въ Константинополь, то его и часть его свиты арестовали кредиторы митрополита; „сии бо Ѳрязи, повѣствуетъ лѣтопись, отъ града Азова пришедше... господина Пимина митрополита емше сковаше, и Иванна протопопа, и Григорыя протодьякона, и Гермогена архидиякона, и Михаила дияка...", но, по свидѣтельству лѣтописца „помале умолени быша Пиминомъ митрополитомъ, и доволну мзду вземше всѣхъ... отпустиша не вредимыхъ". Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 162.

[4]) Весьма страннымъ кажется и то обстоятельство, почему патріархъ въ продолженіе почти цѣлаго года не увѣдомилъ великаго князя о состоявшемся соборномъ рѣшеніи.

и потому долженъ былъ бѣжать съ новымъ запасомъ денегъ, чтобы еще сдѣлать попытку къ своему утвержденію на митрополичьей каѳедрѣ; если же онъ не обманулъ великаго князя, то въ виду собранныхъ новыхъ денежныхъ средствъ, онъ могъ желать восторжествовать надъ Кипріаномъ, одержавъ надъ нимъ „законную побѣду“, добившись отмѣны соборнаго рѣшенія [1]).

Во время послѣдняго пребыванія Пимена на Руси на константинопольской патріаршей каѳедрѣ произошли перемѣны: умеръ патріархъ Нилъ [2]), а на его мѣсто былъ возведенъ Антоній, который въ самомъ непродолжительномъ времени по своемъ вступленіи на престолъ, составилъ новый соборъ по дѣлу Пимена и Кипріана, изъ которыхъ послѣдній все время находился въ Константинополѣ [3]). Новый соборъ подтвердилъ приговоры предшествующаго, т. е. Пимена признавъ низложеннымъ, а Кипріана законнымъ митрополитомъ всея Руси. Неизвѣстно, что ожидало Пимена въ Константинополѣ: удалось ли бы ему при помощи денегъ добиться своего возстановленія, или еще разъ было бы произнесено его низложеніе;— смерть его въ Халкидонѣ [4]) (11 сентября 1389 года) положила конецъ его прискорбнымъ похожденіямъ [5]).

[1]) О путешествіи Пимена см. у митрополита Макарія. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 76; Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 258—259.

[2]) Въ январѣ 1389 года.

[3]) „Соборное опредѣленіе патріарха Антонія о низложеніи митрополита Пимена и о возстановленіи Кипріана въ званіи митрополита кіевскаго и всея Руси, съ тѣмъ, чтобы впредь навсегда соблюдаемо было единство русской митрополіи“ (1389 г. въ февралѣ). Изъ Acta Patriarchatus, t. II. p. 116—129. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 193—228. См. также А. И. Т. I (Приложенія), № 252, гдѣ помѣщена интересная „Заемная кабала, въ Царѣградѣ, Кіевскаго Митрополита Кипріана и Ростовскаго Архіепископа Ѳеодора, въ тысячи Новгородскихъ старыхъ рублей“ (1389 г. сентября 8), свидѣтельствующая о томъ, что русскому духовенству дорого обходилось его пребываніе въ Константинополѣ. См. В. С. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія, стр. 291—292. Ср. письмо (6-ое) Исидора къ м. Фотію, помѣщенное въ сборникѣ В. Э. Регеля. Analecta Byzantino-Russica, стр. 69—71.

[4]) Вблизи Константинополя на противоположной сторонѣ Босфора.

[5]) Никоновск. лѣт. Ч. IV. „Хожение Пименово во Царь градъ“, стр. 170; тамъ же, стр. 192. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 52, 60. См. „Источники русской агіографіи“ Барсукова (изданіе Общества Любителей Древней Письменности, LXXXI, Спб., 1882), откуда видно, что въ Святцахъ XVII вѣка (Публич. Библ. №№ 50 и 51), Пименъ занесенъ въ число святыхъ: „Пименъ, митрополитъ Царя града новый чудотворецъ. 10 сентября“, стр. 459. Объ этомъ см. у Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 260, прим. 1-ое; его же—„Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви“, изданіе 2-ое (Москва, 1903), стр. 365.

Новгородская 4-ая лѣтопись ошибочно сообщаетъ, что Пименъ скончался въ Кіевѣ: „Преставися Пименъ митрополитъ въ Кіевѣ“. П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 97.

19 мая 1389 года, не дождавшись конца церковныхъ смутъ, умеръ великій князь Дмитрій Ивановичъ [1]), а вступившій на престолъ сынъ его—Василій Дмитріевичъ согласился принять митрополита Кипріана, чѣмъ и былъ положенъ конецъ печальнымъ замѣшательствамъ на каѳедрѣ русской митрополіи [2]).

Прискорбная исторія поставленія Пимена и отношеніе греческихъ властей къ дѣламъ русской церкви глубоко взволновали и оскорбили религіозное чувство русскихъ. „Это, по словамъ „Соборнаго опредѣленія“ (1389 г.), не только взволновало русскихъ, но и разъярило ихъ противъ каѳолической церкви, такъ что они излили на всѣхъ насъ потокъ многихъ ругательствъ, съ прибавленіемъ насмѣшекъ, обвиненій и ропота“ [3]). „Греческія власти, справедливо говоритъ профессоръ Е. Е. Голубинскій, съ отважною безцеремонностію дозволявшія себѣ по отношенію къ русской митрополіи тѣ вопіющія дѣянія, на которыя онѣ тогда были способны, увѣренно воображали, что стоитъ имъ писать пространно и краснорѣчиво лгущія оправдательныя записки и русскіе безъ возраженій будутъ признавать виновными исключительно самихъ себя. Но онѣ совершенно ошибались. Русскіе заявили свой протестъ противъ нравственной распущенности грековъ рѣшительнымъ, хотя и неожиданно-своеобразнымъ образомъ: они составили себѣ убѣжденіе, что у нравственно-падшихъ людей погибло истинное благочестіе вѣры, и перестали признавать ихъ авторитетъ въ семъ отношеніи“ [4]). Митрополитъ Платонъ, описывая смутныя времена въ русской церкви, происшедшія вслѣдствіе злоупотребленія греческихъ вла-

[1]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 57: „... и тако предасть святую свою душу непорочную въ руцѣ истиннаго Бога, мѣсяца маіа въ 19 (день), на память святаго мученика Патрикіа, въ пятой недѣли по Велицѣ дни, въ среду, долго вечера въ 2 часъ нощи“. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 190—191.

[2]) „И преста мятежь въ митрополіи, -радостно говоритъ лѣтописецъ, - и бысть едина митрополья Кыевъ и Галичь и всея Руси“. П. С. Р. Л. Т. I, стр. 233. Извѣстіе это, впрочемъ не вполнѣ справедливо, такъ какъ въ Галичѣ еще оставался особый митрополитъ Антоній, поставленный туда, несмотря на всѣ прежнія опредѣленія о единствѣ митрополіи, патріархомъ Филоѳеемъ въ 1371 году вслѣдствіе его уступки настояніямъ польскаго короля Казиміра. П. Знаменскій. Руков. по ист. р. церкви, стр. 85, 87. О пріѣздѣ митрополита Кипріана въ Москву и о торжественной встрѣчѣ его великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ см. Никоновск. лѣт. Ч. IV, стр. 192—193; П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 97. Т. Барсовъ. „Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію“ (Спб., 1878), стр. 104. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864. IV, стр. 137—138.

[3]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 213—214.

[4]) И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 261.

сей, говоритъ: „Никакъ не можно извинить предосудительную поступку патріарховъ цареградскихъ (подъ этимъ предосудительнымъ поступкомъ архипастырь подразумѣваетъ поставленіе Нимена и Діонисія): и надлежало для избѣжанія таковыхъ соблазновъ, чтобъ церковь россійская отъ сего цареградскихъ патріарховъ, злоупотребляемаго права освобождена была“ [1]). Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ профессора М. А. Дьяконова, что эта церковная смута, когда въ Константинополѣ поставили сразу нѣсколькихъ митрополитовъ на Русь, должна была подтвердить подозрѣнія относительно искренности дружбы и благорасположенія византійской имперіи и церкви къ Москвѣ и во всякомъ случаѣ подрывала авторитетъ вселенской церкви и императора. Въ Москвѣ прямо говорили, что они-то и виновны въ смутѣ [2]). И дѣйствительно, со времени поставленія Нимена и печальнѣйшихъ замѣшательствъ на каѳедрѣ русской митрополіи, къ которымъ оно подало поводъ, наши предки начинаютъ смотрѣть на грековъ, какъ на людей нравственно-несостоятельныхъ и глубоко падшихъ; этотъ же взглядъ, какъ было упомянуто нами выше, несомнѣнно, былъ причиною того неожиданнаго и страннаго вывода, будто позднѣйшіе греки (послѣ флорентійской уніи) измѣнили чистотѣ православія своихъ предковъ. Едва ли могъ хорошо относиться къ грекамъ и великій князь Дмитрій Ивановичъ, которому пришлось быть жалкою игрушкой въ рукахъ греческихъ вла-

---

[1]) „Краткая церковная россійская исторія“. Т. I, стр. 219.

[2]) Проф. М. А. Дьяконовъ. „Власть московскихъ государей“. стр. 23. О предосудительности поведенія греческихъ властей въ дѣлѣ поставленія въ митрополиты Кипріана, Нимена и Діонисія энергически свидѣтельствуетъ „Соборная грамота Литовскихъ епископовъ, о избраніи и посвященіи Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака“, которая прямо говоритъ о томъ, что въ Константинополѣ поставили Кипріана, Нимена и Діонисія „и иныхъ многыхъ“, „не смотряше на честь церковную, но смотряше на злато и сребро много“. „Отеюду быша долгы велики, и проторы многи, и молвы и смущенія, и мятежи, убійства, и, еже всѣхъ лютѣйше, безчестіе церкви Кіевской и всеи Руси“. „Акты, относящіеся къ исторіи Западной Руси“. Т. I, № 24, стр. 35. Эта грамота епископовъ говоритъ лишь о подкупности императора и „о насилованіи“ его, „еже на церковь Божію“, когда митрополиты „куплею поставлени бываютъ отъ царя, мірянина будуща человѣка“.—„Окружная же грамота Литовскаго князя Александра-Витовта, объ отдѣленіи Кіевской митрополіи отъ Московской и о поставленіи въ санъ Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака“ указываетъ и на императора, и на патріарха, какъ на участниковъ этихъ предосудительныхъ дѣяній: „И мы то есмо на нихъ (царя и патріарха) гораздо познали, што жъ они хотятъ того, хто ся у нихъ накупитъ на митрополью, штобы таковый въ ихъ воли былъ, здѣ бы грабя, пусто чиня, а къ нимъ выносилъ“. Тамъ же. Т. I, № 25, стр. 36.

стей [1]); но объ его сынѣ и преемникѣ Василіи Дмитріевичѣ мы знаемъ, что онъ открыто и не стѣсняясь выражалъ свое пренебреженіе къ константинопольскому патріарху и византійскому императору и требовалъ отъ митрополита, чтобы имя императора не было поминаемо въ диптихахъ во время богослуженія. Объ отношеніяхъ Василія Дмитріевича къ патріарху и императору мы узнаемъ изъ дошедшей до насъ грамоты константинопольскаго патріарха Антонія отъ 1389 года къ великому князю [2]). Такъ какъ эта грамота прекрасно рисуетъ взаимныя отношенія церкви и государства въ Византіи, отношеніе императора, этого „поборника и защитника церкви (τοῦ τῆς ἐκκλησίας προαγωνιστοῦ καὶ προμάχου)" къ дѣламъ церкви,— то мы остановимся на этомъ цѣнномъ документѣ съ должнымъ вниманіемъ.

До патріарха Антонія дошли слухи, что великій князь Василій Дмитріевичъ неуважительно относится къ нему, патріарху, и къ его людямъ, которыхъ онъ посылаетъ по дѣламъ въ Москву. Какъ основаніе такого непочтительнаго отношенія патріархомъ указывается умаленіе мірской власти грековъ, потеря ими городовъ и земель [3]). Патріархъ такъ замѣчаетъ великому князю: „Ужели

[1]) Извѣстно, что великій князь былъ крайне возмущенъ поставленіемъ Кипріана при жизни м. Алексія и съ своими приближенными бранилъ за это грековъ. Въ грамотѣ митрополита Кипріана къ Сергію радонежскому, мы находимъ слѣдующее мѣсто: „Слыши небо и земля и вси христіане, что сътвориша надъ мною христіане, что же ли сотвориша патріаршимъ посломъ, хуляще на патріарха, и на царя, и на соборъ великій: патріарха литвиномъ назвали, царя также, и всечестный соборъ вселенскій". Р. И. Б. Т. VI, № 20 (1378 г. іюня 23. „Грамота митрополита Кипріана къ преподобному Сергію радонежскому и Ѳеодору, игумену симоновскому, съ жалобами на великаго князя Дмитрія Ивановича и съ обличеніемъ незаконныхъ притязаній архимандрита Митяя на московскую митрополію"), столб. 185.

[2]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 40 („Грамота патріарха Антонія къ великому князю Василію Дмитріевичу съ извѣстіемъ о мѣрахъ, принятыхъ противъ непокорныхъ митрополиту новгородцевъ и съ укоризною за неуваженіе къ патріарху и царю". Изъ Acta Patriarchatus, t. II, p. 188—192), столб. 265—276.

[3]) „Если мы, за общіе грѣхи, потеряли города и земли, то отсюда не слѣдуетъ, что мы должны терпѣть презрѣніе отъ христіанъ: пусть мы уничтожены въ мірской власти, но христіанство проповѣдуется повсюду и мы имѣемъ ту же честь, какую имѣли апостолы и ихъ преемники. И они не имѣли человѣческой славы и мірской власти, напротивъ были гонимы и оскорбляемы нечестивыми, такъ что ежедневно умирали; но ихъ величіе и власть, которыя они имѣли у христіанъ, были превыше всякой чести". Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 40, столб. 269—270.

ты не знаешь, что патріархъ занимаетъ мѣсто Христа, отъ Котораго онъ и посаждается на владычнемъ престолѣ? Не человѣка ты уничижаешь, но самого Христа! И, наоборотъ, кто чтитъ патріарха, чтитъ самого Христа... Поэтому, сынъ мой, пишу, внушаю и совѣтую твоему благородію (τῇ εὐγενείᾳ σου), чтобы ты также чтилъ патріарха, какъ самого Христа, и оказывалъ уваженіе его словамъ, грамотамъ, извѣщеніямъ и людямъ, которыхъ онъ посылаетъ: это полезно и для твоей души, и для твоей чести, и для твоей власти" [1]). Но великій князь, очевидно, не отрицалъ патріарха, какъ главнаго представителя православной церкви. Отношенія же Василія Дмитріевича къ византійскому императору, какъ увидимъ дальше, были еще гораздо худшія. „Съ огорченіемъ слышу еще, что твоимъ благородіемъ сказаны нѣкоторыя слова и о высочайшемъ и святомъ самодержцѣ-царѣ. Говорятъ, что ты не позволяешь митрополиту поминать божественное имя царя въ диптихахъ, т. е. хочешь дѣла совершенно невозможнаго, и говоришь: „мы-де имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ (ἐκκλησίαν ἔχομεν ἡμεῖς, βασιλέα δὲ οὔτε ἔχομεν, οὔτε λογιζόμεθα)". Въ отвѣтъ на это патріархъ старается доказать великому князю, что по своему положенію въ мірѣ церковь предполагаетъ и требуетъ существованія царя съ принадлежащими ему преимуществами власти [2]). „Это нехорошо. Святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви (ὁ βασιλεὺς ὁ ἅγιος πολὺν τόπον ἔχει εἰς τὴν ἐκκλησίαν) [3]); онъ не то, что другіе помѣстные князья и государи. Цари въ началѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной (εἰς πᾶσαν τὴν οἰκουμένην); цари собирали вселенскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и о благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ересей (πολλὰ ἠγωνίσαντο κατὰ τῶν αἱρέσεων); наконецъ, цари, вмѣстѣ съ соборами, своими постановленіями опредѣлили порядокъ архіерейскихъ каѳедръ и установили границы митрополичьихъ округовъ и епископскихъ епархій. За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви" [4]). „И если, по божію попущенію, язычники окружили владѣнія и землю царя, все же до настоящаго времени царь получаетъ тоже самое поставленіе отъ

[1]) Тамъ же, столб. 269—270.

[2]) В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 519.

[3]) См. А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей грекорусской полемики противъ латинянъ", стр. 65.

[4]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 40, столб. 271—272.

церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ муромъ и *поставляется царемъ и самодержцемъ ромеевъ, т. е. всѣхъ христіанъ* (χειροτονεῖται βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ τῶν Ῥωμαίων, πάντων δηλαδὴ τῶν τῶν χριστιανῶν) [1]). На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей. Власть его въ сравненіи съ прочими такова, что и самые латиняне, не имѣющіе никакого общенія съ нашею церковію, и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую [оказывали] въ прежніе времена, когда находились въ единеніи съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане" [2]). „Итакъ, нѣтъ ничего хорошаго, сынъ мой,—поучаетъ далѣе патріархъ, если ты говоришь: „мы имѣемъ церковь, а не царя". *Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя* (οὐκ ἔνι δυνατὸν εἰς τοὺς χριστιανούς, ἐκκλησίαν ἔχειν καὶ βασιλέα οὐκ ἔχειν). *Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга* (ἡ γὰρ βασιλεία καὶ ἡ ἐκκλησία πολλὴν ἕνωσιν καὶ κοινωνίαν ἔχει, καὶ οὐκ ἔνι δυνατὸν, ἀπ' ἀλλήλων διαιρεθῆναι") [3]). Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, ненстовствовали противъ церкви и вводили развращенные догматы, чуждые апостольскаго и отеческаго ученія. *А высочайшій и святой мой самодержецъ, благодатію Божіею, есть* [государь] *православнѣйшій и вѣрнѣйшій, поборникъ, защитникъ и отмститель церкви* [4]); поэтому невозможно быть архіереемъ и не поминать его [имени]. Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: „Бога бойтеся, царя чтите", не сказалъ „царей", чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но „царя", указывая на то, что *одинъ только царь во вселенной* [5]). И какого это [царя повелѣваетъ чтить апостолъ]?—Тогда еще нечестиваго и гонителя христіанъ!

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) „И если язычники окружили землю царя, продолжаетъ патріархъ, то христіанамъ не слѣдуетъ презирать его за это; напротивъ, это самое да послужитъ для нихъ урокомъ смиренія и заставитъ ихъ подумать, что если *великій царь, господинъ и начальникъ вселенной, облеченный такою силою,* поставленъ въ столь стѣснительное положеніе, то что могутъ потерпѣть разные другіе мѣстные властители и князья" (курсивъ нашъ). Тамъ же, столб. 271—274.

[3]) Курсивъ нашъ.

[4]) То же.

[5]) То же.

Но какъ святой и апостолъ, провидя въ будущемъ, что и христіане будутъ имѣть *одного царя* [1]), поучаетъ чтить царя нечестиваго, дабы отсюда поняли, какъ должно чтить благочестиваго и православнаго. Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоивали себѣ имя царя, то всѣ эти примѣры суть *ничто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тиранніи и насилія* [нежели права]" [2]).

Мы остановились на разсмотрѣніи тѣхъ замѣчательныхъ мѣстъ этой грамоты, которыя близко касаются изслѣдуемаго нами вопроса. Дѣйствительно, въ этомъ посланіи патріарха Антонія, какъ мы могли замѣтить выше, съ замѣчательною силою, выпуклостью и полнотою воспроизводятся патріотическіе взгляды грековъ конца XIV вѣка на міровое значеніе своей церкви, государства и ихъ верховныхъ представителей -царя и патріарха. По глубокому убѣжденію патріарха и его соотечественниковъ, на землѣ можетъ быть *только одна истинная вселенская церковь, только одно государство*, которое охраняетъ ее и даетъ силу церковнымъ постановленіямъ, *только одинъ православный царь*. Теорія эта, выработанная на основаніи особенностей строя Византіи, примѣнялась греками только къ Византіи. Несмотря на политическія невзгоды государства, потерю значительныхъ частей имперіи, патріарху даже не приходитъ въ голову, что рядомъ съ Византіею можетъ возникнуть одинаково правоспособное царство, съ одинаковою полнотою власти его главы [3]). По мнѣнію патріарха, такіе цари могутъ явиться только беззаконными узурпаторами, тиранами, захватившими власть въ свои руки путемъ насилія, разрушителями единства міровой церкви и міровой власти, освященныхъ самимъ Богомъ. „...Какіе Отцы, какіе соборы, спрашиваетъ патріархъ, какіе каноны говорятъ о тѣхъ [царяхъ]?" Но все, и сверху и снизу, гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются по всей вселенной, и его только имя повсюду поминаютъ христіане, а не чье либо другаго" [4]). За патріарха говоритъ исторія, онъ чувствуетъ твердую почву для своихъ положеній; но онъ совершенно не предчувствуетъ еще, что та же самая исторія готовитъ его отечеству такой погромъ, который неизбѣжно поставитъ вопросъ о преемствѣ византійской имперіи и византійскаго царя въ силу

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 40, столб. 273—276. Курсивъ нашъ.

[3]) В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 520—521.

[4]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 40, столб. 275—276.

выраженнаго имъ принципа: неразрывнаго единенія вселенской православной церкви и христіанской государственной власти [1]).

Эта же грамота рисуетъ намъ съ полною ясностью отношенія византійскихъ императоровъ къ вселенской церкви и патріархамъ, а также и къ русской церкви.

Не подлежитъ сомнѣнію, что византійскіе императоры считали себя въ правѣ относиться и къ русской церкви точно такъ же, какъ и ко всякой другой митрополіи константинопольскаго патріархата. Это право, по глубоко авторитетному мнѣнію покойнаго А. С. Павлова, въ теоріи утверждалось на идеѣ христіанской *міродержавной* римской имперіи, глава которой, какъ помазанникъ Божій, есть верховный покровитель *вселенской* церкви, во всѣхъ ея частяхъ, гдѣ бы онѣ не находились (т. е. хотя бы даже и за предѣлами имперіи). (Съ особенною полнотою эта теорія развита двумя греческими канонистами Вальсамономъ и Димитріемъ Хоматиномъ. См. Pichler. Geschichte d. kirchl. Trennung zw. Orient und Occident. B. I, s. 414—515). Практическому осуществленію этого права благопріятствовало то обстоятельство, что и самъ „вселенскій" патріархъ, во многихъ отношеніяхъ стоялъ подъ властью императора. „Такимъ образомъ, на общихъ основаніяхъ византійскаго церковно-государственнаго права, императоры, во-первыхъ, при самомъ учрежденіи русской митрополіи указали ей мѣсто или „чинъ" въ ряду другихъ митрополій, подчиненныхъ константинопольскому патріаршему престолу, и затѣмъ повышали и понижали ее въ этомъ чинѣ (См. Parthey, Hieroclis Synecdemus et notitiae episcopatuum, по указателю подъ словомъ Ῥωσία); во-вторыхъ, издавали законы какъ о раздѣленіи русской митрополіи на двѣ, такъ и о возстановленіи ея прежняго единства; въ-третьихъ, утверждали избранныхъ патріархомъ и его синодомъ, или посланныхъ изъ Руси кандидатовъ на тамошнюю митрополію" [2]). „Какъ вообще патріархъ въ управленіи византійскимъ патріархатомъ не былъ высшею правительственною властію, уступая первое мѣсто императору византійскому; такъ точно и въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ высшимъ авторитетомъ признавалась *власть византійскаго императора*, въ идеѣ продолжавшаго считать себя главою міродержавной римской имперіи и защитникомъ вселенской церкви во всѣхъ ея частяхъ, гдѣ бы она

[1]) В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 521.

[2]) См. напр., Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, №№ 3, 4, 5, 6 и др. А. С. Павловъ. „Теорія восточнаго папизма". Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 756—757.

ши находилась" [1]). Поэтому во всѣхъ актахъ патріархата по дѣламъ русской церкви непремѣнно упоминается, что содержащееся здѣсь постановленіе состоялось съ согласія и по прямому приказанію „высочайшаго и святаго самодержца (τοῦ κρατίστου καὶ ἁγίου μου αὐτοκράτορος)". Вообще патріархи, послушныя орудія императорской политики, не пропускали случая, чтобы представлять въ глазахъ русскихъ всѣ проявленія власти своего „царя" надъ нашею церковію, какъ что-то совершенно необходимое, какъ составной элементъ самаго православія [2]). Приведенную же нами выше грамоту патріарха Антонія покойный канонистъ считалъ „въ этомъ отношеніи въ высшей степени замѣчательной" [3]). Вмѣшательство представителей свѣтской власти въ дѣла церкви нерѣдко ослабляло церковь, лишая ее самостоятельности. Особенно это ослабленіе и лишеніе самостоятельности православной константинопольской церкви, считавшейся первенствующей и заправительницей судебъ множества помѣстныхъ церквей, наблюдается благодаря деспотическому вмѣшательству византійскихъ императоровъ въ ея внутреннюю жизнь [4]).

[1]) Проф. Н. С. Суворовъ. „Курсъ церковнаго права". Т. I, стр. 131.

[2]) Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 756—757.

[3]) Тамъ же, стр. 757. Эту точку зрѣнія раздѣляетъ вполнѣ и выдающійся современный канонистъ проф. Н. С. Суворовъ. Курсъ ц. п. Т. I, стр. 132, прим. 12. См. также „Соборную грамоту Литовскихъ епископовъ, о избраніи и посвященіи Кіевскаго митрополита Григорія Цамблака", краснорѣчиво свидѣтельствующую о вмѣшательствѣ византійскаго императора въ дѣла церкви. „Акты относящіеся къ исторіи Западной Россіи". Т. I, № 24, стр. 35. О вліяніи византійскихъ императоровъ на дѣла русской церкви см. въ изслѣдованіи проф. М. А. Дьяконова стр. 10—13, 14, 22 и др. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 33, столб. 221—222. Проф. Н. С. Суворовъ. „Курсъ церковнаго права". Т. I, стр. 127—132, гдѣ указана литература вопроса. В. И. Сергѣевичъ. Юридическія древности. Т. II, стр. 498 и слѣд. В. Савва. Московскіе цари и византійскіе василевсы. Харьковъ. 1901, стр. 198—204.

[4]) Св. И. Николаевскій. „Утвержденіе патріаршества въ Россіи". Спб., 1880.

См. также—проф. Н. С. Суворова. „Курсъ церковнаго права". Т. I, стр. 62—66, 283. (Здѣсь же приведена литература вопроса). Т. II, стр. 456—461. А. С. Павловъ. Курсъ церковнаго права. Посмертное изданіе редакціи „Богословскаго Вѣстника", выполненное подъ наблюденіемъ доцента Московской духовной Академіи Н. М. Громогласова (Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1902), стр. 466 и слѣд. Д. Ѳ. Бѣляева. Ежедневные и воскресные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X в. 1893. Гл. V и VII. В. И. Сергѣевича. Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 483—497, а также изслѣдованія Ѳ. Курганова, В. Саввы, Ѳ. И. Успенскаго („Какъ возникъ и развился въ Россіи восточный вопросъ"), А. П. Лебедева, Т. Барсова, В. В. Сокольскаго (О характерѣ и значеніи Эпанагоги. Виз. Врем. 1894), Пихлера, Gasquet, Н. Гиншіуса; курсы проф. М. Н. Горчакова (литограф. изда-

Итакъ, мы съ достаточною полнотою остановились на анализѣ и выясненіи тѣхъ печальныхъ событій, которыя способствовали тому важному обстоятельству, что у нашихъ предковъ, ближе узнавшихъ своихъ учителей съ дурной стороны, сложилось убѣжденіе, что греки нравственно пали. Мысль эта, будучи перенесена изъ области нравственной въ сферу вѣроученія, давала нашимъ предкамъ простой и наглядный способъ объяснить то, какимъ образомъ могло случиться, что греки отступили отъ чистоты истиннаго православія. И мы видимъ, что вслѣдъ за флорентійскимъ соборомъ на Руси было провозглашено не только то, что этотъ соборъ повредилъ у грековъ чистоту истиннаго православія, что греки измѣнили древнему благочестію, но и то, что *у насъ на Руси большее православіе и высшее христіанство*, чѣмъ въ Греціи и что мы—*русскіе болѣе благочестивый и лучшій народъ*, чѣмъ греки, потерявшіе всякій авторитетъ въ глазахъ нашихъ предковъ.

Громадное впечатлѣніе флорентійской уніи,—отпаденіе грековъ отъ православія, соединеніе ихъ съ латинянами и подчиненіе папѣ, еще болѣе усиливалось вѣрою нашихъ предковъ въ скорую кончину міра. Мнѣніе о томъ, что послѣ 7000-лѣтняго существованія вселенной послѣдуетъ второе славное пришествіе Христа въ міръ, было очень распространено въ греческой письменности, откуда и перешло въ письменность русскую [1]). Кромѣ авторитета книгъ, въ которыхъ встрѣчалось это мнѣніе, въ пользу его говорили вѣроятность аналогіи между днями творенія и тысячелѣтіями бытія

ніе лекцій 1880—81 ак. г.). П. С. Бердникова и друг. Ср. также блестящій и интересный этюдъ въ области исторіи церковнаго права, принадлежащій перу проф. П. С. Суворова—„Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи". Москва, 1902.

[1]) Эта мысль выступаетъ въ „Откровеніи" Меѳодія Патарскаго, въ сочиненіи Дамаскина „Небеса" и особенно ясно въ житіи Андрея Юродиваго: „Еще бо в седмый вѣкъ мира сего и чтеныи лѣты не кончался есть: но кончанію же его, тогда воздвигнетъ Богъ духъ страшенъ на всю землю, и зберутся кости человѣчьски ко еже къ своему уду, и составятся и прилѣпятся .. и тогда... вострубитъ ангелъ со страхомъ и трепетомъ, и воскреснутъ мертвіи в мгновеніе ока, и сядетъ Судіа и воздастъ комуждо по дѣломъ его. И потомъ к тому начнется осмый вѣкъ: кончины же сей вѣкъ не имѣетъ". Великія Минеи Четіи собранныя Всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ. Октябрь дни 1—3. Изданіе Археографической Коммиссіи. (Спб. 1870), столб. 183. См. также изслѣдованіе проф. В. И. Малинина—„Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, гдѣ на стр. 425—428 сдѣланы подробныя указанія на мнѣнія о концѣ міра послѣ семи тысячъ лѣтъ.

міра. „Чѣмъ ближе становился роковой 1492 годъ, тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе выражается увѣренность въ наступающей кончинѣ міра“ [1]). Митрополитъ Фотій [2]), живой представитель византійскихъ традицій на Руси, въ одномъ изъ своихъ поученій говоритъ: „Сей вѣкъ маловременный преходитъ; грядетъ ночь, житія нашего престаніе, когда уже, никто не можетъ дѣлать. Седьмая тысяча совершается; осьмая приходитъ и не премінетъ, и уже никакъ не пройдетъ. Блаженъ, кто уготовилъ себя къ осьмой тысячѣ, будущей и безконечной“ [3]). Этотъ взглядъ мы встрѣчаемъ и въ лѣтописи [4]).

По вѣрному мнѣнію профессора В. М. Истрина – значительное увеличеніе списковъ у насъ на Руси Откровенія Мефодія Патарскаго въ XV в. объясняется ожиданіемъ близкой кончины міра въ концѣ седьмой тысячи лѣтъ. „Ожиданіе кончины міра, говоритъ почтенный ученый, съ концомъ седьмой тысячи лѣтъ до XV в. мало еще могло пугать воображеніе, именно въ силу своей отдаленности. Но положеніе дѣла должно было измѣниться съ наступленіемъ XV в., или скорѣе второй его половины“ [5]). „Хорошо извѣстно, какъ это ожиданіе дѣйствовало на умы русскихъ людей

---

[1]) Тамъ же, стр. 429. Здѣсь же см. и литературу вопроса.

[2]) Митрополитъ Фотій, 1408—1431 г.

[3]) „Православный Собесѣдникъ“, 1875, мартъ, стр. 313. (А. Вадковскій. Изслѣдованіе о сочин. Фотія, мит. кіевскаго и всея Руси).

Въ житіи Стефана Пермскаго мы находимъ подтвержденіе того, что вѣрованіе въ 7000 лѣтнее существованіе міра было довольно распространеннымъ на Руси. По поводу изобрѣтенія Стефаномъ пермской грамоты „нѣціи же, скудни суще умомъ, рѣша... издавна въ Перми не было грамоты и тако ижившимъ имъ свой вѣкъ безъ нея; нынѣ же въ скончаніи лѣтъ, въ послѣдняя дни на исходъ числа седмыя тысящи, паче же мала ради времени, точію за 120 лѣтъ до скончанія вѣку, грамота замышляти“. Памятники стар. русск. литерат., издан. Кушелевымъ-Безбородко. IV, стр. 152.

[4]) „Братья! здѣ страхъ, здѣ бѣда велика, здѣ скорбь не мала: яко же въ распятіи Христовѣ сій кругъ солнцу быетъ 23, луны 13, сіе лѣто на конци явися, въ онь же часмъ всемірное пришествіе Христово. О Владыко! умножишася безаконія наша на земли: пощади, Владыко, исполни небо и землю славы твоея: пощади насъ, благословенъ грядый во имя Господне. Блюдите убо, братія, извѣстно разумѣйте, кто хощеши, въ то время бѣжи и невѣрія, при насъ Измаилы; Господь не хощетъ смерти грѣшникомъ, но ожидая покаянія“... П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 181.

[5]) Проф. В. М. Истринъ. Откровеніе Мефодія Патарскаго и апокрифическія видѣнія Даніила въ византійской и славяно-русской литературахъ. Изслѣдованіе и тексты. Чт. въ И. О. И. и Др. 1897, II, стр. 235, 240. См. у него же объ исполненіи предсказанія Мефодія о паденіи Константинополя и связи Византіи съ московскимъ царствомъ, стр. 241 и слѣд.

XV вѣка. Нѣтъ ничего, поэтому, невѣроятнаго предполагать связь съ подобнаго рода настроеніемъ такого именно памятника, который такъ ясно говоритъ о концѣ міра. Откровеніе Мефодія стало пріобрѣтать другой смыслъ и на него стали смотрѣть иначе. Если въ древнее время при маломъ сравнительно интересѣ къ эсхатологическимъ сказаніямъ, удовлетворявшемся къ тому же другими памятниками кромѣ Откровенія, послѣднимъ пользовались какъ исторической статьей теперь начинаетъ интересовать сообразно съ общимъ теченіемъ мысли именно эта эсхатологическая сторона памятника". [1]).

Идея о концѣ міра послѣ семи тысячъ лѣтъ его существованія видна и въ сочиненіяхъ м. Іоны [2]), но съ особенною рѣшительностію она выступаетъ въ пасхаліяхъ, которыя, поэтому, вносили сильную тревогу въ сердца русскихъ людей [3]).

Вотъ почему флорентійская унія должна была такъ сильно подѣйствовать на умы московскаго правительства и всѣхъ книжныхъ людей. Сначала въ видѣ слуха, а затѣмъ и воочію, русскіе узнаютъ и убѣждаются, что на „богоотмѣномъ" ферраро-флорентійскомъ соборѣ греки измѣнили православію—соединились съ латинянами и подчинились имъ. „И это, замѣчаетъ проф. В. Н. Малининъ, въ концѣ седьмой тысячи лѣтъ, когда нужно было думать лишь о спасеніи души и нерушимомъ храненіи чистоты богопредданной, православной, Христовой вѣры! Впечатлѣніе злополучной уніи на умы русскихъ людей должно быть подавляющее и одинаково сильно переживалось и благочестивымъ великимъ княземъ московскимъ и малоизвѣстнымъ русскимъ книжникомъ, который въ благочестивомъ ужасѣ читалъ сказанія о зломъ еретикѣ Исидорѣ, бывшемъ

[1]) Тамъ же, стр. 242 „Она (эсхатологическая сторона памятника), поэтому и подверглась наибольшему распространенію, тогда какъ историческая сократилась. Самая замѣна исторической части библейско-апокрифическими сказаніями можетъ указывать на духовную среду, изъ которой вышла интерполированная редакція. На пробужденіе эсхатологическихъ сказаній, приурочивавшихъ конецъ міра къ концу XV в., ясно указываютъ замѣчанія о послѣднихъ царяхъ и царѣ Михаилѣ, распредѣленныя по годамъ второй половины XV в., кончая 1492 г.... Все это составлялось, очевидно, подъ непосредственнымъ возбужденіемъ страха предъ грядущимъ концомъ міра". (Тамъ же, стр. 242).

[2]) Р. И. Б. Т. VI. № 77. Посланіе въ Вятку съ обличеніями народныхъ пороковъ, столб. 607.

[3]) См. изслѣдованіе проф. В. Н. Малинина. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, гдѣ на стр. 430 приводится выдержка изъ пасхаліи на 6965—6969 г.

митрополитѣ московскомъ, и дѣяніяхъ нечестиваго флорентійскаго собора“ [1]).

Предъ глазами нашихъ предковъ невольно рисовались двѣ картины: поведеніе на „суемысленномъ и богоотметномъ“ восьмомъ соборѣ представителей латинства и грековъ, во главѣ съ византійскимъ императоромъ и представителями высшаго духовенства, въ томъ числѣ и русскаго митрополита Исидора, и съ другой стороны— горячее поборничество о православіи великаго князя Василія Васильевича. Сопоставленіе это такъ естественно, что его указываетъ уже Симеонъ суздальскій во введеніи къ своей „Повѣсти“: „...тамо начало злу бывшу греческимъ царемъ Іоанномъ, и Греки сребролюбци и митрополиты. Зде же на Москвѣ утвердися православіемъ русская земля, христолюбивымъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ“ [2]).

Привыкшій къ конкретному мышленію, авторъ торжество православія русской земли сливаетъ нераздѣльно съ личностью великаго князя; въ пышной заключительной рѣчи онъ окружаетъ блестящимъ ореоломъ славы, величія, блеска и религіозной ревности личность великаго князя и *„царствующій“* [3]) градъ Москву: „радуйся благовѣрный княже Василіе, всея русскія земли утвержденіе, а православной вѣрѣ прославленіе и всѣмъ богобоязнивымъ радость. *Радуйся, православный княже Василіе, вѣнцы вѣнцы украсися православныя вѣры греческія*; и съ тобою радуются вси православніи князи рустіи похвалою и радостію духовною своея вѣры нерушимымъ твоимъ утвержденіемъ, и прославися имя твое во всѣхъ земляхъ: и въ латинствѣ и до самаго Рима прославися. А гордаго папы Евгенія злорѣчіе и буйство латинскіе вѣры ветхаго закона непокорьство разори, и его ученика зловѣрнаго хитреца и златолюбца безумнаго и православныя вѣры разорителя и латынскому небла-

[1]) В. Н. Малинин. „Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія“, стр. 446.

[2]) Рукопись Спб. духовной Акад. изъ Софійскаго собр. рукоп., № 1464, л. 409. В. Н. Малинин. „Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія“. Приложенія, XVII, стр. 90.

[3]) „И изгналъ еси его (т. е. Исидора) отъ святыя божественныя церкве соборныя христіанскія въ царствующемъ градѣ Москвѣ, гдѣ лежитъ божественная пища, животворное тѣло святаго митрополита и чюдотворца Петра...“ Повѣсть Симеона суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ. („Исидоровъ соборъ и хожденіе его“). А. С. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“. Приложенія, X, стр. 209.

гословенному собору поборника... злоправнаго Исидора гардинала претвореная легата, бывшаго митрополита рускія земли, изгна отъ божественныя святыя соборныя церкви Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея успенія московскія... *и самому тому греческому царю отступившу свѣта благочестія и омрачившуся тмою латынскія ереси; твое же отечество, княже Василіе, русскія земли просвѣтися свѣтомъ благочестія...*“ [1]).

---

[1]) Сборникъ Спб. духовной академіи изъ собранія Соф. рукописей XVI в., № 1245. В. И. Малининъ. „Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія“. Приложенія, XVIII, стр. 113—114. См. также у А. С. Павлова. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“. Приложенія, X, стр. 208—210; — А. Попова. „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“, стр. 358—359.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Послѣ неудачной попытки Исидора ввести унію въ московской Руси, послѣ его осужденія соборомъ русскихъ епископовъ и низложенія его—каѳедра русской митрополіи оставалась свободной. Хотя въ Константинополѣ, какъ мы видѣли выше, унія была встрѣчена несочувственно большинствомъ народа и духовенства, однако, императоръ, усматривавшій въ союзѣ съ папою единственное средство спасенія гибнущаго государства, находившагося въ самомъ бѣдственномъ положеніи, оставался вѣренъ обязательствамъ, даннымъ имъ римскому первосвятителю на флорентійскомъ соборѣ. Императору также удалось замѣстить патріаршую каѳедру въ Константинополѣ, ставшую праздной послѣ смерти Іосифа во Флоренціи [1]), такимъ же сторонникомъ уніи, какимъ онъ былъ самъ [2]). Такимъ образомъ, въ моментъ низложенія Исидора въ Москвѣ патріархъ и императоръ были такими же (съ внѣшней стороны) уніатами, какъ и низложенный Исидоръ; это обстоятельство, что верховный глава (въ духовномъ отношеніи) русской митрополіи константинопольскій патріархъ и верховный міркой ея распорядитель византійскій императоръ были сторонниками уніи, до крайности затрудняло и смущало московское правительство.

Провозгласивъ Исидора отступникомъ отъ православія и низложивъ его, русскіе должны бы были, будучи послѣдовательными, поступить такимъ же образомъ относительно патріарха и императора: они должны бы были совершенно разорвать церковный союзъ съ Константинополемъ, объявивъ свою церковь независимой. Но наши предки не сдѣлали этого и даже не подни-

[1]) Патріархъ Іосифъ умеръ 10 іюня 1439 г.

[2]) На патріаршую каѳедру былъ поставленъ Митрофанъ (4 мая 1440 года)

мали вопроса о сверженіи церковной власти Константинополя. Разрывъ съ константинопольскимъ патріархомъ, даже уніатомъ и отступникомъ отъ православія,—казался имъ невозможнымъ: они не имѣли на такой смѣлый шагъ мужества и рѣшимости. Поэтому, не отвергая церковнаго союза съ патріархомъ-уніатомъ и не свергая съ себя его власти, русскіе все-таки желали остаться православными и имѣть такого же православнаго митрополита. Исходъ изъ такого затруднительнаго положенія они нашли въ томъ, что рѣшились сами поставить себѣ митрополита, чтобы, не отвергая власти патріарха-уніата, находиться съ нимъ въ фактическомъ разъединеніи и необщеніи. „Митрополитъ, поставленный ими самими, а не патріархомъ, справедливо говоритъ проф. Е. Голубинскій, былъ бы православнымъ по всему,—не только по своимъ мыслямъ, но и по своему посвященію; признавая надъ собою власть патріарха-отступника, онъ собственно пріобщался бы къ его отступничеству, но такъ какъ онъ фактически не сообщался бы съ нимъ, то русскіе и находили это достаточнымъ, чтобы считать его—митрополита совершенно православнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что желая такимъ образомъ устроить дѣло, они хорошо понимали, что желаютъ его устроить не вполнѣ чисто. Но нежеланіе открытаго разрыва съ греками заставляло ихъ соглашаться на то, чтобы допускать номинальную и фиктивную власть надъ собою патріарха-уніата“ [1]).

Итакъ, русскіе, не рѣшаясь свергнуть съ себя власть патріарха-уніата и не желая находиться съ нимъ въ фактическомъ общеніи, должны были испросить себѣ у него разрѣшеніе ставить своего митрополита самимъ въ Москвѣ, не посылая его для посвященія въ Константинополь, бывшій до этого времени высшею инстанціею въ дѣлахъ русской церкви [2]). А такъ какъ было крайне неудобно

---

[1]) И. Р. Ц. Т. II, П. I. стр. 470. Почтенный ученый такъ объясняетъ этотъ своеобразный взглядъ нашихъ предковъ: „Взглядъ тогдашнихъ русскихъ на духовное былъ уже взглядъ, такъ сказать, овеществленный: они не могли допустить, чтобы православный митрополитъ былъ посвященъ для нихъ руками патріарха-уніата, потому что чрезъ это онъ заразился бы отъ него его неправославіемъ; но ихъ православный митрополитъ, хотя и признававшій власть патріарха-уніата, только не приходившій въ непосредственное соприкосновеніе съ послѣднимъ, могъ, по ихъ мнѣнію, оставаться совершенно православнымъ, тѣмъ болѣе, что признаніе власти патріарха было бы со стороны митрополита лишь притворнымъ и неискреннимъ“. Тамъ же, стр. 470.

[2]) „Во весь этотъ періодъ (вѣкъ XIV и первыя десятилѣтія XV-го), читаемъ мы у проф. Ф. А. Терновскаго, Константинополь былъ высшею инстанціею, куда апеллировали возбужденныя іерархическія самолюбія, гдѣ они

и щекотливо обращаться къ патріарху-уніату съ просьбой о разрѣшеніи поставить митрополита самимъ вмѣсто низверженнаго ими митрополита-уніата, то они и обращаются къ патріарху, совершенно игнорируя его неправославіе (какъ будто бы онъ былъ православный), и, допося ему о дѣяніяхъ Исидора и объ его осужденіи русскими епископами, мотивируютъ свою просьбу не тѣмъ, что они не хотятъ имѣть у себя митрополита, поставленнаго патріархомъ-уніатомъ, а совершенно другими побужденіями [1]).

Надо думать, что московское правительство имѣло надежды на исполненіе этой крайне необычной просьбы, такъ какъ разсчитывало на то, что желаніе патріарха сохранить свою власть надъ русскою церковью, скорѣе принудитъ его согласиться видѣть на каѳедрѣ русской митрополіи не уніата, а православнаго митрополита, чѣмъ совершенно потерять свою церковную власть надъ богатою митрополіею.

Великій князь Василій Васильевичъ, на долю котораго выпала отвѣтственная и почетная обязанность стать во главѣ охраны отечественнаго православія и благочестія, быть защитникомъ и покровителемъ вѣры въ столь тяжелое для русской церкви время, рѣшился обратиться къ патріарху съ просьбой о томъ, чтобы ему было позволено избрать и поставить преемника Исидору соборомъ русскихъ епископовъ: надо думать, что это онъ сдѣлалъ или въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ бѣгства Исидора изъ Москвы [2]), или же, что̀ болѣе вѣроятно, даже тогда,

---

надѣялись найти окончательное торжество во взаимныхъ распряхъ, и гдѣ въ концѣ концовъ получалъ перевѣсъ тотъ, кто давалъ больше денегъ, хотя не отпускался совершенно безнадежнымъ и безутѣшнымъ и тотъ, кто давалъ меньше...“ Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. В. II, стр. 18.

[1]) Мы вполнѣ раздѣляемъ взглядъ профессора Е. Голубинскаго, что нельзя дѣлать предположеніе, будто русскіе на самомъ дѣлѣ принимали патріарха Митрофана, къ которому обращались съ просьбой, за православнаго и будто бы они не знали объ его уніатствѣ. „Не говоримъ о томъ, что къ патріарху православному они не имѣли бы побужденій обращаться съ просьбою о дозволеніи поставить митрополита самимъ, но—если они сами тотчасъ же послѣ занятія патріархомъ каѳедры постарались обстоятельно узнать—православный онъ или уніатъ, что они *необходимо* должны были сдѣлать, то во всякомъ случаѣ Исидоръ, когда его судили въ Москвѣ, конечно, представлялъ своимъ судьямъ, что патріархъ такой же уніатъ, какъ и онъ“. II. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 471, примѣч. 1.

[2]) Какъ мы видѣли выше (стр. 121), Исидоръ убѣжалъ изъ Москвы въ ночь съ 14 на 15 сентября 1441 года.

когда Исидоръ находился подъ арестомъ въ Чудовомъ монастырѣ. Посланіе великаго князя къ патріарху, въ извѣстныхъ въ настоящее время спискахъ, не имѣетъ даты, но въ текстѣ дается знать, что оно писано въ 1441 году [1]). Но на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ посланія, писаннаго въ годъ бѣгства Исидора, можно сдѣлать выводъ, что оно писано еще во время пребыванія Исидора въ Москвѣ [2]).

Въ своемъ посланіи великій князь пишетъ патріарху-уніату, игнорируя его неправославіе, и старается съ особенною настойчивостью увѣрить его въ своей твердой и непоколебимой преданности истинному православію. Настойчивое указаніе московскаго правительства на вѣрность православію (при измѣнѣ ему въ Греціи) получало исключительное значеніе: ясно, что *взглядъ русскихъ книж-*

[1]) Посланіе съ обращеніемъ къ лицу патріарха и съ указаніемъ въ его текстѣ 1441 года помѣщено въ Акт. Истор. Т. I, № 39, стр. 71—75 и перепечатано въ Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 525—536. „Посланіе великаго князя Василія Васильевича константинопольскому патріарху Митрофану, объ отступленіи отъ православія митрополита Исидора, съ требованіемъ согласія на поставленіе другого митрополита". То же самое посланіе, обращенное къ лицу греческаго императора, находится въ П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 162—167, (2-ая Соф. л.) и ошибочно отнесено къ 1438 году, тогда какъ въ самомъ текстѣ имѣются прямыя свѣдѣнія, о времени его написанія: „...и мы нынѣ Божіею благодатію жительствуемъ, донелѣже Богъ благоволитъ, и имѣемъ нынѣ четыреста и пятдесятъ лѣтъ и три лѣта Богомъ наставляеми, благочестіе имуще".

[2]) Въ посланіи не говорится о бѣгствѣ осужденнаго и низложеннаго Исидора изъ Москвы, а употребляются о немъ такія выраженія, какъ будто онъ находился еще на лицо: „сей Исидоръ", „предпреченный сей Исидоръ". Великій князь, выражаясь не совсѣмъ опредѣленно и точно, говоритъ что, онъ рѣшился обратиться къ царю и патріарху тотчасъ послѣ того, какъ „явися всѣмъ боголюбивымъ епископомъ русскимъ, и честнѣйшимъ архимандритомъ .. яко чюже есть и страшно отъ божественныхъ правилъ Исидорово все дѣло и прихожденіе", т. е. тотчасъ послѣ осужденія Исидора соборомъ. Въ посланіи митрополита Іоны литовскимъ князьямъ и панамъ о непоколебимомъ пребываніи ихъ въ православной вѣрѣ и о непризваніи митрополитомъ Исидорова ученика Григорія (А. И. Т. I, № 66, стр. 119, Р. И. Б. Т. VI, № 85, столб. 638), и въ его же посланіи къ литовскимъ епископамъ о незаконномъ кіевскомъ митрополитѣ Григоріи (Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 654; М. Макарій И. Р. Ц. Т. VI, Приложенія, № 1, стр. 367) —говорится, что Исидору, послѣ его осужденія повелѣно „побыти въ монастыри святаго архангела Михаила, доколѣ господинъ и сынъ мой князь великій обощлется съ великымъ съборомъ Царяграда..." Подъ этою „обсылкою" и надо подразумѣвать именно это посланіе, такъ какъ о болѣе ранней посылкѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній и нѣтъ основаній и вѣроятности предполагать ее. Е. Е. Голубинскій, И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 472.

никовъ на Русь, какъ единственную хранительницу православія, становится достояніемъ и взглядомъ русскаго правительства [1]). Можно предполагать, что великій князь думалъ такимъ образомъ отнять у патріарха всякую надежду привлечь русскихъ къ уніи и заставить его согласиться на просьбу великаго князя о дозволеніи имъ самимъ поставить себѣ митрополита. Обширное по своему объему посланіе принадлежитъ перу неизвѣстнаго, сравнительно искуснаго грамотника и представляетъ изъ себя, по мнѣнію проф. Е. Голубинскаго, литературное произведеніе „весьма нехудое" [2]). Обращаясь къ патріарху, котораго въ посланіи великій князь именуетъ „святѣйшимъ владыкою" и „правителемъ душъ православнаго христіанства", Василій Васильевичъ говоритъ, что православная христіанская вѣра „восіа (вар. „провозсіа") и возрасте въ царьствующемъ преименитѣмъ градѣ, въ отечьствіи царя гречьскаго отъ благочестиваго и святаго самодрьжца всея вселеныа царя Коньстяньтина", что изъ Греціи она была перенесена въ Россію святымъ Владиміромъ, послѣ тщательнаго испытанія всѣхъ вѣръ, что отъ св. Владиміра и до смерти патріарха Фотія русскіе твердо и непоколебимо содержали заимствованную ими отъ грековъ православную вѣру [3]). По смерти же Фотія былъ посланъ въ Константинополь для поставленія Іона, епископъ рязанскій, но въ Константинополѣ не вняли просьбамъ великаго князя и на Русь былъ присланъ не прошенный и не жданный митрополитъ Исидоръ, который оказался измѣнникомъ православію. Великій князь говоритъ, какъ онъ первоначально не хотѣлъ принимать Исидора, а затѣмъ принялъ его „съ многою честію и благимъ усердіемъ", какъ онъ увѣщевалъ его не ходить на флорентійскій соборъ, какъ, не успѣвъ въ этомъ, онъ заклиналъ его не приносить съ собора ничего чуждаго православію [4]), и какъ митрополитъ, возвратившійся съ собора, „парицаа

—

[1]) В. Н. Малининъ. „Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія", стр. 465.

[2]) И. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 473.

[3]) Говоря про присылку митрополитовъ послѣ крещенія на Русь, великій князь пишетъ, что митрополиты, присылаемые изъ Константинополя, иногда были греки, а иногда и „*отъ своея земли поставляемые*" святѣйшимъ патріархомъ „*Русины*" (курсивъ нашъ), а не отъ Рима, ни отъ папы, ни отъ Латины". Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 528.

[4]) „И яко не възмогохомъ увѣщати его и отъ путнаго шествіа възбранити, и много паки глаголахомъ ему о сихъ: „аще же убо пойдеши, и паки аще имаши възвратитися къ намъ, то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру, еже пріахомъ отъ прародителя нашего, вели-

себе легатоса отъ ребра апостольска сѣдалища, лятьскаго и литовскаго и немецкаго"—„многа страшна и чюже принесе въ наше православное христіаньство" и „отъ римскаго папы писаніа", и какъ необычное поведеніе и отступничество Исидора заставило великаго князя созвать соборъ русскаго духовенства и подвергнуть митрополита соборному суду и какъ „явися всѣмъ нашимъ боголюбивымъ епископомъ русскимъ, и честнѣйшимъ архимандритомъ и преподобнымъ игумепомъ и прочимъ священноиноком и иноком, и всему нашему православному христіаньству, яко чюже есть и страшно отъ божественныхъ и священныхъ правилъ Исидорово все дѣло и прихожденіе". Поэтому, говоритъ великій князь, мы посылаемъ нашихъ пословъ къ святому царю и къ святѣйшему твоему владычеству и ко всему божественному и священному собору съ просьбой. Просьба эта буквально читается такъ: „И просимъ святѣйшее ти владычьство, да съ святымъ царемъ и со всѣмъ божественнымъ и освященнымъ сборомъ, възрѣвше въ святая ваша и божественная правила гречьскаа и во оно папино посланіе, и разсудивше, и за нужу далечнаго и непроходнаго путешествіа, и за нахожденіе на наше христіаньство безбожныхъ агаряпъ, и за неустроеніе и мятежи еже въ окрестныхъ насъ странахъ, и господарей умноженіа, свободно намъ сътворите въ нашей земли поставленіе митрополита; еще же и за сію нужу, яко и духовная дѣла вся каждому православному христіанину, и наша скровенная, а господьскаа потребнаа словеса и дѣла нужно намъ дѣлати съ митрополитомъ, толковапно младыми человѣки, отъ нихъ же лѣпо есть что тапти, и тіи преже инѣхъ увѣдаютъ. И того ради просимъ святое ти владычьство, послѣте къ намъ честнѣйшее ваше писаніе, яко да помощію Божіею и благодатію Святаго Духа, и споспѣшеніемъ святаго царя и съ благословеніемъ святого ти владычьства и божественнаго и священпаго сбора, по святымъ правиломъ, събравше въ отечьствіи нашемъ, въ рустѣй земли, боголюбивыя епископы отечьства нашего, и по благодати Святаго Духа избравше кого человѣка добра, мужа духовна, вѣрою православна, да поставятъ намъ митрополита на Русь: понеже и преже сего, за нужу, поставленіе въ Руси митрополита бывало. А мы о семъ хочемъ, Божіею благодатію, по изпачяльству нашего православпаго христіаньства,

---

каго оного Владимира, еже держитъ великаа сборная и апостольскаа Божіа церковь гречьскаа; а ино, странно ново и чуже отъ тоя сборныя церкве, не приношай къ намъ; понеже аще и принесеши что ново, то непріятно будетъ намъ то". Тамъ же, столб. 531.

посыланіе и совопрошаніе и любовь имѣти съ святымъ царемъ, и святѣйшаго ти благословенія и молитвы требовати и желати хощемъ, доколѣже Богъ благоизволитъ и земля наша доколѣ имѣтъ стояти, а никакоже разлучно отъ васъ имать быти наше православное христіаньство до вѣка. Просимъ же и о семъ святое ти владычьство, да со извѣщеніемъ о всемъ и съ честнѣйшимъ вашимъ писаніемъ отпустите къ намъ сихъ нашихъ пословъ неиздержно, да навыкше о здравіи и благопребываніи святаго царя (вар. „царства“) и святѣйшаго ти владычьства, возвеселимся духовнѣ“ [1]).

Великій князь, донося патріарху, что митрополитъ Исидоръ оказался измѣнникомъ православію, проситъ его дозволенія поставить православнаго митрополита соборомъ русскихъ епископовъ и выставляетъ причины такой просьбы. Василій Васильевичъ, конечно, не могъ указать главной причины своего ходатайства: онъ не могъ сослаться на то, что патріархъ и императоръ такіе же уніаты и отступники отъ православія, какъ и низложенный Исидоръ, а потому великому князю нужно было указать другіе мотивы своей просьбы. Онъ ссылается на отдаленность и крайнюю трудность путешествій въ Константинополь, на незнаніе митрополитами-греками русскаго языка и на необходимость и неудобство вести съ ними переговоры о важныхъ государственныхъ дѣлахъ при посредствѣ переводчиковъ—незначительныхъ людей; но эти затрудненія имѣли постоянный, а не временный характеръ, и существовали со времени возникновенія русской митрополіи. Другія же причины, указываемыя въ посланіи великимъ княземъ, напр., нашествіе на Русь агарянъ, неустроенія и мятежи въ окрестныхъ странахъ и господарей умноженіе—не имѣютъ даже (непосредственнаго) отношенія къ просьбѣ великаго князя [2]).

Надо думать, что великій князь, ограничивая свою просьбу—дозволеніемъ поставить въ Россіи лишь преемника Исидору, имѣлъ въ виду для будущаго времени и то, чтобы нѣсколько послѣдующихъ поставленій совершилось на основаніи тѣхъ же частныхъ разрѣшеній, а потомъ на рядѣ такихъ частныхъ случаевъ—возможно было бы осно-

---

[1]) Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 534—536.

[2]) „Изъ чтенія этого посланія, справедливо замѣчаетъ митрополитъ Макарій, легко примѣтить, что главнымъ побужденіемъ, почему великій князь Василій Васильевичъ, рѣшился ходатайствовать о поставленіи русскихъ митрополитовъ въ самой Россіи, было вообще все прискорбное дѣло Исидорово... А остальныя причины и обстоятельства, на которыя ссылается князь, отнюдь не новыя: на нихъ русскіе могли бы ссылаться для той же цѣли и въ прежнія времена“. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 11.

вать общее требованіе. Это ограниченіе просьбы великимъ княземъ даетъ основаніе предполагать, что московское правительство совершенно не сознавало права и не видѣло возможности обращаться къ патріарху съ общею просьбою о дозволеніи ставить русскихъ митрополитовъ въ самой Руси. Русскіе, непоколебимо и глубоко преданные и вѣрные православію, не хотѣли имѣть общенія съ патріархомъ-уніатомъ; они хотѣли фактически отдѣлиться отъ него, стать внѣ общенія съ нимъ. Но у нихъ не хватало рѣшимости и мужества открыто и формально разорвать церковный союзъ съ Константинополемъ, что они и должны были сдѣлать, а потому они рѣшаются достигнуть этого другимъ путемъ и прибѣгать не къ вполнѣ безукоризненнымъ средствамъ [1]).

Какъ мы уже сказали выше, до насъ дошло посланіе великаго князя Василія Васильевича, написанное имъ къ константинопольскому патріарху въ 1441 году и содержащее въ себѣ просьбу къ патріарху съ императоромъ о дозволеніи поставить преемника низложенному Исидору въ самой Руси своими русскими епископами.

Но вопросъ о томъ, какова была судьба этого посланія, остается и до настоящаго времени открытымъ, такъ какъ наши лѣтописи подъ 1441 годомъ совершенно не упоминаютъ о посылкѣ великаго князя къ константинопольскому патріарху. Изъ послѣдующихъ же событій мы узнаемъ, что великій князь не получилъ отъ патріарха позволенія поставить преемника низложенному Исидору соборомъ русскихъ епископовъ; но остается неизвѣстнымъ, послалъ ли онъ грамоту въ Константинополь и тамъ получилъ отказъ, или же посланіе, будучи написано и приготовлено, не было отправлено по назначенію. Свидѣтельства великаго князя и митрополита Іоны, даютъ намъ свѣдѣнія о томъ, что посланіе не было отправлено въ Константинополь; но они не могутъ быть принимаемы за совершенно достовѣрныя, такъ какъ эти показанія, по вѣрному замѣчанію проф. Е. Голубинскаго, идутъ отъ людей, „заинтересованныхъ въ дѣлѣ“ [2]). Если дѣйствительно посланіе не было отправлено, то со

[1]) „Но желая достигнуть своей цѣли, великій князь видитъ себя вынужденнымъ дѣйствовать съ правиломъ: цѣль оправдываетъ средства... И такимъ образомъ вышло, что похвальной цѣли они старались достигнуть не вполнѣ похвальными средствами“.. Е. Голубинскій. П. Р. Ц. Т. II, П. I, стр. 476.

[2]) П. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 476. Великій князь въ посланіи къ императору Константину Палеологу съ извѣщеніемъ о поставленіи Іоны въ санъ митрополита (А. И. Т. I, № 41, стр. 84. № 262, стр. 494; Р. И. Б. Т. VI, столб. 582)

всей вѣроятностью надо предполагать, что великій князь раньше посылки грамоты, получилъ изъ Константинополя такія свѣдѣнія о патріархѣ и императорѣ, что на основаніи ихъ могъ убѣдиться, что ему даже совершенно напрасно обращаться туда съ своей просьбой. Если же предположимъ, что посланіе было отправлено (что намъ кажется болѣе вѣроятнымъ [1]), то отказъ императора и патріарха будетъ вполнѣ понятенъ, такъ какъ императоръ и патріархъ, будучи уніатами, не могли дать своего согласія на низложеніе Исидора, своего единомышленника, и послушнаго исполнителя ихъ предначертаній, и поставленіе митрополита православнаго. Удовлетвореніе такой просьбы было бы со стороны императора и патріарха дѣйствіемъ такого самоотрицанія и такой насмѣшки надъ самими собой, какихъ, невозможно было имъ допустить [2]).

и митр. Іона въ посланіи къ кіевскому князю Александру Владиміровичу (А. И. Т. I. № 17. стр. 95; Р. И. Б. Т. VI. № 66. столб. 559)—говорятъ, что до этого послѣдняго событія (поставленія Іоны) не было посылокъ въ Константинополь относительно замѣщенія митрополичьей каѳедры. „Но великій князь и митрополитъ, говоритъ проф. Голубинскій, могли имѣть желаніе умалчивать о посылкахъ неудачныхъ (и предъ имп. Константиномъ можно было это дѣлать, потому что въ правленіе брата онъ жилъ не въ Константинополѣ, а на своемъ удѣлѣ"). Тамъ же. стр. 477.

[1]) Иной взглядъ на это высказываетъ м. Макарій, вполнѣ довѣряя лѣтописному сказанію. „Это посланіе, писанное въ 1441 году, вдругъ по осужденіи Исидора въ Россіи, было отправлено въ Константинополь: по вскорѣ пришедшая вѣсть въ Россію, что греческій императоръ вмѣстѣ съ патріархомъ приняли латинскую вѣру, заставила нашего князя воротить своихъ пословъ". М. Макарій думаетъ, что вѣсть эта пришла, должно быть, съ Аѳона и дѣлаетъ ссылку на посланіе царя и иноковъ Аѳонской горы (Лѣт. зан. Археогр. Комм. за 1861 г., вып. III. стр. 28—32), въ которомъ аѳонскіе старцы, одобряя поступокъ русскихъ съ измѣнникомъ Исидоромъ, пишутъ, что греческій царь впалъ въ латинскую прелесть и посадилъ на апостольскомъ престолѣ патріарха, единомудреннаго латинамъ, и что потому они „извергли патріарха и царя не помяна обычна" (стр. 30). Но лѣтописное сказаніе, на которое ссылается митр. Макарій, говоритъ не о посланіи 1441 года, а 1113 года, такъ какъ въ текстѣ дается знать, что отъ крещенія Руси до написанія посланія прошло 155 лѣтъ. Объ этомъ посланіи см. ниже.

[2]) Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I. стр. 477. Этотъ же ученый говоритъ, что если императоръ и патріархъ не могли удовлетворить просьбы великаго князя сами по себѣ, то еще болѣе и во всякомъ случаѣ не могли удовлетворить ея по своимъ отношеніямъ къ папѣ: „Что сказалъ бы этотъ послѣдній, если бы они—съ одной стороны выдавали себя за поборниковъ уніи, а съ другой стороны вели себя, какъ ея враги?" Если предположить, что грамота была послана въ Константинополь, то по мнѣнію того же ученаго, надо думать, что отказъ данъ былъ патріархомъ не совершенно въ рѣшительной,

Посланіе великаго князя въ Константинополь съ просьбою о дозволеніи поставить преемника Исидору въ самой Руси соборомъ русскихъ епископовъ, какъ мы уже сказали выше, дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: по одной редакціи оно адресовано патріарху и въ текстѣ дается знать, что оно писано въ 1441 году; по другой же оно адресовано императору, а изъ текста видно, что оно писано въ 1443 году [1]). Изъ этого видно, что послѣ попытки 1441 года, приведенной въ исполненіе и окончившейся неудачею или же оставшейся только въ намѣреніи, чрезъ два года (въ 1443 году) была сдѣлана новая попытка, при чемъ было употреблено прежнее посланіе. Но и это посланіе постигла такая же неудача. Одна изъ Софійскихъ лѣтописей (вторая), изложивъ это посланіе (II. С. Р. Л. Т. VI, стр. 162 -167), сообщаетъ, что великій князь отправилъ было своихъ пословъ въ Константинополь, но къ нему пришла вѣсть, что императоръ ушелъ въ Римъ на царство и сталъ въ латинскую вѣру, а потому великій князь приказалъ воротить пословъ съ дороги назадъ [2]). Но эта вѣсть вполнѣ невѣроятна и неправдоподобна [3]): со всею вѣроятностью надо думать, что послы

а въ какой нибудь уклончивой формѣ, потому что въ первомъ случаѣ патріархъ долженъ бы былъ опасаться за свою церковную власть надъ русскими. Тамъ же, стр. 477.

[1]) Въ послѣдней редакціи оно помѣщено во 2-й Софійской лѣт. (П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 162 -167) и у м. Платона въ „Краткой церковной россійской исторіи". Т. I, стр. 302—309. Проф. Е. Голубинскому оно извѣстно еще по рукописи библіотеки Моск. Дух Академіи, № 235.

[2]) П. С. Р. Л. Т. VI, подъ 1438 г., стр. 167. „Прінде вѣсть, яко царь отъиде въ Римъ на царьство и ста въ Латыньскую вѣру; иославъ пословъ възвратити воспять". На это мѣсто Софійской 2-й лѣтописи ссылается м. Макарій для подтвержденія своего взгляда, что посланіе 1441 года было возвращено назадъ. Чт. въ И. О. Й. и Д. 1864, IV, стр. 147.

[3]) „Чтобы до великаго князя могла дойти нелѣпая вѣсть, будто императоръ ушелъ въ Римъ на царство и сталъ въ латинскую вѣру, это совсѣмъ невѣроятно, и лѣтопись, какъ можно думать, воспроизводитъ тутъ одинъ изъ ходившихъ въ народѣ толковъ. Могла дойти до великаго князя ошибочная вѣсть, будто императоръ отправился на Западъ искать помощи у западныхъ государей противъ турокъ. Но трудно допустить, будто дѣло было такъ, что великій князь, получивъ вѣсть, воротилъ пословъ назадъ и на томъ кончилъ попытку: ему ничто не мѣшало удостовѣриться въ справедливости вѣсти и по полученіи извѣстія объ ея ложности снова отправить пословъ въ Константинополь". Е. Голубинскій. II. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 478. Разбирая посланіе великаго князя Василія Васильевича къ патріарху Митрофану, профессоръ В. Н. Малининъ замѣчаетъ, что при всей деликатности этого посланія константинопольскому патріарху дается понять, что о немъ самомъ, патріархѣ, Исидоръ

великаго князя были въ Константинополѣ и получили отказъ, а тѣми сказками, которыя передаетъ Софійская лѣтопись, объяснялась только неудача посольства. Такъ какъ посланіе 1443 года адресовано не патріарху, а императору, то можно думать, что русскіе рѣшились вновь обратиться въ Константинополь послѣ смерти патріарха Митрофана [1]), такъ какъ могли разсчитывать на большую уступчивость одного императора-уніата, находя возможнымъ удовольствоваться лишь разрѣшеніемъ послѣдняго.

Такъ какъ московское правительство не желало формальнымъ образомъ разрывать церковнаго союза съ Константинополемъ и такъ какъ ему не удалось получить разрѣшенія поставить себѣ самимъ православнаго митрополита, —то, наконецъ, великій князь рѣшилъ поставить себѣ православнаго митрополита, безъ дозволенія патріарха, по своей волѣ. Но рѣшеніе это состоялось не скоро, такъ какъ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ случился цѣлый рядъ несчастій, замедлившихъ осуществленіе этого рѣшенія: въ іюлѣ 1445 года великій князь былъ захваченъ въ плѣнъ татарами, у которыхъ пробылъ около трехъ мѣсяцевъ [2]); въ фе-

---

сообщалъ нѣчто смущающее и удивительное. Онъ говорилъ: „Яко не мощно ми есть, да не пойду (на соборъ); аще бы не пойду, имамъ отъ святѣйшаго патріарха вмѣсто благословенія клятву пріати; попеже убо прежній азъ есмь ходатай бываемому сбору, и нужа имамъ всячески поити, яко и рукописаніе свое дахъ на себъ, еже пойду". (Р. И. Б. Т. VI, № 62, столб. 531). „Не случайно, конечно, припомнились теперь московскому правительству слова Исидора, когда онъ, какъ приходилось вѣрить, и на соборѣ дѣйствовалъ въ томъ же согласіи съ константинопольскими властями, какъ выражалъ эту общность мыслей и до собора: вѣдь не даромъ же съ него взяли въ Константинополѣ даже письменное обязательство въ томъ, что онъ отправится на соборъ. Послѣ этого мы поймемъ, почему находили довѣріе невѣроятные слухи о Константинополѣ". Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 464—465.

[1]) Патріархъ Митрофанъ умеръ 1 августа 1443 года.

[2]) П. С. Р. Л. Т. IV (Новгор. 4-я лѣт.), стр. 125. Т. IV (Псковск. 1-я лѣт.), стр. 213. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 171, 172, подъ 1445 г.: „Князя же великаго самого руками яша... а на великомъ князи многи раны быша по главѣ и по рукамъ, а тѣло все бито велми, понежъ бо самъ добръ мужьственъ былъ, бяше. А се зло случишася надъ хрестьяны іюля 7. въ среду". Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 152. Въ іюлѣ (14-го) того же года сгорѣла вся Москва, см. стр. 171. Объ этомъ см. у С. М. Соловьева. И. Р. Т. IV, столб. 1064—1067. П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 113, 114; Проф. А. Рамбо. Исторія Россіи, стр. 169. Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ (М. 1837), стр. 75; Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку, стр. 426—427. Очень характерно свидѣтельство Новгородской лѣтописи по синодальному харатейному

врать же (13-го) 1446 года былъ захваченъ, лишенъ великаго княженія и ослѣпленъ своимъ двоюроднымъ братомъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякой [1]), у котораго, при сильной поддержкѣ духовенства [2]), успѣлъ снова отнять великокняжескій престолъ спустя 10

списку о возвращеніи великаго князя Василія Васильевича изъ татарскаго плѣна: „В лѣто 6954. (1446). Отпусти царь Махметъ князя великого Василья на Рускую землю и взя на немъ окупа двѣсть тысящь рублевъ, а иное Богъ вѣсть за онъ". Стр. 127. П. С. Р. Л. Т. III (Новгородская 1-я лѣт.), стр. 141; II. С. Р. Л. Т. IV (Новгор. 4-я лѣт.), стр. 125. Ср. Г. Карповъ. „Очерки изъ нет. рос. церк. іерархіи". Чт. въ И. О. И. и Д. 1864. IV. стр. 152—153.

[2]) О захватѣ Шемякою великаго князя Василія Васильевича въ Троицкомъ монастырѣ, объ его ослѣпленіи и дальнѣйшей борьбѣ за великое княженіе Новгородская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ (М 1837), стр. 76. П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 172 и слѣд. II. С. Р. Л. Т. III (Новгор. 1-я лѣт.), стр. 141; II. С. Р. Л. Т. IV (Псковск. 1-я лѣт.), стр. 213; см. также у С. М. Соловьева. II. Р. Т. IV, столб. 1067—1072. Въ 1446 году, когда великій князь Василій Васильевичъ былъ ослѣпленъ княземъ Дмитріемъ Шемякою, занявшимъ московскій престолъ, и сосланъ въ Угличъ, Шемяка, не будучи покоенъ, что сыновья Василія находятся на свободѣ въ Муромѣ, окруженные многочисленною дружиною, вызвалъ рязанскаго епископа Іону и обѣщалъ ему митрополію, если онъ отправится въ Муромъ, возьметъ „на свою епитрахиль" этихъ дѣтей и привезетъ ихъ въ Москву. „а я,—говорилъ святителю Шемяка, съ радостію ихъ пожалую и отца ихъ выпущу, и вотчину дамъ довольную, такую, чтобъ можно было имъ жить какъ слѣдуетъ". Іона, не подозрѣвая злыхъ намѣреній Шемяки, исполнилъ его волю, взялъ дѣтей „на свою епитрахиль" привезъ ихъ къ Шемякѣ (въ Переславль, а не въ Москву, какъ ошибочно говоритъ м. Макарій. II. Р. Ц. Т. VI, стр. 12), а затѣмъ отвезъ ихъ къ отцу на заточеніе въ Угличъ. Тогда Шемяка повелѣлъ Іонѣ жить на митрополичьемъ дворѣ и Іона повиновался. Убѣдившись же въ вѣроломствѣ Шемяки, Іона каждый день твердилъ ему: „Сдѣлалъ ты неправду, а меня ввелъ въ грѣхъ и срамъ; ты обѣщалъ и князя великаго выпустить, а вмѣсто того и дѣтей съ нимъ посадилъ; ты мнѣ далъ честное слово, и они меня послушали, а теперь я остаюсь предъ ними лжецомъ. Выпусти его, сними грѣхъ съ своей души и съ моей!...". II. С. Р. Л. Т. VI. стр. 175, 176; II. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 117, 118, 119; С. М. Соловьевъ. II. Р. Т. IV, столб. 1069—1070; М. Макарій. II. Р. Ц. Т. VI, стр. 12. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 153—156. Прибавленія къ изд. твор. св. отцевъ. IV, стр. 232—233.

[2]) О дѣятельности духовенства въ этой борьбѣ и о замѣчательномъ посланіи духовныхъ къ угличскому князю Дмитрію Шемякѣ (1447 г.)—скажемъ ниже. См. также разрѣшеніе великаго князя Василія Васильевича отъ клятвы, данной имъ Дм. Шемякѣ, игуменомъ Кириллова монастыря Трифономъ. П. С. Р. Л. Т. VI (Софійск. 2-ая л.), стр. 176; П. С. Р. Л. Т. IV (Новгород, 4-ая лѣт.), стр. 131, 146. В. Сокольскій. „Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI вв." (Кіевъ, 1902), стр. 58—59. Проф. В. С. Икон-

мѣсяцевъ. Возвратившись 17 февраля 1447 года въ Москву [1]), взятую у Дмитрія Шемяки его приверженцами въ день Рождества Христова 1446 года [2]), великій князь долженъ былъ озаботиться объ умиротвореніи взволнованнаго смутами государства, заключеніемъ мирныхъ договоровъ съ Шемякой и его сторонниками [3]) (кн. Можайскими и др.) и рѣшеніе поставить митрополита своею властью, безъ дозволенія императора и патріарха, приводитъ въ исполненіе лишь въ декабрѣ 1448 года [4]).

Остается не вполнѣ яснымъ, — былъ-ли великій князь послѣ долгихъ колебаній понужденъ къ своей рѣшимости явившеюся опасностію, что низложенный Исидоръ снова явится въ Россію, какъ это справедливо замѣтилъ проф. Е. Голубинскій [5]), или же Василій

никовъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, стр. 336. Ср. взглядъ проф. В. И. Сергѣевича. Русскія юридическія древности. Т. II, стр. 590—592.

[1]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 121.

[2]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 120; П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 177.

[3]) Отсутствіе митрополита, этого главнаго посредника и миротворца при заключеніи княжескихъ договоровъ и веденіи переговоровъ сильно давало себя чувствовать, и въ одной изъ грамотъ („Договорная запись князя Дмитрія Юрьевича (Шемяки) и можайскаго князя Ивана Андреевича съ младшимъ его братомъ княземъ Михайломъ Андреевичемъ...“) есть такое знаменательное упоминаніе: Шемяка и князь можайскій просятъ, чтобы великій князь не вызывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока не будетъ тамъ митрополита, который могъ дать имъ ручательство въ безопасности. С. Г. Г. и Д. Т. I. № 67, стр. 150. С. М. Соловьевъ. И. Р. Т. IV, столб. 1073.

[4]) О времени поставленія митр. Іоны — П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 167. 175. 178 (годъ 6957). „Тое же весны, мѣсяца марта въ 31 день, въ 2 часъ дни, на память преподобнаго отца Ипатія чюдотворца, преставися пресвященный митрополитъ Іона Кіевскій всея Руси, во градѣ Москвѣ; положенъ бысть въ церкви святыя Богородица честнаго ея Успенія; *насъ церковь Божіе льлнъ 12*“. П. С. Р. Л. Т. VI (Софійская 2-ая лѣтоп.) подъ 1461 г. (6969), стр. 184; Густинская лѣтоп. (П. С. Р. Л. Т. II, стр. 356) ошибочно относитъ поставленіе м. Іоны къ 1442 году: „Въ лѣто 6950 (1442). Посвященъ бысть на митрополію Кіевскую Іона Резанскій епископъ, житія честнаго“. Чт. въ И. О. И. и Д. 1861, IV, стр. 148. Ф. А. Терновскій. Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. В. II, стр. 18.

[5]) Обыкновенно думаютъ, что Исидоръ послѣ своего бѣгства изъ Москвы не дѣлалъ болѣе попытокъ возвратиться въ Россію, но сохранилось до настоящаго времени посланіе константинопольскаго патріарха Григорія Маммы къ Кіевскому князю Александру Владимировичу, которое извѣстно было давно, но которое въ подлинномъ и полномъ видѣ напечатано А. Поповымъ въ „Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“ (по списку Синод. библіотеки XVII в., № 46), стр. 332 334. О времени написанія этого посланія, сохранившагося безъ даты, см. у

Васильевичъ опасался, что для каѳедры митрополіи всея Руси, находившейся въ Москвѣ, была опасность, что отъ нея могла быть отторгнута половина литовская [1]).

Продолжительное медленіе великаго князя въ принятіи рѣшенія поставить митрополита русскими епископами безъ дозволенія патріарха и императора, доказываетъ намъ то, что великій князь колебался въ столь важномъ рѣшеніи, прежде чѣмъ рѣшился созвать всѣхъ епископовъ своей земли и предложить имъ, чтобы они сами поставили для Руси митрополита, и именно Іону, епископа рязанскаго, какъ избраннаго къ тому еще прежде послѣ смерти Фотія. Объ этомъ подробно свидѣтельствуетъ митрополитъ Іона въ своемъ посланіи къ кіевскому князю Александру Владиміровичу, говоря, что великій князь Василій Васильевичъ, „поборая по Божьей Церкви, и по законѣ и по всемъ православномъ христіанствѣ, и по древнему благолѣпію, разжегаяся теплотою сердечною и ревнуя святымъ своимъ прародителемъ благочестивому святому и равному святымъ Апостоломъ великому царю Константину и великому всея русскыя земля владателю, святому и равному же святымъ Апостоломъ великому князю Владиміру"... рѣшился приступить къ поставленію митрополита,—„взирая въ божественная и священная святыхъ Апостолъ и богоносныхъ Отець святая правила

Е. Голубинскаго, который относитъ его ко времени, предшествовавшему поставленію митр. Іоны (И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 480). Р. И. Б. Т. VI, № 72; М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 369—372. Изъ этого посланія очевидно, что Исидоръ имѣлъ намѣреніе возвратиться въ Россію. Сообщивъ кратко объ условіяхъ, на которыхъ состоялось соединеніе церквей, патріархъ пишетъ: *„а коли пріидетъ къ вамъ преосвященный митрополитъ кіевскій и всеа русіи и вечестный кардиналъ киръ Исидоръ*, о Святѣмъ Дусѣ возлюбленный братъ и сослужебникъ нашего смиренія, научитъ и накажетъ о всемъ словомъ и дѣломъ вѣрующихъ всѣхъ въ благость Христову, нерушимо блюдомую и соблюдаемую божіею благодатію во вѣки вѣкомъ", (стр. 333).

[1]) Исидоръ несомнѣнно хотѣлъ возвратиться на Русь, но только литовскую, такъ какъ едва ли для него было желательно показываться въ Москву, куда бы его, навѣрно, и не пустили. Въ Литвѣ же на унію и на Исидора смотрѣли другими глазами, чѣмъ въ Москвѣ, не признавали его отступникомъ и еретикомъ. Доказательствомъ этого служитъ вышеупомянутое обращеніе въ Константинополь съ вопросомъ объ уніи князя Александра Владиміровича и случай поставленія Исидоромъ епископа владимірскаго и берестейскаго Даніила. Объ этомъ см. у Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 479—481. См. также „Рукописаніе Даніила епископа" и прощальную грамоту ему митрополита Іоны. Р. И. Б. Т. VI, № 72, столб. 585—590; митрополита Макарія. И. Р. Ц. Т. VI. Приложенія, № II, стр. 369—372; А. И. Т. I, № 52, стр. 100—101.

и въ все божественное святое писаніе, и съ всѣми святители своея земля, съ боголюбивыми епископами и съ преподобными архимандриты и съ честнѣйшими игумены, и съ многими духовными мужи съ разсудными, и съ всѣмъ священьствомъ бесѣдуя и съединяяся доволнѣ въ многыя времена, и съ вами, православными князи, объсылаяся въ вся мѣста, а нашія рускыя земля обыскивая старину..."[1]). Не рѣшаясь формально разорвать союзъ съ патріархомъ—еретикомъ и не получая отъ него разрѣшенія поставить себѣ митрополита самимъ, русскіе, наконецъ, рѣшились поставить митрополита собственною властью. Но, совершивъ поставленіе митрополита, московское правительство дѣйствуетъ чрезвычайно осторожно и свои поступки старается оправдать канонами[2]). Великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ посланіи къ императору Константину, въ которомъ сообщаетъ ему о совершенномъ поставленіи митрополита въ Россіи соборомъ русскихъ епископовъ, пишетъ, что оно было сдѣлано „възрѣвше въ божественная и священная правила святыхъ Апостолъ и святыхъ богоносныхъ Отецъ, нужди ради, обрѣтохомъ не бронящихъ, но повелѣвающихъ, епископы поставити большаго святителя, митропо-

---

[1]) Р. И. Б. Т. VI, № 66, столб. 559—560; А. И. Т. I, № 47, стр. 95.

[2]) „Въ каноническихъ правилахъ церкви русскіе не могли найти на свой вопросъ никакого отвѣта, потому что дѣло было поставлено ими такимъ образомъ, что каноны не только не предвидѣли подобнаго случая, но вовсе и не допускаютъ его, Константинопольскаго патріарха, державшагося уніи съ папой, русскіе признавали за еретика; несмотря на это, они не отрицали его власти надъ собою, а только не хотѣли имѣть фактическаго общенія съ нимъ и получить себѣ митрополита изъ его нечистыхъ рукъ. Но по канонамъ церкви православные вовсе не могутъ и не должны признавать надъ собою власти еретиковъ, потому что между православными и еретиками не должно быть совершенно никакого общенія,—потому что послѣдніе должны быть просто отсѣчены отъ всякаго союза съ православною церковію. И должно думать, что русскіе рѣшились наконецъ поступить такъ, какъ они поступили, не потому, чтобы они нашли каноны, которые показались имъ оправдывающими ихъ поступокъ, а потому просто, что ихъ принудила къ тому необходимость, такъ какъ necessitas non habet legem". Е. Голубинскій. П. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 481—482. „Что же оставалось дѣлать? Ждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ? Но Россія и безъ того ждала уже очень долго и около семи лѣтъ оставалась безъ митрополита". (М. Макарій. П. Р. Ц. Т. VI, стр. 14). „Чувствовали (собравшіеся епископы), что въ Россіи для этого нужно согласіе и благословеніе царьградскаго патріарха, — и сослались на то, что патріархъ съ своимъ освященнымъ соборомъ уже давно благословилъ Іону быть митрополитомъ послѣ Исидора, когда Іона ѣздилъ въ Константинополь". П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 122. М. Макарій. П. Р. Ц. Т. VI, стр. 14—15. Т. Барсовъ. Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію, стр. 478—479.

лита“ [1]). Митрополитъ Іона въ одномъ изъ своихъ посланій къ литовскимъ епископамъ утверждаетъ, что онъ поставленъ на основаніи 1-го правила св. апостоловъ, которые онъ излагаетъ такъ: „Тріе епископи должны суть, безо всякого извѣта, поставляти большаго святителя“ и дѣлаетъ ссылку на четвертое правило „иже въ Никеи перваго собора“, которое повелѣваетъ поставлять епископа всѣмъ епископамъ области, а въ случаѣ нужды, по крайней мѣрѣ, троимъ и ссылается неопредѣленно на „иныя многія правилныя главизны“ [2]). Поставленіе митрополита безъ дозволенія константинопольскаго патріарха своими епископами было дѣло крайне щекотливое и потому наши предки не скупятся находить различные аргументы въ оправданіе своего самовольнаго поступка. Помимо каноновъ великій князь и митрополитъ утверждаютъ, что будто, когда Іона послѣ смерти митрополита Фотія пришелъ въ Константинополь ставиться и нашелъ тамъ уже посвященнымъ въ русскіе митрополиты Кипдора, то императоръ и патріархъ назначили и утвердили его быть преемникомъ Кипдора. По ихъ увѣренію дѣло было такъ: послѣ того какъ Іона пришелъ въ Константинополь уже послѣ поставленія Кипдора „царь и патріархъ много пожалиша о томъ, яко ему не поспѣвшу прінти къ нимъ, а имъ како ускорившимъ Кипдора поставити митрополита, и рѣкоша: „что уже сътворимъ? ты не успѣ прінти къ намъ, а мы другого на ту святѣйшую митрополію поставихомъ, и мы не можемъ иначея учинити: Кипдоръ есть уже на Руси митрополитомъ, а ты, Іона, паки поиди на свой столъ, на рязаньскую епископью; а что Божія воля о Сидорѣ произмыслитъ, или смертію скончается, или иначея что о немъ будетъ, ино ты еси, Іона, по немъ будеши въ Руси митрополитомъ“ [3]). Этотъ аргументъ, служа, съ одной стороны,

[1]) Посланіе великаго князя Василія Васильевича къ греческому царю Константину Палеологу, о поставленіи митрополита Іоны. А. И. Т. I. №№ 41 и 262 (стр. 84—85, 494); Р. И. Б. Т. VI, № 71, столб. 583.

[2]) Окружное посланіе митрополита Іоны литовскимъ епископамъ, о соблюденіи православной вѣры и несообщеніи съ Кипдоровымъ ученикомъ Григоріемъ, поставленнымъ въ Римѣ на кіевскую митрополію. А. И. Т. I. № 63, стр. 113; Р. И. Б. Т. VI, № 81, столб. 622—623.

[3]) Приведенное мѣсто читается въ посланіи великаго князя къ императору Константину Палеологу, о поставленіи митрополита Іоны. А. И Т. I, №№ 41, 262, стр. 18, 493. Р. И. Б. Т. VI, № 71, столб. 579. Самъ Іона утверждаетъ это въ нѣсколькихъ своихъ посланіяхъ въ Литву. „Грамота митрополита Іоны литовскимъ князьямъ, панамъ, боярамъ, намѣстникамъ и народу, съ извѣщеніемъ о своемъ поставленіи“. Р. И. Б. Т. VI, № 64, столб. 539—540. (А. И. Т. I, № 43, стр. 86); его же посланіе кіевскому князю Александру Владиміровичу о поставленіи своемъ въ санъ митрополита, съ убѣжденіемъ охра-

оправданіемъ самовольнаго поставленія митрополита, съ другой стороны—надо думать, удовлетворялъ и другой цѣли, доказывая, что поставленный митрополитъ, хотя и находился въ номинальной зависимости отъ патріарха-уніата, былъ совершенно православный, такъ какъ уже получилъ благословеніе на митрополію отъ патріарха еще вполнѣ православнаго.

Эта же тенденція, что Іона, не получившій себѣ благословенія на митрополію, имѣлъ еще раньше благословеніе отъ патр. Іосифа, видна и въ его житіи, гдѣ сообщается о пророчествѣ о немъ митрополита Фотія. Вотъ это мѣсто: „Пріиде нѣкогда преосвященный Фотій митрополитъ всеа Русіи во обитель Пречистыя Богородицы на Симоново, якоже обычай имяше, помолитися и сущаго архимандрита и братію благословити и духовно пользовати себе же и ихъ, и въ церкви молитвованіе и поиде видѣти и благословити труждающихся братію во святыхъ службахъ страны монастырскія: пріиде же въ пекольницу, иже есть хлѣбня, и видѣ сего блаженнаго Іону уснувша отъ великаго воздержанія и отъ прилежнаго труда и молитвы непрестанныя и десную руку на главѣ своей держаще согбену, яко благословляше ею; святитель же со удивленіемъ зряше нань и не повелѣ никому разбудити его и пророчествуя о немъ глаголаше: „разумѣйте, о чада, яко нынѣ сей Іона будетъ

нять въ Литвѣ православіе и съ просьбою содѣйствовать возсоединенію кіевской митрополіи съ московскою. А. И. Т. I, № 47, стр. 95; Р. И. Б. Т. VI, № 66, столб. 561; его же посланіе къ литовскимъ епископамъ о незаконномъ кіевскомъ митрополитѣ Григоріи. Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 646; М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI. Прилож. № I, стр. 362. Никоновская лѣтопись увѣряетъ даже, что патріархъ не только благословилъ Іону, но „и грамоту ему далъ". Никоновская лѣтопись. Ч. V, стр. 215. „Декабря в 15 (15) день поставленъ бысть на митрополію всеа Русіи Іона владыко рязанскій на Москве архіепископы и епископы русския митрополіи, по благословенію святѣйшаго вселенскаго патріарха, какъ былъ Іона в Царѣ граде после Исидора, и *патріархъ его благословилъ и грамоту ему далъ*". Крайне сомнительно, чтобы дѣло было такъ, какъ утверждаютъ великій князь и митрополитъ Іона, такъ какъ совершенно невѣроятно, чтобы патріархъ съ императоромъ назначили Іонѣ быть преемникомъ Исидора; подобное назначеніе, по мнѣнію проф. Голубинскаго (И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 483), представляло бы изъ себя „нѣчто совсѣмъ необычное", да и патріархъ и императоръ не могли предвидѣть, что Исидоръ такъ скоро покинетъ Россію. Положительныя данныя заставляютъ скептически отнестись къ этому, да и великій князь въ своемъ посланіи къ царю Константину Палеологу говоритъ объ этомъ назначеніи Іоны, не утверждая категорически, а страннымъ и подозрительнымъ образомъ, ссылаясь на слухи: *„и слышахомъ о семъ отъ многыхъ"*. А. И. Т. I, №№ 41, 262, стр. 84, 493; Р. И. Б. Т. VI, № 71, столб. 579.

великъ святитель во странахъ рускія земли и многи отъ невѣрныхъ обратитъ къ Богу и просвѣтитъ святымъ крещеніемъ и въ разумъ истинный приведетъ, наипаче же и сему царствующему граду Москвѣ и прочимъ градомъ и всѣмъ истинный пастырь и учитель будетъ“ [1]).

По приказанію великаго князя Василія Васильевича, безъ дозволенія патріарха и императора константинопольскаго былъ поставленъ въ митрополиты всея Руси русскими епископами Іона, епископъ рязанскій 15 декабря 1448 года [2]). Крупная церковная реформа, имѣвшая такое громадное, глубокое вліяніе на государственную жизнь московской Руси, хотя и предпринятая по серьезнымъ церковно-религіознымъ мотивамъ и подъ защитой и покровомъ каноновъ, *проведена была исключительно политической инициативой* великій князь созвалъ соборъ русскихъ епископовъ и *повельлъ имъ поставить въ митрополиты Іону* [3]). Относительно самаго поставленія 2-ая Софійская лѣтопись (П. С. Р. Л. т. VI, стр. 167), говоритъ: „вскорѣ совершается приношеніе божественыя службы, и возлагается на плещо его честный амфоръ, и посохъ великій митрополичь дается въ руцѣ его; и тако съ благобоязнествомъ

[1]) Степенн. книга, II. 69—71; Троицкій Патерикъ, стр. 175. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 142—143.

[2]) Никонов. лѣт. Ч. V, стр. 215: „Декабря въ 15 день поставленъ бысть на митрополію всеа Русні Іона владыко рязанскні на Москве архіепископы и епископы рускія митрополіи“... Характерно свидѣтельство Новгородской 4-й лѣтописи о поставленіи м. Іоны: „Поставленъ бысть на митрополію Рускіа земля владыка Іона Рязанскій, первый съ своими епископы, на Москву“. П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 131; Софійская 2-я лѣт. ошибочно называетъ годъ поставленія м. Іоны—1438-й. Степен. книга (II, 78) указываетъ ошибочно годъ поставленія—1447-й; Густинская лѣт. (П. С. Р. Л. Т. II, стр. 356) ошибочно относитъ поставленіе м. Іоны къ 1442 году. Митрополитъ Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 15, неточно указываетъ день поставленія Іоны—5 декабря.

[3]) П. С. Р. Л. Т. VI (Софійская 2-ая лѣтопись). „*Князь же великій* повелѣваетъ прежнимъ епископомъ смотрити въ та божественая правила, како достоитъ ли митрополита поставити въ своей землѣ; они же разсмотрѣвше рекоша: „достоитъ“. *Сій же слышавъ, вскорѣ избравъ на митрополію Іону епископа Рязанскаго, повелѣваетъ сшедшимся архіепископомъ и всесвященому собору поставити Іону на митрополію*“ (стр. 167). „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латынію...“ А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій, стр. 381: „И повелѣваетъ („боговѣнчанный Василей царь всея Руси“) сшедшимся тогда архіепископомъ и епископомъ и всему священническому збору помолити Бога и пречистую Богородицу о сихъ, да будетъ свершенъ епископъ Іона въ русстей земли митрополитомъ“.

свершаетъ святую службу, благословляетъ народы". Самъ м. Іона въ своихъ посланіяхъ въ Литву говоритъ слѣдующее о своемъ поставленіи: „Азъ паки, по Божіей [милости], поставленъ на той превеликій степень не отъ трехъ, ни отъ пятій епископъ, по отъ всихъ архіепископовъ и епископовъ здѣшнего православнаго великаго самодержества господина и сына моего великаго князя" [1]). Въ своемъ посланіи къ литовскимъ епископамъ о незаконномъ кіевскомъ митрополитѣ Григоріи митрополитъ Іона также утверждаетъ, что онъ поставленъ всѣми московскими русскими епископами, созванными въ Москву великимъ княземъ, котораго онъ въ своемъ посланіи именуетъ „*новымъ Владиміромъ*", „*благочестія ревнителемъ и мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ богоуставнаго закона святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ преданіа*" [2]). Это былъ первый митрополитъ, поставленный своими епископами въ Москвѣ, тогда какъ прежніе два опыта поставленія митрополитовъ соборомъ русскихъ епископовъ (поставленіе Иларіона при великомъ князѣ Ярославѣ и Климента при Изяславѣ) совершены были еще въ Кіевѣ [3]).

Поставленіе митрополита Іоны соборомъ русскихъ епископовъ, хотя и имѣло всѣ свойства законности, но какъ выходившее изъ ряда, естественно должно было, по выраженію митрополита Макарія, „привлечь на себя вниманіе и возбудить мнѣнія и толки" [4]), а потому Іона сознавалъ необходимость выяснить значеніе этого событія всей своей новой паствѣ. Едва только взошедши на митрополичью каѳедру, онъ пишетъ въ своей окружной грамотѣ [5]) къ христіанамъ русскимъ: „Вѣдомо вамъ, сыпове, что колнкое лѣтъ церковь Божія вдовствовала безъ болнаго святителя, безъ митро-

[1]) А. И. Т. I, № 63, стр. 113; Р. И. Б. Т. VI, № 81, столб. 622—623.

[2]) Р. И. Б. Т. VI, № 87, столб. 647; митр. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, Приложенія, № 1, стр. 362. По свидѣтельству же Воскресенской (П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 122) и Типографской (стр. 256) лѣтописей онъ былъ поставленъ четырьмя епископами: ростовскимъ, суздальскимъ, коломенскимъ и пермскимъ, а епископы новгородскій и тверской прислали повольныя грамоты.

[3]) М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 15.

[4]) Тамъ же, стр. 15.

[5]) „Окружная грамота митрополита Іоны" въ А. И. Т. I, № 43, стр. 86—87; Р. И. Б. Т. VI, № 64, столб. 539—542, гдѣ означенная грамота слита съ грамотой къ литовскимъ князьямъ и панамъ и представляетъ собою первую часть послѣдней. Покойный редакторъ тома VI Р. И. Б. проф. А. С. Павловъ обратилъ на это вниманіе и въ этомъ изданіи, для отличія составныхъ частей синодальнаго списка (синод. сборникъ № 562), по которому издана грамота, напечаталъ послѣднюю часть грамоты особымъ шрифтомъ.

полита, и въ томъ многое лиха и истомы христіанству нашее земли починилось. И нынѣ, Богу тако извольшу, собрався священный зборъ, владыки и архимандриты и игумены, и со всѣмъ великимъ Божіимъ священьствомъ нашіе земли, и по божественнымъ священнымъ правиломъ поставили мя митрополитомъ, помнпая прежнее на насъ повелѣніе святаго царя и благословеніе святаго и вселенскаго патріарха и всего святаго вселенскаго собора, *и по думѣ господина, сына моего, великого князя Василья Васильевича*, и его молодшіе братіи, князей, занеже сынове, *коли было въ Цариградѣ православіе* (курс. нашъ) и они отгуды пріимали благословеніе и патріарха“ [1]). Еще болѣе подробно излагаетъ онъ исторію и причины своего поставленія въ посланіи къ кіевскому князю Александру Владиміровичу: „Вѣсте, сыну, извѣстно ваше благородіе, пишетъ митроп. Іона, еже отъ колнкыхъ лѣтъ, по преставленіи приснопамятнаго отца нашего и вашего отца, и кума вашего, святаго митрополита Фотія кіевскаго и всея Русіи, великая Божія святая соборная и апостольская церковь, святѣйшая митрополія кіевская и всея Русн, вдовьствуетъ; и въ томъ, сыну, самъ вѣдаешь, и предъ вашима очима, колико ся починило и въ господарьствѣхъ смущенія, и въ православномъ нашемъ христіанствѣ неустроенія, и всякыя христіанскыя погибели и кровопролитія... по дьявольскому навѣтованію, а по Божію нашихъ ради грѣховъ попущенью, во Царьскомъ градѣ стало въ царѣхъ и патріаршествѣ раздвоеніе и размышленіе, или, паче рещи, оскудѣніе и насилованіе отъ Турокъ же и Латинъ на тотъ Царьскый градъ и на державы царградскаго царя господьство и на все царградское жительство. И въ той великой Божьей и святѣйшей соборнѣй и апостольстѣй константинаградской церкви, отъ царя и отъ патріарха, и на полатѣ царевѣ почало быти написано наше поминовеніе, еже отъ колнкыхъ прежнихъ древнихъ временъ, по седмихъ святѣйшихъ вселенскыхъ соборѣхъ, то ся наше поминовеніе оглошило въ той святѣй и въ великой Божьей съборнѣй и апостольстѣй и вселенстѣй Костянтинаградстѣй церкви и въ прочихъ трехъ патріархъ, святыми же прежними православными христіянскими цари, святѣйшими всѣми четырми патріархи и всѣми святители, и прочими преподобными духовными мужи, по латинскому отъ нашего православнаго христіанства отступленію и еже отъ вѣры съ нами раздѣленію“ [2]). По этимъ причинамъ на Руси такъ

---

[1]) А. И. Т. I, № 43, стр. 86; Р. И. Б. Т. VI, столб. 540.

[2]) Р. И. Б. Т. VI, № 66, столб. 557—558.

долго не было митрополита: „не къ кому было посылати (царь не таковъ, а ни патріархъ не таковъ, иномудрствующе, къ Латиномъ приближающися, а не тако, якоже православному нашему христіянъству изначала предано). А Сидорово, сыну, прихожденіе, и первое и другое, и дѣло его и пынѣшнее его житіе самъ же потоку вѣси“ [1]). Далѣе митр. Іона сообщаетъ, что поставленъ на митрополію по милости Божіей „и по божественныхъ и священныхъ правилъ освобожденію, и по разсужденію святительскому, и *по воли великого господаря великого князя Василія Васильевича...*“ [2]).

И не напрасны были такія объясненія [3]). Хотя поставленіе Іоны соборомъ русскихъ епископовъ, безъ дозволенія патріарха-уніата, было, несомнѣнно, дѣломъ, которому вполнѣ сочувствовало громадное большинство русскаго духовенства и всего русскаго общества, однако, среди духовенства и мірянъ находились отдѣльныя лица, которыя не стѣснялись открыто протестовать противъ нарушенія обычнаго порядка поставленія митрополита. Даже Пафнутій Боровскій, одинъ изъ выдающихся столповъ русскаго благочестія [4]), соблазнялся поставленіемъ митрополита Іоны, не велѣлъ называть его митрополитомъ, не хотѣлъ исполнять въ своей обители его пастырскихъ распоряженій и объяснялся съ нимъ непочтительно, такъ что Іона жаловался на него великому князю Василію Васильевичу, и Пафнутій, заключенный въ оковы, долженъ былъ довольно времени просидѣть въ темницѣ, пока не смирился, не покаялся и не получилъ благословенія отъ митрополита въ свою обитель [5]). Извѣстно также

[1]) Тамъ же, столб. 559.

[2]) А. И. Т. I, № 47, стр. 95; Р. И. Б. Т. VI, № 66, столб. 561. Убѣжая охранять въ Литвѣ православіе, митрополитъ проситъ содѣйствовать возсоединенію кіевской митрополіи съ московской. Объ этомъ см. у насъ выше, стр. 113, примѣч. 2-ое.

[3]) М. Макарій И. Р. Ц. Т. VI, стр. 17.

[4]) См. о немъ „Троицкій Патерикъ“. Изданіе Троицкой Лавры 1896 г. стр. 238—247.

[5]) Іосифъ Волоцкій, ученикъ Пафнутія, говоритъ объ этомъ кратко: „Іонѣ митрополиту была брань съ Пафнутіемъ старцемъ. Сказали Іонѣ, что Пафнутій не велитъ его звати митрополитомъ... А Іона митрополитъ билъ челомъ великому князю Василію Васильевичу..., и православные государи доспѣли тому дѣлу на Москвѣ по свидѣтельству священныхъ правилъ“. Посланіе къ Ивану Ивановичу Третьякову-Ховрину. Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1817, VII,—въ „Отвѣщаніи любозазорнымъ“ („Отвѣщаніе любозазорнымъ и сказаніе вкратцѣ о святыхъ отцѣхъ, бывшихъ въ монастырѣхъ, иже въ рустѣй земли сущихъ“; отдѣльно эта глава духовной пр. Іосифа напечатана въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. россійск., 1847 г., VII), составляющемъ 10 главу духовной грамоты или монастырскаго устава. Въ высшей степени характерна жалоба митро-

изъ описанія чудесъ митрополита Іоны, что одинъ боярынъ Василій Кутузовъ певѣріе имѣлъ къ нему митрополиту и не приходилъ къ нему и благословенія отъ него пріимать не требовалъ [1]). Этими краткими данными и ограничиваются наши положительныя свѣдѣнія о непризнаніи Іоны митрополитомъ [2]).

Если находили нужнымъ объяснять для самихъ русскихъ поставленіе Іоны въ митрополиты, то тѣмъ болѣе необходимо было сдѣлать это въ Константинополѣ—предъ императоромъ и патріархомъ, на права которыхъ они посягнули. Изъ имѣющихся данныхъ видно, что московское правительство сперва рѣшило не сообщать о поставленіи Іоны въ Константинополь, а ждать оттуда запроса. Но за полтора мѣсяца до поставленія Іоны умеръ въ Константинополѣ императоръ Іоаннъ Палеологъ, горячій поборникъ флорентійской уніи (31 окт. 1448 г.), и на престолъ вступилъ въ началѣ 1449 года старшій братъ Іоанна—Константинъ [3]), который тотчасъ послѣ своего воцаренія объявилъ себя сторонникомъ православія и противникомъ уніи. Но онъ не скоро возстановилъ православіе формальнымъ образомъ и долго терпѣлъ на патріаршемъ престолѣ

полита на подчиненное ему духовное лицо великому князю, по волѣ котораго былъ поставленъ этотъ митрополитъ. См. также изложеніе этого случая въ похвальномъ словѣ митрополиту Іонѣ, написанномъ въ 1547 году. Сборникъ библіотеки митр. Макарія № 3, л. 266. Цит. у м. Макарія II. Р. Ц. Т. VI, стр. 17. Прим. 17. (Посланіе Іосифа Волоцкаго къ Третьякову, Нифонт. Сбор. Публ. Библ. Q. XVII. № 64, л. 226—227.); Н. Калачовъ „О значеніи Кормчей", прил. 4; описаніе рукоп. Синод. Библіотеки, II, ч. 3, стр. 260.

[1]) Степен. кн. II, 82. О боярынѣ Васильѣ Ѳедоровичѣ Кутузовѣ см. Никон. лѣт. Ч. V, 213. II. С. Р. Л. т. VI, 178, гдѣ повѣствуется о томъ какъ великій князь Василій Васильевичъ послалъ изъ Ярославля къ князю Дмитрію Шемякѣ боярина своего Василія Ѳедоровича Кутузова, „прося у него матери своей и великое княгини Софіи", находившейся въ плѣну у Шемяки. О немъ же смотри С. М. Соловьева II. Р. Т. IV, столб. 1114.

[2]) „Очень любопытно было бы знать, какъ не признававшіе, являя собою своеобразныхъ консерваторовъ или наоборотъ своеобразныхъ либераловъ, доказывали обязанность Русскихъ не посягать на права патріарха-уніата или вообще что они имѣли и заявляли противъ признанія". Е. Голубинскій. II. Р. Ц. Т. II, II. I, стр. 491.

[3]) Митрополитъ Іона былъ поставленъ въ то время, когда императорскій престолъ былъ предметомъ спора между тремя братьями. Проф. Е. Голубинскій задается вопросомъ, не имѣло ли это обстоятельство вліянія на рѣшимость русскихъ и приходитъ къ отрицательному выводу: „по всей вѣроятности, нѣтъ, ибо они едва ли могли предвидѣть, что перемѣна государя будетъ для нихъ благопріятною". II. Р. Ц. Т. II, II. I, стр. 485.

Григорія Мамму, патріарха-уніата, оставшагося ему отъ брата [1]). Когда же императоръ возстановилъ православіе въ Константинополѣ формальнымъ образомъ и низложилъ патріарха-уніата, московское правительство, которому, какъ надо думать, дѣло поставленія Іоны причиняло крайнее безпокойство, само рѣшилось извѣстить императора о совершенномъ имъ поставленіи митрополита, безъ разрѣшенія изъ Константинополя, и просить у императора извиненія за свой самовольный поступокъ. До насъ дошло это посланіе, написанное великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, къ императору Константину Палеологу въ іюлѣ мѣсяцѣ 1452 года [2]). Поздравивъ императора съ восшествіемъ на прародительскій престолъ, великій князь выражаетъ большую радость („порадовахомся велми"), что онъ „восприялъ свой великый царьскый скипетръ, свое отчество, въ утвержение всему православному христіанъству вашихъ державъ и нашимъ владѣтельствамъ рускія земли, всему нашему благочестью, въ великую помощь". Попросивъ императора о томъ, чтобы онъ сообщилъ ему, „како Божіею милостію пребываетъ его великое господство", великій князь говоритъ слѣдующее: „возпишемъ же паки святому ти царьству и о нашея земли положеніи". Затѣмъ онъ сообщаетъ о томъ, какъ послѣ смерти митрополита Фотія былъ поставленъ Іона, епископъ рязанскій, въ Константинополь для поставленія въ митрополиты русскіе, какъ вмѣсто него

---

[1]) Григорій Мамма былъ поставленъ въ патр. почти послѣ трехлѣтняго промежутка послѣ смерти Митрофана (окончавшагося 1 августа 1443 года)—7 іюля 1446 г.; онъ бѣжалъ изъ Константинополя въ Римъ въ августѣ 1451 года. Франтца, lib. III, cap. 1 fin. См. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II, II. I, стр. 485.

[2]) Это посланіе напечатано въ А. И. Т. I, №№ 41 и 262, стр. 83—85, 492—495; Р. И. Б. Т. VI, № 71, столб. 575—586. Въ этихъ спискахъ посланія нѣтъ даты года, а только дата мѣсяца, но такъ какъ въ текстѣ говорится, что течетъ 21 лѣто по смерти Фотія („двадесять первому лѣту текущу, отшедьше... преставися приснопамятный Фотій митрополитъ"), которой окончался 1-го или 2-го іюля 1431 года, то посланіе надо относить къ 1451 или къ 1452 году. Но такъ какъ въ немъ дается знать, что оно писано послѣ низложенія Григорія (Маммы), въ то время, когда въ Константинополѣ не было патріарха,—слѣдовательно, въ 1452 году. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II, II. I, стр. 486, примѣч. 1. Иной взглядъ высказываетъ П. Н. Милюковъ: „Русское правительство до такой степени было смущено принятіемъ уніи въ Константинополѣ, что даже не рѣшилось обратиться къ патріарху: грамота была направлена къ императору Константину Палеологу, подъ тѣмъ двусмысленнымъ предлогомъ, будто бы въ Россіи неизвѣстно, существуетъ ли даже святѣйшій патріархъ въ царствующемъ градѣ". Очерки по исторіи русской культуры. Ч. II, изд. 2-ое, Спб. 1899, стр. 21.

быть присланъ митрополитъ Исидоръ и какъ царь Іоаннъ Палеологъ и патріархъ Іосифъ назначили быть Іонѣ преемникомъ Исидора. Сообщивъ о прибытіи на Русь непрошеннаго Исидора и его пріемѣ, великій князь подробно описываетъ сборы митрополита на флорентійскій соборъ и свое безрезультатное увѣщеваніе не ходить туда [1]). Далѣе въ посланіи описывается, какъ великій князь, видя непреклонность Исидора, упрашивалъ его „да принесетъ къ намъ нашего православнаго христіанства благочестіе", „а иного, страшна нова и чужда благочестивыя нашія христіанскія вѣры молихомъ не приносити къ намъ", и какъ Исидоръ оказался отступникомъ отъ православія. „*Мы же убо худіи, Богомъ наставляеми*, говоритъ великій князь, *ни въ чтоже вмѣнихомъ его и самаго, и принесенное имъ злочестіе отвергохомъ, яко изъсохль травную; отъ того же паки времени попеченіе начахомъ имѣти о своемъ православіи, о безсмертныхъ единородныхъ нашихъ душахъ и часныхъ смертныхъ, и о предстаніи нашемъ въ онъ будущій страшный день судный предъ Судящимъ вся съкровенная и наша денсвная и нощная мысли и дѣла* [2]), и зависе того жалахомъ и прошсковахомъ, еже како бы послати намъ къ Царьскому граду пословъ своихъ о извѣщеніи съединенія святѣйшая Божія вселенская церкве, и о православіи, и о поставленіи митрополита". „И многолѣтнѣ того искахомъ, продолжаетъ Василій Васильевичъ, и жалахомъ, но не улучихомъ; не нашею лѣностію и небреженіемъ, но неслучаемъ; понеже, по нашимъ христіанскимъ грѣхомъ, якоже слышахомъ, *въ вашихъ благочестивыхъ державахъ въ церкви Божьей разъласье бысть* [3]), а въ путныхъ шествіяхъ неудобь проходимо шествіе быть, и всяческая тѣснота путышественникомъ быть отъ разбойникъ и грабителей, а въ нашихъ странахъ всяко неустроеніе, ово нашествіе безбожныхъ агарянъ, оваже междособныя рати и брани, не токмо православному христіанству, земьскымъ людемъ, но и сами вся злая подъяхомъ, и донынѣ подъимаемъ и претерпѣвающе есмы, и не отъ кого иного, по отъ брата нашего". Благодаря такому положенію дѣлъ, продолжаетъ свое объясненіе великій князь, мы оставались „безъ болшаго святителя, безъ митрополита". Велѣдствіе такой великой нужды, „возрѣвше въ божественная и священная правила святыхъ Апостолъ и святыхъ богоносныхъ Отецъ, нужди ради, обрѣтохомъ не бронящихъ, по по-

---

[1]) „Мы же много о томъ отрицахомъ его о пошествіи его, многыхъ ради земьскыхъ дѣлъ, дабы не пошолъ: и не възмогохомъ его удержати".

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) То же.

велѣвающихъ, епископы поставити въ митрополиты... — събравъ нашее земли святителей и владыкъ, и поставили есми того прежереченнаго отца нашего Іону, епископа рязанскаго, тѣми нашими отци святители, рускыми владыками, на святѣйшію митрополію рускую, на Кіевъ и на всю Русь митрополитомъ".

Послѣ этого слѣдуетъ составляющая цѣль посланія просьба объ извиненіи за самовольный вынужденный поступокъ, сопровождаемая увѣреніемъ въ своемъ неизмѣнномъ признаніи духовной власти Константинополя. Это мѣсто посланія читается такъ: „И просимъ святое ти царьство, да не помолвиши о томъ на насъ, яко дерзостнѣ сіе сътворихомъ, еже сътворихомъ, не обославъ великаго вашего господьства; но сіе за великую нужду сътворихомъ, а не кичеціемъ, ни дерзостью. *А сами есмы въ всемъ благочестьи, по древнему намъ преданному православію*, якоже и выше писахомъ, *и въ томъ есмы, якоже преже быхомъ, тако и будемъ до каждаго насъ временнаго живота и до скончанія вѣку* [1]). И церковь наша русская, святѣйшая митрополія руская, отъ святыя Божія вселенскыя съборныя и апостольскыя церкви Премудрости Божія Святыя Софѣя цариградскыя, благословенія требуеть и ищеть, въ всемъ *по древнему благочестью повинуется ей*, и тотъ нашъ отець, кіевьскый и всея Руси митрополитъ куръ Іона, по тому жъ, всяческы требуеть оттолѣ и благословенія и съединенія, *развіе нынѣшнихъ новоявлешихся разгласій* [2]). Молимъ святое ти царьство, да будеши о всемъ къ тому нашему отцу, Іонѣ митрополиту, добрыя воли, и то намъ отъ васъ велми любо; а мы есмо, якоже и пишемъ, о всемъ съ вами съединени, по изначальству, любовію и всякою пріязнію". Въ заключеніе посланія великій князь говоритъ, что онъ хотѣлъ было писать о церковныхъ дѣлахъ и о своемъ отцѣ митрополитѣ вселенскому патріарху, но не знаетъ, есть ли въ Константинополѣ патріархъ, такъ какъ ни отъ кого о немъ не слыхалъ, и если есть, то не знаетъ, какъ его зовутъ [3]).

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) То же.

[3]) „Хотѣхомъ же убо о сихъ всѣхъ дѣлѣхъ о церковныхъ, и о отци нашемъ митрополитѣ, и о нашихъ бѣдахъ, еже на насъ случившихся, писати къ святѣйшему вселеньскому патріарху православному свои грамоты, требуя о всемъ благословенія его и молитвы: но не вѣмы, аще уже есть въ державахъ святого ти царьства, въ Царьствующемъ градѣ, святѣйшій патріархъ, или нѣсть, понеже не слышахомъ о немъ ни отъ когоже, ни имени его не вѣмы, и того ради еще нынѣ не писахомъ къ нему ни о чемъже; а дасть ли Богъ, будеть у великого вашего господьства, въ святѣй велицѣй и съборнѣй

Это извинительное посланіе великаго князя, свидѣтельствующее о томъ, съ какою робостью, нерѣшительностью и осмотрительностью проводили церковную реформу въ Москвѣ, даетъ намъ новое доказательство, насколько самовольное поставленіе Іоны лежало на сердцѣ и волновало великаго князя.

Но изъ имѣющейся помѣты на одномъ изъ сохранившихся списковъ этого посланія мы узнаемъ, что грамота Василія Васильевича, будучи написана, не была отправлена въ Константинополь [1]). Нужно думать, что причиной этого были измѣнившіяся въ Константинополѣ церковныя обстоятельства: послѣдній императоръ византійскій Константинъ Палеологъ, бывшій сначала противникомъ уніи, потомъ, тѣснимый турками, овладѣвшими уже всей греческою частью Балканскаго полуострова и уже приступавшими къ самому Константинополю, обратился къ уніи, надѣясь на помощь папы [2]). Нужно думать, что дошедшая до Москвы вѣсть объ измѣнѣ православію императора, и о принятіи имъ съ честію „кардинала Польши, прежде бывшаго архіепископа Россіи“ Исидора, присланнаго папою (въ ноябрѣ 1452 года) для возстановленія въ Константинополѣ флорентійской уніи [3]) сдѣлала совершенно излишнею отправленіе написанной грамоты по назначенію.

Выше мы имѣли уже случай замѣтить, что крупная церковная реформа поставленіе въ митрополиты Іоны безъ дозволенія константинопольскаго патріарха и императора Византіи, *была проведена*

апостольстѣй церкви, патріархъ по древнему благочестію, и мы семы должни о всѣхъ нашихъ положеніихъ писати и посылати къ великой его святыни о всемъ и благословеніе отъ него требовати въ всемъ, а отъ вашего великого господьства любви и пріязни хочемъ“. А. И. Т. I, №№ 41 и 262; Р. И. Б. Т. VI, № 71. „Послѣдняя оговорка, говоритъ проф. В. И. Малининъ, доказываетъ, что у насъ плохо вѣрили въ правовѣріе царьградскаго патріарха“. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 466.

[1]) Въ одномъ изъ списковъ (въ рукописномъ сборникѣ XVI в., принадлеж. Царскому) въ заглавіи посланія отмѣчено: „посылная отъ великого князя Василія Васильевича къ Царьградскому Царю Костянтину, о Іонѣ митрополитѣ, да не пошла“. См. А. И. Т. I, № 262, прим. въ концѣ.

[2]) Переговоры объ уніи начаты были въ началѣ 1452 года. См. статью М. Стасюлевича. „Осада и взятіе Византіи Турками“. Ученыя Записки II отд. Акад. Наукъ, кн. I. Спб. 1854.

[3]) Fabrit. Biblioth. Grace. X, p. 358, 383. ed. Harles; Ducas, p. 253—255, Bonn. 1831. „...τὸν καρδηνάλιον Πολωνίας, τον ποτὲ ἀρχιεπίσκοπον Ῥωσίας...“ Цитировано у М. Макарія. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 19. прим. 19. О пріѣздѣ Исидора въ Константинополь и о его миссіи см. P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège. T. I, p. 70—76.

исключительно политическою инициативой [1]). Послѣдствія этого „самочиннаго“ поставленія Іоны по приказанію великаго князя Василія Васильевича—были чрезвычайно важны и глубоки.

Но прежде чѣмъ остановиться на всестороннемъ выясненіи этихъ сложныхъ послѣдствій и ихъ анализѣ, мы считаемъ нужнымъ для уясненія этого вопроса, хотя бы вкратцѣ, остановиться на описаніи предсмертной агоніи византійскаго государства, закончившейся взятіемъ Константинополя, этого Новаго Рима, павшаго отъ руки турокъ.

„Византія, какъ государство, медленно умирала и смерть ея была неизбѣжна“, справедливо замѣчаетъ профессоръ А. П. Лебедевъ [2]). „Дѣйствительно, могло лишь быть вопросомъ одно: когда это будетъ—десятокомъ лѣтъ раньше или позже. Тогда (въ половинѣ XV ст.) византійская имперія представляла собою лишь жалкіе, ничтожные остатки прежняго величія: вся она состояла изъ Константинополя и его предмѣстій. Византійское царство представляло собою уже одинъ столичный округъ. И матеріальное и нравственное состояніе этого жалкаго царства было болѣе чѣмъ печально. „Если нынѣшнюю турецкую имперію, читаемъ мы у того-же спеціалиста византійской церковной исторіи, съ ея плохимъ финансовымъ положеніемъ, голоднымъ и разутымъ войскомъ, неурядицами въ администраціи, единогласно называютъ „больнымъ человѣкомъ“, то мы, право, затрудняемся: какъ назвать Византію средины XV вѣка? Теперешняя Турція по сравненію съ тогдашней Византіею—могущественное государство“ [3]).

Когда Константину XI, по смерти его брата Іоанна Палеолога [4]), достался въ 1448 г. византійскій престолъ, онъ находился тогда въ отдаленной Морѣ. Два знатныхъ депутата возложили на голову Константина въ миѳорскомъ дворцѣ императорскую корону Византіи. Вскорѣ онъ, прибывъ въ столицу, отпраздновалъ свое вступленіе на престолъ различными увеселеніями и щедрыми, вошедшими въ обычай, подарками, чѣмъ, конечно, довелъ до истощенія и безъ

---

[1]) Стр. 194.

[2]) „Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка“. Москва. 1892. VII. стр. 629. Эта глава „Очерковъ“ проф. Лебедева была раньше напечатана (съ небольшими измѣненіями) въ октябрьской книжкѣ Чт. въ Общ. Люб. Дух. Пр. 1891 г., стр. 540—552.

[3]) Тамъ же, стр. 629—630.

[4]) Бездѣтный Іоаннъ Палеологъ умеръ 3-го окт. 1448 г. О спорахъ изъ-за престола между оставшимися въ живыхъ его братьями см. въ „Исторіи Византіи“ Г. Ф. Герцберга, стр. 563—564; см. также „Лѣтопись церковныхъ событій“ епископа Арсенія, стр. 539.

того уже крайне бѣдную государственную казну [1]). Новый императоръ былъ бездѣтнымъ вдовцомъ и его первая забота была о продолженіи своего царственнаго рода: онъ желалъ найти себѣ достойную супругу. Византійская аристократія отвергла предложенную въ супруги Константину дочь венеціанскаго дожа, такъ какъ для византійской гордости считалось непозволительнымъ породниться наслѣдственному византійскому монарху съ какимъ-то дожемъ, какъ лицомъ, получившимъ власть по народному голосованію [2]). Послѣ того какъ такой бракъ не состоялся, рѣшено было снарядить посольство въ чужія страны искать достойную невѣсту послѣднему императору Византіи. Повѣствованіе о дѣйствіяхъ этого посольства можно было бы счесть или злой насмѣшкой или непозволительною выдумкой, если бы безпристрастная исторія не подтверждала до послѣдней мелочи достовѣрности фактовъ [3]). Во главѣ этого посольства, въ качествѣ уполномоченнаго отъ жениха, стоялъ византійскій сановникъ Франца или Франциесъ, извѣстный историкъ послѣднихъ дней Византіи; на пышную обстановку этого посольства были издержаны жалкіе остатки послѣднихъ средствъ. Свита уполномоченнаго жениха—императора была очень многочисленна и состояла изъ знати и гвардейцевъ, изъ лекарей и монаховъ и изъ хоровъ инструментальной и вокальной музыки. Поѣздка этой пестрой, театральной свиты стоила дорого и продолжалась болѣе двухъ лѣтъ. Мы не станемъ описывать подробностей путешествія этого необычайнаго посольства, ѣхавшаго съ музыкой и возбуждавшаго восторгъ и изумленіе деревенщины; остановимся лишь на одномъ эпизодѣ этой миссіи, чтобы наглядно убѣдиться въ томъ, до какого нравственнаго уродства и убожества дошли послѣдніе представители Византіи. Посольство, казалось, скоро отыскало то, къ чему такъ ревностно стремилось. Около этого времени (въ 1451 г.) умеръ турецкій султанъ Мурадъ. Между вдовами этого султана была дочь сербскаго короля Марія. Она была христіанка, обладала личными достоинствами и даже красотой, хотя уже и увядшею [4]). Но эта достойная невѣста Константина давно уже перешла не только предѣлы молодости, но даже и цвѣтущаго возраста: вдовствующая султанша имѣла около пятидесяти лѣтъ. Конечно, года почтенные,

[1]) P. C. C. S. G. P. T. CLVI, col. 808—809.

[2]) А. П. Лебедевъ. Очерки, стр. 631. См. также Гиббона. Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. Изданіе Джорджа Белля 1877 года. (Переводъ В. Н. Невѣдомскаго). М. 1886. Т. VII, стр. 307.

[3]) Тамъ же, стр. 632.

[4]) Тамъ же. стр. 632.

но послы разсудили, что хотя Маріи и около пятидесяти лѣтъ, но она могла еще дать имперіи наслѣдника престола. „Это сватовство, справедливо замѣчаетъ проф. А. П. Лебедевъ, такъ необычайно, что едва ли подобное встрѣтишь гдѣ-либо, кромѣ оперетки. Женихъ византійскій христіанскій императоръ, жаждущій имѣть потомство, и рядомъ съ нимъ пятидесятилѣтняя невѣста, вдова турецкаго султана" [1]. Остается неизвѣстнымъ, состоялся ли бы этотъ достойный удивленія бракъ, если бы не встрѣтилось неожиданнаго препятствія, такъ какъ вдовствующая султанша объявила, что она идетъ въ монастырь и тамъ хочетъ окончать дни свои [2]. Тогда посольство продолжало поиски невѣсты для своего монарха. Выборъ пословъ окончательно падаетъ на дочь грузинскаго царя, за которой отецъ предлагалъ еще приданное въ 56,000 золотыхъ монетъ, что для обѣднѣвшаго византійскаго императора казалось очень заманчивымъ. Константинъ далъ свое согласіе на бракъ [3], и бракъ конечно бы состоялся, если бы не наступило тяжелаго времени, когда не могло быть и мысли о радостныхъ событіяхъ въ родѣ браковъ [4]. Знакомясь съ исторіей Византіи послѣднихъ лѣтъ ея жалкаго, паралитическаго существованія, читая эпизоды въ родѣ вышеописаннаго сватовства послѣдняго императора, невольно соглашаешься съ вѣрнымъ, но и грустнымъ, предположеніемъ профессора А. Лебедева, что не найдешь такого серіознаго человѣка, который, читая исторію паденія Византіи, не чувствовалъ бы, неожиданно для себя, трагикомическаго впечатлѣнія, при чемъ комическій элементъ несомнѣнно преобладаетъ надъ трагическимъ,—что исторія паденія Константинополя представляетъ собою чуть не водевиль [5].

Между тѣмъ надъ Византіею собиралась страшная гроза, которой суждено было уничтожить четвертую міровую имперію пророка Даніила, какъ смотрѣли греки на свое славное царство [6]. Византіи предстояло выдержать послѣднюю борьбу съ турками, положившими конецъ христіанскому правленію въ жалкихъ остаткахъ нѣкогда славной имперіи Константина Великаго. Очень можетъ быть, что византійская имперія продолжила бы еще на нѣсколько

---

[1]) Тамъ же, стр. 633. См. также у Гиббона. VII, стр. 307—309.

[2]) P. C. C. S. G. P. T. CLVI, col. 815, 818.

[3]) Ibid., col. 818, 820.

[4]) А. П. Лебедевъ. Очерки, стр. 633.

[5]) Тамъ же, стр. 630.

[6]) Проф. В. Н. Малинишъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 467.

лѣтъ свое печальное существованіе, если бы миролюбиваго и кроткаго султана Мурада смѣнилъ въ владѣніяхъ турокъ султанъ такого же характера. Но наслѣдникъ Мурада—Магометъ II, 22-хъ лѣтній молодой человѣкъ жестокій и вѣроломный, -былъ полонъ энергіи и огня. Свое правленіе Магометъ началъ тѣмъ, что устроилъ великолѣпныя похороны своему отцу и своему малолѣтнему брату — младенцу, котораго кстати новый султанъ велѣлъ убить, изъ опасенія, что въ будущемъ онъ можетъ найти въ лицѣ своего брата соперника себѣ. Это уже показывало, что Магометъ былъ человѣкомъ, не останавливающимся ни предъ какими средствами, чтобы добиться задуманнаго; „для него убить человѣка собственноручно было все равно что раздавить блоху“ свидѣтельствуетъ о немъ византійскій историкъ Дука [1]). Царь же Константинъ, не обладая политическимъ тактомъ и умомъ, сдѣлалъ „роковую ошибку“ [2]) въ своихъ отношеніяхъ къ новому султану и эта ошибка въ неблагопріятную для византійцевъ минуту дала поводъ ни кѣмъ не часмой странной силѣ султана Магомета II нанести послѣдній, смертельный ударъ дряхлому византійскому царству [3]). Неправильныя дѣйствія императора Константина, рѣшившагося воспользоваться временнымъ затруднительнымъ положеніемъ Магомета во время караманской войны и потребовать у турецкаго султана увеличенія вдвое пенсіи, выдававшейся на содержаніе въ Константинополѣ и надзоръ за османскимъ принцемъ Урханомъ (какъ обыкновенно говорятъ внукомъ султана Магомета), который легко могъ сдѣлаться неудобнымъ претендентомъ на османскій престолъ, а также и угроза со стороны безсильнаго императора Византіи, обезцѣнивавшаго силу Магомета, выпустить этого претендента на свободу, сразу измѣнили довольно дружественныя отношенія молодого султана къ Византіи [4]) и подали ему удобный поводъ къ окончательному разрыву съ Константинополемъ [5]). Возвратясь въ Европу, молодой султанъ рѣшилъ,

[1]) P. G. C. S. G. P. T. CLVII. col. 1053.

[2]) По выраженію Г. Ф. Герцберга. Исторія Византіи. Переводъ П. В. Безобразова. Стр. 568.

[3]) Объ этой ошибкѣ см. Г. Ф. Герцберга. Исторія Византіи, стр. 568—569.

[4]) См. у Г. Ф. Герцберга. Исторія Византіи, стр. 568; А. П. Лебедева Очерки, стр. 634—635; епископа Арсенія. „Лѣтопись церковныхъ событій“, стр. 542 и др.

[5]) О впечатлѣніи, произведенномъ этою несчастною мыслью послѣдняго императора Византіи, мы находимъ у Герцберга слѣдующее: „Дружелюбно относившійся къ грекамъ и весьма чувствительный къ византійскому золоту

повидимому, покончить съ Византіей и теперь, къ удивленію и ужасу современниковъ, Магометъ развернулъ во всей полнотѣ и блескѣ тѣ свойства своего характера, которыя въ теченіе тридцати лѣтъ сдѣлали его страшилищемъ для всего христіанскаго міра [1])

Скоро стало вполнѣ ясно, что Магометъ рѣшилъ сдѣлать нападеніе на Константинополь, чтобы окончательно стереть съ лица земли остатки существованія сосѣдней христіанской державы. Скоро стало ясно, что рѣшается вопросъ о существованіи Византіи. Но и эта уже вполнѣ очевидная страшная опасность нисколько не пробудила энергіи и благоразумія грековъ; они какъ будто даже не хотѣли знать о грозившей имъ опасности. Они безпечно откладывали до другого времени мѣры предосторожности, которыя не терпѣли ни малѣйшаго промедленія: они закрывали глаза предъ висящей надъ ихъ головами страшной грозой. Такая безпечность была тѣмъ болѣе удивительна, что было слишкомъ мало надежды на дружественную помощь со стороны западной Европы, такъ какъ между государствами, отъ которыхъ можно было ожидать помощи, одни были слишкомъ слабы, другія же слишкомъ удалены отъ театра борьбы, одни считали опасность воображаемою, другія же— непоправимой [2]). Итакъ, Византіи приходилось довольствоваться тѣми силами, какія были только внутри ея; близкая же опасность еще уменьшила и безъ того немногочисленное населеніе столицы Константина; и число жителей способныхъ быть ея защитниками стало еще меньше [3]). Въ послѣднюю эпоху своего существованія Константинополь все еще имѣлъ болѣе ста тысячъ населенія [4]): по приказанію императора были собраны на улицѣ и въ домахъ свѣдѣнія о числѣ гражданъ и даже монаховъ, способныхъ и готовыхъ взяться за

великій визирь Халилъ-паша пришелъ въ ужасъ отъ этой безразсудной политики, когда лѣтомъ 1451 г. въ лагерь при Аккерѣ, въ Анатоліи явился отъ царя посолъ съ этимъ порученіемъ". Исторія Византіи, стр. 569.

[1]) Сжатую, блестящую характеристику этого завоевателя см. у Гергеберга въ его Исторіи Византіи, стр. 569. Гиббонъ. VII. LXVIII, стр. 311—314.

[2]) Гиббонъ. Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. Т. VII. стр. 318, 324.

[3]) Многіе изъ простонародія и нѣсколько византійскихъ аристократовъ малодушно покинули свое отечество въ минуту опасности (Гиббонъ. Исторія. стр. 325); а корыстолюбіе частныхъ богачей отказало императору въ тѣхъ скрытыхъ сокровищахъ, которыя теперь могли пойти въ дѣло и которыя впослѣдствіи достались побѣдителямъ. P. C. C. S. G. P. T. CLIX. col. 931. 942.

[4]) „Къ сожалѣнію, замѣчаетъ проф. А. Лебедевъ, на эту цифру указываютъ не списки сражавшихся, а списки взятыхъ въ плѣнъ". Очерки, стр. 636.

оружіе для защиты своего отечества. Составленіе этихъ списковъ было поручено извѣстному историку Франдѣ, который послѣ тщательнаго записыванія имент, со скорбью и изумленіемъ донесъ Константину, что число защитниковъ отечества ограничивается четырьмя тысячами девятью стами семидесятью тремя греками [1]). „Цыфра точная, замѣчаетъ проф. А. П. Лебедевъ, до того точная, что было отчего придти въ отчаяніе каждому патріоту того времени" [2]). Тщетно пытался императоръ Константинъ дипломатическимъ путемъ улучшить свои отношенія съ Магометомъ, поправить свою роковую ошибку; напрасно онъ старался дипломатическими представленіями задержать быстро воздвигавшуюся съ весны 1452 года крѣпость, заложенную по приказанію Магомета въ мѣстечкѣ Асомата всего въ семи верстахъ отъ Константинополя: молодой султанъ, отклонивъ самымъ рѣзкимъ образомъ просьбу царя [3]), сталъ энергично готовиться къ завоеванію Константинополя.

Между тѣмъ настроеніе среди жителей Византіи, которой предстояло встрѣтить грудью страшнаго врага, было крайне неблагопріятно для такой борьбы. Существовали особыя причины, по которымъ жители Константинополя не хотѣли брать на себя опасной борьбы съ врагомъ, но это такія причины, которыя лишь показываютъ, что народъ византійскій отупѣлъ, испортился, и настолько нравственно измельчалъ, что ожидать отъ него и теперь и въ будущемъ рѣшительно было нечего [4]).

---

[1]) P. C. C. S. G. P. T. CLVI, col. 838.

[2]) „Но для историка настоящаго, нашего времени, такой фактъ невольно представляется чѣмъ-то комическимъ. Какъ! Неужели пресловутая византійская имперія дожила до того, чтобы всѣмъ силамъ оттоманской имперіи могла противопоставить лишь 1973 защитниковъ отечества... Неужели обширнѣйшій въ свѣтѣ городъ, имѣвшій въ окружности около шестнадцати миль, должна была защищать буквально кучка всякаго сброда, вооруженная кой чѣмъ— заржавленнымъ оружіемъ, отысканнымъ гдѣ-то въ арсеналахъ?" Очерки, стр. 636—637.

[3]) Объ этомъ см. подробно у Герцберга—Исторіи Византіи, стр. 570 и слѣд.

[4]) Проф. А. П. Лебедевъ. Очерки, стр. 637. Почтенный ученый такъ образно описываетъ настроеніе населенія въ Константинополѣ. „Большинство жителей было увѣрено, что защищать столицу нѣтъ необходимости. Одни, при видѣ наступленія врага, пришли въ отчаяніе и махнули рукой: „будь-что будетъ" рѣшили они. Эти освоились съ мыслью, что городъ долженъ пасть, что такова воля Провидѣнія. Ихъ воображенію вездѣ чудились ясные знаки божескаго гнѣва, грядущаго на имперію. Метеоры, кометы, всякаго рода вздорныя предсказанія или точнѣе „болтовня старыхъ кумушекъ" при-

Ко всему этому надо присоединить еще и то неблагопріятное обстоятельство, что греки перессорились между собой и тѣмъ, конечно, увеличили трудность и безвыходность своего положенія. Понимая лучше другихъ крайне опасное положеніе государственныхъ дѣлъ, Константинъ, не имѣя въ виду другихъ надежныхъ средствъ, подобно утопающему, который хватается за соломенку,—рѣшилъ искать защитника Византіи въ лицѣ римскаго первосвятителя; послѣдній императоръ Византіи заводитъ сношенія съ Римомъ и предлагаетъ папѣ Николаю V церковную унію съ латинскою церковью. Не повліяли на пришедшаго въ отчаяніе императора неудачные примѣры прошлыхъ лѣтъ уніональныхъ попытокъ съ Римомъ: въ надеждѣ на матеріальную помощь отъ папы и римско-католическаго запада Константинъ снова начинаетъ оживленные переговоры объ уніи съ Римомъ. Но результатъ этихъ сношеній былъ безусловно отрицательный не только съ моральной, но и даже съ матеріальной стороны, такъ какъ эти попытки введенія уніи еще болѣе ослабили и безъ того безсильную Византію, подавъ поводъ еще къ большимъ раздорамъ и враждѣ среди населенія: явились и горячіе поборники уніи и ея яростные противники. Событія шли съ поражающей быстротой и заставляли несчастнаго императора Византіи вложить въ дѣло соединенія церквей, несмотря на трудность и рискованность этого предпріятія, все свое усердіе [1]). Ближайшимъ

водили ихъ въ полное отчаяніе. Между людьми этого сорта распространилась молва, что въ архивахъ Константинополя найдено пророчество императора X-го вѣка, Льва Мудраго, въ которомъ будто бы съ очевидностью предвозвѣщено, что столица должна пасть и пасть именно въ настоящее время. (Chalcocandylae. De rebus Turc. Lib. VIII, p. 405—6. Leonardi Chiensis. Epist., p. 926. Le Beau. Hist. du Bas—empire, tome 21, p. 242). Другая часть народа тоже не хотѣла и пальцемъ пошевелить для защиты государства. Среди суевѣрнаго народонаселенія былъ пущенъ слухъ, что будто упала съ неба грамота, въ которой сказано, что не нужно противодѣйствовать врагу, а ожидать времени, когда Самъ Богъ поразитъ нечестивыхъ оттомановъ; какіе то пустомели разглашали, что будто въ таинственной грамотѣ сказано, что когда турки проникнутъ въ Константинополь и дойдутъ до колонны Юстиніана, помѣщающейся на площади софійскаго храма, то сойдетъ ангелъ съ небеси съ мечемъ въ рукѣ, и турки немедленно обратятся въ бѣгство.... Какъ ни нелѣпы были эти и подобные толки, византійская чернь охотно вѣрила этимъ вздорамъ и безпечно предоставляла врагу просторъ и свободу дѣйствій". Тамъ же, стр. 637—638.

[1]) О сношеніяхъ Константина съ папою Николаемъ V см. P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège. T. I. p. 71. Тамъ же—отвѣтъ папы отъ 11 октября 1451 года.

слѣдствіемъ этихъ сношеній было прибытіе въ столицу византійской имперіи въ ноябрѣ 1452 года извѣстнаго русскаго ех—митрополита, кардинала Исидора, со свитою [1]), а затѣмъ и торжественное провозглашеніе соединенія церквей восточной и западной 12 декабря 1452 года [2]). Но принятая унія, „это позорное дѣло послѣдняго преемника Константина Великаго“ [3]), по свидѣтельству лѣтописцевъ, имѣла своимъ послѣдствіемъ въ рядахъ приверженцевъ православія, нѣчто страшное и неожиданное, еще лишній разъ свидѣтельствующее о крайне невысокихъ нравственныхъ качествахъ жителей Византіи, способныхъ въ религіозной вакханаліи забывать о той страшной опасности, которая грозила ихъ столицѣ и обнаруживавшихъ свои религіозныя страсти и фанатизмъ въ мелкихъ придиркахъ, шпіонствѣ, взаимномъ отчужденіи [4]). Въ день провозглашенія уніи жители обоего пола и всѣхъ сословій, недовольные принятіемъ религіознаго соединенія съ Римомъ, фанатизированные множествомъ монаховъ, устремились толпами изъ софійскаго храма въ монастырь Пандократора къ кельѣ одного ученаго монаха Геннадія Схоларія (впослѣдствіи патріарха), чтобы узнать его мнѣніе относительно уніи. Извѣстно, каковъ былъ отвѣтъ Геннадія. Не желая выходить изъ своей кельіи, онъ начертилъ свой отвѣтъ на дощечкѣ и выставилъ его на своей двери: ученый былъ противъ уніи [5]). Отецъ П. Пирлингъ такъ своеобразно характеризуетъ эту дѣятельность стойкаго и убѣжденнаго защитника православія: „Этотъ острый

[1]) О путешествіи Исидора въ Константинополь и о его попыткахъ увеличить средства для защиты Византіи см. у Пирлинга. La Russie et le Saint-Siège. T. I. p. 72. См. у него же рѣчь Исидора (на основаніи свидѣтельства Ubertino Pusculo) при торжественномъ пріемѣ въ храмѣ св. Софіи. T. I. p. 72—73.

[2]) Ibid. p. 71. О возстановленіи уніи Константиномъ Палеологомъ см. выше стр. 133—134 нашего изслѣдованія. См. также Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи, стр. 571.

[3]) По выраженію проф. А. П. Лебедева. Очерки, стр. 640.

[4]) Тамъ же, стр. 641.

[5]) „Несчастные римскіе! Для чего вы заблуждаетесь, теряете надежду на Бога и возлагаете упованіе на франковъ? Для чего вмѣстѣ съ имѣющимъ скоро пасть городомъ хотите погубить и свое православіе? Боже, умилосердись надо мною! Свидѣтельствуюсь предъ лицемъ Твоимъ, что я неповиненъ въ семъ преступленіи. А вы, несчастные, смотрите, что хочете сдѣлать при грозящемъ вамъ плѣненіи? Вы дерзаете извратить вѣру отцовъ своихъ и покориться неправдѣ. Никогда не оставлю тебя, любезное православіе, и не отступлю отъ тебя, священное преданіе, доколѣ душа моя обитаетъ въ семъ тѣлѣ“. Лѣтопись церковныхъ событій, стр. 543—544.

языкъ, смѣсь набожности и фанатизма, полный жара и возмущенія, раздувалъ злобныя страсти, возбуждая умы" [1]). Отвѣтъ Схоларія очень понравился ревнителямъ православія и они сочли нужнымъ выразить свою радость какимъ нибудь празднествомъ. „И вотъ, говоритъ проф. А. П. Лебедевъ, ссылающійся на свидѣтельство византійскаго историка Дуки, греки изъ монастыря Геннадія разсѣялись по византійскимъ трактирамъ; здѣсь они пили за погибель папскихъ приверженцевъ изъ ихъ среды, опорожняли свои стаканы въ честь Богоматери Дѣвы и заплетающимися языками просили Ее защитить городъ отъ Магомета, городъ, который Она раньше того спасла отъ Хозроя. Въ двойномъ опьяненіи отъ религіознаго изступленія и отъ вина они отважно восклицали: „не нуждаемся мы ни въ какой помощи отъ латинянъ". Такъ праздновали православные греки свою вѣрность вѣрѣ отцевъ" [2]). Фанатизмъ разгорался еще болѣе и сильнѣе: братъ былъ готовъ возстать на брата, лишь только становилось извѣстнымъ, что этотъ выражалъ свое сочувствіе уніи [3]). Трудно было надѣяться на энергичный и успѣшный отпоръ внѣшнему врагу, когда населеніе Византіи было терзаемо распрями и междоусобицами. Новымъ поводомъ къ раздорамъ между правительствомъ и народомъ послужило еще и слѣдующее обстоятельство: государственная казна была совершенно пуста, императоръ крайне нуждался въ денежныхъ средствахъ, ставшихъ еще болѣе необходимыми при наступленіи осады. Вслѣдствіе такой крайности Константинъ рѣшается прибѣгнуть къ послѣднему средству: онъ приказалъ взять нѣкоторые священные сосуды изъ церквей и сталъ выбивать изъ нихъ монету. Но такая мѣра возбудила ропотъ и недовольство въ народѣ и духовенствѣ. Тщетно императоръ давалъ обѣщанія возвратить, по миновапіи опасности, взятое въ храмы вчетверо; ропотъ и негодованіе не прекращались и доходили до открытаго порицанія Константина [4]). Таково было внутреннее состояніе Византіи, готовившейся съ слабыми, ничтожными средствами защиты встрѣтить страшнаго, могущественнаго врага. Трудно было допустить, что такой деморализованный народъ могъ продолжать самостоятельную политическую жизнь. Читая историковъ, описы-

[1]) P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège. T. I, p. 74.

[2]) P. C. C. S. G. P. T. CLVII, col. 1056—1060. Очерки, стр. 640—641.

[3]) О проявленіи греками религіознаго фанатизма даже во время осады Константинополя турками см. у Г. Ф. Герцберга. Исторія Византіи, стр. 574.

[4]) Phrantzae, lib. III, cap. 4, col. 851. Leonardi Chiensis. Epist. p. 934. Le-Beau, tome 21, p. 262. А. П. Лебедевъ. Очерки, стр. 641—642.

ваюшихъ послѣдніе дни политическаго существованія Византіи, невольно соглашаешься съ взглядомъ проф. А. П. Лебедева, что Константинополь палъ, въ дѣйствительности не отъ руки турокъ, а оттого, что въ немъ почти все было мертво, безжизненно: явились вороны, потому что Византія уже представляла собою трупъ [1]). Мы не станемъ описывать исторію осады Византіи турками, не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ интересныхъ моментахъ этой кровавой борьбы горсти защитниковъ Новаго Рима съ страшнымъ врагомъ [2]),—такъ какъ это не входитъ въ задачу нашего труда. Скажемъ лишь, что 29 мая 1453 года, послѣ послѣдняго предсмертнаго боя защитниковъ столицы съ храбрымъ императоромъ во главѣ, рѣшившемся умереть смертью героя, палъ Константинополь, славная столица византійскаго царства, и великолѣпное созданіе великаго Константина очутилось въ рукахъ магометанъ—турокъ. Около восьми часовъ утра этого знаменательнаго дня турки уже проникли въ городъ, а въ полдень Магометъ II узналъ, что его честолюбивая мечта уже стала дѣйствительностью, что дивный городъ находится въ его рукахъ. Въ сопровожденіи своихъ министровъ и двора, онъ чрезъ адріанопольскія ворота торжественно вступилъ въ городъ, теперь уже османскій Стамбулъ,—и отправился сперва въ храмъ св. Софіи, „это земное небо“ по выраженію историка Францы, „эту новую небесную твердь, эту колесницу херувимовъ, этотъ престолъ славы Божіей“. Тутъ мулла долженъ былъ войти на каѳедру и прочесть мусульманскій символъ вѣры, а самъ свирѣпый султанъ влѣзъ на престолъ и совершилъ молитву: соборъ Юстиніана, важнѣйшая святыня восточной церкви, перешелъ во владѣніе Ислама [3]). Затѣмъ

---

[1]) „Византія пала потому же, почему и человѣкъ въ возрастъ 70—80 лѣтъ умираетъ, истощившись умственно и физически. Византія не могла быть птицею фениксомъ, потому что она не приготовила жертвенника, на которомъ она имѣла бы возможность согрѣвать охладѣвающую кровь“. Очерки, стр. 642.

[2]) Объ этомъ см. обстоятельную статью П. Д. Погодина—„Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византіи турками въ 1453 году“. Ж. М. Н. Пр. Ч. CCLXIV. 1889. Августъ, стр. 205—258 (Особенно отдѣлъ I. „Источники греческіе“, стр. 207—227). М. М. Стасюлевичъ. Осада и взятіе Византіи турками (Учен. Зап. II Отд. Ак. Наукъ. I, 1851). Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи, стр. 571 и слѣд. О дѣятельности бывшаго русскаго митрополита Исидора во время осады Византіи см. у Пирлинга. La Russie et le Saint-Siège. T. I. p. 75—79.

[3]) По приказанію султана кресты на церкви св. Софіи были разбиты или сняты, а стѣны, которыя были прежде покрыты живописью и мозаикой, вымыты, замазаны и оставлены безъ украшеній.

было розыскано тѣло послѣдняго несчастнаго императора Византіи—храбраго защитника родной столицы, дравшагося при послѣднемъ штурмѣ какъ простой солдатъ, искавшаго геройской смерти и нашедшаго ее; тѣло императора было признано плѣннымъ Лукою Нотарою. Было разрѣшено похоронить тѣло его съ царскими почестями [1]; а голову царя султанъ приказалъ отрубить и выставить ее до вечера на Августеѣ, чтобы всѣ могли убѣдиться въ смерти Византіи [2]). Возвращаясь на слѣдующій день (30 мая) въ лагерь изъ города, все еще подвергавшагося разграбленію, Магометъ II посѣтилъ опустѣлый влахернскій дворецъ и выразилъ свое настроеніе словами персидскаго поэта, представляющими сжатую, выразительную надгробную рѣчь надъ византійскимъ царствомъ: „Наукъ совершаетъ службу стражника въ палатахъ царя, сова затягиваетъ военную пѣсню во дворцѣ Афрасіаба“ [3]).

Такъ были стерты съ лица земли остатки существованія византійской имперіи, взятъ Константинополь отъ руки турокъ;—совершилось событіе громадной политической важности, вызвавшее слезы сожалѣнія и сочувствія современниковъ [4]). „Такъ какъ гибель Византіи, читаемъ мы у П. Д. Погодина, имѣла не только мѣстное, но и всемірное значеніе, такъ какъ ея послѣдствія несла вся Европа

---

[1]) „По близости мечети Вефы, подъ камнемъ безъ надписи, подъ тѣнью ивы находится могила благороднаго героя; простая лампада, масло для которой поставляется правительствомъ, и теперь зажигается каждый вечеръ надъ могилой“. Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи, стр. 578. См. также „Очерки“ проф. А. П. Лебедева, стр. 630—631.

[2]) Тамъ же, стр. 578—579.

[3]) Тамъ же, стр. 579.

[4]) „Одни поплакали, потому что любили слезы, другіе поплакали, потому что умѣли плакать элегантно, въ изящныхъ ораторскихъ рѣчахъ (Эней Сильвій). Но едва ли кто плакалъ искренно и отъ души. Что большая часть лицъ, проливавшихъ слезы по случаю паденія Византіи, плакали или лицемѣрно или для парада, это можно видѣть изъ того, что нѣкоторые изъ плакальщиковъ могли бы оказать помощь Византіи и посуществили слезъ, но не оказали“. Проф. А. П. Лебедевъ. Очерки, стр. 643—644. О впечатлѣніи, произведенномъ паденіемъ Византіи на современника событія Филиппа, герцога бургундскаго см. тамъ же и у Гиббона, VII, стр. 363—366. Нѣкоторые же изъ европейскихъ современниковъ даже порадовались паденію Византіи: извѣстно, что благочестивые католики въ этой катастрофѣ увидали перстъ Божій, карающій грековъ за непризнаніе догматовъ римской церкви. Также порадовался этому событію и папа Николай V, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ предсказалъ паденіе Византіи и былъ очень доволенъ, что его пророчество сбылось. Le Beau, tome 21, p. 278. Гиббонъ, VII, стр. 324. А. П. Лебедевъ. Очерки, стр. 644.

и въ особенности государства, непосредственно связанныя въ своихъ интересахъ съ бытіемъ Цареграда, то и въ историческихъ памятникахъ другихъ народовъ нашло свой отзвукъ это событіе, отзвукъ особенно сильный въ италіанской и русской литературѣ, въ силу исконныхъ тѣсныхъ отношеній, существовавшихъ между этими національностями и Византіей [1]).

Мы считаемъ необходимымъ остановиться на вопросѣ, какъ отозвалось это „страшное событіе“ [2]) на Руси, какъ посмотрѣло на него московское правительство и какъ оно пыталось объяснить и осмыслить происшедшую катастрофу;—такъ какъ безъ такого уясненія, невозможно правильно истолковать всѣ важныя послѣдствія самовольнаго поставленія м. Іоны, выразившіяся прежде всего въ измѣненіи нашихъ церковныхъ отношеній къ Константинополю и въ свою очередь—Константинополя къ Москвѣ.

Надо предположить, что взятіе турками Византіи, сдѣлалось довольно рано извѣстнымъ на Руси. Краткія извѣстія объ этомъ попали въ лѣтописи: новгородскую, софійскую вторую и густынскую [3]). Также еще извѣстна грамота митрополита Іоны, данная „Димитрію гречину“ для сбора пожертвованій на выкупъ себя, жены и дѣтей изъ турецкаго плѣна [4]). Въ этой грамотѣ митрополитъ при-

---

[1]) „Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византіи турками въ 1453 году“. Ж. М. Н. Пр. Ч. CCLXIV. 1889. Августъ, стр. 206—207.

[2]) По выраженію Энея Сильвія въ письмѣ къ папѣ отъ 12 іюля 1453 года. Уч. Зап. II отд. Ак. Наукъ. I, отд. пам. яз., стр. 99, прим. 3. Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 468.

[3]) Въ „Лѣтописцѣ новгородскомъ церквамъ Божіимъ“ подъ 1453 г. кратко замѣчено: „взятъ бысть Царьградъ отъ турскаго царя Махмета при греческомъ царѣ Константинѣ и при патріархѣ Анастасіи и при великомъ князѣ Василіи Васильевиче московскомъ и всея Россіи при архіепископѣ Великаго Новагорода и Пскова Евѳиміи Вяжищкомъ“. (Новгородская лѣт., изд. Арх. Ком., Спб. 1879, стр. 274). Въ Софійской (2-ой) лѣт. подъ 1453 годомъ сказано: „Того же лѣта прінде царь Турьской ко Цареграду и поможе Мустофа Амуратовичю и взя Царьградъ прелестію. Посла къ намѣстнику цареву, рече: „сотвори ми се, яко возму Царьградъ; аще ли возму, то пошлю дщерь твою жену и будеши мнѣ отець и вторый въ царствѣ моемъ“. Онъ же велѣ приступати ему отъ Лимени, идѣже стѣна трухава. И бивъ пушками взя Царьградъ, и церкви святыя разори, въ Софѣи великой мизгить учини, а людей множество посѣче, а иныя истопиша въ мори, а самъ сѣде въ немъ; намѣстника того повелѣ въ котлѣ варити и злой смерти предаде его, рече ему: „какъ ты мнѣ хочешь вѣренъ быти, а какъ сотвори надъ преднимъ своимъ государемъ?“ (П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 180).

[4]) А. И. Т. I. № 264. стр. 496. Сношенія Россіи съ востокомъ (Спб. 1852), стр. 2—3. Ф. А. Терновскій. Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное

глашаетъ „всѣхъ своихъ дѣтей духовныхъ подать ему милостыню, кому что Богъ положитъ на сердцѣ, во спасеніе души своей“ и сообщаетъ, что „отъ коликихъ лѣтъ непріемлимый и Богомъ хранимый великій Костянтиноградъ безбожныи туркове пріяша, святыя Божія церкви и монастыреве разориша... уныхъ и младыхъ въ плѣнъ поведоша“ [1]). Остается неизвѣстнымъ, за отсутствіемъ указаній, что сообщалъ этотъ „гречинъ“ и только ли устно; надо думать, что—болѣе того, что написано въ грамотѣ митрополита Іоны Кромѣ того, въ нѣкоторыя изъ русскихъ лѣтописей (болѣе поздняго времени) вошла повѣсть о взятіи Константинополя. Повѣсть эта имѣется въ Никоновской лѣтописи [2]), Воскресенской [3]) и Царственномъ лѣтописцѣ [4]). Повѣсть эта встрѣчается и въ отдѣльномъ видѣ и носитъ обыкновенно слѣдующее заглавіе: „О взятіи Царяграда отъ безбожнаго Махметя, Амуратова сына, отъ Турскаго: о семъ же Цареградѣ и начало положимъ: отъ кого създанъ бысть, и почему назвася Византіа, и отъ кого прозвася Царьградъ“ [5]). Сравнивая извѣстія этой повѣсти съ краткими свѣдѣніями русскихъ лѣтописей, мы должны признать правильнымъ взглядъ проф. В. Н. Малинина, что извѣстія Софійской лѣтописи вышли изъ самостоятельнаго источника, не имѣющаго ничего общаго съ повѣстью: въ послѣдней ничего не говорится объ измѣнѣ „намѣстника царева“ [6]).

приложеніе въ древней Руси. В. II, стр. 52—53. Эта грамота, по мнѣнію проф. В. Н. Малинина, повидимому, по догадкѣ и случайно обозначена 1454 годомъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 468.

[1]) Тамъ же, стр. 496.

[2]) Ч. V, стр. 222—277 („Повѣсть отъ древняго писанія о созданіі царяграда“).

[3]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 125—144.

[4]) Изд. 1772 г., стр. 306—358.

[5]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 125; Царств. лѣт., стр. 306. Повѣсть эта (въ литературномъ пересказѣ и съ прекрасными научными примѣчаніями) издана проф. И. И. Срезневскимъ (Уч. Зап. II отд. Ак. Наукъ за 1854 г., I. отд. нам., стр. 99—137). Въ видѣ отдѣльныхъ сказаній, встрѣчающихся въ сборникахъ эта повѣсть напечатана проф. В. Яковлевымъ: объ основаніи Царяграда по рукописи XVII в., принадлежащей самому издателю, и о взятіи его,—по рукописи XVII в., принадлежащей С. В. Максимову. См. Сказанія о Царѣградѣ. Спб. 1868 г., стр. 1 -10 и стр. 56—114. Текстъ сказаній въ изданіи проф. Яковлева буквально сходенъ съ текстомъ лѣтописнымъ. Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 468, прим. 1797.

[6]) Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 468—469. Сходство повѣсти съ извѣстіями, помѣщенными въ новгородской лѣтописи, состоитъ въ имени константинопольскаго патріарха Анастасія. Объ этомъ см. въ томъ же самомъ изслѣдованіи В. Н. Малинина, стр. 469. См. также П. С. Р. Л. Т. III (Новгородская 3-ья лѣт.), стр. 240.

Въ 1886 году въ „Памятникахъ древней письменности и искусства" былъ напечатанъ архимандритомъ Леонидомъ текстъ „Повѣсти" по открытому имъ новому списку начала XVI в., сохранившемуся въ сборникѣ библіотеки Троицкой-Сергіевой Лавры (№ 773). Этотъ списокъ, являющійся древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ въ наукѣ, имѣетъ и свою особенность, состоящую въ существованіи при немъ предисловія, которое, по мнѣнію издателя, проливаетъ новый свѣтъ въ вопросѣ о происхожденіи этого памятника [1]. Кромѣ этой „Повѣсти" въ средѣ русскихъ книжниковъ была въ обращеніи и другая повѣсть о взятіи Константинополя, видимо русскаго происхожденія [2]. Это не есть повѣсть въ собственномъ смыслѣ, а лишь выраженіе скорбныхъ чувствъ, вызванныхъ этимъ печальнымъ событіемъ православнаго востока, „якоже нынѣ видѣти есть Царствующій градъ попрань и раскопань и пожиженъ огнемъ". „О како стерпѣ земля таковая? Како солнце не преста сіяти? Како лоуна не преложися въ кровь? Како звѣзды яко листвіе не спадоша?" [3] горестно восклицаетъ авторъ. Катастрофа, постигшая Византію, наводитъ автора на размышленіе о судьбѣ православныхъ царствъ: „сія убо вся благочестивая царствія: греческое, и сербское, басапское и арбанасское грѣхъ ради нашихъ Божіимъ попоущеніемъ безбожніи тоурци попленища и въ запустеніе положища, и покорища подъ свою власть" [4]. Но автора повѣсти въ столь скорбныхъ

[1]) Вотъ выводы ученаго издателя этого памятника: „Сочинитель „Повѣсти" нѣкто Несторъ—Искандеръ—невольный потурченецъ, *русскій по происхожденію, великоросс или уроженецъ Литовской Руси*—утвердительно сказать нельзя... Онъ находился въ войскахъ, осаждавшихъ Царьградъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ (1452 1453); уклоняясь, сколько могъ и умѣлъ—отъ личнаго участія въ дѣлахъ противъ единовѣрцевъ—христіанъ. Искандеръ въ то же время тайно записывалъ все, что дѣлалось въ это время въ турецкихъ осадныхъ войскахъ: когда же, пишетъ онъ, „попущеніемъ Божіимъ" турки овладѣли Царьградомъ, онъ, познакомясь и сблизясь съ христіанами-греками, узналъ отъ очевидцевъ и участниковъ осады то, что дѣлалось въ это время со стороны грековъ, и тогда же записалъ эти разсказы. Затѣмъ, приведя въ порядокъ свои записки, составилъ онъ „Повѣсть о Царьградѣ" на память своего языка, т. е. славянамъ, объ этомъ грозномъ и приснопамятномъ событіи". Вмѣсто предисловія, стр. III—IV. О критическихъ замѣчаніяхъ по поводу выводовъ архимандрита Леонида относительно личности автора „Повѣсти" см. В. Н. Малининъ Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 470.

[2]) Повѣсть эта издана проф. Яковлевымъ, по рукописи XVI в. Имп. Публ. Библ. изъ собранія гр. Толстого, отд. I, № 33. См. „Сказанія о Царѣградѣ (Спб. 1868), стр. 46—55.

[3]) Сказанія о Царѣградѣ, стр. 49.

[4]) Тамъ же, стр. 54.

чувствахъ утѣшаетъ лишь сознаніе постѣпеннаго роста государственныхъ силъ Руси: „наша же роусійская земля Божіею милостію и молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чюдотворецъ растетъ и младѣетъ и возвышается. Еже Христе милостивый дажъ расти и младѣти и разширятися и до скончанія вѣка“ [1]). „Политическая проницательность автора, замѣчаетъ проф. В. Н. Малининъ по поводу приводимыхъ выше словъ повѣсти, очевидно, не пошла далѣе сознанія возрастающей силы родины. Впрочемъ, и у него видно *слабое присутствіе мысли* [2]), что Россія осталась теперь единственнымъ православнымъ государствомъ, такъ сказать, опорою и надеждою человѣчества, а потому онъ и желаетъ ей расти и крѣпнуть „до скончанія вѣка“. Съ паденіемъ Константинополя пали „вся благочестивыя царствія“, кромѣ Руси“ [3]).

Но во всѣхъ этихъ сказаніяхъ о паденіи Константинополя ни разу не встрѣчается мысль, что это печальное событіе было именно слѣдствіемъ измѣны грековъ православію на флорентійскомъ соборѣ. Требовалось только время, чтобы сопоставить и связать эти событія, такъ какъ связь между ними была такъ естественна, что для пониманія ея ничего не требовалось кромѣ времени. Дѣйствительно, по свойству направленія мысли того времени всякое политическое бѣдствіе понималось, какъ естественное и непремѣнное слѣдствіе грѣховъ или народа, или главы государства, или же того и другого вмѣстѣ [4]) Эта точка зрѣнія совершенно ясно выступаетъ въ повѣстяхъ о паденіи Константинополя. „А самъ царь, съ патріархомъ, и съ царицею, и съ святители, и весь священный съборъ, и множество женъ и дѣтей“ говорили въ своемъ молитвенномъ обращеніи къ Богу слѣдующее: „... вся сіа, яже наведе на ны и на градъ Твой святый, праведнымъ и истиннымъ судомъ сътворилъ еси грѣхъ ради нашихъ“ [5]). Эту же самую точку зрѣнія на паденіе

[1]) Тамъ же, стр. 54—55.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 473. Третья повѣсть о паденіи Константинополя, извѣстная по нѣкоторымъ спискамъ Хронографа, заключаетъ въ себѣ лишь краткій разсказъ объ осадѣ и взятіи Царьграда турками безъ всякаго указанія на слѣдствія этого важнаго событія для историческаго будущаго Руси. См. А. Н. Поповъ. Обзоръ Хронографовъ. М. 1866. вып. I. стр. 214 -215; его же „Изборникъ“, М. 1869. стр. 87—91.

[4]) Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 473.

[5]) Никоновская лѣт. Ч. V, стр. 232—233; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 128—129 и друг. ист. „И сбысться реченное: Константиномъ създася и паки Кон-

Константинополя сохранили греки и въ болѣе позднее время, какъ это видно изъ сочиненій знаменитаго Максима Грека [1]. Но русскіе люди взглянули на дѣло нѣсколько иначе: они прямо и опредѣленно указали тотъ тяжкій грѣхъ, за который, по ихъ мнѣнію, были наказаны греки паденіемъ ихъ царства. Позорная измѣна грековъ православію на „богоотметномъ" восьмомъ соборѣ, притомъ „злата ради"—была въ глазахъ русскихъ людей столь громадна и чудовищна, что не могла остаться безнаказанной. И дѣйствительно, митрополитъ Іона, едва ли не первый, тѣсно связываетъ паденіе Константинополя съ злополучною флорентійскою уніею. Въ своемъ окружномъ посланіи къ литовскимъ епископамъ (отъ 1458—1459 г.) митрополитъ Іона пишетъ: „Но и еще и о семъ сами вѣсте, сынове, колику преже бѣду подъя Царьствующій градъ отъ болгаръ, такоже отъ персъ, яко въ мрежахъ дръжаще его семь лѣтъ; *но донельже дръжаху, сынове, благочестіе, ничтоже градъ не пострада; егда же своего благочестія отступи, вѣсте, что пострадаше*" [2]. Въ этомъ же самомъ посланіи митрополитъ старается объяснить, что измѣна грековъ отеческому благочестію произошла именно на флорентійскомъ соборѣ. Въ такой формулировкѣ взгляда русскимъ первосвятителемъ въ особенности важно то, что *въ данномъ случаѣ предъ нами несомнѣнно выступаетъ взглядъ на паденіе Византіи московскихъ правительственныхъ круговъ*, такъ какъ трудно и даже невозможно допустить, чтобы мнѣніе митрополита Іоны не раздѣля-

---

стянтиномъ и скончася, зане съгрѣшеніемъ осужденіе судомъ Божіимъ временемъ бываютъ: злодѣяніе бо, рече, и безаконіе превратитъ престолы сильныхъ. О великая сила грѣховнаго жала! О колико зла творитъ преступленіе! о горе тебѣ седмохлъмый яко поганіи тобою обладаютъ! ибо колико благодатій Божіихъ на тебѣ въсіяша... и се нынѣ открыйся гнѣвъ Божій на тебе и предаде тебе въ руцѣ врагомъ твоимъ". П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 142; Никоновск. лѣт. Ч. V, стр. 257—258 и др.

[1]) Въ „Словѣ о томъ, какія рѣчи рекль бы убо къ Содѣтелю всѣмъ епископъ тверскій сожженну бывшу соборному храму и всему двору его... и како отвѣщаетъ ему боголѣпнѣ всѣхъ Господь". Прав. Собес. 1861. II, стр. 262—263. О значеніи Максима Грека, явившагося какъ бы „первымъ посредствующимъ звеномъ между старой русской письменностью и западной наукой", см. капитальный трудъ академика А. Н. Пыпина. Исторія русской литературы. Т. II. гл. XV, гдѣ на стр. 172—173 помѣщена подробная литература вопроса.

[2]) Р. И. Б. Т. VI, № 81, столб. 623. Окружное посланіе митрополита Іоны литовскимъ епископамъ, о соблюденіи православной вѣры и несообщеніи съ Исидоровымъ Григоріемъ, поставленнымъ въ Римѣ на кіевскую митрополію. (Изъ сборника синодальной библіотеки № 562, л. 130—133 об. Издано было по тому же списку, въ I-мъ томѣ Актовъ Историческихъ подъ № 63).

лось и великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, если принять во вниманіе, что въ вопросахъ о флорентійской уніи и князь и митрополитъ дѣйствуютъ вполнѣ согласно [1]). Но митрополитъ Іона старается какъ бы смягчить вину грековъ: великодушный первосвятитель главную причину зла склоненъ видѣть въ Исидорѣ, этомъ зломъ геніи Византіи. Въ своемъ посланіи къ тѣмъ же литовскимъ епископамъ отъ 1460 года онъ пишетъ: „Къ тому же еще и о сихъ извѣстнѣ увѣдахомъ, зане уже по грѣхомъ тогда *пріиде раскола и мятежь святѣй великѣй зборнѣй церкви гречьстѣй* съ римскою, *прелести ради богомерьскаго Сидора*, еже въ осмомъ си сборѣ *облъсти царя же и патріарха греческаго* и сотвори имъ, якоже Іюдеи Христу створиша, воздающе за манну желчь, за воду же оцетъ, и распеша и кресту пригвоздиша. *Сидоръ же, прельстивъ царя и патріарха, разлучи отъ закона ихъ святаго и погибели исполни ихъ.* Богозданному же великому Царюграду, сами вѣсте, како того ради смущеніа по малыхъ временехъ отъ Бога попущенною казнью, многымъ волненіемъ поганыхъ языкъ, людіе православіа сотрошась, прелести ради вѣрѣ православіа греческаго и Сидорова дѣля развращеніа" [2]). Позже митрополитъ Филиппъ высказываетъ этотъ взглядъ еще въ болѣе сильной и опредѣленной формѣ [3]); при чемъ онъ не дѣлаетъ попытки ослабить вины грековъ или возложить нравственную вину на Исидора. Въ силу измѣнившихся взаимныхъ церковныхъ отношеній Константинополя и Москвы [4]) митрополитъ Филиппъ уже обобщалъ религіозное паденіе грековъ, а въ Исидорѣ готовъ былъ видѣть жертву [5]).

---

[1]) Проф. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 475.

[2]) Р. И. Б. Т. VI. № 87, столб. 648—649. Митрополитъ Макарій. И. Р. Ц. Т. VI. Прилож. № 1.

[3]) Въ своихъ посланіяхъ къ новгородцамъ, строго порицая ихъ намѣреніе соединиться съ „латиною" (какъ понималось въ Москвѣ намѣреніе новгородцевъ заложиться за литовскаго короля, митрополитъ Филиппъ пишетъ: „А и то, сынове, разумѣйте: Царьствующій градъ и церкви Божія Костянтинополь доколѣ непоколебимо стоялъ, не какъ ли солнце сіяло въ благочестіи, а какъ оставя истину да соединился царь и партіархъ Іосифъ съ латиною, да и подписалъ папѣ злата дѣля, и безгоднѣ скончалъ животъ свой Іосифъ патріархъ, не впалъ ли въ рукы Царьградъ поганымъ? не въ турецкихъ ли рукахъ и нынѣ? Вы пакъ такъ ли не чаете Божіа гнѣва?" А. И. Т. I. № 280, стр. 513—514.

[4]) Объ этомъ большой важности вопросѣ мы скажемъ ниже.

[5]) Въ другомъ посланіи къ новгородцамъ митрополитъ говоритъ слѣдующее: „Зане бо сами вѣсте, како въ преждебывшая времена, коликыя царьства великыхъ земль и многые грады преступленія ради закона и преслу-

Вполнѣ естественно, что такой взглядъ русскихъ первосвятителей на паденіе Константинополя, тѣсная связь этого событія съ флорентійскою уніей,—встрѣчается въ замѣчательномъ памятникѣ, вызванномъ тою же злополучною уніею, но явившемся несомнѣнно уже послѣ паденія Царьграда. Мы разумѣемъ здѣсь: „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню", въ которомъ содержатся „сказаніе о составленіи осмаго събора латыньскаго и о извержении Сидора прелестнаго, и о поставленіи въ рустей земли митрополитовъ, о сихъ же похвала благовѣрному великому князю Василью Васильевичю всея Руси" [1]). Итакъ, мы видѣли, что флорентійская унія и паденіе Византіи, событія существенно различныя по своему характеру, слѣдовавшія довольно быстро одно за другимъ, тѣсно сливаются въ умахъ современниковъ: гибель Византіи является необходимымъ и естественнымъ слѣдствіемъ флорентійской уніи. Нельзя не согласиться съ взглядомъ профессора В. Н. Малинина, что по особому складу понятій того времени и по условіямъ тогдашней, русской политической жизни, у насъ, на Руси, должно было на первыхъ порахъ сильнѣе подѣйствовать на умы книжниковъ и правительственныхъ людей соединеніе греческой, восточной церкви съ римскою и подчиненіе ея папѣ, чѣмъ слѣдовавшее за тѣмъ паденіе Византіи, такъ какъ Русь, какъ государственное цѣлое, жила совершенно самостоятельною и независимою отъ Греціи жизнью, а потому и колебаніе политическихъ судебъ византійской имперіи не могло существенно вліять на тотъ автори-

шанія ради, святыхъ Пророкъ и Апостолъ и святыхъ Отецъ ученія не послушавше, въ пагубу многу впадоша и въ запустѣніе быша; а непокорившаяся земли и грады богоподручнымъ ей господаремъ, яко сотрошася и разорени быша. А нынѣча пакъ, въ лѣта паша, и сами вѣсте, како погаными Турки и нужнѣй одержимъ бысть великый царьствующей прежде благочестіемъ градъ Костянтинополь: не тоя же ли ради латыньскыя прелести погыбе и отъ великого благочестія истребися, еже царь и патріархъ отъ Латинъ прельстишася, и въ той же соблазнъ ихъ впадоша и богаотреченнаго осьмаго ихъ сборища взыскаша и злата ради благочестія отступиша и къ Латиномъ приложишася, имѣже послѣдоваша Исидоръ, митрополитъ богоотступный, и Григорей, ученикъ, иже нынѣ въ Литвѣ живетъ?" Р. И. Б. Т. VI. № 102. столб. 728—729; А. И. Т. I, № 281, стр. 517.

[1]) А. И. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 360—395 („Слово избрано" напечатано здѣсь по списку Минеи Четьи, митрополита Макарія, Московской Синодальной библіотеки, мѣсяцъ Іюль, № 996). О громадномъ значеніи этого памятника въ исторіи церковно-политической литературы—мы скажемъ ниже.

тетъ, которымъ пользовались греки въ глазахъ русскихъ людей [1]. „Если прибавимъ къ этому, замѣчаетъ выше упоминаемый нами ученый, превратности политической жизни самой Руси, то мы поймемъ то великодушное сострадание, съ которымъ смотрѣли русскіе люди на послѣднія усилія грековъ отстоять свою политическую самобытность. Послѣ этого поймемъ мы и то, почему политическій авторитетъ грековъ не имѣлъ (тогда добавимъ мы) существеннаго значенія въ исторической жизни Россіи. Иное дѣло религіозный авторитетъ грековъ. Воспитанный почти пятивѣковою исторіею существованія христіанства на Руси, авторитетъ этотъ сливался въ сознаніи русскихъ людей съ нормою истиннаго христіанства (православія), какъ религіозной и, слѣдовательно, самой существенной основы исторической жизни русскаго народа" [2].

Важныя послѣдствія поставленія въ митрополиты Іопы и Ѳеодосія по приказанію великаго князя Василія Васильевича, безъ согласія константинопольскаго патріарха и византійскаго императора — выразились въ двоякой формѣ; эти послѣдствія были, такъ сказать, *внѣшнія*, измѣнившія церковныя отношенія Москвы къ Константинополю и обратно, и *внутреннія*, измѣнившія взаимныя отношенія государства и церкви въ московской Руси. . . . .

Мы знаемъ, что ближайшимъ и неоспоримымъ слѣдствіемъ этого „самочиннаго" поставленія митрополитовъ была фактическая автокефальность русской церкви вслѣдствіе прекращенія церковной зависимости отъ Константинополя. Но вопросъ о томъ, какъ была достигнута эта автокефальность русской церкви, при какихъ условіяхъ и при содѣйствіи какихъ силъ и факторовъ она возникла, какія были ея слѣдствія; — вопросъ этотъ, несмотря на свою громадную важность, не рѣшенъ прочно и опредѣленно въ исторической наукѣ, такъ какъ и до настоящаго времени существуютъ различныя мнѣнія относительно этого событія.

„Ничто такъ сильно не поколебало довѣрія русской церкви къ греческой, справедливо замѣчаетъ извѣстный канонистъ проф. А. С. Павловъ, какъ флорентійская унія, однакожъ и послѣ того, несмотря на *фактическое* установленіе автокефальности нашей митрополіи, у насъ продолжали чувствовать зависимость отъ Константинополя и настоятельно просили о присылкѣ оттуда подтвердитель-

---

[1]) Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 441. Проф. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II, изд. 2-ое (Спб. 1900), стр. 546 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 444.

ной грамоты на право мѣстнаго поставленія митрополитовъ" [1]. Это прочное сознаніе чувства зависимости отъ Константинополя проистекало оттого, что русская церковь произошла отъ греческой. И дѣйствительно, въ силу этого факта установлялась естественно зависимость новонасажденной церкви отъ своей насадительницы митрополіи въ обширномъ смыслѣ слова [2]. Надо признать ошибочнымъ мнѣніе греческихъ канонистовъ XII в.—Зонары и Вальсамона, которые находили основаніе этой зависимости въ 28 правилѣ халкидонскаго собора, предоставившемъ константинопольскому патріарху право рукополагать епископовъ въ инородческихъ поселеніяхъ (ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς) на территоріи *подчиненныхъ ему діэзовъ* [3]. Буквальный смыслъ этого правила не допускаетъ подобнаго толкованія. По основнымъ правиламъ церковнаго устройства, уже установившимся еще въ первые три вѣка христіанства и потомъ неоднократно подтвержденнымъ на соборахъ, происхожденіе одной церкви отъ другой *необходимо* сопровождалось тѣмъ юридическимъ послѣдствіемъ, что первая, какъ бы колонія (ecclesia filialis), становилась подъ власть послѣдней, какъ своей митрополіи (ecclesia matrix, μητρόπολις), *безъ согласія* которой, выраженнаго формально или фактически, власть эта не могла прекратиться. Итакъ, хотя и не было особаго канонической акта о подчиненіи русской церкви константинопольскому патріаршему престолу, тѣмъ не менѣе это отношеніе, по глубоко авторитетному мнѣнію покойнаго А. С. Павлова, покоилось на *положительномъ каноническомъ* основаніи, т. е. на всей совокупности соборныхъ правилъ, опредѣлявшихъ права церковныхъ митрополій [4]. Какъ прекратилась зависимость русской

[1]) Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. Православное Обозрѣніе. 1879. Декабрь, стр. 755.

[2]) Тамъ же, стр. 753. О зависимости русской церкви отъ греческой, о денежной дани Константинополю и объ эксплоатаціи русскихъ греками см. въ трудѣ П. Николаевскаго—„Учрежденіе патріаршества въ Россіи". Спб. 1880, стр. 10—14; А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе, 1879. Декабрь, стр. 756 и слѣд.

[3]) Объ этомъ см. у проф. Т. Барсова. „Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію", стр. 365, 443—446.

[4]) Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. „Православное Обозрѣніе". 1879. Декабрь, стр. 754. Профессоръ Т. Барсовъ въ своемъ изслѣдованіи—„Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію" не усматриваетъ никакого юридическаго момента въ фактѣ происхожденія русской церкви отъ константинопольской и высказываетъ такое мнѣніе, что „подчиненность русской церкви константинопольскому престолу не была утверждена какимъ-либо каноническимъ актомъ

церкви отъ „вселенскаго“ патріарха и византійскаго императора, считавшаго себя въ правѣ относиться къ русской митрополіи точно также какъ и ко всякой другой митрополіи константинопольскаго патріарха [1]),—относительно этого вопроса въ наукѣ существуютъ различныя, противорѣчивыя мнѣнія. Митрополитъ Макарій въ своей „Исторіи русской церкви“ высказываетъ слѣдующій взглядъ. Послѣ взятія Константинополя турками и смерти императора Константина Палеолога рушились всѣ надежды латинянъ утвердить свою власть въ столицѣ греческой имперіи. На престолъ константинопольскихъ патріарховъ возсѣлъ съ утвержденія самого султана Магомета II. извѣстный ревнитель православія Геннадій. Озабоченный нуждами своей бѣдствующей церкви, онъ рѣшился обратиться за матеріальною помощью къ единовѣрной Россіи: „ибо, добавляетъ митрополитъ Макарій, безъ сомнѣнія, по его благословенію прибылъ тогда къ намъ какой-то „митрополитъ цареградскій“ (т. е. изъ Царяграда) Игнатій, который въ 1454 г. цѣлый мѣсяцъ—іюнь прожилъ во Псковѣ и, щедро одаренный, отправился оттуда въ Новгородъ [2]). Вѣроятно, чрезъ этого-то митрополита, которому нужно же было, предъ началомъ сборовъ своихъ по Россіи, представиться нашему великому князю или, по крайней мѣрѣ, митрополиту, патріархъ и прислалъ послѣднему свою грамоту“ [3]). Въ этой грамотѣ патріархъ напоминалъ о своихъ правахъ на русскую митрополію, просилъ пособій своей угнетенной церкви, какъ теперь, такъ и на будущее время, а также выражалъ желаніе, чтобы великій князь прислалъ къ нему въ Константинополь своего посла. Все это, по мнѣнію митрополита Макарія и его многочисленныхъ послѣдователей, видно изъ отвѣтнаго посланія нашего митрополита, который между про-

и утверждалась *на обоюдномъ нравственномъ, взаимномъ ихъ довѣріи*“ (стр. 484), такъ что „при разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ *не можетъ быть и рѣчи ни о какихъ каноническихъ основаніяхъ* (стр. 483). Ошибочность этого взгляда (на основаніяхъ каноническихъ и историческихъ) вполнѣ доказана профессоромъ А. С. Павловымъ въ его блестящей и разрушительной критикѣ книги Т. Барсова („Константинопольскій патріархъ...“)—Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. Православное Обозрѣніе. 1879. Ноябрь, стр. 476—499; Декабрь, стр. 734—765.

[1]) Объ этомъ см. 169 и слѣд. стр. нашего изслѣдованія; А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе. 1879. Декабрь, стр. 756—757. „Константинопольскій патріархатъ хотя и пережилъ имперію, но—и это весьма знаменательно—власть его надъ русскою церковію не пережила имперіи“. Тамъ же, стр. 759.

[2]) П. С. Р. Л. Т. V, стр. 216.

[3]) М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI. стр. 20.

чимъ писалъ къ патріарху: „... и благословенія отъ твоея великыя святыни требовати хощемъ; также ото всѣхъ, кто ли ни будетъ Патріархъ на патріаршествѣ, съблюдая церковь Христову и держа истинное великое православіе, и что коли у насъ найдется, и за Христову любовь посылати хощемъ. Нынѣ, господине, сынъ мой Князь Великый послалъ къ твоей великой святыни своего посла, человѣка честна, ближняго и приступнаго своего, на имя Ивана Володимеровича, по твоему къ намъ приказу и писанію; и что, господине, у насъ нашлось, то есмо, отъ вѣры, за духовную великую любовь, съ тымъ же Великого Князя посломъ къ тебѣ послали: и твоя великая святыни за тые наши малые поминки на насъ не помолви, занеже, господине, по грѣхомъ, и наша земля отъ поганьства и междособныхъ браней велми истощала и потомилася. Да пожалуй, господине, еще покажи къ намъ свершенную свою духовную любовь: обошли сына моего Великого Князя посломъ, честнымъ твоимъ писаніемъ о всемъ, и укрѣпленіи, и въ душевную пользу великому нашему православію, и за Божью церковь, и за святительскую намъ честь; занеже, господине, колькое у насъ было прежнихъ святыхъ патріархъ честныхъ грамотъ, держали есмы за земьскую честь, къ нашей душевнѣй пользѣ, помнпая тыхъ святыхъ Патріарховъ, да тыя всѣ грамоты, по грѣхомъ, за наша земьская неустроенія въ пожары истерялися“ [1]). Въ заключеніи митрополитъ проситъ, чтобы патріархъ вѣрилъ всему, что ни будетъ говорить ему великокняжескій посолъ отъ имени его—митрополита [2]). На основаніи этой грамоты, сохранившейся безъ начала и безъ обозначенія, какимъ русскимъ митрополитомъ и къ кому изъ патріарховъ она писана,—митрополитъ Макарій заключаетъ: „Такъ возобновились наши церковныя сношенія. Обстоятельства были для насъ благопріятны: патріархъ крайне нуждался въ нашемъ пособіи и, какъ видно, первый отнесся къ намъ; а потому отъ него можно было ожидать тѣхъ уступокъ, которыя намъ были необходимы“ [3]).

---

[1]) А. И. Т. I. № 263.—„1452 или 1453. Посланіе митрополита Іоны константинопольскому патріарху Геннадію, съ просьбою принять дары отправленные къ нему съ великокняжескимъ посломъ“. Стр. 495—496. (Это посланіе взято изъ сборника митрополичьихъ грамотъ (XVI в., in 4°. л. 221), принадлежащаго Царскому. Начальный листъ грамоты въ манускриптѣ вырванъ).

[2]) „Да что, господине, твоей великой святыни тотъ Великого Князя посолъ Иванъ Володимеровичь, отъ Велікого Князя и отъ насъ имѣть говорити, тому бы твоя великая святыни всему вѣрилъ: яже бо то суть наша слова, послана съ нимъ. А Вседержитель Господь Богъ да сподобитъ насъ святыхъ твоихъ молитвъ въ безконечные вѣкы“. Тамъ же, стр. 496.

[3]) Н. Р. Ц. Т. VI, стр. 21—22.

Думаютъ, что великій князъ Василій Васильевичъ и митрополитъ, Іона, кромѣ этого перваго посольства въ Константинополь, посылали еще дважды къ константинопольскому патріарху „о церковномъ исправленіи“ игумена Кирилло-бѣлозерскаго монастыря Кассіана и что, когда Кассіанъ возвратился изъ Царьграда, великій князь „почтилъ его, и далъ ему довольная требованія монастырю, и (впослѣдствіи, уже при митрополитѣ Ѳеодосіѣ) отпустилъ его въ постриженіе свое на Каменной“; знакъ что князь былъ вполнѣ доволенъ успѣхомъ своего посла [1]). Митрополитъ Макарій полагаетъ, что этотъ „успѣхъ“ состоялъ въ томъ, что константинопольскій патріархъ, а съ нимъ и прочіе патріархи, принимая во вниманіе бѣдственное положеніе своего отечества подъ властью турокъ и трудность или даже невозможность для русскихъ посѣщать Царьградъ по дѣламъ церкви, разъ навсегда предоставили своею грамотою русскимъ митрополитамъ право не ходить въ Константинополь для поставленія, но ставиться дома своими епископами, и кромѣ того узаконили, чтобы русскій митрополитъ считался, по чести, выше всѣхъ прочихъ митрополитовъ и занималъ мѣсто по іерусалимскомъ патріархѣ [2]). Съ этимъ актомъ русская церковь получила независимость отъ константинопольскаго патріарха, а митрополиты ея, начавъ получать поставленіе отъ собора русскихъ іерарховъ, сдѣлались самостоятельными—(αὐτοκέφαλοι) въ управленіи своею церковью съ соборомъ русскихъ іерарховъ. Такимъ образомъ оказывается, что—какъ первое самостоятельное дѣйствіе русской церкви въ поставленіи Іоны въ митрополиты безъ сношенія съ константинопольскимъ патрірхомъ, такъ и послѣдующая затѣмъ ея самостоятельность, признанная самими патріархами, были вызваны и обусловлены „нуждою“, или иначе—историческимъ ходомъ событій, и что эта самостоятельность русской церкви была соединена съ возвышеніемъ ея на степень первой митрополіи во всей восточной православной церкви; [3]) если же константинопольскій патріархъ *по праву* (de jure) и продолжалъ еще считать ее одною изъ своихъ митрополій, то *на дѣлѣ* (de facto) она являлась уже самостоятельною и независимою [4]).

Изложенныя выше свѣдѣнія о началѣ русской автокефальности русской церкви въ сравнительно недавнее время справедливо под-

---

[1]) Митрополитъ Макарій. П. Р. Ц. Т. VI, стр. 22. Объ этомъ см. ниже.

[2]) П. Р. Ц. Т. VI, стр. 22-23. Свѣдѣнія объ этомъ сохранились въ „Извѣстіи о началѣ патріаршества въ Россіи“. Доп. къ А. И. Т. II, № 76, стр. 189.

[3]) М. Макарій, П. Р. Ц. Т. VI, стр. 23. Т. Барсовъ. Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію, стр. 571—573.

[4]) М. Макарій. П. Р. Ц. Т. VI, стр. 3.

вергнуты сомнѣнію. Въ прекрасной статьѣ проф. П. Ѳ. Николаевскаго объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, по справедливой оцѣнкѣ профессора А. С. Павлова [1]) представлены по этому вопросу слѣдующія соображенія. „Что касается вопроса о признаніи самостоятельности московской митрополіи восточными патріархами и присылки грамоты патріарха Геннадія для подтвержденія правъ и іерархическаго положенія московскаго митрополита, то, справедливо замѣчаетъ почтенный изслѣдователь, *вопросъ объ этомъ должно признать вполнѣ еще не разъясненнымъ русскою наукою*". [2]). Мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній на то, что такая подтвердительная грамота была прислана съ востока, хотя о присылкѣ ея просили усердно въ Москвѣ и великій князь и духовенство. Если же такая грамота дѣйствительно была прислана, то, вслѣдствіе своей важности, она не замедлила бы распространиться на Руси; но и до настоящаго времени она неизвѣстна, такъ какъ не сохранилась ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ. Знаменитый Максимъ Грекъ, этотъ извѣстный ратоборецъ за норму отношеній русскихъ къ востоку, на московскомъ соборѣ 1525 года открыто заявлялъ, что онъ спрашивалъ, на какомъ основаніи ставятся русскіе митрополиты не по прежнему обычаю у константинопольскаго патріарха; онъ много допытывался благословенной грамоты, какую будто бы далъ на то русскимъ цареградскій патріархъ, но доселѣ не видалъ этой грамоты, и думаетъ, что русскіе митрополиты ставятся такъ по гордости и самочинно. Дѣйствительно, не видно, чтобы отцы этого собора выставили противъ словъ Максима какія либо серьезныя возраженія. [3]). Историки, въ подтвержденіе мысли о присылкѣ патріаршей грамоты на устройство самостоятельной московской митрополіи, ссылаются обыкновенно на одно мѣсто изъ извѣстія о поставленіи патріарха Филарета, гдѣ прямо говорится, что восточные патріархи не только прислали особое посланіе, которымъ разъ навсегда предоставляли русскимъ ставить себѣ патріарха безъ спо-

[1]) Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. „Православное Обозрѣніе", 1879. Декабрь, стр. 760.

[2]) Учрежденіе патріаршества въ Россіи, стр. 15, прим. 1. Курсивъ нашъ.

[3]) М. Макарій. II. Р. Ц. Т. VI, стр. 182. См. также особое „сказаніе" Максимъ Грека: „Сказаніе къ отрицающимся на поставленіе и клянущимся своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору, еже не приниматі поставленія на митрополію и на владычества отъ римскаго папы латинскія вѣры и отъ цареградскаго патріарха, окы во области безбожныхъ турковъ поганаго царя и поставленнаго отъ нихъ не пріимати". Сочиненія. Ч. III, стр. 151.

шенія съ Константинополемъ, но даже опредѣлили еще права русскаго митрополита: „святительскою честію судима (ему) предпочитатися паче всѣхъ митрополитъ, и егда случится всея вселенныя соборъ и предсѣданіе имѣти превыспее по іерусалимскомъ патріархѣ". [1]). Но, несомнѣнно, доказательство это должно утратить свою силу, потому что приведенное свидѣтельство, почти буквально повторенное и въ никоновской кормчей 1653 г. (л. 10), [2]) взято изъ такихъ извѣстій о началѣ патріаршества, которыя, по справедливому выраженію профессора П. Ѳ. Николаевскаго, „прямо дышутъ тенденціознымъ характеромъ, проникнуты желаніемъ возвысить значеніе русскаго патріаршества, и многія историческія указанія которыхъ, относящіяся къ устройству патріаршества въ Россіи, не оправдываются несомнѣнными данными" [3]). Кромѣ того мы знаемъ, что въ подлинныхъ актахъ, относящихся къ исторіи переговоровъ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о московской митрополіи, совершенно не упоминается о грамотѣ восточныхъ патріарховъ, въ которой они изъявили бы свое согласіе на учрежденіе этой независимости московскаго митрополита отъ патріарховъ и на предоставленіе ему особыхъ іерархическихъ правъ. [4]). Точно также о признаніи самостоятельной московской митрополіи не упоминается ни въ грамотѣ восточныхъ патріарховъ 1590 г., ни въ дѣяніяхъ константинопольскаго собора 1593 года, утверждавшихъ патріаршество въ Россіи. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ можно съ полнымъ основаніемъ думать, что самостоятельность московской митрополіи не была признана особою официальною грамотою восточныхъ патріарховъ или же одного пат-

[1]) Доп. къ А. И. Т. II. стр. 189. См. также изслѣдованіе П. Ѳ. Николаевскаго. Учрежденіе патріаршества въ Россіи, стр. 5—6.

[2]) Проф. А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 761, примѣч. 49.

[3]) Учрежденіе патріаршества въ Россіи. стр. 15. Ср. Т. Барсовъ. Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію, стр. 571 - 573. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 20—23.

[4]) Здѣсь въ общихъ выраженіяхъ замѣчается только, что „за прошеніемъ царей и великихъ князей московскихъ и по совѣту патріарховъ вселенскихъ почали поставлятися митрополиты въ Россійскомъ царствѣ о себѣ, отъ архіепископовъ и епископовъ и всего освященнаго собора Россійскаго царствія". А въ уложенной грамотѣ 1589 года, подписанной патріархомъ Іереміею и п. Іовомъ, говорится даже, что *порядокъ принятія русскими митрополитами благословенія отъ константинопольскаго патріарха непоколебимо держится и до*

ріарха Геннадія;[1]). „послѣдніе (т. е. константинопольскіе патріархи), заключаетъ П. Ѳ. Николаевскій, *должны были примириться съ совершившимся фактомъ помимо своей воли* и въ силу неодолимыхъ историческихъ обстоятельствъ".[2]). Покойный проф. А. С. Павловъ, авторитетно замѣтилъ, что выводъ проф. Николаевскаго, „подтверждается разсмотрѣніемъ обстоятельствъ, при которыхъ совершилось и которыми, на первое время сопровождалось *фактическое* освобожденіе русской церкви отъ подчиненности константинопольскому патріаршему престолу".[3]). Дѣйствительно, нѣтъ сомнѣнія, что при митрополитѣ Іонѣ сношенія съ Константинополемъ по вопросу о *формальномъ* признаніи самостоятельности русской митрополіи не увѣнчались успѣхомъ, тавъ какъ въ противномъ случаѣ не было бы надобности прибѣгать къ такому необычайному и, нужно согласиться, неканоническому (ср. апост. 76; антіох. 23) способу избранія преемника митрополиту Іонѣ, какъ назначеніе Ѳеодосія особою грамотою самого митрополита[4]). Точно также не нужно бы было въ моментъ поставленія новаго русскаго митрополита, писать особую, подробную и краснорѣчивую апологію автокефальности русской церкви, подъ заглавіемъ: „Слово избрано отъ святыхъ писаній. еже на латыню и сказаніе о съставленіи осмаго сбора лагыньскаго (флорентійскаго). и о изверженіи Сидора прелестнаго и о поставленіи въ рустеи земли митрополитовъ. о сихже похвала благовѣрному вели-

---

нынѣ. С. Г. Г. и Д. Т. II, стр. 95. Проф. А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 761.

[1]) П. Ѳ. Николаевскій. Учрежденіе патріаршества въ Россіи. стр. 16. Въ хронографѣ Доровея описывается и тактика, которой держались приставленные къ патріарху Іереміи лица въ частныхъ предварительныхъ бесѣдахъ съ нимъ о патріаршествѣ. Сначала они спросили патріарха, какъ—бы онъ поставилъ имъ патріарха? Іеремія на первый разъ отвѣтилъ. что онъ не можетъ этого сдѣлать, а соглашался только на поставленіе автокефальнаго архіепископа для русскихъ, подобно тому какъ онъ посвящаетъ въ Архиду. „Приведенныя слова патріарха Іереміи служатъ новымъ подтвержденіемъ высказаннаго выше предположенія о томъ, что при поставленіи митрополита Іоны не было получено изъ Константинополя особой патріаршей грамоты, утверждавшей самостоятельность московской митрополіи". Тамъ же, стр. 65, прим. 1-ое. Проф. А. С. Павловъ Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 761.

[2]) Учрежденіе патріаршества въ Россіи, стр. 16,

[3]) Теорія восточнаго папизма, стр. 762. Курсивъ подлинника.

[4]) Проф. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 516 и слѣд. См. также Р. И. Б. Т. VI, № 93. столб. 635—688. А. И. Т. I, № 69, стр. 121.

кому князю василью васильевичю всея руси". [1]). Въ этомъ замѣчательномъ памятникѣ право русскихъ епископовъ на избраніе и поставленіе своего митрополита, помимо константинопольскаго патріарха, утверждается исключительно на фактѣ флорентійской уніи, въ которой русскіе видѣли измѣну грековъ древнему отеческому православію и главную причину самого паденія Константинополя [2]).

Какъ мы видѣли выше, старанія московскаго правительства получить изъ Константинополя санкцію церковной реформы не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ константинопольскій патріархъ не прислалъ желаемой подтвердительной грамоты. Но, на основаніи весьма многочисленныхъ косвенныхъ указаній, можно думать, что дѣло не ограничилось только однимъ отказомъ, но константинопольскій патріархъ даже отнесся къ реформѣ очень сурово, и дѣло, повидимому, дошло до „формальнаго разрыва" между Москвой и Константинополемъ. Мысль эта, высказанная впервые проф. П. Ѳ. Николаевскимъ въ его изслѣдованіи „Учрежденіе патріаршества въ Россіи", вѣско поддержанная проф. А. С. Павловымъ въ его блестящемъ критическомъ трудѣ: „Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права", еще и до настоящаго времени „не пользуется правомъ гражданства въ литературѣ", [3]). такъ какъ почти всѣ новыя сочиненія, касающіяся вопроса о началѣ автокефальности русской церкви, продолжаютъ говорить о полученномъ изъ Константинополя согласіи или же совершенно обходятъ молчаніемъ этотъ вопросъ [4]); и лишь только профессоръ М. А. Дьяконовъ [5]). и профессоръ Н. С. Суворовъ [6]). раздѣляютъ точку зрѣнія покойнаго автора „Теоріи восточнаго папизма", склоняясь на сторону новой постановки вопроса.

[1]) А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 360—395.

[2]) А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. Гл. V, стр. 106 и слѣд.

[3]) По вѣрному выраженію проф. М. А. Дьяконова. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе (1891 г.). Т. III, стр. 85.

[4]) См. свящ. М. Альбовъ. Краткій курсъ лекцій по церковному праву. Спб. 1882, стр. 112—113; проф. Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II. стр. 247; проф. А. Доброклонскій. Руководство къ исторіи русской церкви. изд. 2, стр. 149; проф. П. Знаменскій. Руководство къ р. ц. исторіи, стр. 64 и друг.

[5]) Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе (1891 г.). Т. III, стр. 85—92.

[6]) Курсъ церковнаго права. Т. I, стр. 136 и прим. 30.

Остановимся подробнѣе на выясненіи этого важнаго и сложнаго вопроса. Митрополитъ Іона въ своемъ „посланіи къ кіевскому князю Александру Владиміровичу о поставленіи своемъ въ санъ митрополита съ убѣжденіемъ охранять въ Литвѣ православіе и съ просьбою содѣйствовать возсоединенію кіевской митрополіи съ московскою“ [1]), указываетъ ему, что „по дьявольскому навѣтованію, а по Божію нашимъ ради грѣховъ попущенью, во Царьскомъ градѣ стало въ царѣхъ и патріаршествѣ раздвоеніе и размышленіе, или, паче рещи, оскудѣніе и насилованіе отъ Турокъ же и Латины на тотъ Царьскый градъ и на державы цариградскаго царя“, слѣдствіемъ чего явилось тамъ „отступленіе и еже отъ вѣры съ нами раздѣленіе“, „иномудрствованіе и приближеніе къ латинамъ“. Въ подтвержденіе такого обвиненія митрополитъ ссылается на то, что „въ той великой Божьей и святѣйшей зборнѣй и апостольствѣй Костянтиноградской церкви, отъ царя и отъ патріархи, и на палатѣ царевѣ почало быти написано папино поминовеніе“ [2]). Константинопольскій же патріархъ Григорій Мамма, на запросъ того же кіевскаго князя „о единочествѣ с латыною на которомъ дѣле состалось“ [3]). подтверждаетъ, что „поминается у насъ папино имя на святой службѣ“, но что обо всемъ дѣлѣ соединенія церквей восточной и западной „паучить и накажетъ васъ о всѣмъ словомъ и дѣломъ... преосвященный митрополитъ киевскій и всеа русіи і всечестный кардиналъ киръ исидоръ, о святѣмъ духѣ возлюбленный братъ и сослужебникъ нашего смиренія“. [4]). Но къ этому патріархъ добавляетъ: „А *иніи* же глаголаху вамъ лживо и неподобно, иже суть разорители церкви божіи, *тіи суть отлучены отъ насъ*, а вы ихъ не пріймайте... аще бы которіи *митрополити* и владыки, или которіи

---

[1]) Р. И. Б. Т. VI. № 66. Прежде 31 генваря 1451 г., столб. 555—564. Объ этомъ посланіи см. наше изслѣдованіе, стр. 113, прим. 1-ое.

[2]) Тамъ же, столб. 557—559.

[3]) „Посланіе Григорія патріарха Константинопольскаго къ князю Кіевскому Александру Владиміровичу о соединеніи церквей на соборѣ Флорентійскомъ“. Означенное посланіе напечатано по списку Синод. библіотеки XVII в., № 46. А. Поповъ. Историко—литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. (XI—XV в.), стр. 332—334. „...Вѣрныи слуга стецко князя александра владимировича пріѣздилъ к намъ. і усты своими говорилъ намъ и листъ принесл до насъ, і спрашивалъ насъ о единочествѣ нашемъ с латыною на которомъ дѣле состалось, глаголемая во всеи русіи многая раздѣленія и несоглашенія...“ Тамъ же, стр. 332.

[4]) Тамъ же, стр. 333.

иноцы, не принимате ихъ въ ваше православие". [1]). Профессоръ Е. Е. Голубинскій думаетъ, что въ приведенныхъ выше мѣстѣ этого посланія говорится „о митрополитахъ и епископахъ греческихъ, враждебныхъ уніи, которые приходили въ Литву, чтобы смущать тамошнихъ русскихъ, но не говорится чтобы во главѣ смущающихъ былъ митрополитъ поставленный въ Москвѣ" [2]). Едва ли можно согласиться съ такимъ взглядомъ почтеннаго ученаго. „Совершенно естественной является догадка, справедливо замѣчаетъ проф. М. А. Дьяконовъ, что въ числѣ иныхъ ложно глаголющихъ, которые отлучены, и митрополитовъ, уклонившихся отъ православія, *на первомъ мѣстѣ подразумѣвается митр. Іона и московское правительство*". [3]). Итакъ, мы съ полною вѣроятностью можемъ предполагать, что самочинное поставленіе м. Іоны безъ сношенія съ патріархомъ и императоромъ вызвало строгое осужденіе со стороны Константинополя.

Другія косвенныя доказательства подтверждаютъ это предположеніе. Русская церковь, достигнувши фактической самостоятельности, на первое время, вслѣдствіе многовѣковой привычки имѣть высшее духовное начальство въ лицѣ константинопольскаго патріарха, а можетъ быть и испуганная отлученіемъ, разрывомъ съ Константинополемъ, чувствовала себя не вполнѣ хорошо; надо думать, что московское правительство тщательно старалось отыскать эту точку духовной опоры внѣ стѣнъ Константинополя. Уже при митрополитѣ Ѳеодосіи начались довольно дѣятельныя сношенія русской церкви съ православнымъ востокомъ, именно—съ іерусалимскимъ патріархомъ; эти сношенія съ Іерусалимомъ носятъ дружественный характеръ. Факты, относящіеся къ исторіи этихъ сношеній съ іерусалимскимъ патріархатомъ, чрезвычайно знаменательны [4]). Въ 1462 или 1463 году престарѣлый іерусалимскій патріархъ Іоакимъ предпринялъ путешествіе на Русь, за сборомъ милостыни, но на дорогѣ заболѣлъ и отправилъ вмѣсто себя своего протосингелла Іосифа съ грамотами къ великому князю, московскому митрополиту и всему православному русскому народу. Митрополиту патріархъ поручалъ, между прочимъ, рукоположить упомянутаго *протосингелла Іосифа въ митрополиты Кесаріи Фи-*

---

[1]) Тамъ же, стр. 333.

[2]) Н. Р. Ц. Т. II, II. I, стр. 480.

[3]) Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе. (1891 г.) Т. III, стр. 86. Курсивъ нашъ.

[4]) Проф. А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 763.

липповой · „примѣръ, по словамъ профессора А. С. Павлова, въ исторіи нашей церкви небывалый и, конечно, допущенный не для того только, чтобы расположить русскихъ къ большей щедрости, но и для того, чтобы въ немъ самымъ торжественнымъ образомъ выразились признаніе, со стороны одного изъ высшихъ іерарховъ востока, канонической законности новыхъ церковныхъ дѣлъ на Руси“ [1]). Какъ мы знаемъ, преемникъ митрополита Іоны, архіепископъ ростовскій Ѳеодосій, былъ поставленъ въ митрополиты необычнымъ и даже неканоническимъ способомъ: по желанію великаго князя Василія Васильевича и по соглашенію съ нимъ м. Іона избралъ и благословилъ на митрополію Ѳеодосія и благословенную грамоту положилъ на престолъ успенскаго собора, [2]). и уже согласно этому соборъ епископовъ поставилъ Ѳеодосія въ митрополиты.

„А о патріархѣ цареградскомъ, объ его согласіи и утвержденіи, благословеніи—не было и рѣчи“, говоритъ митрополитъ Макарій, заканчивая описаніе поставленія Ѳеодосія. „Что бы это значило“? „Безъ сомнѣнія, то что въ Россіи дѣйствительно существовала тогда патріаршая грамота, о которой мы уже упоминали [3]),— грамота которою патріархи разъ навсегда предоставили русскимъ митрополи-

---

[1]) Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ канонической права. Православное Обозрѣніе. 1879. декабрь, стр. 763. А. И. Т. I. № 78. стр. 127—129. Ср. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. 1, стр. 519—520.

[2]) Р. И. П. Т. VI, № 93. 1461 г. послѣ 30 марта. Соборная грамота тверскому епископу Геннадію, съ извѣстіемъ о кончинѣ митрополита Іоны и съ призывомъ въ Москву на поставленіе въ митрополиты Ѳеодосія, архіепископа ростовскаго. Столб. 685—688. (Изъ сборника синодальной библіотеки № 562. л. 39—40; издана была по тому же списку въ А. И. Т. I, № 69. стр, 121). „О семъ тобѣ, своему брату, пишемъ, извѣщеніе дая, чтожь господина и отца нашего Іону, митрополита кіевскаго и всея Руси, Богъ къ собѣ позвалъ; и господинъ нашъ князь великій Василій Васильевичь позналъ отца своего митрополита немощь, да насъ своихъ богомольцевъ къ собѣ созвалъ, да и съ своимъ отцомъ съ митрополитомъ о томъ поговорили, что Господъ Богъ позоветъ его къ собѣ, и онъ бы на свое мѣсто кого благословилъ, на ту святую—русскую—митрополью быти митрополитомъ. И господинъ нашъ и отецъ Іона, митрополитъ кіевскій и всея Руси, разсудивъ по божественнымъ и священнымъ правиломъ и обговоривъ съ своимъ сыномъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ, да и съ нами съ своими богомолци, избралъ и благословилъ на тотъ превеликій степень святительства въ домъ пречистые Богоматери... господина и брата нашего старѣйшаго Ѳеодосія, архіепископа ростовскаго, на свое мѣсто, да и грамоту свою благословеную, на его имя, въ святѣй велицѣй зборной церкви пречистые Богоматери, на престолѣ положилъ“. Тамъ же, столб. 685—686.

[3]) М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 21—23.

тамъ ставиться у себя дома, безъ всякихъ сношеній съ Царьградомъ“ [1]). Дѣйствительно, о подобной грамотѣ, упоминается въ официально составленномъ при патріархѣ Филаретѣ сказаніи о началѣ патріаршества въ Россіи, перешедшемъ и въ никоновскую кормчую [2]). Но выше мы могли убѣдиться въ тенденціозности этихъ извѣстій. Поэтому слѣдуетъ иначе объяснить умолчаніе о патріаршей санкціи при поставленіи Ѳеодосія: въ Константинополь не хотѣли, да и не могли обращаться, разъ существовалъ формальный разрывъ съ константинопольскимъ патріархатомъ. Но митрополитъ Ѳеодосій готовъ былъ принять благословеніе отъ другаго, православнаго патріарха: въ 1464 году онъ съ радостью сообщилъ паствѣ, что „патріархъ Іерусалимьскій, слышавъ истинную нашю святую вѣру непорушную, яже отъ богопросвѣщеннаго Владимера, въ Русскихъ земляхъ отъ многихъ лѣтъ провозсіявшю, и въ Божіей воли исполнену, и благочестіемъ цвѣтущю, якоже и свѣтъ солнечный, и тако уповая отъ сихъ на благое, и потщався, Господа ради, самъ поѣде въ землю нашю, хотя намъ, по свышней ему силѣ благодати Святаго Духа, дати свое благословеніе отъ рукы своея и прощеніе грѣхомъ даровати, яже вѣрою къ нему исповѣдавшимся“ [3]). Въ этомъ же посланіи митрополита Ѳеодосія мы находимъ весьма важное указаніе на значеніе Сіонскаго храма: о немъ митрополитъ дважды замѣтилъ, что

---

[1]) Тамъ же, стр. 50.

[2]) Доп. къ А. И. Т. II. № 76, стр. 189: „Надлежащія ради нужи греческимъ властемъ отъ нечестивыхъ варваръ не возмогоша русіи митрополиты въ Константинъ градъ поставленія ради святительскаго шествія творити, ниже посланія свободна имѣти: и тако единою *посланіемъ* съ четырми патріархи согласившися, и по согласію пріяша и сіи русіи митрополиты власть *отъ греческихъ патріарсъ, паче же отъ константинопольскаго* еже... своими епископи избранія митрополія творити и поставлятися“. Въ никоновской же редакціи сказанія встрѣчаемъ *очень важный и знаменательный варіянтъ*: „того ради единою посланіемъ съ четырьми патріархи согласившеся и по согласію пріяша и русіи митрополити отъ *палестинскихъ патріарсъ*, еже и проч. Печати. Кормчая. 1804 г., л 7. Проф. А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе. 1879. декабрь, стр. 763, 764—765; проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе. Т. III, стр. 87. „Нужно было бы отыскать *общій* источникъ обѣихъ редакцій, чтобы правильно судить объ ихъ взаимномъ отношеніи и сравнительной достовѣрности содержащихся въ той и другой разнорѣчивыхъ извѣстій“, замѣчаетъ проф. А. С. Павловъ. Тамъ же, стр. 765, примѣч. 55. См. у насъ ниже.

[3]) А. И. Т. I, № 78. 1464. Посланіе митрополита Ѳеодосія Новгородцамъ и Псковичамъ, о милостынѣ на искупленіе святаго Гроба Господня отъ невѣрныхъ, стр. 128.

„Сіонъ, всѣмъ церквамъ глава и мати суща всему православію“ [1]). Нельзя не согласиться съ вполнѣ вѣрнымъ мнѣніемъ профес. М. А. Дьякопова, что приведенное мѣсто даетъ основаніе думать, что главенство константинопольской соборной церкви въ то время не признавалось [2]).

Что, повидимому, между Москвою и Константинополемъ дѣло дошло до „формальнаго разрыва“—это съ особою выпуклостью доказываетъ необычное содержаніе грамотъ іерусалимскаго патріарха Іосифа къ великому князю Василію Васильевичу [3]). Эти грамоты, по мнѣнію проф. А. С. Павлова, напоминаютъ папскія индульгенціи [4]). „Прощенная грамота“ этого патріарха, обращенная къ „славнѣйшему и благородному Великому Князю Московскому, и всея Руси, Господину (нашему) Василью, о Святомъ Дусѣ возлюбленному сыну нашего смиренія“ гласитъ, между прочимъ: „Мы еже разумѣваемъ о господарствѣ ти, *еже еси человѣкъ благочестивый и православенъ* и православнымъ и христолюбивымъ родителемъ паслѣдникъ, и въспріятель, и *ближній сынъ и другъ святыя Христовы церкви*. И сего ради, еже еси явился всегда послушающимъ къ ней вѣрою и покореніемъ и честью, и того ради и мы *имѣемъ тя благословена отъ Бога и прощена*, и еже по достоинству твоему, еще имѣетъ тя, опрочѣ инихъ, смиреніе наше благородіе твое *прощено* отъ предающаго тое власти и благодати отъ Пресвятаго и Живоначалнаго Духа...' связанію разрѣшеніе; и елико еже ты яко человѣкъ съгрѣшилъ, словомъ и дѣломъ и помышленіемъ, волею и неволею, и сія и духовнымъ изрече отцемъ, еже имѣетъ наше смиреніе *господарство твое прощено въ всемъ церковномъ запрещеніи*, волное и невол-

---

[1]) Тамъ же стр. 128. Въ другомъ мѣстѣ о значеніи Сіонскаго храма сказано такъ: „Съ благоболязньствомъ и великою вѣрою и любовью, подайте, безъ сумнѣнія, милостыню Іосифу свершеному Митрополиту Кесаріи Филиповы, кажды васъ, якоже волитъ, противу силѣ, на искупленіе Христова Гроба и на съзиданіе *святые матере церквамъ, еже есть Сіонъ*, отъ него же изыде радость и свѣтъ Христосъ“. Тамъ же, стр. 128.

[2]) Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе. Т. III, стр. 88.

[3]) О грамотахъ патр. Іоакима къ великому князю и м. Ѳеодосію упоминаетъ самъ Ѳеодосій въ своемъ посланіи (А. И. Т. I, № 78, стр. 128): „Къ господину же и сыну моему, къ благородному и благовѣрному Великому Князю... и къ нашему смѣренію той блаженнѣйшій и присноиамятный Іоакимъ... прислалъ къ намъ свои грамоты...“

[4]) Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 763.

ное“ [1]). Въ грамотѣ же патріарха Іоакима ко всѣмъ русскимъ, относительно своего протосингелла Іосифа выражался такъ: „имѣйте его, какъ самого мене; азъ бо подадохъ ему власть имѣти, юже самъ имѣхъ отъ Духа Святого, *рѣшати и вязати*....., и повелѣніемъ нашимъ Іосифъ, нареченный на митрополію Кесарія Филипповы, *да дастъ прощеніе грѣховъ* требующимъ отъ него и *грамату отпустную, еже о грѣсѣхъ*, человѣкомъ“ [2]). „Зачѣмъ понадобились такія грамоты? Откуда и кѣмъ наложено было на русскихъ церковное запрещеніе? Не доходило ли дѣло *до формальнаго разрыва* между Москвою и Константинополемъ?“ [3]). Объяснить все это, уяснить причину появленія столь необычныхъ грамотъ, понять ихъ настоящій смыслъ и значеніе, возможно лишь допустивъ мысль о существованіи „формальнаго разрыва“ между Москвой и Константинополемъ. Да и знаменательное поставленіе русскимъ митрополитомъ протосингелла Іосифа въ митрополиты Кесаріи Филипповой, совершенное Ѳеодосіемъ по приказанію іерусалимскаго патріарха [4]), благорасположеннаго къ московскому правительству, имѣло свой истинный смыслъ и значеніе только при существованіи этого разрыва, такъ какъ предоставленіе правъ русскому митрополиту, еще недавно получавшему наставленіе въ Константинополѣ, самому поставлять

---

[1]) А. И. Т. I, № 72. Прежде 1462. Прощенная грамота Іерусалимскаго Патріарха Іоакима Великому Князю Василію Васильевичу, стр. 123. „*Дерзостію пался еси и заповѣди отеческыя преступилъ еси*, вѣдая и невѣдая, или отъ клятвы святительскіа или отъ священника будетъ, или отца и матери заповѣди преступилъ будешь, или инымъ проклятьемъ пался будешь, и елико неразрѣшимыхъ множьство, исповѣдаемыхъ и неисповѣдаемыхъ, исцѣлился еси. И молится о семъ смѣреніе наше, и *получиши прощенье* благородіе отъ всеблагаго человѣколюбца Бога...“ Тамъ же, стр. 123. Курсивъ нашъ.

[2]) Курсивъ нашъ. Грамота п. Іоакима ко всѣмъ русскимъ еще не напечатана и находится въ Сбор. Новг. Соф. библіот. (нынѣ Спб. дух. Акад.), первой полов. XVI в., № 1454, л. 445 об.—449. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VIII, стр. 351, примѣч. 443.

[3]) А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 464.

[4]) Р. И. Б. Т. VI, № 135. 1464 г. апрѣля 4. Настольная грамота митрополита Ѳеодосія протосингеллу Іосифу, поставленному, съ согласія и по нареченію іерусалимскаго патріарха Іоакима, въ митрополиты Кесаріи Филиповы, столб. 925—930. „Знаменательный фактъ подавленія русскимъ (теперь автокефальнымъ) митрополитомъ равностепеннаго іерарха для восточной церкви, справедливо замѣчаетъ ученый редакторъ VI Т. Р. И. Б., отмѣченъ и въ современныхъ нашихъ лѣтописяхъ“. Ср. также м. Макарія. И. Р. Ц. Т. VIII, стр. 351 и Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II, П. I, 529—530. Впрочемъ, *для нашей цѣли* скептицизмъ проф. Голубинскаго не имѣетъ значенія

митрополита, было лишь вызвано желаніемъ узаконить и оформить фактическую автокефальность русской церкви. Лучшаго же подтвержденія, болѣе конкретнаго и наглядпаго, нельзя было желать московскому правительству [1]).

Не смотря на столь многочисленныя и, смѣемъ думать, довольно вѣскія свидѣтельства въ пользу мнѣнія о существованіи формальнаго разрыва между Москвой и Константинополемъ, мнѣнія и до настоящаго времени не получившаго признанія въ наукѣ, продолжаютъ толковать о добрыхъ отношеніяхъ между русской митрополіей и константинопольскимъ патріархатомъ; думается намъ, что такое сужденіе основано на слишкомъ шаткихъ и сомнительныхъ основаніяхъ. Въ 1454 году мы, дѣйствительно, видимъ на Руси какого-то „цареградскаго митрополита" Игнатія, но онъ, какъ видно изъ лѣтописнаго извѣстія, держится въ сторонѣ отъ Москвы и собираетъ милостыню только въ Псковѣ и Новгородѣ, отношенія которыхъ къ Москвѣ въ то время далеко не отличались дружественнымъ характеромъ [2]). Какъ мы видѣли выше, что около того же времени великій князь и митрополитъ не одинъ разъ посылали пословъ въ Царьградъ „за нѣкую потребу, о церковномъ исправленіи", но о результатѣ и болѣе подробныхъ цѣляхъ этихъ посольствъ ничего неизвѣстно [3]). Въ

---

[1]) М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе. Т. III, стр. 88. См. также Никоновскую лѣтопись. Ч. VI. „О поставленіи Іосифъ Митрополитъ в Кесарю Филипповы", стр. 2; П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 151: „О поставленіи Іосифа Іерусалимлянина" и др.

[2]) Того жъ лѣта пріѣха во Псковъ Митрополитъ Цареградскій Игнатій на 6 недѣли въ суботу по Велицѣ дни, мѣсяца Іюня въ 1 день, на память святаго мученика Іуситина, и бысть во Псковѣ 4 недѣли, и поѣха изо Пскова одаренъ въ Великій Новгородъ". Псковская лѣтопись, изданная М. Погодинымъ (М. 1837), стр. 80. Очень характерно, что подъ тѣмъ же 1454 годомъ мы встрѣчаемъ въ той же лѣтописи свидѣтельство о пріѣздѣ во Псковъ „князя Ивана Дмитреевича Шемякина", торжественно и дружески встрѣченнаго и одареннаго псковичами. Тамъ же, стр. 79—80. Объ отношеніи къ Новгороду, охотно принимавшаго у себя врага Москвы Шемяку, см. у Е. Е. Голубинскаго II. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 506, 502 и др.

[3]) М. Макарій. II. Р. Ц. Т. VI. стр. 22. Соображенія м. Макарія о цѣляхъ и результатахъ посольства въ Константинополь игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Кассіана, носятъ слишкомъ гадательный и не вполнѣ обоснованный характеръ. (Правосл. Собес. 1861, I, 210). А. С. Павловъ. Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 764. Профессоръ Е. Е. Голубинскій справедливо относится скептически къ свидѣтельству Паисія Ярославова, такъ какъ ему кажется „нѣсколько подозрительно" въ показаніи Паисія то, что, по его словамъ, приѣхавши во второй разъ изъ Констан-

подтвержденіе противоположной мысли обыкновенно ссылаются на грамоту московскаго митрополита Іоны къ константинопольскому патріарху Геннадію Схоларію [1]), такъ какъ въ этомъ посланіи, будто бы свидѣтельствующемъ о добрыхъ отношеніяхъ между нашей митрополіей и византійскимъ патріархатомъ, сказано: „благословенія отъ твоея великія святыни требовати хощемъ, такоже ото всѣхъ, кто ли ни будетъ патріархъ на патріаршествѣ съблюдая церковь Христову и держа истинное великое православіе“ [2]); но „это посланіе сохранилось безъ начала и безъ означенія, какимъ нашимъ митрополитомъ и кому изъ патріарховъ оно писано“ [3]). Профессоръ А. С.

тинополя, Кассіанъ былъ отпущенъ великимъ княземъ въ свое постриженіе на Каменной, между тѣмъ какъ онъ возвратился въ Каменскій монастырь изъ Кириллова въ 1468—1469 году, что было уже послѣ смерти Василія Васильевича. Кромѣ того, выше почтенный ученый, приведя свидѣтельство Пансія, осторожно замѣчаетъ: „Если Пансій не смѣшиваетъ тутъ и не разумѣетъ посольствъ Кассіана въ Литву, то намъ остается только пожалѣть, что онъ не сообщаетъ ничего опредѣленнаго о цѣли посольствъ и объ ихъ результатѣ“. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 512—513, примѣч. 1.

[1]) О времени и причинахъ ухода съ патріаршей каѳедры Геннадія Схоларія см. въ капитальномъ и блестящемъ трудѣ профессора А. П. Лебедева—„Исторія греко-восточной церкви подъ властью турокъ. Отъ паденія Константинополя (въ 1453 году) до настоящаго времени“. Изд. 2-е. (С.-Петербургъ, 1904), стр. 216—221. По распространенному мнѣнію, котораго придерживался и проф. А. С. Павловъ, Геннадій правилъ Константинопольскою церковью съ 1453 по 1459 годъ. Между тѣмъ проф. А. П. Лебедевъ, проанализировавъ въ совокупности всѣ факты, относящіеся къ кратковременному правленію Геннадія церковью и требующіе строгой критической провѣрки,—приходитъ къ выводу, что Схоларій патріаршествовалъ всего лишь два года „такъ какъ въ маѣ 1456 года онъ отказался отъ патріаршей каѳедры. Почтенный ученый, не соглашаясь съ Сатою, который утверждаетъ, что Геннадій скончался около 1460 г., утверждаетъ, что смерть знаменитаго патріарха, перваго по паденіи византійской имперіи, послѣдовала раньше: Геннадій умеръ около 1457 года. Тамъ же, стр. 216, 221.

[2]) А. И. Т. I. № 263. 1452 или 1453. Посланіе митрополита Іоны Константинопольскому Патріарху Геннадію, съ просьбою принять дары, отправленные къ нему съ великокняжескимъ посломъ. Стр. 495—496. (Изъ сборника митрополи. грам. XVI в., принадлежащаго Царскому. Начальный листъ грамоты въ манускриптѣ вырванъ.

[3]) М. Макарій. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 21, прим. 21: „Но судя по имени великокняжескаго посла—Ивана Владиміровича, который употреблялся въ качествѣ посла вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ (А. Э. I. № 59), а также судя по содержанію посланія и по самымъ выраженіямъ: „благословенія отъ твоея великія святыни требовати хощемъ“ и проч.,—которыя встрѣчаются и въ другихъ, разсмотрѣнныхъ нами, такихъ же посланіяхъ в. кн. Василія Василье-

Павловъ по поводу этого посланія вѣрно замѣчаетъ, что издатели лишь по догадкѣ усвоили его митрополиту Іонѣ и адресовали его константинопольскому патріарху Геннадію, тогда какъ въ силу вышеизложенныхъ фактовъ, оно съ большею вѣроятностью можетъ быть отнесено къ числу документовъ по сношеніямъ митрополита Ѳеодосія съ іерусалимскимъ патріархомъ [1]). Это рѣзко бросающееся въ глаза сопоставленіе съ одной стороны отлученія, наложеннаго константинопольскимъ патріархомъ на „ипыхъ разорителей церкви Божіей", а съ другой -разрѣшеніе отъ церковнаго запрещенія, даннаго дѣйствующимъ всецѣло въ интересахъ Москвы іерусалимскимъ патріархомъ московскому великому князю и народу, заставляетъ насъ, въ силу логической необходимости, принять, высказанное глубокимъ ученымъ А. С. Павловымъ, предположеніе, что „сближеніе съ отдаленнымъ Іерусалимомъ вызвано было разрывомъ съ Константинополемъ и что вышеуказанныя грамоты патріарха Іоакима и подали поводъ къ позднѣйшему сказанію о присылкѣ восточными патріархами особой грамоты, съ признаніемъ автокефальности русской митрополіи" [2]). Почтенный канонистъ справедливо придаетъ большое значеніе никоновской редакціи объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, гдѣ извѣстіе о присылкѣ упомянутой грамоты изложено слѣдующимъ образомъ: „того ради (т. е. вслѣдствіе завоеванія Константинополя турками) единою посланіемъ съ четырми патріархи согласившеся, и по согласію пріяша и русіи митрополити отъ *палестинскихъ патріархъ* власть, еже не кгому поставленія ради приходити русскимъ митрополитомъ въ Константиньградъ, но сво-

вича и митрополита Іоны, можно съ увѣренностью (?) полагать, что посланіе это написано митрополитомъ Іоною къ православному цареградскому патріарху Геннадію". „Да пожалуй, господине, гласитъ это посланіе, еще покажи намъ совершенную свою духовную любовь: обошли сына моего Великаго Князя посломъ, честнымъ твоимъ писаніемъ о всемъ, и укрѣпленіи, и въ душевную пользу великому нашему православію, и за Божью церковь, и за святительскую намъ честь; занеже, господине, колькое у насъ было прежнихъ святыхъ Патріархъ честныхъ грамотъ, держали есмы за земьскую честь, къ своей душевной пользѣ... да тыи всѣ грамоты, по грѣхомъ, за наша земьская неустроенія, въ пожары истерялися". А. И. Т. I, № 262, стр. 495—496.

[1]) Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 764. Этотъ же взглядъ раздѣляетъ и проф. М. А. Дьяконовъ въ своей статьѣ „Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе. Т. III, стр. 88, примѣч. 3.

[2]) Теорія восточнаго папизма. Православное Обозрѣніе. 1879, декабрь, стр. 764. Проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе. Т. III, стр. 87.

ими епископы избраніе митрополіе творити". „Такъ точно и въ наши дни *іерусалимскій* же патріархъ призналъ автокефальность болгарской церкви, вопреки опредѣленію *константинопольскаго собора*"[1]).

Но кромѣ вышеприведенныхъ, если такъ возможно выразиться, косвенныхъ доказательствъ существованія разрыва между Москвой и Константинополемъ, существуетъ цѣлый рядъ прямыхъ указаній того, что отношенія между митрополіей и патріархатомъ далеко не были дружественнаго или, даже мирнаго, характера. Мы уже видѣли, что московское правительство всѣми мѣрами старается оградиться отъ притязаній константинопольскаго патріархата: оно при митрополитѣ Ѳеодосіи, еще при жизни великаго князя Василія Васильевича, составляетъ особый трактатъ для оправданія автокефальности русской церкви—„Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню..."[2]). Поставленіе перваго, послѣ паденія Константинополя, подпавшаго теперь подъ власть турокъ и послѣ *фактическаго* прекращенія власти Царьграда надъ Москвой, митрополита въ стольномъ городѣ Руси—Ѳеодосія (въ 1461 г.) было моментомъ торжества давно желанной автокефальности русской церкви[3]). Этотъ знаменательный моментъ государственной жизни московской Руси нашелъ себѣ удачно осмысленное литературное выраженіе въ „Словѣ избранномъ" которое является памятникомъ величайшей важности въ исторіи нашей древней церковно-политической литературы[4]). Какъ видно изъ самаго оглавленія „Слово" состоитъ изъ двухъ частей: первая—сказаніе объ осьмомъ соборѣ и низложеніи Нендора[5]) есть извѣстная „Повѣсть" Симеона Суздальскаго въ лѣтописной редакціи. Вторая же часть—о поставленіи русскихъ митрополитовъ Іоны и Ѳеодосія своими русскими епископами, при господствующимъ участіи великаго князя Василія Васильевича,[6]) составляетъ, по выраженію проф. А. С. Павлова,[7]) „главное ядро со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 764—765. Курсивъ подлинника.

[2]) А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. (XI—XV в.), стр. 360—395.

[3]) А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 106. О значеніи поставленія митрополита Ѳеодосія см. у Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II, II. I, стр. 518—520.

[4]) Тамъ же, стр. 106.

[5]) А. Поповъ. Историко—литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр, 360—379.

[6]) Тамъ же, стр. 380—395.

[7]) Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко—русской полемики противъ латинянъ, стр. 107.

чинепія". Установленіе автокефальности русской церкви, право самостоятельнаго поставленія митрополитовъ на Москвѣ, у гроба св. Петра, представлено здѣсь какъ необходимый результатъ измѣны грековъ древнему православію вслѣдствіе союза съ латинами на осьмомъ феррара-флорентійскомъ соборѣ; въ доказательство же невозможности этого союза, какъ богопротивнаго, приводится старинная повѣсть объ отпаденіи латинянъ отъ православной церкви, съ подробнымъ перечнемъ ихъ заблужденій.[1]). И въ той и другой части расточаются восторженныя похвалы главному виновнику торжества православія на Руси, главному дѣятелю этой церковной реформы, — *боговѣнчанному царю великому князю Василію Васильевичу.*[2]). „Въ „Словѣ"; по выраженію проф. Е. Е. Голубинскаго, проводятся, хотя далеко и не съ полной ясностью и открытостію, двѣ мысли: во-первыхъ, что великій князь есть преемникъ императоровъ греческихъ; во-вторыхъ, что у насъ въ Россіи благочестіе выше, нежели въ порабощенной турками Греціи"[3]).

Но въ Москвѣ не ограничились только этими мѣрами публицистической защиты и прибѣгли къ болѣе реальнымъ, болѣе дѣйствительнымъ средствамъ для огражденія себя отъ константинопольскихъ притязаній. Послѣ окончательнаго раздѣленія митрополіи (1458 г.)[4]), когда константинопольскій патріархъ Григорій поставилъ Григорія, ученика Исидора, митрополитомъ въ Кіевъ, на московскомъ соборѣ 1459 года русскіе епископы составили соборную грамоту о вѣрности ихъ митрополиту Іонѣ и несообщеніи съ Исидоровымъ ученикомъ Григоріемъ, поставленнымъ въ Римѣ.[5]). „Обѣщаніе же предъ Богомъ дахомъ, гласила эта грамота, предъ святыми ангелы, на своемъ поставленіи, своему господину и отцу Іонѣ, митрополиту всея Руси, что намъ отъ святыа церкви зборныя московскія святыя Богородица быти неотступнымъ, и *отъ нашего господина и отца Іоны, митрополита всея Руси, также быти неотступнымъ и*

---

[1]) Стр. 385—391. М. А. Дьяконовъ. Къ исторію древнерусскихъ церковно государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе. Т. III, стр. 19.

[2]) А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнейшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 107.

[3]) И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 520.

[4]) Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 503, 504—505.

[5]) 1459 г. Соборная грамота русскихъ епископовъ, о вѣрности ихъ митрополиту Іонѣ и несообщеніи съ Исидровомъ ученикомъ Григоріемъ, поставленнымъ въ Римѣ на кіевскую митрополію Р. И. Б. Т. VI, № 83. столб. 627—632; А. И. Т. I, № 61, стр. 108—110. (Изъ синодальнаго сборника № 562, л. 52 об.—54). См. также Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 506—507.

повиноватися ему во всемъ; и кто, по его отшествію къ Богу, *иный митрополитъ поставленъ будетъ, по избранію Святаго Духа и по святымъ правиламъ святыхъ Апостолъ* и святыхъ Отецъ, *и по повелѣнію господина нашего великого князя Василія Васильевича, русскаго самодержца*, въ той зборной церкви святыя Богородицы на Москвѣ, на той великій престолъ, у гроба святаго Петра митрополита, русскаго чюдотворца: и намъ, архіепископомъ и епископомъ русскія митрополіи, также быти отъ святыя зборныя церкви московскія святыя Богородица неотступнымъ, и *отъ того митрополита также неотступнымъ быти*, и послѣдовати и повиноватися ему во всемъ, во всѣхъ духовныхъ дѣлѣхъ въ церковныхъ, и о всякомъ благочестьѣ быти съ нимъ за едино"[1]). Грамота очень рѣшительно высказывается относительно Исидора и его ученика: „А что прежнего онаго отступника отъ благочестья православныя нашея вѣры христіанскія, Исидора преже бывшаго митрополита рускаго, и его ученика и единомысленика, нынѣ же на церковь Божью развратника, пришедшаго отъ Рима Григорія, отлученаго отъ святыя зборныя церкви, иже именуетъ себя митрополитомъ кіевскимъ: и намъ архіепископомъ и епископомъ русскія митрополіи къ тому Григорью не приступати, ни грамотъ намъ отъ него не пріимати никакихъ, ни совѣта съ нимъ не имѣти ни о чемъ же"[2]). Невозможно допустить, чтобы въ этомъ споръ съ м. Григоріемъ московскій соборъ не сослался бы на грамоту четырехъ патріарховъ, узаконившую новый церковный порядокъ, если бы таковая существовала[3]).

Что отношенія Москвы къ Константинополю исключали возможность присылки патріаршей грамоты съ санкціею новаго порядка вещей, и что вообще между русскою митрополіею и константинопольскимъ патріархатомъ не могли существовать тогда добрыя, мирныя сношенія,—лучшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ этого служитъ сохранившееся посланіе великаго князя Ивана Васильевича къ новгородскому архіепископу Іонѣ, о томъ чтобъ онъ

---

[1]) Тамъ же, столб. 629—630; стр. 109. Курсивъ нашъ.

[2]) Тамъ же, столб. 630—631; стр. 109. Ср. также Р. И. Б. Т. VI, № 92. 1461 г. марта 22. Повольная грамота тверскаго епископа Геннадія, на избраніе и поставленіе новаго митрополита, по смерти Іоны, съ изъявленіемъ неизмѣнной вѣрности какъ Іонѣ, такъ и его преемнику, столб. 681—684; А. И. Т. I, № 274, стр. 506.

[3]) Проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно—государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе Т. III, стр. 89.

не имѣлъ общенія съ кіевскимъ лжемитрополитомъ Григоріемъ [1]). Одно изъ мѣстъ этого интереснаго посланія повѣствуетъ о томъ, что московское правительство получило изъ Константинополя отъ Іосифа, митрополита Кесаріи Филипповой, поставленнаго въ Москвѣ, предупрежденіе о попыткахъ Григорія, ученика Исидора, добиться въ Константинополѣ признанія за нимъ правъ на единую русскую митрополію [2]). Этотъ Григорій, повѣствуетъ великій князь „посылалъ до Царягорода своего посла Мануила, ищучи себѣ благословенія и подтвержденія отъ царьградскаго патреярха, а хотячи того, какъ бы ему быти у насъ въ дому пречистыя Богородици у чюдотворца Петра на Москвѣ, да чтобы о немъ патреархъ послалъ до меня, до великаго князя, да отъ того дни много пореклъ злата и портъ патреярху, да подавалъ великіе же поминки“ [3]). Но попытка Григорія потерпѣла неудачу: „И въ то дни время патреярхъ былъ, Симономъ звали, надъ нѣкоторымъ монастыремъ надъ убогимъ, а болшіе церкви Божьи соборные турецкій царь въ мизгити починилъ; а которые церкви оставилъ патреярху, на тѣхъ крестовъ нѣтъ, ни звону у нихъ нѣтъ, поютъ безъ звону. А тотъ дни патріархъ Симонъ, человѣкъ дни разсудителенъ, да у того Мануила, у Григорьева посла, поминковъ и обѣщаного злата, ни портъ не припялъ, а благословенья не далъ, а отрекъ ему дни такъ: „язъ самъ живу въ убожествѣ, въ бесермецкихъ рукахъ, въ чюжей неволѣ, *а наше ся уже православіе изрушило*“ [4]). Повидимому, эти сообщенія произвели сильное впечатлѣніе и побудили московское правительство прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. „И мы, пишетъ великій князь, также нынѣ умыслили собѣ съ своимъ отцемъ съ митрополитомъ, и съ своею матерью великою княгинею, и съ своею братьею, и съ своими богомолци, со архіепископомъ и съ епископы и со владыками, и со архимандриты и съ честными игумены, и со всѣмъ священьствомъ.

---

[1]) Р. И. Б. Т. VI, № 100. 1465—1470, столб. 707—712; А. А. Э. Т. I, № 80. Въ виду важности правильнаго разрѣшенія затронутаго вопроса, мы позволимъ себѣ коснуться и этого посланія, хотя и выходящаго за хронологическіе предѣлы нашего изслѣдованія.

[2]) „Князь великій повѣстуетъ: нынѣча паки являемъ тобѣ, своему богомолцу: прислалъ ко мнѣ изо Царягорода Іосифъ митрополитъ Кесарѣя Филиповы грамоту свою... а являетъ намъ о томъ Григорьѣ, о Сидоровѣ ученикѣ, какъ ся домышляетъ, какъ бы ему мочи (вар. „мошно“) внити въ наше православное хрестьяньство“. Тамъ же, столб. 710.

[3]) Тамъ же, столб. 710.

[4]) Тамъ же, столб. 710—711. Курсивъ нашъ. См. у Е. Е. Голубинскаго. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 510—511.

да того ми *посла патреарша, ни Григорьева, и въ землю свою внущать не вельть: не требую его, ни его благословенья, ни его неблагословенья, имѣемъ же его отъ себя самого того патреярха, чюжа и отречена,* и его посла и того окаяннаго Григорья: тобѣ бы, нашему богомолцу, вѣдомо было" [1]). Московское правительство этимъ торжественнымъ отреченіемъ не только констатировало и подчеркивало полное отсутствіе какой-либо зависимости и подчиненія Константинополю, но рѣшительно и формально *заявляло о полномъ прекращеніи сношеній съ бывшимъ представителемъ вселенской церкви.* Объявивъ, что оно считаетъ даже *самого патріарха „чюжа и отречена"*—московское правительство сдѣлало въ этомъ отношеніи самые рѣшительные шаги: идти дальше на пути „формальнаго разрыва", столь очевидно, выпукло констатированнаго, было совершенно некуда. [2]).

Для огражденія себя отъ дальнѣйшихъ посягательствъ константинопольскаго патріархата, московское правительство придумало и ввело въ епископскій обѣтъ существенныя и весьма характерныя прибавки. Намъ извѣстно, что въ повольной грамотѣ на поставленіе митрополита, переписанной [на имя тверского епископа Васеіана (князя Оболенскаго) поставленнаго въ 1478 г., сказано: „А къ митрополиту къ Спиридопу, нарицаемому Сатанѣ, *взыскавшаго* (читай-*взыскавшему*) *въ Царіградѣ поставленіа, во области безбожныхъ Турковъ,* отъ погапаго царя, *или кто будетъ иный митрополитъ* поставленъ отъ Латыни, *или отъ Турскаго области,* не приступати мнѣ къ нему, ни пріобщенія, ни соединенія ми съ нимъ не имѣти никакова" [3]). Но этотъ обѣтъ, это отчужденіе отъ Константинополя, уже какъ общее правило, введенъ въ чинъ епископскаго исповѣданія времепъ митрополита Симона [4]), гдѣ читается слѣдующее: „Отрицаюжеся и проклинаю Григорія Цамблакова церковнаго раздранія, якоже и есть проклято; такожде отрицаюся Исидорова къ нему пріобщенія и ученика его Григорія, церковнаго раздирателя, и отъ

---

[1]) Тамъ же, столб. 711. Курсивъ нашъ.

[2]) М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно—государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе. Т. III, стр. 90.

[3]) Р. И. Б. Т. VI. № 92. 1461 г. марта 22. Повольная грамота тверскаго епископа Геннадія, на избраніе новаго митрополита, по смерти Іоны, съ изъявленіемъ неизмѣнной вѣрности какъ Іонѣ, такъ и его преемнику, столб. 683, примѣч. 2. Курсивъ нашъ. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. II. I, стр. 550. См. также текстъ грамоты подъ № 92, столб. 681—684 и № 109. 1478—1488. Повольная грамота тверскаго епископа Васеіана митрополиту Геронтію, на всѣ дѣла церковныя, совершаемыя соборнѣ, столб. 743—744.

[4]) Митрополитъ Симонъ 1495—1511.

похваленія и съединенія къ латинству, съ ними же и Спиридона, парицаемаго Сатану, *взыскавшаго въ Цариградѣ поставленія*, въ области безбожныхъ турокъ погапаго царя. *Такоже и всѣхъ тѣхъ отрицаюся, еже по немъ когда случится кому пріити на Кіевъ* отъ Рима латинскаго, или *отъ Цариграда турецкія державы*“ [1]).

Поэтому является вполнѣ естественной и логичной и замѣна обѣщанія въ чинѣ избранія и поставленія въ епископы. Слова прежняго епископскаго обѣщанія: -„не хотѣти ми пріимати инаго митрополита, развѣе кого поставять изъ Цариграда, какъ есмы то изначала пріяли“ [2]) были замѣнены слѣдующими: „развѣ кого поставять *отъ нашего великаго истиннаго православія*, по божественнымъ и священнымъ правиломъ святыхъ вселенскихъ седми соборовъ *а не отъ Латинъ, ни отъ иныхъ которыхъ раздѣленій церковныхъ нашему великому истинному православію*“ [3]).

Нельзя не согласиться съ вѣрнымъ взглядомъ проф. М. А. Дьяконова, что указанныя прибавки получаютъ серьезное практическое значеніе и легко объясняется только при допущеніи формальнаго разрыва; наоборотъ, онѣ, конечно, не могли бы имѣть мѣста, какъ совершенно излишнія и непужныя, если бы существовала патріаршая грамота, утверждающая автокефальность русской церкви [4]). И не безъ основаній возражалъ противъ этихъ прибавокъ знаменитый Максимъ Грекъ и даже, какъ мы видѣли выше, написалъ на эту тему особое сочиненіе: „Сказаніе къ отрицающимся на поставленіе и клянущимся своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору, еже не принимати поставленія на митрополію и на владычества отъ римскаго папы латинскія вѣры и отъ цареградскаго патріархъ, оны во области безбожныхъ турковъ погапаго царя и поставленнаго отъ нихъ не пріимати“ [5]). И не одинъ Максимъ заявлялъ, что въ Москвѣ поставляется митрополитъ своими

---

[1]) Р. И. Б. Т. VI, столб. 451, примѣч. 3. Курсивъ нашъ. Проф. А. С. Павловъ по поводу этой прибавки замѣчаетъ, что противъ послѣдняго пункта, внесеннаго въ епископское исповѣданіе, вѣроятно, при митрополитѣ Іонѣ (Ср. м. Макарія. И. Р. Ц. Т. VI, стр. 40), впослѣдствіи возставалъ Максимъ Грекъ (Сочин. Ч. III, стр. 154). Р. И. Б. Т. VI, столб. 451, примѣч. 3.

[2]) Р. И. Б. Т. VI, № 52. 1423 г. Чинъ избранія и поставленія въ епископы, столб. 454.

[3]) Тамъ же, столб. 454, примѣч. 10. Курсивъ нашъ.

[4]) Къ исторіи древнерусскихъ церковно—государственныхъ отношеній Историческое Обозрѣніе. Т. III, стр. 90—91.

[5]) Сочиненія. Ч. III, стр. 154.

русскими безъ благословенія цареградскаго патріарха, „ставятся собою самочинно и безчинно“,– седьмой послѣ взятія Константинополя турками патріархъ, Діонисій I, ученикъ знаменитаго поборника православія Марка Ефесскаго, говорилъ въ 1469 году, что цареградская церковь не признавала и не признаетъ московскихъ митрополитовъ, какъ ставимыхъ безъ ея благословенія [1]). Прекраснымъ восполненіемъ характеристики отношеній къ греческой церкви, возникшихъ на Руси послѣ злополучной флорентійской уніи, можетъ также служить знаменитый споръ о сугубой и трегубой аллилуіи, происходившій во Псковѣ между Евфросиномъ псковскимъ и Іовомъ расономъ (растригою). Мы не станемъ останавливаться на подробностяхъ этого спора, который обстоятельно изложенъ въ изслѣдованіи профессора В. Н. Малинина [2]); мы вполнѣ соглашаемся со взглядами почтеннаго изслѣдователя, что споръ этотъ замѣчателенъ, что важна въ немъ не одна формулировка новаго отношенія къ авторитету восточной вселенской церкви Іова и псковскаго духовенства, отъ имени котораго онъ говорилъ, но и самого Евфросина, который усиленно старается отмѣтить, что онъ былъ еще въ Константинополѣ въ добрую пору, задолго до паденія Константинополя, даже до флорентійскаго собора, когда еще былъ живъ патріархъ Іосифъ. Видно, что и самъ Евфросинъ находилъ рискованной ссылку на примѣръ греческой церкви послѣ флорентійской уніи, такъ какъ онъ раздѣлялъ общій взглядъ русскихъ людей на унію и на ея слѣдствія для грековъ [3]).

Мы видимъ, что довѣріе къ греческой церкви и грекамъ было окончательно поколеблено; сношенія съ ней были прерваны; объ этомъ было много разъ и торжественно объявлено московскимъ правительствомъ; и вмѣстѣ съ этимъ растетъ собственное національное

[1]) М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IX, стр. 37—39. Проф. Е. Е. Голубинскій. И. Р. Ц. Т. II. П. I, стр. 511. 533 –534. См. у него же взятое у Райнальда изъ его Annales ecclesiastici (an. 1472, n. 48 sq.) свидѣтельство посланнаго Іоанномъ II въ Римъ смотрѣть невѣсту Софью Фоминишну, а потомъ привезти ее въ Москву –денежнаго мастера Ивана Фрязина (итальянецъ изъ Виченцы Жанъ Баттиста Волпе) объ отношеніяхъ великаго князя къ константинопольскому патріарху, подпавшему подъ власть турокъ. Тамъ же, стр. 862.

[2]) Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 483—485.

[3]) Тамъ же, стр. 485. Когда Іовъ узнаетъ ссылку Евфросина на практику константинопольской вселенской церкви въ оправданіе своего обычая двоить аллилуію, онъ характерно замѣчаетъ, что „уже мерзость и запустѣніе, реченное Даніиломъ пророкомъ, на мѣстѣ святѣмъ стоитъ, сирѣчь на соборѣхъ и апостольствѣ церкви Константина града“ Правосл. Собес. 1866, іюнь, стр. 169.

самосознаніе. Исчезаетъ совершенно уваженіе Руси къ Константинополю, какъ центру истиннаго православія: Русь московская, съ своимъ великимъ княземъ во главѣ, становится единственною вѣрною хранительницею отеческаго православія, которое, по мнѣнію современниковъ этихъ событій, возсіяло въ ней съ большимъ блескомъ и славой. И нельзя не согласиться съ мнѣніемъ проф. В. Н. Малинина, что развитіе религіознаго -и добавимъ мы—и національнаго—самосознанія русскихъ людей совершается въ явный ущербъ стараго религіознаго авторитета грековъ [1]). Признаніе же Руси центромъ православія должно было неизбѣжно повести къ установленію и признанію центральной государственной святыни, которая могла бы служить для православныхъ русскихъ людей видимымъ воплощеніемъ религіознаго единства, какою центральною святынею вселенскаго православія, въ пору существованія Византіи, была св. Софія константинопольская, по выраженію императора Іоанна Кантакузена „святѣйшая великая церковь Божія... источникъ всякаго благочестія и училище законодательства и освященія“ [2]). Этотъ центръ православія на Руси опредѣлился не сразу. Какъ извѣстно, въ домонгольскую эпоху, когда великокняжескій столъ былъ въ Кіевѣ, тамъ же была и „святѣйшая русская митрополія“: здѣсь „изначала была соборная церковь митрополіи“ св. Софія кіевская. Но когда Кіевъ былъ разрушенъ и разоренъ татарами („отъ страшнаго напора сосѣднихъ Аламановъ“—по выраженію патріаршаго собора), и „пришелъ въ крайне бѣдственное состояніе“, такъ что „не доставало необходимыхъ средствъ содержанія“ митрополита, то „постоянное жительство и пребываніе“ митрополита было перенесено во Владиміръ, „получая отсюда все содержаніе и довольство“.

[1]) Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 482.

[2]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 5. 1347 г. въ сентябрѣ. Грамота императора Іоанна Кантакузена къ великому князю Симеону Ивановичу, объ отмѣнѣ состоявшагося при патріархѣ Іоаннѣ постановленія, коимъ часть русскихъ епархій отдѣлялась для галицкой митрополіи, столб. 25—26. Константинопольскій патріархъ не только послѣ паденія Византіи, но послѣ того какъ и св. Софія обращена была въ мечеть все еще продолжалъ говорить о „соборной церкви, сущей матери всѣхъ православныхъ христіанъ“, находящейся въ бѣдствіи. Еще въ 1516 году патріархъ Ѳеолиптъ пишетъ въ Москву: „Твоему святительству подобаетъ поспѣшить на помощь матери своей, Великой Церкви, и возбудить къ тому наивысшаго и кротчайшаго царя и великаго краля всея православныя земли и Великія Руси, и боголюбивыхъ епископовъ твоей области и прочихъ великихъ князей“. Сношенія Россіи съ Востокомъ (Спб. 1858), стр. 25.

но „такъ, чтобы Кіевъ, если онъ останется цѣлъ, былъ собственнымъ престоломъ и первымъ сѣдалищемъ архіерейскимъ“ [1]). Даже послѣ переселенія русскихъ митрополитовъ въ Москву для константинопольскаго патріарха Софійскій храмъ въ Кіевѣ все еще остается общерускою святынею [2]). Это значеніе соборный кіевскій храмъ неизбѣжно и безповоротно долженъ былъ утратить со времени раздѣленія русской митрополіи на московскую и всея Руси и кіевскую [3]), раздѣленіе, до извѣстной степени, вызванное и обусловленное различнымъ отношеніемъ къ принесенной флорентійской уніи въ Москвѣ и юго-западной Руси [4]). „Одновременно съ политическими судьбами Россіи, опредѣлявшими общерусскій религіозный центръ, справедливо замѣчаетъ проф В. И. Малининъ, выступила и опредѣлялась, такъ сказать, народная точка зрѣнія на центральную святыню, какъ на защитницу и покровительницу страны“ [5]). Конечно, въ удѣльный періодъ нужно было ожидать нѣсколькихъ такихъ святынь, какъ покровительницъ тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ политическихъ центровъ: обыкновенно это были помѣстно чтимыя святыни и соборные храмы главныхъ городовъ. Между ними въ сознаніи мѣстныхъ жителей устанавливалась такая тѣсная связь, что понятіе земли и соборной святыни какъ бы слива-

[1]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 12. 1354 г. Опредѣленіе патріаршаго собора о переселеніи каѳедры русской митрополіи изъ Кіева во Владиміръ, столб. 63—70. „А послѣ него (т. е. Кіева), гласило опредѣленіе патріаршаго собора, и вмѣстѣ съ нимъ святѣйшая епископія владимірская была бы вторымъ сѣдалищемъ и мѣстомъ постояннаго пребыванія и упокоенія [митрополитовъ]... Если же, при Божіей помощи Кіевъ опять придетъ въ прежнее благосостояніе, а низложенный Ѳеодоритъ будетъ изгнанъ оттуда, такъ что возможно будетъ архіерею имѣть тамъ нѣкоторое упокоеніе: то и въ такомъ случаѣ Владиміръ не перестанетъ оставаться собственнымъ сѣдалищемъ русскихъ митрополитовъ, но, какъ выше объяснено, Кіевъ будетъ первымъ престоломъ и сѣдалищемъ [митрополита]“... Тамъ же, столб. 67—70. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 70.

[2]) По случаю назначенія Пимена митрополитомъ московскимъ, въ грамотѣ константинопольскаго патріарха сказано: „пусть возглашается онъ (Пименъ) и кіевскимъ. Ибо невозможно ему быть первосвятителемъ великой Россіи, если онъ не будетъ именоваться прежде кіевскимъ: такъ какъ въ Кіевѣ соборная церковь всей Россіи и главная митрополія“. М. Макарій. И. Р. Ц. Т. IV, стр. 70. Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, № 30, столб. 179—180.

[3]) Проф. В. И. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 486.

[4]) См. начало второй главы нашего изслѣдованія.

[5]) Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 486

лось; святыня всегда защищаетъ городъ или землю, а земля защищаетъ свою чтимую соборную святыню до послѣдней капли крови, такъ что защищать мѣстную святыню значило съ тѣмъ вмѣстѣ оборонять свою землю и наоборотъ [1]). Послѣ убійства Игоря Ольговича кіевляне говорили: „не мы его убили; убили его Давидовичи и Всеволодичь, которые замыслили зло на нашего князя, но Богъ за нашего князя и св. Софья". Владимірцы, недовольные Ярополкомъ Ростиславичемъ за разграбленіе соборнаго храма Богородицы, шлютъ къ Михаилу Юрьевичу въ Черниговъ съ такимъ приглашеніемъ на столъ: „Ты старшій между братьями, приходи къ намъ во Владиміръ. Если ростовцы и суздальцы задумаютъ что либо на насъ за тебя, то будемъ управляться съ ними, какъ Богъ дастъ и Святая Богородица" [2]). И дѣйствительно, въ возникшей борьбѣ владимірцамъ удалось отстоять своего избранника, и, по поводу этого событія, лѣтописецъ высказываетъ слѣдующія чрезвычайно характерныя соображенія: „Подивимся чюду новому, великому и преславному Матере Божья, како заступи градъ свои отъ великихъ бѣдъ и гражаны своя укрѣпляетъ: не вложи бо имъ Богъ страха, и не убояшася князя два имуще въ власти сей, и боляръ, ихъ прѣщенія ни во чтоже положиша, за 7 недѣль безо князя будуще в Володимери градѣ, толико возложьше всю свою надежу и упованіе къ св. Богородицѣ и на свою правду... новии же людье мѣзинии володимерстіи уразумѣвше яшася по правъду крѣпко, и рекоша вси собѣ: любо Михалка князя собѣ налѣземъ, а любо головы своѣ положимъ за Святую Богородицю и за (Михаила) князя; и утѣши ихъ Богъ и св. Богородица... володимірци прославлени Богомь по всей земли за ихъ правду" [3]). Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Псковская земля называется землею св. Троицы; псковичи, выступая въ неравный бой съ нѣмцами, говорятъ: „братья мужи псковичи! не посрамимъ отець нашихъ... потягнемъ за Святую Троицу за святыя церкви, за наше отечество" [4]). О святой Софіи новгородской, какъ покровительницѣ родного города и земли, успѣли сложиться цѣлыя легенды. О построеніи св. Софіи разсказывается, что она строилась въ теченіе семи лѣтъ. Когда же

[1]) В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 486.

[2]) П. С. Р. Л. Т. I, (Лаврент. л. изд. 1872 г.), стр. 356.

[3]) Тамъ же, стр. 358—359. См. изслѣдованіе проф. В. Н. Малинина. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. стр. 487.

[4]) П. С. Р. Л. Т. IV, стр. 189. См. тамъ же. стр. 214.

храмъ былъ готовъ, „то приведоша писаревъ и иконныхъ писцевъ изъ Царяграда, и начаша подписати святую Софѣю. во главѣ написали Спаса Господа нашего Іесусъ Христа образъ съ благословеною рукою. Во утри видѣ архіепископъ Лука Спасовъ образъ написанъ не со благословеною рукою, но съ сжатою. Иконописцы писаша по три утра: на четвертое же утро бысть глась отъ образа Господня иконнымъ писцемъ: писари, писарі, о писари! Не пишите Мене благословящею рукою; Азъ бо въ той руцы Великій Новъградъ держу, а коли рука Моя распространітца. тогда будетъ граду скончаніе" [1]). Послѣ этого вполнѣ понятно, что въ тяжелые моменты политическихъ невзгодъ, отъ нѣмцевъ и другихъ враговъ, новгородцы крѣпко бьются за святую Софью и Великій Новгородъ.

Преданія этого рода, конечно, могли развиваться и сохраняться только при наличности политическихъ условій, благопріятныхъ для существованія на Руси отдѣльныхъ политическихъ единицъ —княжествъ, вѣчевыхъ городовъ; но преданія эти неизбѣжно должны были ослабѣть и совершенно исчезнуть, когда началось, продолжалось и завершалось объединеніе Руси [2]). Это мы дѣйствительно и видимъ, потому что невозможно допустить, по выраженію проф. В. И. Малинина, чтобы народная святыня дѣйствовала разрушительно для цѣлаго [3]). Но при всемъ этомъ народная прежняя точка зрѣнія на покровительствующую святыню не могла не оказать своего вліянія на выработку воззрѣнія и на святыню общерусскую. Новое формирующееся политическое цѣлое не могло остаться безъ покровительствующей общей святыни. Этимъ новымъ политическимъ цѣлымъ, одинаково для всѣхъ близкимъ и дорогимъ, является теперь объединяющаяся Русь съ Москвою во главѣ, а общерусскою, національною святынею могла быть только главная святыня Москвы—Успенская соборная церковь [4]). Тѣмъ болѣе это должно было произойти, что Успенскій соборный храмъ сдѣлался теперь и каѳедрой русской митрополіи. Если въ пору тѣсной зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріархата т. е. до флорентійской уніи и въ пору единства русской

[1]) Новгор. Лѣт. Изд. Археограф. Ком. (Спб. 1879). стр. 145—146 (въ примѣч.); см. тамъ же, стр. 181—182.

[2]) Ср. В. Сокольскій Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ московскомъ государствѣ, стр. 24.

[3]) Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. стр. 188

[4]) В. И. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря и его посланія. стр. 488.

митрополіи, „собственнымъ престоломъ и первымъ сѣдалищемъ архіерейскимъ“ признается Кіевъ съ каѳедральнымъ софійскимъ соборомъ; то теперь, послѣ злополучнаго флорентійскаго собора, послѣ разрыва съ константинопольскимъ патріархатомъ и раздѣленія митрополіи, такимъ общерусскимъ религіознымъ центромъ могла быть только Москва съ своимъ Успенскимъ соборомъ. Въ этомъ храмѣ происходила и епископская хиротонія; здѣсь же при гробѣ святителя Петра произносилась епископская присяга, и, такимъ образомъ, все высшее русское духовенство было связано съ этимъ соборомъ въ Москвѣ своими обѣтами [1]). „Уже въ силу этихъ обѣтовъ своихъ и на мѣстѣ своей іерархической дѣятельности, замѣчаетъ проф. В. Н. Малининъ, епископы неизбѣжно должны были воспитывать взглядъ на главную святыню Москвы, какъ на святыню общерусскую“ [2]). И, конечно, въ тяжелыя минуты церковныхъ затрудненій, какія напр. возникли неожиданно въ русской церкви по прибытіи на кіевскую митрополію Григорія, ученика Исидора, русскіе іерархи собрались въ той же „церкви соборной пречистыя Владычица нашея Богородица, еже есть на Москвѣ...“ у Петрова гроба, чюдотворца русскаго“, чтобы выработать общія мѣры „о всякомъ благочестьѣ и на утвержепіе правыхъ велѣній православныя нашея христіанскія вѣры“ [3]). Всѣ прибывшіе епископы оказались рукоположенными митрополитомъ Іоной и всѣ они еще разъ у гроба митрополита Петра повторили свои завѣренія, чтобы имъ „архіепископомъ и епископомъ русскія митропольи также быти отъ святыя зборныя церкви московскія святыя Богородица неотступнымъ, и отъ того митрополита также неотступнымъ быти“ [4])... Митрополитъ Ѳеодосій въ настольной грамотѣ протосингелу Іосифу, поставленному въ митрополиты Кесаріи Филиппиовой, прямо называетъ Успенскую церковь „великою“ русскою церковью: „По благодати, данѣй намъ отъ Господа Бога Вседръжителя... се язъ Ѳеодосій, митрополитъ всея Руси, съ всѣмъ соборомъ великыя россійскыя церкве пречистыя Владычица нашея Богородица, пре-

[1]) Тамъ же, стр. 488—489.

[2]) Тамъ же, стр. 489.

[3]) Р. И. Б. Т. VI. № 83. 1459 г. Соборная грамота русскихъ епископовъ о вѣрности ихъ митрополиту Іонѣ и несообщеніи съ Исидоровымъ ученикомъ Григоріемъ, поставленнымъ въ Римѣ на кіевскую митрополію, столб. 627—629; А. И. Т. I. № 61. стр. 108—109.

[4]) Тамъ же, столб. 629—630; стр. 109. См. тамъ же, № 93, столб. 686—688; № 95, столб. 661; А. И. Т. I, №№ 69, 275, стр. 121, 506—507.

стнаго ея Успенія, въ преименитомъ и богохранимомъ градѣ Москвѣ, великаго россійскаго самодрѣжьства скипетра и мѣста духовнаго нашія митрополія... поставилъ есмь митрополитомъ“ [1]). Московскіе великіе князья, прекрасно сознавая громадное значеніе для объединенія и единства русской земли, проистекавшее отъ поставленія духовнаго начальства только „въ дому Пречистые... на Москвѣ“, энергично настаивали на непремѣнномъ соблюденіи этого важнаго условія. Въ числѣ договорныхъ условій съ Новгородомъ въ 1471 г. мы встрѣчаемъ и слѣдующее: „А на владычьство намъ... избрати собѣ по своей старинѣ, а ставитися нашему владыцѣ въ дому Пречистые у гроба св. Петра чюдотворца на Москвѣ у насъ великихъ князей, и у нашего отца митрополита... а инде намъ владыкы опрочь московскаго митрополита нигдѣ не ставити“ [2]).

При стремленіи русскаго народа сплотиться въ единое прочное и сильное государственное тѣло, при стремленіи самого народа къ политическому единству, эта правительственная пропаганда общенаціональнаго значенія великой московской церкви, должна была, несомнѣнно достигнуть своей желанной цѣли [3]).

Мы видѣли, что русская церковь, получила (фактическую) автокефальность вопреки волѣ константинопольскаго патріархата, открыто и рѣзко протестовавшаго противъ самочинныхъ поступковъ московскаго правительства; мы видѣли, что церковная реформа громадной важности была исключительно проведена политическою инициативою великаго князя, проявившаго дѣятельное, энергическое участіе какъ въ обличеніи и низложеніи митрополита Исидора, принесшаго злополучную флорентійскую унію, такъ и въ избраніи, по повелѣнію Василія Васильевича, митрополитовъ Іоны и Θеодосія. Мы ознакомились съ внѣшними послѣдствіями такого отношенія предоставителя государственной власти къ церкви, отношенія, способствовавшаго быстрому процессу національзаціи русской церкви; мы попытались опредѣлить роль и значеніе великаго князя Василія Васильевича въ этомъ важномъ и сложномъ процессѣ. Мы старались подвести итоги послѣдствій, флорентійской уніи и паденія Константинополя. Намъ предстоитъ теперь выяснить, такъ сказать,

[1]) Р. И. Б. Т. VI, № 135, столб. 925—927.

[2]) А. А. Э. Т. I, № 91, стр. 66.

[3]) См. „Просвѣтитель“ (Іосифа Волоцкаго), Рукоп. Кіево-Соф. собора, № 320, л. 11 об.; печати. изд. Каз. дух. Акад. 57; см. тоже въ посланіи къ Нифонту, еп. суздальскому. В. Н. Малинина. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія, стр. 490.

внутреннія послѣдствія этой крупной церковной реформы, измѣнившія взаимныя отношенія церкви и государства на Руси. Благодаря перемѣнѣ въ характерѣ отношеній Москвы къ Константинополю, отношеній дошедшихъ до формальнаго разрыва, измѣнился и характеръ власти великаго князя московскаго, измѣнились его отношенія къ представителямъ церкви на Руси. Мы должны признать, что эти послѣдствія выразились прежде всего въ преобладаніи, государства надъ церковью, такъ какъ съ этихъ поръ былъ упраздненъ перевѣсъ авторитета государственнаго надъ церковнымъ; съ полнымъ устраненіемъ правъ константинопольскаго патріархата отпало одно изъ важныхъ средствъ огражденія церковной іерархіи отъ посягательствъ и воздѣйствія свѣтской власти[1]). Сама же государственная власть, благодаря занятому ею положенію въ своихъ отношеніяхъ къ церкви, пріобрѣтаютъ теократическій характеръ; происходитъ постепенное сліяніе этихъ организмовъ: государство и церковь вырабатываетъ единую, совмѣстную программу. Процессъ этотъ достигаетъ большей интенсивности въ царствованіе Іоанна Грознаго[2]). Мы знаемъ, что въ настольныхъ грамотахъ и соборныхъ опредѣленіяхъ о поставленныхъ на Русь митрополитахъ преподаются правила о благопокореніи и послушаніи митрополиту. Такъ напримѣръ въ грамотѣ 1354 года о поставленіи митрополита Алексѣя сказано, что благороднѣйшій великій князь и прочіе благородные князья, весь клиръ и весь христіанскій народъ обязаны оказывать ему „всяческое благопокореніе и честь во всемъ, что онъ будетъ говорить и внушать на пользу ихъ душамъ и къ утвержденію благочестивыхъ и православныхъ догматовъ церкви Божіей; ибо оказываемое ему уваженіе, почтеніе и послушаніе относится къ самому Богу“[3]). Эти предписанія о повиновеніи и послушаніи митрополиту примѣнялись на практикѣ въ самомъ широкомъ объемѣ: извѣстно, что митрополитъ Алексѣй требовалъ повиновенія отъ русскихъ князей въ дѣлахъ, имѣющихъ весьма далекое отношеніе къ сферѣ церковнаго управленія, а за ослушаніе предавалъ ихъ отлученію и жаловался на нихъ въ Константинополь. Патріархъ подтвердилъ

---

[1]) Проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе. Т. III, стр. 91.

[2]) См. нашу статью въ Сборникѣ статей по исторіи права, изданнаго подъ редакціею профессора М. Н. Ясинскаго въ честь М. Ф. Владимірскаго-Буданова—„Стоглавъ“, стр. 7—8.

[3]) Р. И. Б. Т. VI, Приложенія, № 9 столб. 48. М. А. Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, стр. 8—9. См. также Р. И. Б. Т. VI. Приложенія № 30, столб. 182 и слѣд. А. И. Т. I, № 254, стр. 482—483 и друг.

князьямъ правила о послушаніи митрополиту, санкціонировалъ наложенное на нихъ наказаніе и обязывалъ ихъ испросить у митрополита прощеніе. Извѣстна также, что патріархъ выразилъ великому князю свое полное одобреніе за его послушаніе и благопокореніе митрополиту [1]). „Съ другой стороны, замѣчаетъ проф. М. А. Дьяконовъ, по канонической догмѣ митрополитъ стоялъ внѣ всякой зависимости отъ великаго князя“ [2]). Митрополитъ Кипріанъ, этотъ типичный выразитель византійскихъ взглядовъ, жалуясь на великаго князя за причиненные ему позоръ и обиды, указываетъ, что все это учинено надъ нимъ безъ всякой съ его стороны вины, но при этомъ очень характерно добавляетъ: „И аще ли бы вина моя дошла которая, *ни годится княземъ казнити святителевъ*: есть у мене патріархъ, большій надъ нами, есть великій соборъ; и онъ бы тамо послалъ вины моя, и они бы съ исправою мене казнили“ [3]). „Итакъ, замѣчаетъ проф. М. А. Дьяконовъ по поводу словъ митрополита Кипріана, съ одной стороны князья обязываются быть послушными митрополитамъ, а съ другой-митрополиты подчиняются только патріарху и собору“ [4]). Такая тенденція придать духовному авторитету преобладающее значеніе имѣла по справедливому мнѣнію того же ученаго, еще другое очень важное практическое значеніе: она служила главнѣйшимъ основаніемъ для проведенія идеи о зависимости русскихъ княженій отъ византійскихъ императоровъ. Конечно, въ сферѣ церковнаго управленія, эта зависимость представлялась совершенно конкретной [5]). Мы говорили выше о томъ высокомъ положеніи, которое занималъ византійскій императоръ въ сферѣ церковнаго управленія въ качествѣ помазанника Божія и верховнаго покровителя вселенской церкви, чему не мало содѣйствовало зависимое положеніе „вселенскаго“ патріарха отъ императора [6]). По праву такого главы императоръ оказывалъ несомнѣнное вліяніе и на дѣла русской церкви, какъ одной изъ митрополій константинопольскаго патріархата; патріархи, какъ же видѣли выше, въ свою очередь, старались всѣми мѣрами поддержать въ глазахъ русскихъ церковный авторитетъ императора [7]),

---

[1]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія, №№ 16, 18, 20.

[2]) Власть московскихъ государей, стр. 9.

[3]) Р. И. Б. Т. VI, стр. 184.

[4]) М. А. Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, стр. 10.

[5]) Тамъ же, стр. 10.

[6]) См. стр. 165 и слѣд. нашего изслѣдованія.

[7]) Тамъ же, стр. 169—170. О дѣятельности византійскихъ императоровъ въ церковныхъ дѣлахъ Руси см. у М. А. Дьяконова. Власть московскихъ государей, стр. 10—13, 3. См. тамъ же, стр. 13—26.

поддержать авторитетъ и міровой вселенской церкви. Для упроченія этой зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріархата вселенскому патріарху было удобнѣе и выгоднѣе имѣть своими представителями на каѳедрѣ митрополіи всея Руси лицъ греческой національности, такъ какъ они, естественно, должны были тяготѣть къ Византіи и сильнѣе ощущать свою исключительную зависимость отъ поставившаго ихъ Константинополя. Мы знаемъ, что здѣсь были болѣе склонны поддерживать интересы константинопольской церкви и византійской имперіи, хотя бы въ ущербъ интересамъ той страны, попеченіе о духовномъ просвѣщеніи которой было имъ ввѣрено [1]); мы знаемъ, съ какой неохотой соглашались въ Константинополѣ на поставленіе русскихъ по происхожденію въ митрополиты всея Руси, какъ неохотно соглашались на нарушеніе твердо установившагося обычая. Настольная грамота митрополита Алексѣя служитъ лучшимъ и краснорѣчивымъ доказательствомъ этихъ взглядовъ [2]). Проведеніе идеи зависимости русской церкви отъ константинопольской чрезъ посредство избранныхъ въ Константинополѣ митрополитовъ—грековъ было удобнѣе при сохраненіи единства русской митрополіи, и потому въ Византіи, вспоминая всѣ выгоды единства, старались отклонять ходатайства объ учрежденіи особыхъ митрополій [3]). Въ соборномъ опредѣленіи 1389 года выражена интересная мысль, что первоначальный порядокъ управленія русской митрополіей возникъ „не просто... и не случайно“, „но такъ какъ великая русская земля раздѣлена на многія и различныя мірскія княжества и на столько гражданскихъ областей, что имѣетъ многихъ князей, еще болѣе (мелкихъ) владѣтелей, которые не менѣе раздѣлены по своимъ стремленіямъ, какъ по дѣламъ и мѣстамъ, такъ что многіе возстаютъ и нападаютъ другъ на друга и поощряются къ раздорамъ, войнамъ и къ избіенію своихъ единоплеменниковъ: то божественные оные отцы, провидя сіе божественнымъ Духомъ... принимая во вниманіе, что не на добро и не на пользу имъ будетъ, если и церковная область распадется на многія части, что, напротивъ, единый для всѣхъ, митрополитъ будетъ какъ бы связью, соединяющею ихъ съ нимъ и между собою, установили тамъ одну

---

[1]) М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей. стр 5.

[2]) О поставленіи митр. Алексѣя см. стр. 139—140 нашего изслѣдованія. См. также проф. М. А. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей, стр. 5—6.

[3]) Поэтому было отклонено ходатайство Андрея Боголюбскаго объ учрежденіи особой митрополіи во Владимірѣ. Чт. въ И. О. И. и Д. 1864. IV. стр. 193—194. См. курсы ист. р. ц. Голубинскаго, м. Макарія, Платона и друг.

власть духовную, *за невозможностію привести къ единству власть мірскую*. Прекрасно разсудили они, что *подчиненные* одному [духовному] предстоятелю и вождю находились бы въ мирѣ между собою: *ибо всѣ почитали бы одну главу*, поставленную по образу истинно и перво-единой главы Христа"... [1]). Мы вполнѣ соглашаемся съ вѣрнымъ взглядомъ профессора М. А. Дьяконова, что болѣе чѣмъ сомнительно, что въ Константинополѣ были заинтересованы приведеніемъ къ единству власти мірской: политическое объединеніе не входило въ планы константинопольскаго правительства, которое, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, было лишь озабочено вопросомъ о зависимости мірскихъ князей отъ представителя духовной власти или, по крайней мѣрѣ, о наибольшемъ вліяніи послѣдняго на первыхъ [2]).

Въ такомъ положеніи дѣло было до половины XV вѣка, до того времени, пока флорентійская унія не поколебала окончательно въ глазахъ московскаго правительства и русскихъ людей религіозный авторитетъ грековъ. Впечатлѣніе, вслѣдствіе измѣны грековъ отеческому православію, было, какъ мы видѣли, огромно: авторитетъ вселенскаго патріарха и византійскаго императора, приславшихъ на Русь измѣнника—митрополита Исидора, принявшихъ унію и подчинившихся римскому папѣ „злата ради", палъ и никогда не былъ возстановленъ. Вслѣдъ за злополучною уніей падаетъ отъ руки невѣрныхъ, какъ бы въ наказаніе грековъ за ихъ религіозное отступничество, Новый Римъ—Константинополь. Мы видѣли, что константинопольскій патріархатъ, хотя и пережилъ имперію, „но, по глубоко вѣрному взгляду профессора А. С. Павлова,—и это весьма знаменательно—*власть его надъ русскою церковію не пережила имперіи*" [3]). При измѣнившихся отношеніяхъ Москвы къ Константинополю, дошедшихъ до формальнаго разрыва, при той выдающейся роли великаго князя Василія Васильевича въ огражденіи и защитѣ отеческаго православія, —состоялось, по приказанію того же великаго князя, избраніе и поставленіе Іоны и Ѳеодосія въ русскіе митро-

---

[1]) Р. И. Б. Т. VI. Приложенія. № 33. 1380 г. въ февралѣ. Соборное опредѣленіе патріарха Антонія о низложеніи митрополита Пимена и о возстановленіи Кипріана въ званіи митрополита кіевскаго и всея Руси, съ тѣмъ, чтобы впредь навсегда соблюдаемо было единство русской митрополіи, столб. 193—196. Курсивъ нашъ. См. тамъ же, № 6, столб. 30.

[2]) Власть московскихъ государей, стр. 8.

[3]) Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права. Православное Обозрѣніе, 1879, декабрь, стр. 759. Курсивъ нашъ.

политы Поддашный великаго князя, лишенный опоры внѣ своей митрополіи, внѣ великаго княжества крѣпнущаго и растущаго, митрополитъ Іона, конечно, не могъ занять того положенія, въ которомъ находились митрополиты-греки, выросшіе и воспитанные въ византійскихъ традиціяхъ и взглядахъ, сильные своею связью съ Константинополемъ, съ духовнымъ главою вселенской церкви—патріархомъ и мірскимъ ея распорядителемъ византійскимъ императоромъ. Великій князь самъ, своею властью, добылъ себѣ митрополита. И митрополитъ, ставленникъ и поддашный этого князя, сознаетъ всю свою зависимость отъ него, и энергично дѣйствуетъ въ пользу этого князя, всегда принимая его сторону, зорко соблюдая его интересы: къ такому образу дѣйствій онъ побуждаетъ и подчиненное ему духовенство. А великій князь, сознавая свою силу, какъ бы считаетъ себя начальникомъ духовенства, приказывая ему сдѣлать ему то или другое, угодное ему. Идетъ, напр., Василій Васильевичъ въ походъ противъ Дмитрія Юрьевича и беретъ съ собою митрополита и владыкъ для устрашенія, должно быть, своего врага, чтобы они, лично присутствуя въ великокняжескомъ станѣ, могли удобнѣе и сильнѣе дѣйствовать на клятвопреступника[1]). Такъ самостоятельно „распоряжается“ теперь великій князь[2]), забывъ о прежнихъ порядкахъ. Теперь на митрополита смотрятъ какъ на одну изъ силъ московскаго великаго княжества, поэтому борются съ главной силой—великимъ княземъ, въ полной увѣренности, что если удастся ее побѣдить, то второстепенная сила подчинится и сама: извѣстно, что дѣятельность митрополита Алексѣя имѣетъ непріятное вліяніе на враговъ московскаго великаго князя; она достигаетъ своей цѣли, вызывая ненависть враговъ Москвы. Между тѣмъ несомнѣнно аналогичная дѣятельность митрополита Іоны совершенно не обращаетъ вниманія тѣхъ, противъ кого она направлена.

Какъ же формулируетъ церковь свои отношенія къ государству? Духовенство во все время борьбы Василія Васильевича съ Шемякой стояло на сторонѣ новаго порядка, представителемъ котораго являлся Василій Васильевичъ, и отъ его содѣйствія, въ зна-

[1]) П. С. Р. Л. Т. VI, стр. 178. Ст. кн. II, стр. 23 и др.

[2]) Говоря объ отношеніяхъ Василія Темнаго къ митрополиту и духовенству, подчинявшимся великому князю, Г. Ѳ. Карповъ замѣчаетъ разницу въ этихъ отношеніяхъ сравнительно съ предыдущимъ временемъ: „можно смѣло сказать, замѣчаетъ почтенный ученый, что напримѣръ митрополита Алексѣя, трудно было бы великому князю заставить сдѣлать то, чего святитель самъ бы не хотѣлъ“. Тамъ же, стр. 171.

чительной мѣрѣ и зависѣлъ благопріятный исходъ этой кровавой смуты [1]). Когда, не смотря на свой договоръ съ великимъ княземъ, договоръ, скрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ, Шемяка началъ снова домогаться престола великаго княженія, соборъ духовенства „по своему долгу, попеченіе творя о ... единородной и безсмертной души" грѣшника, отправляетъ къ вѣроломному Шемякѣ грозное обличительное посланіе, въ начальныхъ словахъ котораго высказывается мысль о царственномъ единодержавіи, установленномъ на Руси Богомъ и „земскою изъ начальства пошлиною". Грѣхъ же отца Шемяки, Юрія, беззаконно помыслившаго о великомъ княженіи, сравнивается съ грѣхомъ человѣческаго прародителя Адама, который, по внушенію сатаны, возъимѣлъ въ сердцѣ своемъ желаніе равнобожества [2]). Грозное проклятіе духовенства угрожаетъ Шемякѣ, если онъ не „смирится сокрушеннымъ сердцемъ" предъ великимъ княземъ. Вслѣдствіе новыхъ козней Шемяки митрополитъ Іона (въ концѣ 1448 г.), готчась же послѣ своего поставленія разсылаетъ окружную грамоту [3]), гдѣ, угрожая непослушнымъ строгимъ церковнымъ отлученіемъ, горячо ратуетъ за интересы великаго князя. „И сего ради пишу вамъ, чтобы есте пощадѣли себе вси православныи христіане, не тожмо тѣлесенъ, но паче душевнъ ... и послали бы есте и били челомъ своему господарю великому князю о

[1]) См. стр. 185—189 нашего изслѣдованія. См. также В. Сокольскій. Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI вв. (Кіевъ, 1902), стр. 58—59.

[2]) А. И. Т. I, № 40. 1447 декабря 29. Посланіе Россійскаго духовенства Угличскому Князю Дмитрію Юрьевичу, стр. 75—83. „Не самъ ли (кн. Юрій) того часа съ великимъ челобитьемъ Великаго Князя Василья *на великое государство* призвалъ... Потомъ и въдругіе пришедъ, сѣлъ на великомъ государствѣ безъ пошлины же, паче рещи, яко разбойническн... И сотворилъ сеи (Дмитрій) надъ нимъ (в. к. Василіемъ Васильевичемъ) не менши прежняго братоубійцы Каина и окаяннаго Святополка...." Тамъ же, стр. 77. Объ этомъ посланіи см. у В. Сокольскаго Участіе русскаго духовенства и монашества", стр. 60—63.

[3]) Р. И. Б. Т. VI, № 64. Грамота митрополита Іоны литовскимъ князьямъ, панамъ, боярамъ, намѣстникамъ и народу, съ извѣщеніемъ о своемъ поставленіи", столб. 539—542. Тамъ же, см. замѣчаніе проф. А. С. Павлова о составныхъ частяхъ этой грамоты, напечатанныхъ для отличія особымъ шрифтомъ. Ср. А. И. Т. I, № 13. „Окружная грамота Митрополита Іоны, о измѣнѣ и навѣтахъ Князя Дмитрія Юрьевича, съ убѣжденіемъ, чтобы сановники и народъ отложились отъ него и покорились Великому Князю, подъ опасеніемъ церковнаго отлученія", стр. 86—87.

жалованьѣ, какъ ему Богъ положитъ на сердце"... [1]) Когда же, разбитый воѣсками великаго князя, преслѣдуемый обличеніями и проклятіями духовенства, Шемяка бѣжалъ въ враждебный Москвѣ Новгородъ, охотно принявшій къ себѣ врага Василія Васильевича, митрополитъ Іона не оставляетъ въ покоѣ виновника государственной смуты, и какъ видно изъ одного его посланія, много пословъ съ рѣчами и грамотами было отправлено митрополитомъ къ архіепископу новгородскому Евѳимію, съ требованіемъ отъ послѣдняго позаботиться о прекращеніи козней Дмитрія и удержать отчину великаго князя отъ измѣны [2]). И послѣ смерти Шемяки митрополитъ, заботясь о благѣ государства, старается обезопасить великаго князя отъ козней сторонниковъ крамольнаго князя. Съ этою цѣлью московскій архипастырь отправляетъ замѣчательное посланіе къ смоленскому епископу Мисаилу [3]), въ которомъ, извѣщая объ измѣнѣ и бѣгствѣ въ Литву можайскаго князя Ивана Андреевича, говоритъ: „И благословляю тобе своего сына, чтобы есь, сыну, христіаньства дѣля, и самъ того поберегъ, какъ ти мощно, чтобы какъ отъ того Князя Ивана и отъ его людей, въ вотчинѣ сына нашего Великого Князя никости какіе не было..." Въ самомъ посланіи, нѣсколько раньше, митрополитъ Іона говоритъ: „Вѣдаете, сыну, и прежнее, что ся стало отъ того Князя Ивана Андреевича надъ нашимъ сыномъ, а надъ его братомъ старѣйшимъ, *а не ркы надъ братомъ, но надъ его Осподаремъ*, надъ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ, какая никога" [4]). Митрополитъ Іона посылаетъ также строгое посланіе, въ которомъ обличаетъ вятскихъ гражданъ, за то, что они „зався своему Господарю великому князю грубите и пристаете къ его недругу..." [5]) убѣждаетъ ихъ, чтобы они „отъ своего

[1]) Тамъ же, столб. 542; стр. 87.

[2]) А. И. Т. I, № 53, стр 101—103. См. также А. А. Э. Т. I, № 372, стр. 464—465. Объ обличеніи Шемяки въ Клопскомъ монастырѣ см. изслѣд. проф. Некрасова. „Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси". Прилож. № 1. В. Сокольскій. Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія, стр. 65—66.

[3]) А. И. Т. I, № 56. 1451. „Посланіе Митрополита Іоны Смоленскому Епископу Мисаилу, о измѣнѣ и бѣгствѣ въ Литву Можайскаго Князя Іоанна Андреевича, и о наблюденіи, чтобъ онъ не сдѣлалъ вреда великокняжескимъ и другихъ Князей отчинамъ и украйнымъ мѣстамъ", стр. 103—105.

[4]) Тамъ же, стр. 103—104. Куренвъ нашъ.

[5]) А. И. Т. I, № 261, стр, 490—492. Р. И. Б. Т. VI, № 73. Около 1452. Посланія митрополита Іоны: I) вятскимъ воеводамъ и всѣмъ Вятчанамъ, съ убѣжденіемъ ихъ покориться великому князю, прекратить грабежи и разбои и возвратить полонъ; II) вятскому духовенству, съ предписаніемъ наставлять мірянъ въ христіанскихъ обязанностяхъ, столб. 591—596.

злаго дѣла престали... а Господарю бы есте своему ... великому князю за свою злую створенную къ нему грубость, челомъ добили"; „а не поступаете вась, говоритъ м. Іона, а своему Господарю великому князю: челомъ не побьете и къ нему не исправитесь въ всемъ безъ хитрости, ино не будетъ на васъ милость Божія и пречистыя его Богоматере и всѣхъ святыхъ молитвы, и нашего благословенія, и нынѣ и въ вся безконечные вѣкы..." [1]) Такъ относилось „духовенство къ великому князю" такъ понимало оно въ лицѣ своего достойнаго архипастыря поддерживая всею силою своей духовной власти объединительныя стремленія Василія Васильевича. И благодаря этому содѣйствію и поддержкѣ, послѣдній бурный взрывъ мятежнаго удѣльнаго духа не достигъ того, къ чему былъ направленъ; такъ какъ ему совершенно не удалось погубить вступившихъ въ лицѣ московскихъ великихъ князей новыхъ началъ политической жизни, не удалось „потушить по образному выраженію историка, свѣчи московскаго единства", а напротивъ, онъ лишь послужилъ еще къ большему распространенію яркаго свѣта этой свѣчи [2]). Нигдѣ духовенство и митрополитъ не напоминаютъ о своихъ правахъ по отношенію къ великому князю, котораго они считаютъ непремѣннымъ ихъ защитникомъ и у котораго всегда ищутъ покровительства и обороны. Читая многочисленныя посланія и грамоты, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Г. Ѳ. Карпова, что въ разсматриваемое нами время митрополитъ Іона самъ себя не отдѣляетъ отъ великаго князя. Митрополитъ Іона пишетъ въ Новгородъ, что если кровь христіанская прольется, то это будетъ *не на насъ* съ великимъ княземъ. Въ другой же разъ, желая заставить Ивана Андреевича (можайскаго) быть въ союзѣ съ великимъ княземъ противъ татаръ, митрополитъ замѣчаетъ, что по этому случаю великій князь и мы посылали къ Ивану Андреевичу владыку коломенскаго; также онъ шлетъ новгородцамъ, отъ себя, вмѣстѣ съ великимъ княземъ опасныя грамоты. О себѣ онъ прямо говоритъ, что готовъ за просящихъ бить челомъ великому князю, и заявляетъ, что то или другое великій князь дѣлаетъ по его челобитью. А мятежнымъ вятчанамъ пишетъ, чтобы они обратились къ своему государю, а онъ, митрополитъ, упросилъ покуда его не наказывать ихъ, и до-

[1]) Тамъ же, столб. 593—594.

[2]) И. Е. Забѣлинъ. Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія. Историческій Вѣстникъ. 1881. № 1, стр. 519. В. Сокольскій. Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ московскомъ государствѣ, стр. 67—68, 18.

бавляетъ, что проситъ великаго князя „со слезами". Мы вообще не видимъ, чтобы митрополитъ въ чемъ нибудь противорѣчилъ великому князю, и даже такой довольно нечистый поступокъ послѣдняго какъ дѣло съ княземъ можайскимъ, находитъ оправданіе со стороны Іоны, заявившаго, что этотъ поступокъ сдѣланъ „по нуждѣ" [1]. Изъ смысла многочисленныхъ посланій Іоны видно, что митрополитъ требуетъ отъ всѣхъ безпрекословнаго повиновенія волѣ великаго князя, даже какъ бы не желаетъ, чтобы другіе, повинуясь Василію Васильевичу, требовали о своихъ отношеніяхъ къ власти великаго князя какихъ-либо опредѣленій, а просто говорилъ, чтобы повиновались да и только, а тамъ что Богъ положитъ на сердцѣ великаго князя по ихъ исправленію [2]. Митрополитъ также заставляетъ все духовенство заботиться о томъ, чтобы всѣ ихъ духовныя дѣти повиновались великому князю. Заставляя же всѣхъ повиноваться великому князю, защищающаго православныхъ отъ татаръ, митрополитъ и не думаетъ говорить о своей самостоятельности, потому что онъ уже заявилъ, что онъ поставленъ въ митрополиты „по мысли" великаго князя. Мы также видимъ, что извѣстныя дѣйствія духовенства и митрополита въ политическихъ дѣлахъ совершаются именно въ то время, когда великій князь не имѣетъ средствъ дѣйствовать другими силами, или же желаетъ, чтобы то или другое было сдѣлано духовенствомъ. Такой же характеръ подчиненности великому князю мы наблюдаемъ и въ имущественныхъ отношеніяхъ церкви въ разсматриваемый періодъ: митрополитъ, а за нимъ и остальное духовенство, опирается на власть великаго князя и отъ него ищетъ себѣ обороны [3].

Характеризуя взаимныя отношенія государства и церкви въ эпоху Василія Темнаго, нельзя не обратить вниманія на прочную связь, тѣсный союзъ церкви и государства съ несомнѣннымъ перевѣсомъ и преобладаніемъ государства надъ церковью, ищущей поддержки и покровительства у своего болѣе сильнаго союзника: церковная же власть, въ настоящее время, можетъ быть разсматриваема, какъ одна изъ подчиненныхъ великому князю государственныхъ силъ, направляемыхъ по его усмотрѣнію къ той или иной политической дѣятельности.

Здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи о нормировкѣ этихъ отношеній путемъ закона, такъ какъ эти отношенія вырабатываются

[1]) Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 172—173.

[2]) Тамъ же, стр. 173.

[3]) А. А. Э. Т. I, №№ 50, 51, 63 и пр. могутъ служить характеристикой этихъ отношеній. Ср. А. И. Т. I, № 50.

и входятъ въ жизнь путемъ практическимъ; въ ту пору и взаимныя отношенія государства и церкви возникали на житейской, практической почвѣ, находясь въ зависимости отъ роста и силы того или другого политическаго тѣла. Стороны, повидимому, пока и не сознаютъ, почему онѣ поступаютъ такъ, а не иначе, но теперь иногда совершенно откровенно, безъ примѣси старыхъ традицій, онѣ называютъ вещи и отношенія ихъ настоящими именами. Въ соборной грамотѣ русскихъ епископовъ о вѣрности ихъ митрополиту Іонѣ прямо говорится: „Обѣщаніе же предъ Богомъ дахомъ, предъ святыми ангелы, на своемъ поставленіи, своему господину и отцу Іонѣ, митрополиту всея Руси, что намъ отъ святыя церкве соборныя московскія святыя Богородица быти неотступнымъ, и отъ нашего господина и отца Іоны, митрополита всея Руси, также быти неотступнымъ и повиноватися во всемъ; и кто по его отшествію къ Богу, иный митрополитъ поставленъ будетъ, по избранію Святаго Духа и по святымъ правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, и *по новельнію господина нашего великого князя Василія Васильевича, русскаго самодръжца...* и намъ, архіепископомъ и епископомъ... отъ того митрополита также неотступнымъ быти“ [1]. Митрополитъ же Ѳеодосій, нѣсколько позднѣе, въ настольной грамотѣ Іосифу также заявляетъ, что онъ поставилъ его въ митрополиты Кесаріи Филипповой „по благодати, данѣй намъ отъ Господа Бога Вседръжителя, и по избранію единороднаго Сына и Слова Божія Христа Іисуса, и дѣйствомъ и силой Святаго и животворящаго Духа, тажъ по сихъ по благословенію и по протроши Іоакима, патріарха іерусалимьскаго, *но воль же и по съвьту самодръжца великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи*“ [2].

Такія отношенія между государствомъ и церковью, ясно обнаруживаемыя въ словахъ и дѣйствіяхъ сторонъ, были, конечно, понятны и въ западной Руси, заинтересованной въ этомъ дѣлѣ. Для крѣпнувшей политически литовской Руси и ея правительства такой митрополитъ, живущій въ Москвѣ и имѣющій власть надъ православными литовскими епархіями, являлся не болѣе какъ вѣрнымъ подданнымъ московскаго князя: но этотъ подданный враждебной Москвы былъ митрополитъ, имѣющій громадную власть надъ подчиненнымъ ему духовенствомъ: конечно, такой архипастырь не могъ быть желателенъ и даже терпимъ въ западной Руси, которая

[1]) Р. И. Б. Т. VI, № 83, столб. 629—630. А. И. Т. I, № 61, стр. 109. Курсивъ нашъ.

[2]) Р. И. Б. Т. VI, № 135, столб. 925—927. Курсивъ нашъ.

нерѣдко становилась во враждебныя отношенія къ Москвѣ и ко всему московскому. Несомнѣнно это обстоятельство было одной изъ важныхъ причинъ раздѣленія митрополіи, такъ какъ литовское государство, заботясь о своемъ благѣ, должно было позаботиться о полученіи себѣ особаго отъ Москвы, собственнаго митрополита [1]).

Таковы были взаимныя отношенія государства и церкви въ московской Руси въ изслѣдуемый нами періодъ; таковы были внѣшнія и внутреннія послѣдствія важной церковной реформы, вызванной флорентійской уніей и проведенной, какъ мы видѣли выше, исключительно политическою иниціативою великаго князя Василія Васильевича. Таковъ былъ теократическій характеръ московскаго государства. Оставалось сдѣлать лишь одинъ шагъ, чтобы Москва, столица крѣпнущаго и растущаго государства, съ своимъ Успенскимъ соборомъ, сдѣлавшимся общерусскою, національною святыней, обратилась „въ богохранимый, преименитый царствующій градъ, третій Римъ, благочестіемъ цвѣтущій" [2]). И этотъ шагъ былъ неизбѣженъ, послѣ того какъ палъ Константинополь, этотъ второй Римъ, и столица славнаго греческаго царства сдѣлалась достояніемъ невѣрныхъ, а „на царскомъ престолѣ благороднѣйша суща всѣхъ иже подъ солнцемъ сѣде беззаконный Махметъ" [3]) и послѣ того какъ оказалось несомнѣннымъ, что на всей землѣ остался лишь одинъ истинно-христіанскій народъ, православная Русь, гдѣ сіяетъ „истинная вѣра благочестія". Въ этомъ отношеніи замѣчательны заключительные выводы „Слова", являющагося краснорѣчивымъ оправданіемъ стремленія русской церкви къ автокефальности. Печально, по словамъ неизвѣстнаго автора, окончилась роль византійскаго императора, этого представителя и защитника православія, въ лицѣ котораго оканчивалась и роль греческаго царства какъ царства православнаго: греческому императору, столь недостойно выполнившему свое высокое назначеніе въ православной церкви, противопоставляется авторомъ „Слова" великій князь московскій „моудры изыскатель святых правилъ... исходатаи, и споспѣшникъ истин-

[1]) Чт. въ И. О. И. и Д. 1864, IV, стр. 175—176. См. проф. М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. Историческое Обозрѣніе. Т. III, стр. 71 и слѣд. В. Сокольскій. Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ московскомъ государствѣ, стр. 48.

[2]) Мысль эта впервые замѣтна въ несовсѣмъ ясной формулировкѣ у московскаго митрополита Зосимы (1490—1491) въ его извѣщеніи о пасхаліи на восьмую тысячу лѣтъ. Р. И. Б. Т. VI, № 118, столб. 798—799.

[3]) П. С. Р. Л. Т. VIII, стр. 43; Степен. кн. II, стр. 69.

нѣ... новыи Владимеръ иже бывъ подражатель святых апостолъ... *великыи дръжавныи боговѣнчанныи роусскыи царь Василеи...*“ [1]) Предъ составителемъ „Слова“, видимо, возникалъ уже вопросъ о неизбѣжности преемства исторической миссіи Византіи [2]). Вотъ его рѣшеніе: „нынѣ оубо въ временах богопросвѣщенная земля руская. святым правленіем Божія церкви. *тобѣ подобает въ вселенныи под солнечьнымъ сіаніемъ. с народом истиннаго в вѣрѣ православья радоватися. одѣявся свѣтом благочестіа. имѣя покровъ божіи на собѣ многосвѣтлоую благость Господню, исполнѣшися цвѣтовъ богозрачнѣ цвѣтоущихъ. божіих храмовъ... и зборъ святого пѣнія величаемы. дръжавою владеющаго на тобе богоизбраннаго и боговъзлюбленнаго богопочтеннаго и богопросвѣщеннаго. и богославимаго богошественника. правомоу пути богоуставнаго закона. и богомудраго изыскателя святых правилъ. благаго ревнителя о Бозѣ. и спосѣшника благочестію истиннаго православіа. высочаишаго исходатая благовѣрію. богоукрашеннаго и великодержавнаго. благовѣрнаго и благочестиваго великого князя Василія Васильевича. боговѣнчаннаго православью царя всея Руси*“ [3]).

---

[1]) А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. „Слово избрано“, стр. 377. Правда, этотъ „дръжавныи царь“ былъ подчиненъ ордынскому царю, верховному повелителю всей Руси; надъ нимъ тяготѣло монгольское иго. Но есть основаніе думать, что времени Василія Темнаго была не чужда и самая мысль о ниспроверженіи ненавистной власти ордынскаго царя. Въ житіи Іоны, архіепископа новгородскаго, ходатайствовавшаго о свободѣ своего вѣчевого города, есть слѣдующее пророческое обѣщаніе его Василію Васильевичу: „о семъ молитвы со всѣми своими ко всесильному Богови возносити потщуся, напачежъ свободу сынови твоему отъ ординьскихъ царей пріати отъ Бога испрошу за свободу града моего еже о тебе“. Житіе прибавляетъ: „О семъ пророчествѣ святителя старца *услади* князь и возвеселися зѣло о обѣщаніи свободы сынови своему отъ ординьскихъ царей“. Памятн. стар. рус. литер., изд. Кушел.—Безбор. IV, стр. 32. Житіе Іоны. Рукоп. Сборн. Кіев. Дух. Акад. Аа 118, л. 53 об. и л. 54. В. Сокольскій. Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ московскомъ государствѣ, стр. 69, 70, прим. 1. В. Н. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. стр. 462—463.

[2]) Тамъ же, стр. 479.

[3]) А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. „Слово избрано...“, стр. 394—395. Курсивъ нашъ.

2007089621